

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 4

Иркутск
Иркутский музей декабристов
2018

УДК 947.073
ББК 63.3(2)521-425
Д 28

Редакционная коллегия:
Н.Ф. Мусабирова (отв. редактор),
Е.А. Добрынина, А.Н. Гарашенко, А.В. Глюк

Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов :
Д 28 Сборник статей. Вып. 4. – Иркутск : Иркутский музей декабристов,
2018. – 228 с. : ил.

ISBN 978-5-901539-18-7

В сборнике публикуются результаты исследований историков из Иркутска, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, а также сотрудников Иркутского музея декабристов. Основу издания составляют публикуемые впервые в той или иной форме архивные материалы из эпистолярного наследия потомков декабристов. В сборник также вошли избранные материалы прошедшей в декабре 2017 года межрегиональной научно-практической конференции «Судьбы декабристов и их потомков».

Сборник предназначен историкам, краеведам, музеоведам, всем интересующимся историей Сибири, а также историей декабристов и их наследия.

ISBN 978-5-901539-18-7

© Иркутский музей декабристов, 2018

К читателю

Выход в свет каждого сборника «Декабристское кольцо» является важным и значимым событием в жизни Иркутского музея декабристов, поскольку статьи, публикуемые в издании, – это результат кропотливых исследований, занимающих у авторов зачастую по несколько лет.

Особое место в четвертом Вестнике Иркутского музея декабристов занимает раздел «Архивное наследие». Сегодня одна из основных задач музея – изучение и публикация эпистолярного наследия участников и очевидцев событий более чем двухсотлетней давности, в особенности семейной переписки Волконских. Эпистолярное наследие членов семьи Волконских, имеющее бесспорную историко-культурную ценность, позволяет раскрыть бытовую и психологическую стороны удивительной эпохи, получившей название декабристской. Из страниц семейного бытописания можно получить информацию из первых рук, что очень важно для исследователя, потому что дает возможность сделать более четкие, обоснованные и исторически выверенные выводы. Житейские подробности, которыми изобилуют страницы семейного архива, рисуют нам живую картину событий. Как писал в предисловии к первому, и единственному тому Архива декабриста С.Г. Волконского его издатель, внук декабриста, С.М. Волконский: «Среди огромного материала немного, может быть, найдется писем таких, которые представили бы интерес в одиночку, но как из листьев составляется дерево, так и из этих отдельных листков слагаются картины минувшей жизни. И редко когда с большей ясностью и более скорбной остротой, чем при чтении этих страниц, пожелтелых и покрытых трудно разбираемыми, иной раз уже блеклыми письменами, вставали перед сознанием ничтожность всего земного и ценность всего, что когда-то было».

В разделе «Архивное наследие» публикуется статья директора Иркутского музея декабристов Е.А. Добрыниной и историка А.Н. Гаращенко, посвященная такой неоднозначной истории, как «занадворовское дело». Эта тема уже освещалась ранее в статье «Письма декабриста С.Г. Волконского» в первом выпуске «Декабристского кольца», однако тогда автор не располагала достаточным материалом для ее раскрытия. В настоящей статье Е.А. Добрынина и А.Н. Гаращенко постарались представить объективную картину дела на основе материалов трех крупнейших архивов страны.

В публикации доктора исторических наук Н.П. Матхановой представлены письма М.С. Волконского к Е.И. Якушкину, ранее использованные фрагментарно в статьях известного историка Е.И. Матхановой.

В статье Н.Ф. Мусабировой публикуются материалы, к которым нечасто обращаются историки, очевидно считая период жизни Волконских в Москве сразу после возвращения из Сибири не самым насыщенным событиями. Множество интересных деталей, в том числе и во взаимоотношениях родственников и друзей семьи Волконских, живших в Москве, отражено в

переписке М.Н. Волконской и А.М. Раевской. 14 писем Марии Николаевны, первоначально опубликованных в Архиве Раевских на французском языке с комментариями составителя архива П.М. Раевского, представлены в Вестнике переведенными на русский язык с примечаниями автора статьи, дополнениями и уточнениями комментария П.М. Раевского.

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) хранятся документы и личная переписка декабристов и членов их семей. Музей декабристов продолжает работу с архивом, очередным результатом которой стала статья научного сотрудника музея А.И. Бондаренко «Летопись семьи Ребиндеров (по материалам ГАИО)».

Завершает раздел работа главного хранителя Иркутского музея декабристов А.А. Шалгуновой. Автор пишет о необходимости дела, начатого внуком декабриста, – публикации архива, который задумывался как четырехтомник, но идея этой так и не суждено было осуществиться из-за революции 1917 г. О возможных результатах работы по публикации эпистолярного наследия декабриста – в статье «Эпистолярное наследие декабриста С.Г. Волконского. Проблемы и перспективы публикации».

В следующем разделе – «Декабристоведение: историко-краеведческие исследования» – читатель познакомится с результатами исследования памятника истории, культуры и архитектуры – дома Волконских в Иркутске, которому в этом году исполнилось 180 лет. В статье «История дома Волконских» авторы Е.А. Добрынина и И.П. Пинайкин представляют обоснованную картину того, как выглядел дом во времена Волконских, какое функциональное назначение имели его помещения, а также какие он претерпел изменения за свою долгую историю.

В раздел «Музейное дело» вошла статья главного специалиста по учету и хранению фондов музея А.В. Саковича, продолжившего изучение книжных собраний декабристов. На этот раз исследователь рассматривает иностранную литературу, которая составляла основу библиотек декабристов. Узнать о том, книги каких иностранных авторов читали сибирские изгнанники, можно будет из статьи А.В. Саковича «Книги зарубежных писателей в книжных собраниях декабристов в Сибири».

Заведующая отделом развития музея И.А. Горбунова на протяжении нескольких лет проводит городские экскурсии и разрабатывает новые маршруты. Каким увидели декабристы наш город в первой половине XIX в.? Чем была наполнена жизнь Иркутска и декабристов в нем? Что знают иркутяне о декабристах? Об этом можно узнать из материалов статьи о пешеходной экскурсии «Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске»: проблемы и перспективы» в разделе «Сохранение историко-культурного наследия».

В раздел «Люди и судьбы» вошли три совершенно разные по своей тематической направленности статьи. Статья «Частные учебные заведения Иркутска (1830–1860-е гг.)» кандидата педагогических наук Л.В. Гаращенко рассказывает о культурно-образовательном пространстве региона; в статье «Сумерки разума. К вопросу о психическом здоровье декабристов после 1825 года» В.Д. Юшковский рассматривает психо-эмоциональное состояние

заговорщиков, затрагивает темы душевных волнений и психических расстройств. Статья «Архив В.П. Павловой в Иркутском музее декабристов» заведующего Домом Трубецких И.В. Пашко освещает основные вехи биографии и научной деятельности видного исследователя, декабристоведа, составителя двухтомника сочинений С.П. Трубецкого в серии «Полярная звезда» В.П. Павловой.

В завершающем разделе сборника «Есть ли жизнь в музее?» читатель познакомится с интересными и важными дополнениями к «Летописи музея декабристов» в статье сотрудника Государственного исторического музея Н.М. Полуниной «Сочувственная поддержка. Заметки к «Летописи Иркутского музея декабристов». Публикация содержит ценный и достоверный исторический материал, поскольку автор была непосредственным участником описываемых событий и рассказывает о них живо и ярко.

Мы надеемся на внимание и интерес читателей к нашей работе и приглашаем к сотрудничеству новых авторов.

Архивное наследие

Н.П. Матханова

Письма Михаила Сергеевича Волконского Евгению Ивановичу Якушкину

Биография и деятельность Михаила Сергеевича Волконского вызывают большой интерес и у исследователей, и у любителей истории*. «Сын государственного преступника», как неизменно указывал князь, камергер императорского двора и важный сановник империи, ученик и воспитанник декабристов, он сделал блестящую служебную карьеру. В советское время достижения М.С. Волконского немало смущали историков, но теперь мы понимаем, что они свидетельствуют о несомненных способностях, высоких деловых качествах этого человека. Не менее высокими были его нравственные качества. Михаил Сергеевич оказывал материальную помощь товарищам своего отца и регулярно вносил свою долю в кассу Малой артели декабристов**. Много труда и времени потратил он на публикацию мемуаров своих родителей.

Письма М.С. Волконского сыну декабриста И.Д. Якушкина Евгению Ивановичу, возглавлявшему после смерти И.И. Пущина Малую артель, использовались и цитировались в статьях Е.И. Матхановой, но полностью еще не печатались. В настоящей публикации их текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, очевидные ошибки и пропуски исправлены без оговорок. Указания на дату и место написания письма размещены в начале текста, независимо от их расположения в источнике.

* Подробнее см.: *Зейфман Н.В.* Источники по истории правительственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма (Архив М.С. Волконского) // *Записки ОР ГБЛ. М., 1972. Т. 33. С. 5–31; Матханова Е.И.* М.С. Волконский – публикатор семейного архива // *Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 73–88; Караш Н.Ф., Тихантовская А.З.* Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // *Волконский С.Г.* Записки / изд. подгот. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991. С. 87–93.

** *Матханова Е.И.* Декабристская Малая артель после амнистии // *Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 170–200.*

1

Павловка, 1869

Многоуважаемый Евгений Иванович!

Как Вам известно, я прежде высылал ежегодно 150 р. в кассу для вспомоществования товарищам по ссылке моего Отца и их семействам. Последние три года я прекратил эту высылку, так как ассигновал гораздо большую сумму на тот же предмет, но которую я высылал по принадлежности помимо общей кассы, из которой получавшие эти деньги лица не пользовались содействием. Ныне ассигнованная мною сумма сократилась на 150 р., которые я желал бы вновь обратить в общую кассу. Потрудитесь меня уведомить, кому именно я должен высылать эти деньги, и я немедленно отправлю их по назначению Вашему.

Давно мы не встречались с Вами. Не знаю, бываете ли Вы в Петербурге, но если будете, то вспомните, что я провожу там каждую зиму и живу на Английской набережной, № 28. По этому же адресу прошу Вас прислать мне Ваш ответ, который я найду там по приезде или получу здесь, в моем имении Борисоглебского уезда, если он получится ранее.

Дружески жму Вашу руку и прошу верить в искреннее уважение душевно Вам преданного кн. М. Волконского.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 1–1 об.

2

17 апреля 1870 г., Санкт-Петербург

На письмо мое от 12 августа прошлого года я не получил от Вас ответа, многоуважаемый Евгений Иванович, но от И.С. Трубецкого я слышал, что Вы писали одному из наших Старцев¹ в Москву – кому именно, Ваня не мог мне сказать, – что Вы ожидаете от меня 150 р., о которых я писал Вам тогда. Вследствие этого указания поспеваю выслать Вам при сем 150 р., покорнейше прося уведомить меня о получении их по адресу: на Английской набережной, № 28. Употребление же их с наибольшею пользою зависит, как и прежде, от Вас, так как Вам лучше известно, кто из близких нам сибиряков наиболее нуждается в содействии.

Пользуюсь этим случаем, чтобы уверить Вас в искреннем уважении душевно Вам преданного М. Волконского.

P.S. Будете если в Питере, то не забудьте меня.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 2–2 об.

Примечание

¹ «Старцы» – декабристы, товарищи отца.

3

1 апреля 1871

Посылаю 150 р. в этом конверте и благодарю за напоминание, без которого я не знал бы, куда отправить деньги, так как слышал, что Вы больны и уехали за границу. Надеюсь, что Ваше здоровье поправилось.

Искренне преданный и уважающий Вас М. Волконский.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 3

22 апреля 1871

В ответ на любезное письмо Ваше, многоуважаемый Евгений Иванович, поспешаю препроводить при сем 150 руб. Если не сделал этого ранее, то потому, что не знал, что срок 1 мая подлежал такому точному соблюдению. Ваня Трубецкой передал мне недавно Ваше поручение. Что касается Записок моего отца, то дело это вот в каком положении. Отец мой писал их для меня исключительно¹, довел он их до 1825 г., и на этой эпохе, за год до его смерти, застигла его болезнь, во время которой он почти не мог уже писать, сильно от того утомляясь. Напечатать их я намерен, не знаю еще, целиком ли или в выдержках, так как они, как я говорю, писаны не для печати. Почерк Отца Вам знаком. Чтобы привести в порядок эти Записки, мне нужно месяца три времени: а вот этих-то свободных от дел, спокойных месяцев я найти не могу! Мало у меня надежды и на нынешний год, но будущим летом я, наверное, буду свободен и приведу дело к концу.

Семевский² хотел поймать меня. Получив от меня отказ в напечатании рукописи, он пристал, чтоб я дал ему хоть один или два эпизода из нее, на что отвечал согласием, «если найду, что можно будет сделать выделением какого-нибудь эпизода». Вслед за этим он напечатал свое объявление...³

Конечно, я не отдал ему Записок. Напечатать их я хочу не в журнале, а отдельной книжкою, напечатать в России, а не за границею, так как последнее было бы неприятно Отцу, и, по возможности, без пропусков в том, что касается фактов и лиц, о которых он говорит. Как только найду возможным привести в порядок рукопись, сообщу Вам или копию с нее, или первый оттиск.

Портрет Отца вышлю почтою.

Заранее благодарю за Записки Басаргина, которые буду ждать с нетерпением⁴. Прошу передать мое почтение Вашей супруге⁵ и верить в искреннее уважение Вам преданного

М. Волконского.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 4–5

Примечания

¹ Записки С.Г. Волконского начинаются с обращения к сыну: «Принимаюсь по твоему желанию высказать тебе впечатления, которые остались в моей памяти <...>». В то же время на первой странице имеются слова, опровергающие утверждение Михаила Сергеевича о предназначении их исключительно ему: «А если что-либо найдешь в них замечательного по отечественным и современным происшествиям, то предоставляю тебе право дать им, частью или вполне, гласность, – буде ты найдешь это полезным к обзору современных происшествий» (*Волконский С.Г.* Записки / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991. С. 94).

² Семевский Михаил Иванович (1837–1892), историк и журналист, издатель журнала «Русская старина».

³ «В апреле 1870 г. в журнале “Русская старина” появляется анонс о предстоящей публикации “Записок декабриста Волконского”» (*Караи Н.Ф., Тихантовская А.З.* Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // *Волконский С.Г.* Записки. С. 86). Узнав об этом, Е.И. Якушкин писал М.С. Волконскому: «<...> ежели Записки давно существуют <...>, не можете ли Вы мне прислать копию с них <...>. У меня очень большое собрание записок декабристов <...>, мне бы хотелось собрать все, что только есть об них <...>» (*Матханова Е.И.*

М.С. Волконский – публикатор семейного архива // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 76). Ответом на это обращение и было публикуемое письмо.

⁴В предисловии к Запискам отца М.С. Волконский перечислял использованные им источники, среди которых упомянут изданный П.И. Бартевым сборник «Девятнадцатый век» (*Волконский М.С. Предисловие // Записки Сергея Григорьевича Волконского / изд. М.С. Волконского, 2-е, испр. и доп. СПб., 1902. С. 1. Далее: Записки С.Г. Волконского*). В него входили и Записки Н.В. Басаргина (Записки Николая Васильевича Басаргина / изд. П.И. Бартева // *Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 1. С. 65–200*). Е.И. Якушкин намеревался написать к ним предисловие, в 1871 г. по его просьбе с них был сделан отдельный оттиск (*Порох И.В. Декабрист Николай Васильевич Басаргин и его литературное наследие // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подгот. И.В. Порохом / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988. С. 32–33*).

⁵Елена Густавовна Якушкина (урожд. Кнорринг), первая жена Е.И. Якушкина.

5¹

Его Превосходительству Евгению Ивановичу Якушкину. В Ярославле.
Со вложением ста пятидесяти (150) руб. от тайного советника князя Волконского, В[асильевский] о[стров], 4 линия, № 17.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 6

Примечание

¹ Конверт.

6

17 марта 1873

Многоуважаемый Евгений Иванович!

Мне неудобно пересылать деньги по частям: я часто отсутствую – объезжаю округ и легко могу пропустить срок¹. Поэтому предпочитаю переслать их Вам сразу, прося покорнейше уведомить меня о получении их.

Сестра моя находится в Неаполе (poste restante*, другого адреса не нужно).

Надеюсь, что здоровье Ваше быстро восстановится, и прошу верить в искреннее мое уважение и преданность.

М. Волконский.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 7

Примечание

¹В 1876–1880 гг. М.С. Волконский был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа.

7

Биарриц, 27 августа / 9 сентября 1901

Многоуважаемый Евгений Иванович!

Выпуская 1 сентября «Записки» моего Отца в Петербурге, я распорядился, чтоб за неделю до того один экземпляр был переслан Вам. Прошу Вас

* До востребования.

видеть в этом знак моего дружеского к Вам уважения, начало которому положили еще наши юные годы в Сибири.

Продолжение «Записок» я составил прошедшей зимой по документам, которые собирал, а имевшиеся у меня приводил в порядок в течение предыдущих двух лет¹. Взятые из Архива б[ывшего] III Отд[еления] дадут немало нового². Декабристы дождутся когда-нибудь своей истории, и эти данные будут полезны ее составителям. У Вас, я знаю, большой архив дорогого нам времени: если Вы найдете у меня неточности или крупные пробелы, то будете ли так добры отметить их ввиду второго издания, которое я надеюсь, если успею, сделать.

Силы мои очень слабеют, диктовать я еще могу, но писать не в состоянии, и даже эти строки, как они ни коротки, требуют от меня величайших усилий – так дрожит рука и голова, когда я берусь за перо. Мой адрес всегда: Санкт-Петербург, Сумская, 7. Дружески жму Вашу руку и желаю сил и здоровья.

Сердечно Вам преданный М. Волконский.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 8–9 об.

Примечания

¹ Продолжением записок отца М.С. Волконский называл свое послесловие к ним.

² III Отделение собственной е. и. в. канцелярии было упразднено в 1880 г. с передачей его функций Департаменту государственной полиции МВД.

8

Рим, 14 декабря 1901

Многоуважаемый Евгений Иванович.

Простите, что позволяю себе продиктовать последующие строки: мне писать трудно, процесс писания всегда сопровождается сердцебиением.

Сердечно благодарю Вас за присланные две заметки, первую, о Бошняке, я воспользуюсь, несколько сократив ее¹. Из второй, о М.С. Луние, возьму лишь несколько слов, т[ак] к[ак] помещение подробных о нем сведений вывело бы мой труд из установленной рамки². Вы, конечно, заметили, что о товарищах моего отца я в послесловии говорю очень сжато, да иначе и не мог сделать. О Луние, к памяти которого я особенно благоговеею, у меня имеется громадный материал. Не знаю, увидит ли он свет при моем состоянии здоровья.

Еще раз благодарю Вас, прошу передать поклон Вашему сыну³ и верить моей душевной преданности и уважению.

М. Волконский.

Зинаида Сергеевна⁴ здесь, я заручусь ее согласием на упоминание о Сергее Петровиче в примечании⁵.

ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 488. Л. 10–11

Примечания

¹ Об одном из доносок по делу декабристов А.К. Бошняке есть примечание к запискам С.Г. Волконского, в котором изложена его биография и указано: «Извлечено из рукописи

“Биографические сведения об Александре Карловиче Бошняке”. Сообщено И.Д. Я[кушкины] м» (Записки С.Г. Волконского. С. 431).

² В примечании к «Запискам» С.Г. Волконского М.С. Волконский писал: «Мы имеем значительный материал в записках и письмах, касающийся М.С. Лунина, но так как это вывело бы нас за рамки настоящего труда, то приводим пока лишь извлечение из “замечаний С.П. Трубецкого на записки В.И. Штейнгейля”. Лунин, говорит он, “был в постоянной переписке с сестрой своей, Е.С. Уваровой. В письмах своих, пересылаемых через III-е Отделение, он рассуждал о правительственных мерах и распоряжениях, не щадя лиц, занимавших высшие правительственные места, но не задевая никогда Высочайшей Особы. Ему запрещено было распоряжением III Отделения писать в продолжение целого года за неуместные выражения и самохвальство”. Когда год минул, Лунин снова продолжал эти письма к сестре такого же содержания, как и прежние. Собранные в тетрадку письма он дал читать декабристу Громницкому, а тот казачьему офицеру Черепанову. Чиновник особых поручений при генерале Руперте, Успенский, узнав об этом, сделал на Лунина донос Руперту, бывшему тогда в Петербурге, а Руперт сообщил III Отделению, и Лунин был схвачен и отвезен в заточение в Акатуевский рудник. Руперт, возвратясь в Иркутск, старался разными доводами отклонить от себя нареkanie. Следствие, однако же, продолжалось. Лунин был обвинен в распространении своих писем. Громницкий был посажен в Ордонанс-Гаус, откуда выпущен лишь по истечении полугода. Старались привлечь к делу и Н.М. Муравьева» (Записки С.Г. Волконского. С. 480). В приведенном тексте имеется несколько разночтений по сравнению с опубликованным В.П. Павловой (*Трубецкой С.П. Замечания на Записки декабриста В.И. Штейнгейля // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки / серия «Полярная звезда» / публ. и комм. В.П. Павловой. Иркутск, 1983. С. 301*).

³ Скорее всего, это Евгений Евгеньевич Якушкин (1859–1930), публикатор ряда произведений декабристов и документов из семейного архива Якушкиных, хранителем которого он стал после смерти отца.

⁴ Свербеева (урожд. Трубецкая) Зинаида Сергеевна (1837–1924), дочь С.П. Трубецкого, одна из издательниц его Записок и хранительница большей части семейного архива.

⁵ В примечаниях к «Запискам» С.Г. Волконского упоминаний о С.П. Трубецком не обнаружено, но сведения о жизни его и семьи имеются в послесловии.

А.Н. Гаращенко, Е.А. Добрынина

Дело о лиходателе и лихоимце, или «Занадворовская история»: хроника события

В литературе о пребывании декабристов в Сибири, а также в исследованиях деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского упоминается так называемая занадворовская история. Ей посвятила главу Н.П. Матханова в монографии о генерал-губернаторах Восточной Сибири¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность уточнить некоторые моменты этой истории, отметить отношение к ней современников. События, связанные с ней, нашли отражение в переписке ряда чиновников, но из всех очевидцев, исключая декабристов, только Б.В. Струве уделил им в своих записках значительное внимание². Однако воспоминания Б.В. Струве, по нашему мнению, могут быть подвергнуты сомнению в плане правдивости и непредвзятости. Они не лишены ошибок в хронологической точности воспроизведения событий³ (на некоторые погрешности указывал еще И.В. Ефимов⁴) и вряд ли объективны по отношению к Ф.П. Занадворову, зато полны восторженности перед Н.Н. Муравьевым. Струве считал, что

реакция генерал-губернатора на произошедшее была связана с некими лицами, «которые побудили Муравьева, пользуясь его горячностью, ударить, так сказать, в большой колокол и дать этому поистине обиденному делу – клевете во взяточничестве – такое громкое значение»⁵. Но так ли это?

На первый взгляд событие для того времени было достаточно банальным. Богатый иркутский золотопромышленник Ф.П. Занадворов обвинил во взяточничестве чиновника, члена Главного управления Восточной Сибири Д.В. Молчанова, мужа дочери декабриста С.Г. Волконского Елены, приближенного к генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву, на что последовала реакция Муравьева, обвинившего самого Занадворова в клевете, с последующим заключением его в тюрьму. После долгих разбирательств золотопромышленник был оправдан Сенатом. Но «история эта наделала немало шума и во многом испортила отношения Муравьева с купечеством и местной интеллигенцией»⁶.

В РГВИА, а также в РГИА сохранились материалы «Военно-судного дела об отставном губернском секретаре Занадворове» и «Дело Второго Сибирского комитета о ложном доносе губернского секретаря Занадворова на надворного советника Молчанова. 27 апреля 1853 г. – 10 июня 1856 г.», которые, а также ряд других материалов легли в основу этой статьи.

26 сентября 1850 г. умер известный иркутский купец, миллионер Евфимий Андреевич Кузнецов.

Е.А. Кузнецов

Жизнь Кузнецова была достаточно пестрой, как у многих представителей купечества, состояла из взлетов и падений. Он бывал и богат, и беден, был в фаворе при губернаторе Н.И. Трескине, который «за красоту стана и лица и за ловкое возвышение из кабачных подносчиков в откупщики» называл Кузнецова «королем»⁷. Е.А. Кузнецов дважды, в 1826–1829 и 1832–1835 гг., избирался городским головой. В 1836 г. ему было присвоено звание потомственного почетного гражданина.

Об одном из сложных периодов в жизни купца писал Эразм Иванович Стогов: «Знаменитость Иркутска в 1819 году был Иван Ефимович Кузнецов⁸, в обществе назывался “король”. В 1830 году я нашел короля порядочно старым, до крайности бедным; кажется, всего имущества остался деревянный дом, в котором жил Сперанский. Дом большой, в 1819 году горел огнем, в 1830-м стоял темный. По старому знакомству, помня хлеб-соль, был я у короля – пусто, бедно! Одинок, детей нет и не было. Говорил также на о, но был молчалив, скучен, даже плохо одет. Грустное впечатление! В 1833 году, прощаясь с Иркутском, заехал к королю. Нашел его в маленькой комнатке,

в халате с сотнею заплат; он сидел около наклоненного лотка (которым дети катают яйца на Пасхе), около него два мешка грязного песку, а выше лотка – ведро воды. Король с щеткою в руке вымывал песок в лотке.

– Что это вы делаете, Иван Ефимыч?

– Да вот, по старому знакомству, беглый варначок⁹ принес землицы на пробу; не знаю, что будет, – пробую.

Подумал я: ни в каком положении надежда не оставляет человека. Простились с пожеланиями.

В Киеве получил я письмо из Иркутска: Иван Ефимович Кузнецов – миллионер, не знает счета деньгам, делает громадные пожертвования, статский советник¹⁰, в орденах и стал настоящим королем между миллионерами! Виденный мною грязный песок оказался богато содержащим золото; говорят, 100 пудов песку давали около фунта¹¹ золотого песку; это, конечно, неисчислимое богатство, когда считается не бедною россыпь, которая дает из 100 пудов золотник¹² золотого песку»¹³. Стогов, может быть, несколько картинно подает происходившее, но в 1830 г. Кузнецов действительно нашел золото в верховьях реки Малой Янгозы¹⁴.

Кузнецов был бездетен, и его наследницами стали две племянницы, дочери его родной сестры Авдотьи Андреевны – Екатерина и Надежда Александровны Малеевы. Первая была замужем за купцом Ф.П. Занадворовым, а вторая – за камергером И.Д. Булычевым. И вот здесь необходимо немного углубиться в историю взаимоотношений Кузнецова, Занадворовых и Булычевых.

Фавст Петрович Занадворов (ок. 1811–1888) – уроженец Иркутской губернии, родом из обер-офицерских детей, сын отставного горного чиновника Петра Егоровича Занадворова. В доме П.Е. Занадворова в Петровском Заводе квартировала княгиня Е.И. Трубецкая. В этом же доме 5 сентября 1831 г. родился сын декабриста А.Е. Розена Кондратий. На дочери Петра Егоровича в 1836 г. намеревался жениться декабрист П.Н. Свистунов¹⁵. Фавст Петрович воспитывался в Нерчинском горном училище, по окончании которого, 1 апреля 1828 г., был произведен в унтер-шихтмейстеры 2-го класса, а с 1 января 1830 г. стал унтер-шихтмейстером 1-го класса¹⁶. С поступлением в службу находился по 31 октября 1830 г. «за учителя» при Нерчинском горном училище с содержанием в Нерчинском заводе библиотеки и с того же времени помощником управляющего Нерчинской главной лабораторией.

В 1831 г. Занадворов был отправлен сопровождающим караван с серебром в Санкт-Петербург, а по возвращении в заводы определен 1 января 1832 г. в Нерчинскую главную лабораторию. 5 февраля 1832 г. Занадворов назначен помощником управляющего Каданской дистанцией. В том же году был временно назначен управляющим Газимуровской дистанцией и «определен в Нерчинскую горную экспедицию к разным поручениям 1833 г. в апреле и сверх того находился при производстве дел по составлению штатов на Нерчинские горные заводы и из сего занятия производил опыты по горным работам»¹⁷. В 1834 г. был командирован в Иркутск для заготовки хлеба для Нерчинских заводов, после чего в том же году назначен помощником управляющего Шилкинским заводом. 1 января 1835 г. вновь командирован в

Санкт-Петербург для препровождения каравана с серебром. В 1836 г. определен помощником управляющего Петровским Заводом. 27 июля 1837 г. произведен в коллежские регистраторы со старшинством¹⁸ с 31 декабря 1834 г., в этом же году переведен в Иркутск и продолжил службу при ревизоре частных золотых промыслов. 8 марта 1841 г. произведен губернским секретарем со старшинством с 31 декабря 1838 г. С июня 1842 г. состоял при Горном правлении Нерчинских заводов «по разным поручениям». 28 ноября этого же года был уволен по собственному прошению. Как отмечалось в аттестате, за время продолжения службы Фавст Петрович «в штрафах и под судом не был, поведения хорошего»¹⁹.

В 1842 г. Занадворов женился на Екатерине Александровне Малеевой. Историю этой женитьбы приводит в своих воспоминаниях С.И. Черепанов, проживавший в то время в Иркутске. Он пишет, что Кузнецов использовал все свое состояние, нажитое откупом, а также «много и чужого, так что затруднялся в кредите, а деньги были очень нужны»²⁰. Однажды он обратился к отводчику площадей Занадворову, с которым был знаком еще по Петровскому Заводу. Кузнецов показал ему «несомненные знаки отысканного им золота» и попросил денег. Занадворову легко было удостовериться в справедливости открытия, и «он отдал все свои деньги, – а первые отводчики имели их <...>. На это сравнительно маленькое средство, с трудом и унижением отысканное, дело Кузнецова развилось в громаднейшие размеры, и он стал в ряд первых счастливых золотопромышленности. В благодарность за одолжение он *одолжил* Занадворова одною из своих племянниц». Далее Черепанов замечает: «Выражение мое *одолжил* оправдалось, ибо Занадворов <...> был крайне несчастлив браком»²¹. Оставив правдивость изложенного на совести автора, отметим, что к моменту свадьбы коммерческие дела у Е.А. Кузнецова были еще не очень успешными и он ничего не смог дать племяннице в приданое. Но возможно, между Кузнецовым и Занадворовым в это время было достигнуто определенное соглашение, так как после увольнения от службы Фавст Петрович в феврале 1843 г. принял на себя управление делами Е.А. Кузнецова, которые были расстроены, правда, вновь открытые его компаньоном Голубковым прииски давали большие надежды. Но между Голубковым и Кузнецовым существовали большие затруднения по расчетам. Кузнецов передал по доверенности управление «всеми делами его от его имени и общность действий на общую пользу» Занадворову, который сумел закончить дела с Голубковым и его компаньоном Ковалевским мировыми актами, весьма выгодными для Кузнецова²².

Ф.П. Занадворов был человеком неглупым, оборотистым, он серьезно помог Кузнецову сколотить в короткий срок огромный капитал. Именно он являлся долгое время «мозгом» многих, особенно золотопромышленных, дел иркутского миллионера.

Не забывал Фавст Петрович и о себе. Он имел свой благоприобретенный капитал, сложившийся преимущественно в результате его участия с разными лицами в золотых промыслах²³ и в разработке в компании с тавастгусским первостатейным купцом Иваном Петровичем Алибером графитного прииска, который ему принадлежал²⁴.

Но между Кузнецовым и Занадворовым в 1846 г. произошла размолвка²⁵. В.И. Вагин отмечал, что «Кузнецов и Занадворов рассорились не на живот, а на смерть, и <...> Кузнецов выгнал Занадворова <...>. Эта ссора продолжалась почти до смерти Кузнецова, только перед смертью он <...> примирился с Занадворовым»²⁶. На примирение во многом повлияло следующее событие.

В том же 1846 г., 30 января²⁷, младшая сестра Е.А. Занадворовой Надежда вышла замуж за камер-юнкера, а впоследствии камергера и действительного статского советника Ивана Демьяновича Булычева (1813–1877), участника ревизии Восточной Сибири, проходившей под руководством сенатора И.Н. Толстого в 1842–1846 гг.

Е.А. Кузнецов дал племяннице 150 тыс. рублей серебром приданого и отделил $\frac{1}{10}$ из своей части в золотых промыслах. Булычеву была предоставлена и доверенность, но не такая, как ранее Занадворову, а только на хождение²⁸ по делам Кузнецова. Молодожены зажили на широкую ногу, и, вероятно, особенно в этом усердствовал супруг. Возможно, для Ивана Демьяновича женитьба была далеко не бескорыстна, и это не осталось незамеченным для окружающих. Польский ссыльный Ю. Сабиньский записал в своем дневнике: «Новобрачный, конечно же, упивается своим счастьем. Но я бы не стал ручаться, что главной причиной этого является жена, а не уже полученное богатство и то, которое он надеется получить»²⁹.

Через два года, видя расточительность Булычева, Кузнецов уничтожил данное им духовное завещание и постарался сблизиться с Занадворовым. Он сделал его доверенным лицом и даже управляющим в компании с иркутским 1-й гильдии купцом Гавриилом Ивановичем Шигаевым. Об этом свидетельствует запись в маклерской книге от 24 июня 1850 г. В этот день между Е.А. Кузнецовым, Г.И. Шигаевым и отставным губернским секретарем Ф.П. Занадворовым был заключен акт в том, что Кузнецов, имея от правительства разрешение на поиск и разработку золотоносных россыпей и других драгоценных металлов и камней, выдал Занадворову доверенность, засвидетельствованную в Иркутском губернском правлении 30 марта 1850 г. под № 60. Кузнецов принимал к себе в компанию Шигаева, с тем чтобы разработку приисков в случае открытия россыпей производить Кузнецову и Шигаеву на их общий капитал, который компаньоны по мере надобности обязывались «неудержно вносить каждый по равной части...»³⁰.

Занадворов становился уполномоченным Кузнецова и должен был вести все дела. Он получал в оплату за свои труды половину прибылей от открытых им или его доверенными разработок. Шигаев также поручал управление своей половиной владения Занадворову. О вознаграждении должен был быть составлен дополнительный акт. Данный акт подписали Шигаев, Занадворов и Кузнецов, но так как последний был болен, он засвидетельствовал акт городскому маклеру в домашних условиях. 27 июня 1850 г. документ был заверен у маклера в Иркутске с доверенностью на ведение Занадворовым всех дел Кузнецова, а 12 августа Занадворов принял от Кузнецова полную доверенность на управление его делами. Он имел право вести все дела, за-

ключать контракты от имени доверителя на наем приказчиков на золотые прииски, заниматься всеми хозяйственными вопросами и т. д.

Чувствуя свою вину перед Занадворовым за прежнюю размолвку, Кузнецов вознаграждал Фавста Петровича, выдав ему за прежнюю службу три банковских билета на 100 тыс. рублей каждый.

Правда, в общественном представлении, отражение которого мы находим у Струве, все выглядело несколько иначе: «<...> Занадворов воспользовался болезнью, постигнутою Кузнецова в мае 1850 года, вкрался к больному в доверие, сделался полным хозяином у него в доме и в денежном сундуке, и старик уже более не вставал. Никто не сомневался, что Занадворов, как говорили в Иркутске, уходит дядю своими об нем попечениями и обратит в свою пользу все наличные его капиталы. Так и случилось <...>»³¹.

Интересно, на наш взгляд, и свидетельство не просто очевидца событий, но и непосредственного участника. В начале сентября 1850 г. врач Ю.И. Штубендорф в письме М.С. Корсакову сообщал: «Вы, верно, знаете, какое живое участие Николай Николаевич принимает в старом Кузнецове, который очень был болен. Гржибовский его лечил и лечил, но неудачно. Виноват ли он или нет, но действовал он по желанию некоторых, которым бы желательна была ранняя кончина старика, как подозревает генерал, об этом судить нельзя и грешно, но виноват он в том, что в весьма опасном положении Кузнецова он остался почти без действия и ни с кем не советовался. Теперь он, видя, что дело пошло плохо, взял себе в помощники медика другого, ему подчиненного. Через него и по воле Н[иколая] Н[иколаевича] я теперь действую, и, слава Богу, дела лучше. Но больно стар Кузнецов, и шибко запущена болезнь»³².

Незадолго до смерти, 4 сентября 1850 г., Кузнецов составил новое духовное завещание, которым уничтожил прежде существовавшее. По нему преимущественную часть своего владения Евфимий Андреевич предоставил жене Занадворова, а участие, ранее предназначавшееся Булычевым, отписал только Булычевой, условно – на обеспечение детей, объяснив это тем, что сами они уже с избытком вознаграждены при его жизни.

Управление своими приисками Кузнецов поручал Занадворову как общему уполномоченному Занадворовых и Булычевых с вознаграждением за труды по 25 копеек с рубля.

Все наследники признали раздел имущества правильным и никаких претензий на тот момент не имели³³.

Как отмечалось выше, Кузнецов в свое время выдал Булычеву доверенность, по которой тот мог выступать только представителем по делам иркутского миллионера, но не мог сам вести какие-либо дела или подписывать от его имени документы. По новому же духовному завещанию участвовать в делах по добыче золота могла только Н.А. Булычева, а не ее муж. Тем не менее в нарушение этих условий Булычева выдала супругу доверенность на ведение дел, а тот, в свою очередь, заключил договоренность с купцом Андреем Белоголовым, служившим в то время судьей в городском суде, на ведение дел семьи Булычевых в управлении Олёкминским золотым прииском. Это нарушало договор Кузнецова с купцом Шигаевым от 27 июня 1850 г. Две доверенности выписаны быть не могли. Но на этом нарушении не закан-

чивались. Еще Булычев выдал доверенность купцу Токареву на управление Енисейскими золотыми приисками.

Занадворов, будучи душеприказчиком Кузнецова, 21 мая 1851 г. обратился к Н.А. Булычевой с замечаниями на ее действия, на что 27 июня получил письмо с оскорбительными намеками в свой адрес. Затем он послал в Московскую дворянскую опеку извещение по делу Кузнецова, но опека отказалась его рассматривать, ссылаясь, что подано оно не по форме.

Здесь мы вынуждены сделать некоторое отступление от нашего повествования и рассказать об одном факте из биографии Булычева, который, на наш взгляд, заставляет в целом усомниться в его порядочности.

В 1858 г. неизвестный рецензент, скрывшийся под инициалами *-ff-ff*, сделал подробный текстуальный разбор вышедшей в 1856 г. книги «Путешествие по Восточной Сибири...», автором которой указывался И. Булычев³⁴. В распоряжении автора рецензии находилось описание Охотского округа, составленное А.А. Голенищевым-Кутузовым³⁵ и представленное им в Географическое общество в 1853 г. Приведя несколько примеров идентичности двух текстов, он сообщал читателям, что, начиная с 131-й страницы и до 251-й, приведенное в книге Булычева описание Охотского округа является перепечаткой рукописи Голенищева-Кутузова, служившего там в течение трех лет. То есть «Булычев совершил свое заимствование всецело». И это из общего объема книги в 298 страниц³⁶. В добавление к сказанному присовокупим, что Иван Демьянович не только использовал чужие тексты, но и скромно «умолчал» об авторе иллюстраций атласа «Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева...», не указав нигде фамилию художника Л. Немировского. Справедливости ради отметим, что Булычев действительно посетил описанные в книге территории, но... сделал то, что сделал.

В деле же с наследством случилось непредвиденное. 31 августа 1851 г. Занадворов лично представил в Иркутский городской суд акцию Американской компании, принадлежавшую покойному Кузнецову, которая была случайно отыскана неким Писаревичем³⁷, и билет Коммерческого банка на имя Кузнецова, полученный Занадворовым от Пурлевского – комиссионера Кузнецова. Фавст Петрович при этом объявил, что этот капитал, не учтенный при вводе во владение наследников, принадлежит ему (а мог бы и умолчать!).

А. Белоголовый, будучи и судьей, и доверенным Булычева, решив, что может еще оставаться капитал, подлежащий разделу, обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири. Он жаловался на Занадворова по двум при-

Обложка книги «Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева...»

чинам: 1) якобы Фавст Петрович насильственно присвоил себе управление приисками, оставшимися от Кузнецова на долю Булычевой, и 2) будто бы он в качестве душеприказчика скрыл часть наследства, не предъявив ее ни правительству, ни наследникам. Последнее обвинение А. Белоголовый подал 19 сентября³⁸. Н.Н. Муравьев посчитал все это важным и «нарядил по делу следствие», поручив его советнику и начальнику отделения Главного управления Восточной Сибири Д.В. Молчанову³⁹. Как объяснял в 1856 г. Н.Н. Муравьев в письме к В.А. Долгорукову свой выбор, Молчанов «как воспитанник училища правоведения был более способен к следственным и судебным делам», а «по недавнему вступлению на службу в Восточной Сибири он не имел времени войти там в связи ни с золотопромышленниками, ни с купечеством и не вошел, как другие, с ними в родство и никогда не оказывал того поклонения богатству, которое, к сожалению, составляет исключительную черту не только чиновников, но и присутственных мест»⁴⁰. Добавим, что, кроме этого, Дмитрий Васильевич успел снискать доверие генерал-губернатора, будучи полгода вместе с ним в командировке в Санкт-Петербурге и исполняя обязанности управляющего его походной канцелярией.

Здесь-то и начинается «занадворовская история». Но для начала подробнее познакомимся с другим важным фигурантом этого дела.

Дмитрий Васильевич Молчанов (1823(4) – 15 сентября 1857), из дворян Московской губернии. Его отец – отставной полковник Василий Илларионович Молчанов⁴¹, мать – Наталья Ивановна (урожд. Шипова). По окончании курса в Императорском училище правоведения Молчанов 12 июня 1842 г. был выпущен с чином коллежского секретаря и «вследствие изъявленного желания по указу Правительствующего сената» определен на службу в Западную Сибирь, а по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири назначен столоначальником в Тобольский губернский суд по III Уголовному отделению, с прикомандированием к канцелярии Главного управления по II Судному отделению. В том же году генерал-губернатор назначил его исправляющим должность столоначальника в Главном управлении. В 1843–1845 гг. Д. Молчанов занимался делами по выявлению и изготовлению фальшивых ассигнаций; производил следствия о разных «законопротивных» поступках чиновников, о побеге из Омского городского острога арестантов, о недостатках казенных сумм; ревизовал омскую городскую полицию и Омское областное окружное управление. 5 февраля 1847 г. был произведен в титулярные советники со старшинством с 12 июня 1846 г. Правительствующим сенатом 6 ноября 1847 г. он определяется нижегородским губернским казенных дел стряпчим, но по прошению был принят 12 декабря 1847 г. на службу в Восточную Сибирь. О своей первой встрече с Д.В. Молчановым в Иркутске писал 19 апреля 1848 г. Ю. Сабиньский: «Сегодня у Трубецких я познакомился с одним из <...> молодых чиновников, господином Молчановым. Насколько можно судить по его суждениям во время общего разговора, это человек высокообразованный и с более широким кругозором, чем у прежних местных чиновников. Мне кажется, что нынешний генерал-губернатор поставил перед собой цель провести важные реформы во всех сферах, находящихся под его властью, и для этого старается назначить везде людей, которые и

его намерения смогли понять, и его доверие оправдать. Но насколько будет удачным его выбор для каждой должности и насколько его нововведения принесут желанные плоды для этого края, покажет время»⁴².

На протяжении нескольких месяцев 1848 г. имя Молчанова неоднократно появляется на страницах дневника Ю. Сабиньского, тем более что 18 июня 1848 г. молодой чиновник был назначен советником Иркутского губернского правления по экспедиции о ссыльных. Должность Молчанова позволяла ему оказывать небольшие послабления товарищам Сабиньского по ссылке и вновь прибывавшим каторжникам и поселенцам из числа осужденных участников польских патриотических обществ. Очевидно, что подобного рода услуги он оказывал польским политическим ссыльным и во время службы в Омске. Об этом также свидетельствует дневник Сабиньского: «Я совершенно не люблю завязывать здесь новые знакомства, однако рад, что близко познакомился с господином Дмитрием Молчановым, одним из молодых чиновников, которых генерал Муравьев назначил здесь на разные посты. Ведь ум, образование, характер и скромность этого молодого человека вызывают здесь всеобщее уважение. А меня он привлекает еще тем, что, долго прожив в Омске, он был близко знаком с Янушкевичем Адольфом, высоко его ценил и всегда говорит о нем с искренним одобрением»⁴³. Справедливости ради нужно отметить, что были и другие оценки личности Молчанова. В марте 1849 г. на службу в Иркутск прибыл М.С. Корсаков и, познакомившись с Дмитрием Васильевичем, оставил в дневнике запись: «Молчалин⁴⁴, с которым познакомили меня еще у губернатора (В.Н. Зарина. – *Авт.*), делается моею антипатиею, говорят, однако, что он добрый малый, но не знаю отчего, вид его мне очень не нравится»⁴⁵.

Круг обязанностей молодого энергичного чиновника постоянно расширялся. По поручению губернского начальства он устанавливал пункты, удобные к заселению раскольниками; с 19 октября 1849 г. временно управлял V отделением ГУВС на время командировки советника этого отделения для ревизии Минусинского округа. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 4 декабря 1849 г. был утвержден советником Иркутского губернского правления. Производил следствие по провозу за китайскую границу золота и вместе с тем продолжал управлять отделением. С 3 сентября 1850 г. по 5 апреля 1851 г. находился в командировке в Санкт-Петербург, куда сопровождал генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, будучи управляющим его походной канцелярией. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Молчанов был произведен в коллежские асессоры со старшинством с 12 июня 1850 г., а 15 октября того же года назначается исправляющим должность советника и начальника отделения ГУВС. Был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. У Дмитрия Васильевича имелось родовое имение и 100 душ крестьян в Московской губернии⁴⁶.

Теперь перейдем к самому делу.

Д.В. Молчанов пригласил к себе в помощники чиновника А.Д. Лохвицко-го и губернского стряпчего Алексеева. 2 ноября 1851 г. он дал Занадворову «вопросные пункты» и произвел в его доме (или в конторе) обыск. Занадворов уверял, что «Молчанов запутывал дело», а оно и впрямь затягивалось.

Одновременно произошло наложение одного разбирательства на другое. В олёмкинской тайге случился поджог леса. В.И. Вагин вспоминал: «<...> прошел слух, что пожар произошел от пала, пущенного Занадворовым. Этого слуха было для Муравьева достаточно, чтобы назначить над Занадворовым следствие о поджоге лесов. Оба следствия были поручены одному из подчиненных Муравьева, члену совета Главного управления Молчанову»⁴⁷.

Это событие в следственных документах описывается следующим образом. 3 ноября 1851 г. горный отводчик площадей губернский секретарь Вецель донес генерал-губернатору, что в этом году он выехал с Вознесенского прииска, разрабатываемого Занадворовым, 14 июня и вернулся на прииск 29 августа. 30 или 31 августа ясашный Жугайского наслега Еремей Егоров (по другим данным, тунгус Еремей Егорович Габышев) подал ему объявление, в котором сообщал, что он на пути от Витима к Вознесенскому прииску в половине дороги встретил Занадворова и с ним еще четырех человек, выехавших с прииска 17 июля, где с ними остановился. В это время «не в дальнем расстоянии Егоров увидел пущенный в лесу пожар, и на вопрос его, кто это сделал, Занадворов отвечал, что сделал это он»⁴⁸. Егоров объяснял Занадворову, что такой поступок вреден для зверопромышленности, потому что лишает туземцев лесов, которые только и дают им средства для выплаты ясака. Но, по словам ясашного, Занадворов только оскорбил его словесно. Далее Егоров утверждал, что Занадворов, возвращавшийся с прииска, на каждом отдыхе и ночлеге производил собственноручно поджоги по всему пространству до р. Витима и что пожар охватил огромную территорию. Егоров просил Вецеля засвидетельствовать перед начальством факт пожара, тем более что Вецель и сам видел 8 и 9 сентября горящий лес у Витима⁴⁹.

Началось следствие. Когда точно проводились первые допросы Занадворова и кем, из архивного дела неясно. Известны ответы Занадворова, что в тайге был, тунгуса встречал, но поджога не совершал⁵⁰. 10 марта 1852 г. его допрашивал А.Д. Лохвицкий. Занадворов отрицал поджог, утверждая, что свидетели с его стороны в деле не опрашивались. Тогда Молчанов приказал, чтобы Занадворов выехал на место поджога. Но Фавст Петрович, ссылаясь на распутицу и болезнь, отказался (возможно, боялся и за свою жизнь)⁵¹. Тем не менее Лохвицкий требовал, чтобы Занадворов выехал на место происшествия 6 или 7 апреля 1852 г.

8 апреля Молчанов вызвал купца к себе, но перед этим тот попытался попасть к генерал-губернатору, однако Н.Н. Муравьев его не принял, и Занадворову ничего не оставалось, как пойти к Молчанову.

Вот как описал Фавст Петрович эту встречу: «<...> в пять часов пополудни явился я к Молчанову. Он живет в одном доме с тестем своим, ссыльнокаторжным поселенцем из государственных преступников Волконским, который помещается с семейством своим в нижнем, а Молчанов в верхнем этаже дома». Занадворова проводили в кабинет Молчанова. А далее произошел разговор, никак не имевший отношения к поджогу. Молчанов предложил Занадворову помириться с Булычевым, на что Занадворов ответил, что он с ним и не ссорился. Потом последовало самое важное. «Молчанов отозвался: говорю вам – помиритесь, этого хочет генерал (речь идет о Н.Н. Муравьеве).

– Авт.), он дал слово и не изменит ему, неужели Вы не понимаете?»⁵².

Здесь нужно сделать пояснение, чтобы было понятно, каким образом в деле возникла личность генерал-губернатора Восточной Сибири. Как известно, главной идеей правления Н.Н. Муравьева было закрепление Приамурья в составе Российской империи. Для ее воплощения требовались огромные средства, а государство не торопилось вкладывать деньги в этот проект. Поэтому Муравьеву необходимо было привлечь к мероприятию частный капитал. Но среди купечества желающих было немного. Как писал сибирский чиновник И.В. Ефимов, кроме «Ефима Андреевича Кузнецова (остатка времен Трескина), других охотников, не только на пожертвования, но даже на поездку по Амуру, не находилось, <...> можно указать еще на красно-

Н.Н. Муравьев

ярского купца Петра Ивановича Кузнецова, сопутствовавшего Николаю Николаевичу в 1-й Амурской экспедиции для того, чтобы ознакомиться с возможностью торговли по Амуру»⁵³. Обещанная Е.А. Кузнецовым помощь была весьма значительной. Еще в 1850 г. Муравьев, рапортуя в Петербурге в Сенате, указывал на Кузнецова как на имевшего намерения вложить свой капитал в дело развития Приамурья. Но Кузнецов умер и «не успел исполнить эти обещания, вероятно потому, что при жизни его это дело еще не начиналось. Присоединение и освоение Приамурского края было заветной мечтой Муравьева, все, что могло иметь хоть какое препятствие к осуществлению этой мечты, приводило его в бешенство; понятно после этого, как должен был взбесить его отказ Занадворова, лишивший его материальных средств на это дело» – так выражал мнение многих современников В.И. Вагин. Он также считал, что «не в характере Муравьева было прощать что-нибудь, и он только ждал случая расплатиться с Занадворовым за его отказ. Случай скоро представился»⁵⁴.

Жалоба Булычева была весьма кстати, а подкрепленная его обещанием дать деньги на Амурское предприятие, она делала генерал-губернатора непосредственно заинтересованным лицом в ее удовлетворении. Булычев требовал от Занадворова закончить расчеты с ним «взносом 25 тыс. р. с., поступающих в полное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, на приведение в исполнение предположений покойного Кузнецова»⁵⁵. Мы далеки от мысли, что Н.Н. Муравьев пытался присвоить обещанные ему И.Д. Булычевым деньги. Конечно же, они нужны были ему на Амурские экспедиции, и говорить о личной корысти генерал-губернатора не приходит-

ся. Но то, что со смертью Е.А. Кузнецова он терял серьезный источник финансирования своих дальневосточных проектов, неоспоримый факт. Ранее Кузнецов уже передавал генерал-губернатору на разные нужды билетов на сумму 330 тыс. р. (из них 100 тыс. на строительство здания для Девичьего института в Иркутске, 100 тыс. на развитие пароходства на Амуре), 150 тыс. р. на храм⁵⁶, 50 тыс. р. было отдано за купленный у чиновника К.Я. Дарагана дом для казны (16 марта 1848 г.)⁵⁷.

От Занадворова генерал-губернатор не получил ожидаемого содействия. Его отказ финансировать амурские предприятия, по свидетельству В.И. Вагина, был, «кажется, довольно грубый»⁵⁸.

В разговоре с Д.В. Молчановым Занадворов настаивал, что примирение с Булычевым невозможно, что он уже сделал ему некоторые уступки, отказавшись от ряда предоставленных ему Кузнецовым выгод, но после несправедливого доноса на него Булычева больше не расположен ничего делать. На что Молчанов сказал: «Вас заставят»⁵⁹.

Далее разговор перешел к теме поджога и поездки Занадворова в олёкминскую тайгу. Молчанов заявил, что нужно 20 тыс. р. с., чтобы не ехать в Олёкму и не подвергать жизнь опасности. В ответ на это Занадворов заметил, что генерал-губернатор его преследует, и усомнился в положительном исходе дела. Тогда Молчанов сказал: «Когда я говорю так, значит, надеюсь на себя; неужели Вы не видите и не понимаете отношений? Все это устроил я, я же и поправлю дело; дадите 20 тыс., так и не поедете в распутицу в Олёкму, и все пойдет как следует»⁶⁰. Занадворов согласился, и чиновник потребовал от него только наличные деньги, ни векселей, ни билетов, которые купец должен был отдать на следующий день в 6 часов вечера.

У Занадворова не было в наличии такой суммы, поэтому он обменял векселя (серии) на деньги у купцов Серебренникова, Лебедева и Базанова. Набралось 13 тыс. р. сторублевыми и 7 тыс. пятидесятирублевыми купюрами. На следующий день Занадворов пришел к Молчанову. Его опять проводили наверх. «<...> я прошел в кабинет, – свидетельствовал Занадворов. – Лакей возвратился в кабинет. Запер двери от него в соседние на обе стороны комнаты, выйдя в одну из них и оставя немного дверь недопертою. Вскоре за ним пришел Молчанов в третьи двери из коридора, по которым вошел и я (эти двери стеклянные), запер их, досмотрев за остальными <...>»⁶¹. Молчанов сел в кресло, выдвинул ящик из стола, пересчитал деньги. Далее Занадворов письменно ответил на представленные вопросы, отказавшись от диктовки Молчанова, который потребовал, чтобы Занадворов доехал до Качуга, а там объявил себя больным, сохранив его распоряжение и взятку в тайне. Но сделать это было сложно, об этом уже знали люди Занадворова – Гаврила Эрн⁶², заведующий делами и домом Занадворова, и его слуга Борис Андреев⁶³.

На другой день Занадворов, по его словам полубольной, выехал из Иркутска. В Качуге он «совсем разболелся» и обратился к генерал-губернатору с просьбой разрешить вернуться или прислать медика. 17 апреля в Качуг приехали чиновник А.И. Бибиков и лекарь Холодковский, который признал Занадворова здоровым. Но 18 апреля местный заседатель Добровольский разрешил Занадворову возвратиться в Иркутск.

Затем все повторилось. 5 мая Занадворов получил распоряжение от Бибикова на выезд не позднее 8-го числа в 12 часов в Олёкминский округ. 7 мая строптивного купца затребовал к себе генерал-губернатор и, отчитав, приказал ехать. Назавтра Занадворов отправился в путь. Из Олёкминского округа Занадворов вернулся в Иркутск 3 августа 1852 г. В городе уже ходили толки о взятке, полученной Молчановым от Занадворова, дошли они и до Н.Н. Муравьева⁶⁴. Позднее выяснилось, что источником слухов о взятке был Г.К. Эрн⁶⁵.

Генерал-губернатор затребовал Занадворова к себе 12 августа. Молчанов на встрече не присутствовал, так как находился в отъезде. Было много чиновников, свидетелей, в том числе городской голова Василий Николаевич Баснин. Муравьев спросил Занадворова: «Давали ли Вы кому из чиновников моих деньги?». Занадворов испугался, что, не сказав правды, он может быть уличен присутствующим Эрном, и ответил, что дал Молчанову 20 тыс. рублей. На уточняющие вопросы Занадворов отвечал, что Молчанов принудил его дать деньги, но доказательств этого, как считал Муравьев, не представил. Затем генерал-губернатор заставил всех присутствующих подписаться под ответами, кроме Эрна. Эти ответы Муравьев назвал доносом, а не показаниями⁶⁶ и потребовал от и. д. иркутского полицмейстера, чтобы Занадворов дал объяснения. В представленных 16 августа ответах Занадворов объяснял, что слухов о подкупе чиновников он не распространял, доноса о вымогательстве взятки Молчановым 20 тыс. рублей серебром не делал, а объяснил это генерал-губернатору, потому что был им спрошен в присутствии всех членов ГУВС и других служебных лиц и хотел прояснить истину. Он также заявил, что если Молчанов не сознается в получении денег, то он может уличить его на очной ставке⁶⁷.

21 августа Занадворов был вновь вызван к генерал-губернатору. Н.Н. Муравьев объявил всем присутствовавшим при этой встрече, что донос Занадворова оказался ложным, и приказал полицмейстеру докладывать ему обо всех слухах в городе, пообещав, что все распространяющие их лица будут наказаны⁶⁸. Муравьев кричал на Занадворова, приказал ему стоять по стойке смирно и держать руки по швам⁶⁹.

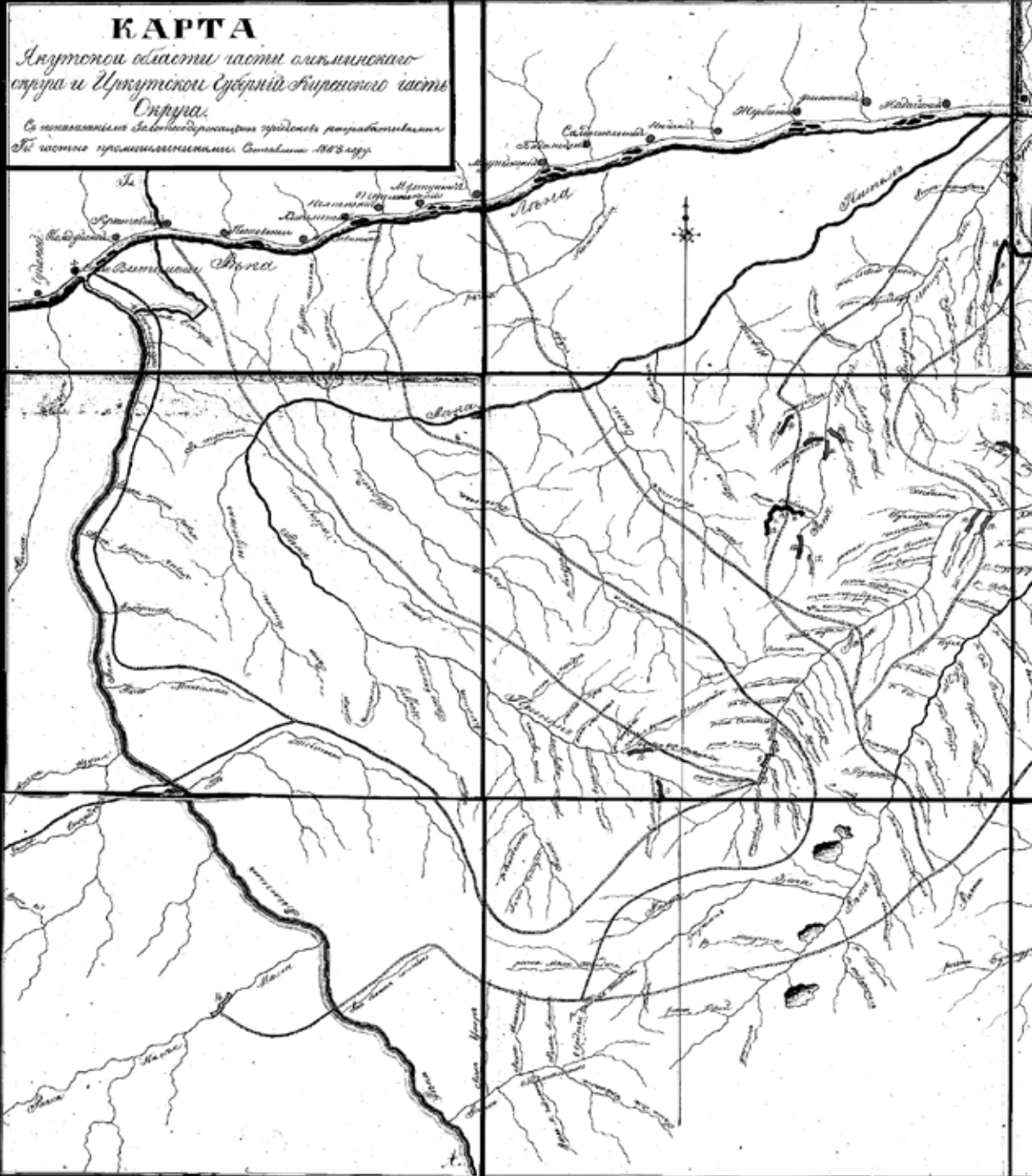
25 августа 1852 г. Занадворов отправил графу А.Ф. Орлову, главе III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефу жандармов, письмо с просьбой защитить его от произвола генерал-губернатора. Проект письма составлял Эрн.

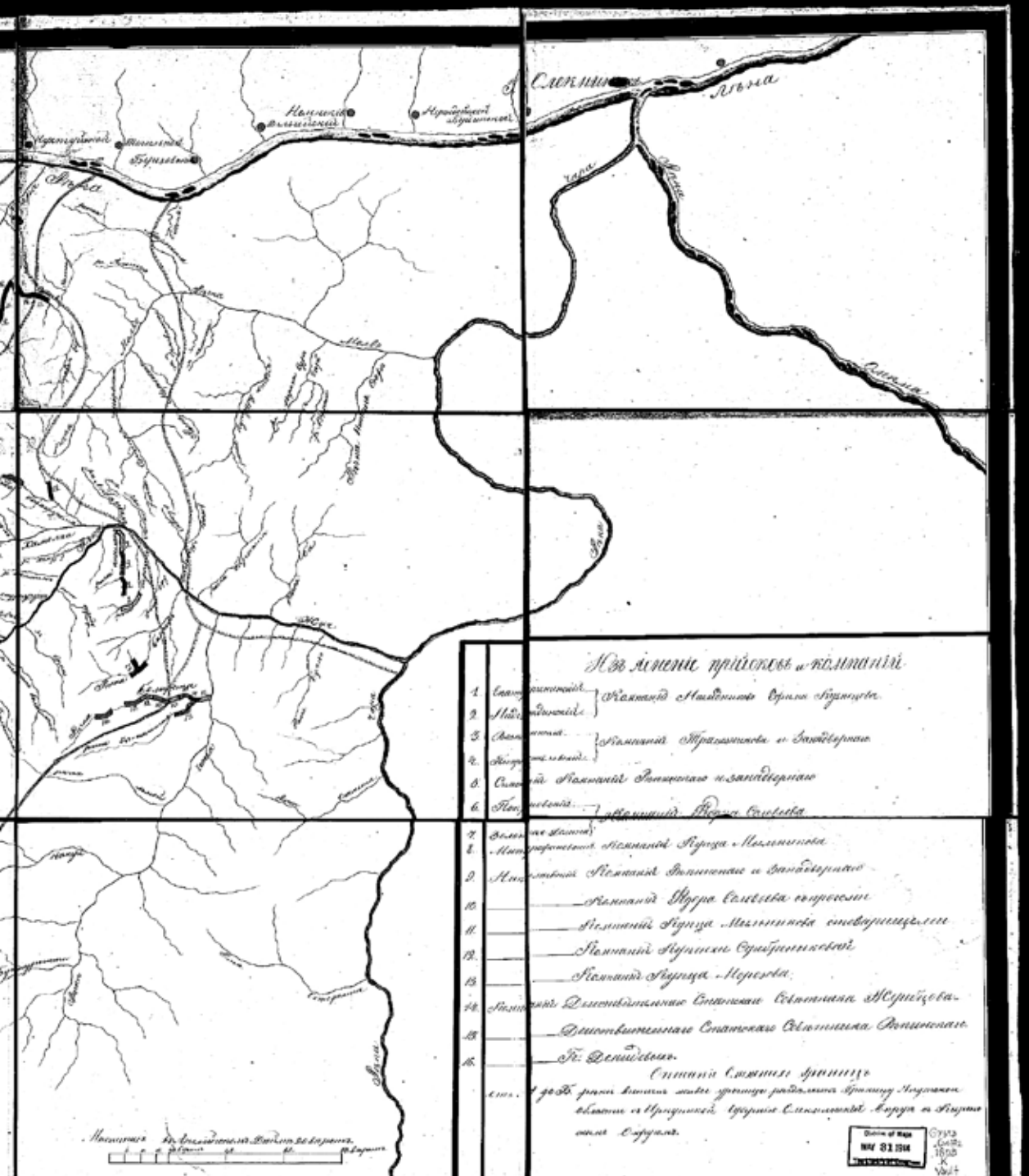
21 октября состоялась очная ставка Занадворова и Молчанова, который только что прибыл из Санкт-Петербурга. Присутствовали К.К. Венцель, Ю.И. Штубендорф, М.С. Корсаков, В.Н. Баснин, и. д. полицмейстера майор Евреинов и генерал-губернатор. Занадворов подтвердил, что Молчанов взял у него 20 тыс. р. с., пояснив, что ранее допросы велись в присутствии писаря и его ответы зафиксированы, а 9-го числа, во время передачи денег, никто не присутствовал. Молчанов, как утверждал Занадворов, в этот день относился к нему снисходительно и сказал ему, что Е.А. Кузнецов обещал генерал-губернатору пожертвовать 100 тыс. р. с. банковским билетом.

КАРТА

Иркутской области части ольгинского округа и Иркутской губернии Иркутского округа.

С показанными в ней государственными границами разработанными
 на основе географических данных. Составил А. В. Валуев.

Названия населенных мест

1.	Светлый	} Уездный Населенный пункт Свирской губернии.
2.	Полный	
3.	Бурьянов	
4.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
5.	Полный	
6.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
7.	Полный	
8.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
9.	Полный	
10.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
11.	Полный	
12.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
13.	Полный	
14.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
15.	Полный	
16.	Светлый	} Населенный пункт в Свирской губернии
17.	Полный	

Населенные пункты в Свирской губернии

Scale of Map
 1:50,000
 1880
 X
 1881

Выше уже упоминалось о желании Булычева совершить «исполнение предположений покойного» Е.А. Кузнецова. Но о каких предположениях шла речь, Занадворов не знал и заявлял, что Кузнецов всегда о своих намерениях заявлял письменно, как, например, о 100 тыс. рублей на пароходство на Амуре и деньгах на строительство дома для Девичьего института Восточной Сибири. Об обещанных И.Д. Булычевым 25 тыс. р. с., которые должны были поступить в распоряжение генерал-губернатора «на приведение в исполнение предположений покойного Кузнецова», речи не было⁷⁰.

Муравьев объявил Занадворову, что он готов оставить его донос без последствий, но Молчанов на это не согласился, и поэтому генерал-губернатор, называя себя следователем, потребовал от Занадворова обвинять Молчанова. Купец попросил доставить дело о разделе имущества Кузнецова для указания в «оном улик против Молчанова, который, услышав это, изменился в лице, но генерал-губернатор объявил, что это дело не может иметь никакого отношения, и приказал Занадворову, несмотря на все его просьбы об истребовании дела, уличать Молчанова». После такой очной ставки Муравьев запретил Занадворову возражать, заявив, что он лжет, и приказал тотчас посадить его в острог⁷¹.

Есть и несколько иная трактовка описанных выше событий, которая, вероятно, имела распространение в иркутском обществе. Предоставим слово современнику события. В.И. Вагин писал: «<...> Занадворов не унимался; он везде ругал Муравьева и раз на большом обеде сказал, что Муравьев пресекал мелкое взяточничество местных чиновников, тогда как его приближенные берут уже не мелкие, а крупные взятки, и в доказательство сослался на то, что Молчанов взял с него 20 т. р. Это дошло до Муравьева. Говорят, будто он призвал Молчанова и спросил его “не как начальник подчиненного, а как дворянин дворянина”, взял ли он взятку. Молчанов действительно взял; но он хорошо знал характер Муравьева; ему не оставалось ничего более, как только отпереться, и он отперся. Тогда Муравьев приказал назначить следствие о клевете на члена Совета ГУВС и заключил Занадворова в тюрьму. Говорят, Молчанов доказывал, что не стоит начинать дело, но Муравьев будто не согласился. Как? Его чиновников смеют обвинять во взяточничестве? Это было для него личною обидой <...>»⁷².

Здесь уместно сделать некоторые предположения относительно того, давал ли взятку купец и брал ли ее чиновник.

Любопытно, что сумма взятки, данная Занадворовым Молчанову, почти равнялась сумме, обещанной Булычевым Муравьеву за выигрыш дела против Занадворова. Занадворов знал об обещании Булычева и, возможно, решил «сыграть на опережение» – откупиться от всех существовавших и могущих возникнуть претензий. Не имея возможности лично передать деньги и боясь генерал-губернатора, он сделал это подношение через Молчанова, но достаточно неуклюже. Деньги не дошли по назначению, осев в кармане Молчанова, который, конечно же, не пожелал признать факт их получения, страшась навлечь на себя гнев генерал-губернатора.

Возможно, Молчанов захотел провести свою игру, так как, недавно живившись, нуждался в деньгах. Известно, что за ним числились старые кар-

точные долги, о которых писали М.Н. Волконская и М.С. Волконский родственникам. Михаил Волконский, убеждая тетку Софью Николаевну Раевскую в правильности выбора жениха для сестры, не мог умолчать об увлечении Дмитрия Молчанова карточной игрой, поскольку об этом было известно С.Г. Волконскому, категорическому противнику замужества дочери: «Он скажет вам, что молодой человек играет в карты, на моей душе и совести, я уверен, что это неправда; он делает это, как все молодые люди теперь, но вот уже два года, как он не брал карты в руки; он [С.Г. Волконский. – *Авт.*] скажет вам, что он вошел в долги, но они будут уплачены в этом году»⁷³. Долги Молчанова были действительно «уплачены» М.Н. Волконской, о чем она сообщала в письме А.М. Раевской из Дарасуна 10 июля 1852 г.: «<...> я выписала сюда деньги и из них уплатила 5 тысяч р. долга, который сделал Дмитрий, будучи еще холостым и во время своей свадьбы, потому что он устроил ее на свой счет»⁷⁴. Может быть, были и другие денежные обязательства молодого чиновника, неизвестные семье Волконских, например в Омске, где Молчанов служил до приезда в Иркутск. Известно, что ряд иркутских декабристов, в числе которых были П.А. Муханов и А.В. Поджио, крайне отрицательно относились к Д.В. Молчанову, о чем писал своим родственникам в столицу М.С. Волконский в 1850 г. Неодобрительное мнение о будущем зяте Волконских высказывал приезжавший в Иркутск в 1849 г. И.И. Пущин. От него и от других декабристов, проживавших в Западной Сибири, С.Г. Волконский и его друзья могли узнать о неблагоприятных поступках Молчанова на прежнем месте службы. Однако нужно отметить, что никто из авторов отрицательных отзывов ни разу не называл конкретных проступков Молчанова. Остается только догадываться, что мог знать Сергей Григорьевич Волконский, который был против брака дочери с Молчановым не только из-за того, что «их политические убеждения не сходятся»⁷⁵, и смирился с Молчановым в качестве зятя незадолго до свадьбы, скорее всего, под давлением М.Н. Волконской и супругов Муравьевых, принимавших деятельное участие в устройстве судьбы Нелли. Интересно мнение Ю. Сабиньского, сохранявшего на протяжении нескольких лет чувство признательности Д.В. Молчанову за помощь братьям по изгнанию, написавшего в дневнике 2 августа 1850 г.: «У Волконских намечается свадьба дочери с Молчановым, которого мать давно хотела видеть своим зятем, тогда как старей Волконский всегда был против этого союза, только на днях он поменял свое отношение к Молчанову и наконец соглашается отдать ему дочь. А поскольку будущий зять собирается этой осенью уехать вместе с генералом, то и свадьба наверняка состоится скоро, чтобы он взял жену с собой в Петербург, где он пробудет довольно долго. Все вокруг, и со многих точек справедливо, упрекают мать за то, что она идет на все, чтобы этот союз все-таки состоялся. Как бы там ни было, ничем нельзя оправдать чрезвычайную поспешность в этом деле, ведь дочери только в конце следующего месяца исполнится шестнадцать лет»⁷⁶.

Мария Николаевна Волконская с сыном были уверены, что этот брак составит счастье Нелиньки. Незадолго до роковых событий октября 1852 г. Волконская писала А.М. Раевской: «<...> у Дмитрия Васильевича на руках все дела Восточной Сибири; он ведет всю отчетность и пользуется полным

доверием Н.Н. [Муравьева]. Когда дело идет о том, чтобы отдать под суд какого-нибудь крупного богача, негодяя, всегда Дмитрий ведет следствие, – до такой степени генерал уверен в его знании законов и в высокой честности»⁷⁷. Понятно, о каком богаче и негодяе идет речь в этом письме. Удивительно, но факт: «занадворовское дело» сплотило членов семьи Волконских, показало истинное благородство старого декабриста, ни разу не обмолвившегося жене, сыну и дочери, я, мол, знал, чувствовал и вас предупреждал. Удивительную душевную стойкость проявила дочь декабриста, Елена Сергеевна Молчанова. Не отказался от друга и Михаил Волконский, разделивший с зятем и сестрой тяготы следствия военно-судной комиссии в Омске, но, пожалуй, самый сильный удар судьба нанесла Марии Николаевне Волконской, тяжело переживавшей страшные последствия своей настойчивости.

Первый раз о клевете Занадворова С.Г. Волконский сообщал сыну, находившемуся за Байкалом, 21 августа 1852 г.: «Мой друг Миша, <...> весть, которую тебе сообщаю здесь, тебя удивит, но не огорчайся, мой друг. Злоба и клевета, выводимая на нашего общего друга, есть лай собачий – дураки и воры его только боятся. Доверие начальника не только что не потрясено, но не помрачено даже, клевета будет предана законному взысканию, а подлым людишкам этого черного дела достанется на орехи. <...> Не крушись, мой друг, известием о черноте Занадворова и его сообщников <...>. Все это ведено было с давнего времени. Занадворов, как готовый на все мерзости, есть орудие других, шайки врагов генерала и Дмитрия; первый по списку из них Персин, сообщник главный Эрн, он поддерживает клевету, как тайный доверенный Занадворова». «Пишу тебе эти строки в Посольск, не знаю, дошла ли до тебя весть о злом умысле Занадворова, который сделал донос генералу, что Молчанов взял у него взятку в 20 000 руб. сер. Теперь все это дело приняло законный ход, и как при вторичном спросе он подтвердил, что не имеет никаких доказательств, то получит кару клеветника, доносчика на служебное лицо. Дело требует закона, легальности, и по этому времени надо, чтоб Молчанов приехал»⁷⁸.

«Занадворовское дело» стало набирать обороты. После очной ставки Занадворов был посажен в тюрьму и находился там с 21 октября 1852 г. до 27 июня 1853 г.

Видимо чувствуя, что поступил незаконно, в конце октября Н.Н. Муравьев обратился к императору, объясняя, что Занадворов находится под судом по двум уголовным преступлениям и дело требует «особого хода», а «при обладаемых Занадворовым богатствах для более успешного суждения о лживом его доносе я бы полагал необходимым обстоятельство это предать суду военному, на какой предмет»⁷⁹ он и испрашивал повеления императора. 29 ноября последовало высочайшее повеление: «Занадворова оставить в тюремном заключении впредь до судебного рассмотрения настоящего его поступка и представления дела о нем»⁸⁰.

Скорое разбирательство дела закончилось, и состоялся судебный процесс. Иркутский окружной суд в конце 1852 г. принял решение, что подсудимый Ф.П. Занадворов подлежит «лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Тобольскую

губернию с заключением от одного года до двух лет». Это решение было представлено на утверждение Иркутского губернского суда⁸¹. Но губернский суд отменил решение окружного суда по делу о наследстве Кузнецова (не признав притязаний Булычева). По делу о поджоге Занадворов также от ответственности освобождался⁸². Приговор состоялся 15 января 1853 г. Затем, согласно процедуре, губернский суд представил 17 января 1853 г. свое решение на окончательное рассмотрение военному губернатору Иркутска и иркутскому гражданскому губернатору К.К. Венцелю, который его не утвердил⁸³.

Ранее, 19 ноября 1852 г., иркутский губернский прокурор обратился в Правительствующий сенат с прошением Занадворова о рассмотрении его дела в судебных органах, не подчиненных Муравьеву, и с жалобой на генерал-губернатора в незаконных его действиях⁸⁴. Сенат указом от 31 января 1853 г. предписал генерал-губернатору освободить Занадворова из-под стражи, если не встретится каких-либо особо важных препятствий. Указ Сената был получен в Иркутске в отсутствие Муравьева, поэтому Главное управление Восточной Сибири, подчинявшееся генерал-губернатору, не решилось нарушить распоряжения Муравьева и отправило сенатский указ к нему⁸⁵. Но Муравьев решения не выполнил, а 22 апреля подал на имя императора записку по делу о ложном доносе губернского секретаря Занадворова на Молчанова «в вымогательном будто бы со стороны сего последнего лихоимстве», прося для Занадворова военного суда. Император повелел это представление вместе со следственным делом препроводить на рассмотрение Сибирского комитета⁸⁶. Занадворов обратился к министру юстиции графу В.Н. Панину. 30 апреля на заседании Сибирского комитета рассматривались записка Занадворова и представление министра. Присутствовавший на заседании Муравьев выступил с ответными обвинениями в адрес как купца, так и Панина, посчитав себя крайне оскорбленным. Не остановившись на этом, он через военного министра А.И. Чернышева 8 мая обратился к императору с особой запиской, в которой, выражая негодование по поводу действий министра юстиции, писал: «Если граф Панин представил на суд Сибирского комитета частные, голословные обвинения на генерал-губернатора, даже без предварительного от него по сему объяснения, только из личности ко мне, или исключение это из обыкновенного порядка сделано лишь для одного Занадворова, по неизвестным мне особым уважениям, то это, как личное только оскорбление Муравьева графом Паниным, может быть, и не заслуживает внимания самого правительства; но если это направление ныне принято ведомством юстиции для всех жалоб и доносов, которые всегда поступали и неминуемо поступать будут на генерал-губернаторов Восточной Сибири, то оно поведет к уничтожению всякого их влияния на месте и к разрушению главной правительственной власти в столь отдаленном крае <...>». Записка заканчивалась так: «Памятью всегда священные для меня наставления и указания, которые я удостоился лично получить от Государя Императора при назначении меня к настоящей должности, и постигая всю важность прористекающей от того ответственности моей по званию генерал-губернатора, я считаю верноподданническим долгом своим, в ограждение этого звания,

просить о доведении всех изложенных обстоятельств до Высочайшего Государя Императора сведения»⁸⁷.

Пока шло разбирательство над Занадворовым, его жена написала письмо шефу жандармов А.Ф. Орлову, изложив свое и мужа представление о деле и прося помощи и защиты. Орлов сделал распоряжение генерал-майору К.И. Влахопулову, начальнику 8-го округа корпуса жандармов, предписав ему провести по жалобе свое дознание. Влахопулов доложил, что Занадворов действительно жил вместе с Е.А. Кузнецовым, вел его дела по золотопромышленности и что его жене было выделено более половины в его наследстве. По поводу предъявленной Булычевой претензии об утаивании им более 100 тыс. р. с. генерал замечал: «В справедливости этой претензии можно сомневаться, потому что Занадворов, живя вместе с дядей и управляя всеми его делами, без сомнения, зная в подробности и все обороты дел, если бы хотел, то имел бы полную возможность скрыть и более 100 тыс. из тех огромных капиталов, кои оказались после смерти Кузнецова». Сообщалось, что генерал-губернатор поручил разбирать это дело не гражданским порядком, а уголовным, по окончании которого оно поступило в Совет Главного управления Восточной Сибири и, по положению его, было передано на рассмотрение уголовного суда, «но по заключению ли Совета Занадворов посажен в тюрьму и действительно ли Муравьевым открыты юридические факты к обвинению Занадворова, Влахопулов не мог в том удостовериться по хранению дела сего в тайне, но сомневается в имени юридических доказательств». Влахопулов писал и о том, что Занадворов был заключен в одной камере с прочими преступниками и что, по «мнению его, заключение сие последовало более по обстоятельству, в коем замешан советник Главного управления надворный советник Молчанов, пользующийся особенным расположением генерал-лейтенанта Муравьева, которого, по совести сказать, он вовсе не заслуживает»⁸⁸. Все эти материалы, в том числе и обращение Занадворовой, А.Ф. Орлов 30 апреля 1853 г. передал на усмотрение министерства юстиции. Далее после изучения дело Занадворова было передано для рассмотрения в судебные инстанции Западной Сибири.

Император, одобрив мнение Сибирского комитета от 7 мая 1853 г. о передаче суду Занадворова, повелел: передать его военному суду при Штабе Отдельного Сибирского корпуса; командировать из Санкт-Петербурга двух благонадежных и опытных чиновников, «испытанной честности», возложив на них дополнительное исследование дела; Занадворова во время суда содержать под арестом; закончить дело без всякого замедления; представить поступившее в Сибирский комитет следственное дело в учреждаемую в Омске Комиссию военного суда, «исключив, однако, из этого дела копию рапорта всеподданнейшего доклада Муравьева от 23 октября 1852 г., т. к. он не подлежит ни суждению, ни рассмотрению»⁸⁹.

11 июля 1853 г. Занадворов был доставлен в Омск⁹⁰ для дальнейшего исследования дела и предания военному суду за: 1) ложный донос на Молчанова; 2) сокрытие части имущества Кузнецова и 3) поджог лесов⁹¹. Дело слушалось в Омской военно-судной комиссии.

С.П. Трубецкой писал дочери Александре в Кяхту 29 июня 1853 г.: «А здесь новое то, что Занадворова увезли третьего дня в Омск, где назначен военный суд, к которому командированы Огарев и Сабир, оба, кажется, флигель-адъютанты, и обер-аудитор из Петербурга»⁹².

И все началось снова: следствие, допросы. К февралю 1854 г. военный суд склоняется к виновности Фавста Петровича. Занадворов вновь обращается к императору с жалобой на это решение. Вероятно чтобы не брать на себя лишнюю ответственность, командир Отдельного Сибирского корпуса предложил военному министру передать дело Занадворова для рассмотрения в присутственных местах вне Сибири (4 марта 1854 г.)⁹³.

В период данного следствия собирали материалы и делали свои выводы и жандармы. По удостоверению начальника 8-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенанта К.И. Влахопулова⁹⁴, а также полковника Огарева и подполковника Сабира (бывших ассессорами в военном суде при Штабе Отдельного Сибирского корпуса и являвшихся старшими адъютантами дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества), Молчанов, пользуясь незаслуженно особенным расположением генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, «действовал в отношении Занадворова притязательно»; в общем же «отзывы о Молчанове как в Западной Сибири, что он прежде служил, так и в Восточной, по донесению упомянутых лиц, самые неодобрительные»⁹⁵.

Любопытно, что, находясь в Омске, Занадворов записался в купеческую гильдию и перевел туда свою контору, чтобы продолжать заниматься коммерческими делами. «Я должен тебе сообщить, – писал С.Г. Волконский зятю, – что Занадвор[ов] написал своим: “Много перетерпел, много перетерплю – но многих и потоплю. Я записался в Гильдию в Омске, туда перевожу мою контору, а возвращусь в Иркутск, когда смещу из оною Муравьева»⁹⁶.

По окончании военного суда министр внутренних дел сообщил о получении в его министерстве сведения об утайке Молчановым 300 р. с., пожертвованных иркутским купцом П. Басниным на устройство огорода при Иркутском тюремном замке, для присоединения этого обстоятельства к показаниям Занадворова о получении Молчановым от него взятки 20 тыс. р. с. Генерал-аудиториат, рассмотрев военно-судное дело и сообщенные министром внутренних дел сведения, нашел, что Молчанов «действиями своими навлекает на себя подозрение в лихоимстве и сокрытии в свою пользу денег, пожертвованных купцом Басниным», и поэтому должен быть предан суду, который, поскольку он советник ГУВС, должен производиться в Правительствующем сенате, но возможно судить его и при одном из ордонанс-гаузов и тому же суду «постановить заключение о Занадворове и о прикосновенных к этому делу лицах, как-то: губернском стряпчем надворном советнике Алексееве, чиновнике особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири коллежском ассессоре Бибикове и отставном коллежском ассессоре Эрне». «Самой же дела о Занадворове, по поводу которых дана была по его показанию взятка Молчанову, именно о сокрытии Занадворовым части наследства статского советника Кузнецова и о поджоге лесов в Олёкминском округе, передать министерству юстиции». Император повелел передать

Молчанова военному суду при Московском ордонанс-гаузе не арестованным и там же продолжить военный суд над Занадворовым, оставив его, «в уважении болезненного состояния, по-прежнему под домашним арестом»⁹⁷.

Вот так Молчанов попал в разряд обвиняемых.

Что же это за вдруг объявившиеся 300 рублей серебром?

Павел Петрович Баснин (1816–1867), почетный гражданин, иркутский 1-й гильдии купец, сообщил в Министерство внутренних дел, что 30 июня 1849 г. передал деньги Молчанову на устройство огорода при Иркутском тюремном замке. Он не взял с него своевременно расписки, так как давал деньги не частному лицу, а чиновнику, пользующемуся доверием и уважением, и передал он ему деньги как пожертвование. Объясняя, почему он заявляет об утайке Молчановым 300 р. с. по прошествии пяти лет, Баснин сообщил, что поднял вопрос о деньгах не сразу из-за того, что Молчанов по своему поведению в деле Занадворова «обратил на себя внимание с самой невыгодной стороны»⁹⁸. Комментарий очень откровенный, ведь заявление Баснина в корне изменило ход дела. С.Г. Волконский писал Молчановым 6 ноября 1854 г.: «Я должен вас предупредить, что последние новости, появившиеся здесь, утверждают, что это дело Баснина повлияло на решение, принятое против вас ныне, и что ваш ответ не отрицает факта получения этих несчастных 300 р. и принято как доказательство должностного злоупотребления с вашей стороны»⁹⁹.

В ответ на предъявленное ему обвинение Молчанов утверждал, что вернул деньги Баснину, но тот заверял, что «жертвенные деньги назад возвращаться не могут и по совести, и по закону»¹⁰⁰. И далее С.Г. Волконский отмечал: «Очень странно, что Баснин, годами вас посещая, будучи с вами в отношениях в качестве директора компании Тальки, ни слова вам не сказал о применении этих денег, поскольку он был уверен, что они употреблены для цели, которую ему предложили. Здесь было известно, что этот депозит Баснина был куплен Занад[воровым], что эти двое были связаны этим фактом, и, как говорят, *«теперь если не Н.Н. повредим прямо, но повредим его правой руке Молчанову – и тем досадим отъявленному врагу всех Сибиряков»*. «Все это предпринято против вас, – вы платите за разбитые горшки другими, которые сейчас, как мне кажется, очень философски настроены»¹⁰¹. Очевидно, что Волконский говорит о позиции Н.Н. Муравьева, который, горячо взявшись за расследование, действуя незаконно, наломал дров, а потом практически отступился от защиты Д.В. Молчанова, о чем с сожалением и горечью писал Молчанов Михаилу Волконскому 5 мая 1855 г.: «Вот единственная награда, которую Николай Николаевич доставил мне за 5-летнюю усердную и бескорыстную службу, затем он сложил руки и считает себя свободным от всякой передо мной обязанности; Бог с ним, но прими это в соображение, и не распинаясь для подобного начальника, и держи ухо востро, и береги свои силы для людей, которые лучше ценят заслуги»¹⁰².

Деньги же Баснина стали важной уликой в деле об обвинении самого Молчанова.

Выяснилось также, что Молчанов был должен казне 6 тыс. рублей, в связи с чем коснулось следствие и Андрея Васильевича Белоголового, иркут-

ского 2-й гильдии купца, бравшего на хранение капитал, принадлежавший М.Н. Волконской.

В своих показаниях, данных 3 февраля 1855 г., А.В. Белоголовый сообщил: «У меня действительно находился в хранении капитал жены государственного преступника Волконского, княгини Волконской <...> в количестве 63 000 р. асс., или 18 т. р. с., <...> за которые я платил указанные проценты, <...> возврат капитала этого производился мною по частям и всегда лично самой княгине Волконской, кроме 3 т. р. с., выданных в Москве зятю ее, чиновнику Молчанову»¹⁰³. Окончательный расчет состоялся 6 апреля 1853 г.

В деле сохранилась расписка А. Белоголового от 2 апреля 1849 г., данная княгине Волконской в том, что он взял у нее на сохранение 63 тыс. р. асс. (18 тыс. р. с.), а также расписки самой Волконской в получении денег от купца:

1850 г. 2 апреля 3 т. р. с. + 180 р. проц.,
1851 г. 2 апреля 3 т. р. с. + 360 р. проц.,
1851 г. 10 апреля 3 т. р. с. + 360 р. проц.,
1852 г. 2 апреля 5 т. р. с. + 900 р. проц.,
1853 г. 6 апреля 4 т. р. с. + 960 р. проц.¹⁰⁴

Долг казне вполне мог послужить поводом для взятки, но в то же время капиталы княгини могли пойти на его уплату, поэтому Молчанову вроде не нужно было брать деньги у Занадворова. Но это только предположение. Белоголовый должен был занести полученные деньги в кассовую или расчетную книгу, но он этого не сделал.

Военно-судное дело, произведенное в комиссии военного суда, учрежденного при Московском ордонанс-гаузе, о подсудимых надворном советнике Молчанове и губернском секретаре Занадворове закончилось следующими приговорами: по Молчанову – «за означенные преступления его лишить всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленных местах Сибири; взыскать с него полученные им от Занадворова 20 тыс. р. сер. и от купца Баснина 300 р. сер., из коих первые отослать в местный приказ общественного призрения, а последние обратить в пользу Иркутского тюремного замка и сверх коих взыскать с него же, Молчанова, употребленные по производству дела казенные деньги, как значащиеся по оному в количестве 2208 руб. 69 ½ коп. серебром, так и могущие еще открыться по сему же делу»¹⁰⁵; по Занадворову – «от всякой по сему делу ответственности оставить свободным»¹⁰⁶. 19 июня 1855 г. это решение было передано на высочайшее утверждение. А император переправил дела в Государственный совет.

Из доклада Московского военного губернатора генерал-адъютанта графа Закревского Государственному совету известно, что приговор Московского ордонанс-гауза Д.В. Молчанову был объявлен 19 июля 1855 г. «на квартире, поскольку Молчанов по болезненному состоянию прибыть не смог. <...> Молчанов согласно представлению военного суда на основании 756-й ст[атьи] 2-й кн[иги] Военно-уголовного устава в то же время был арестован и отвезен для содержания в Московский тюремный замок в отдельной камере на благородной половине; но он в тот же день прислал к коменданту прошение, в котором объяснял страдальческое положение свое, необходимость лечения холодною водою и постоянный уход за ним, как не владеющим но-

гами, ходатайствует об отдаче его на поруки тем лицам, которых представит жена его. <...>. Я разрешил освободить его из тюрьмы»¹⁰⁷.

Тяжесть приговора и арест Молчанова потрясли семью Волконских. Находившиеся в Москве Нелли Молчанова и Мария Николаевна Волконская использовали все родственные и дружеские связи в столицах, Сергей Григорьевич обратился к сестре Софье, прося использовать ее близость к императорской семье, чтобы спасти зятя. Михаил Волконский писал матери в ноябре 1855 г.: «<...> я осмелюсь верить, что есть законы в нашем отечестве и что законы защитят невинного против тех, кто хочет сделать из него виноватого и казнить его смертной казнью (к этому все идет) в его правом деле! <...> если Дмитрий должен будет выплатить 42 700 р. вследствие дела З[анадворова], <...> нужно будет выплатить сумму <...> из моего капитала <...>, кто ему ближайший родственник, как не я? И это право я никому не дам у меня отобрать, оно должно мне принадлежать по законам родства и сердца, которыми мы связаны»¹⁰⁸.

Приговор наконец-то вывел из состояния апатии и самого Молчанова, побудив его писать объяснение московскому губернатору генерал-адъютанту А.А. Закревскому «по тем предметам, по которым он был военным судом обвинен: <...> я их только ныне в первый раз услышал с достаточной ясностью и подробностью и потому только теперь встречаю возможность доказывать свою невинность, опровергая неправосудие. <...> я прошу не снисхождения, не пощады, а справедливой защиты против явной неправды»¹⁰⁹. 9 декабря Д.В. Молчанов написал императору прошение о правосудном рассмотрении его дела по навету губернского секретаря Занадворова и почетного гражданина Баснина, где он впервые упоминает о второй записке, написанной якобы его рукой и адресованной Н.Н. Муравьеву: «Всемиловейший государь! Занадворов, обладающий миллионами, находясь еще под уголовным судом по произведенному мною над ним следствию, оклеветал меня в лихоимстве с него 20 тыс. р. сер. В Бозе почивший Августейший родитель Вашего Величества еще в 1853 г. соизволил признать клевету эту ложным доносом и повелел предать за оный военному суду в Омске. Устрашась тогда ответственности, клевета вознамерилась оградить себя от нее подлогом, и в то самое время, когда назначался над Занадворовым суд, подброшена была к князю Чернышеву моего почерка записка, которою я будто бы уведомляю генерал-губернатора Муравьева о взятии мною с Занадворова 20 000 руб. Записка эта была представлена мне Его Светлостью, и я, признав ее в высшей степени искусною подделкою под мой почерк, вместе с тем объяснил всю бессмысленность ее как потому, что неподкупность г. Муравьева не может подлежать сомнению, так и потому, [что] мне не представляло[сь] никакой надобности вести подобную переписку, когда по обязанностям службы я имел возможность быть у г. Муравьева лично во всякое время. Князь Чернышев объявил мне тогда же высочайшую волю, чтобы о предлежащем обстоятельстве не сообщал я никому, с тех самых пор я свято исполняю волю монарха моего, не сославшись ни разу в деле на подлог, явно обнаруживший ложность клеветы и как искусно подражается мой почерк»¹¹⁰.

Судя по словам Молчанова, ему было велено молчать о подложной записке на имя Муравьева, где речь шла о 20 000 руб. К делу эта записка не была приобщена, таким образом, полное ее содержание нам неизвестно. Выше было уже сказано о том, что объяснения генерал-губернатора не привлекались в качестве свидетельства во время суда в Омске, правда, объяснение Н.Н. Муравьева есть в деле, хранящемся в РГВИА под грифом «Совершенно секретно». Это было не первое объяснение генерал-губернатора, и написано оно было 23 февраля 1856 г., когда развязка уже наступила. Н.Н. Муравьев должен был приехать в Омск в конце 1853 г., чтобы лично выступить в защиту Д.В. Молчанова, но не приехал. Возможно, и прав С.Г. Волконский, говоря о плате зятя за чужие «разбитые горшки».

Есть еще одно подтверждение не совсем честной игры генерал-губернатора в «занадворовском деле». Будучи в Петербурге в командировке, М.С. Волконский познакомился со светлейшей княгиней Л.Н. Меншиковой (урожд. Гагариной), женой В.А. Меншикова, троюродной сестрой Александра II. Известная в высшем обществе Санкт-Петербурга, умная и блестяще образованная, близкая ко двору, она, не стесняясь, говорила то, что считала правдой, и это отсутствие расчетливого лицемерия составляло весьма редкое достоинство. В одном из писем к родителям, сообщая об этом знакомстве, Михаил Сергеевич писал: «Когда я пришел к ней, она начала со мной говорить среди прочего и о деле Дмитрия, закончив словами: “и знайте, что забавляется всем этим тот, кому вы передо мной поете похвалы, – Н.Н.”»¹¹¹.

Далее в этом прошении речь идет о доносе купца Баснина: «<...> когда слух о доносе сего последнего [Баснина] распространился в Иркутске, то служивший там д[ействительный] с[татский] с[оветник] Штубендорф, пользующийся общим уважением и дружный со мною около 12-ти лет, счел обязанностью честного человека сообщить мне об этой молве в Петербург, но до получения еще его письма я был уже спрошен генералом Муравьевым»¹¹².

Объяснение того, о чем же был спрошен Молчанов Муравьевым, находим в письме Ю.И. Штубендорфа С.Г. Волконскому, в котором автор приводит цитату из письма Дмитрия Молчанова: «По делу Баснина. Донос этот состоял действительно в том, как ты мне писал; он адресован был к министру внутренних дел: а от Бибикова был сообщен генералу <...>. К сожалению, в этом доносе есть несколько правды, но правды горькой, вооружающей меня еще более против одного человека, который и без того нанес мне много вреда; я говорю о Муханове. Действительно, в 1849 году по вмешательству Петра Александровича Баснин привез ко мне 300 р. сер. для заведения огорода при остроге, оставил эти деньги у меня, не взяв никакой расписки. На другой день, сообразив, что Николая Николаевича в Иркутске нет, что сам я скоро поеду в Якутск, что нынешний острог временный, а потому при нем огорода заводить не стоит, а новый острог Бог знает когда еще построят, я при свидании с Мухановым, объяснив ему все это и имея в виду, что чрез него было сделано это пожертвование, вручил ему 300 р. для возвращения Баснину, тогда я, к несчастью, доверял еще Петру Александровичу, а потому не взял с него расписки, при том же не считая и нужным этого делать, потому что сам никакой расписки Баснину не давал. С тех пор в течение почти четырех лет

никакого помину даже не было об этом деле, тогда как Баснин после этого часто со мною виделся и мог бы, кажется, хотя когда-нибудь спросить меня, что делается с его деньгами. Записка, которую, он уверяет, будто бы я послал к нему, есть или вымышленная, или фальшивая. Во всяком случае, она бессмысленна, ибо с какой стати ему было требовать от меня этой записки, когда при личной передаче мне денег он не счел нужным взять от меня расписки, а во-вторых, если я в этой записке обещал дать официальный ответ через месяц, то с какой же стати, не получая от меня этого ответа, он молчал в течение почти 4-х лет. <...> Вероятно, Муханов, по обыкновенной своей неаккуратности, не отдал Баснину денег; но зачем же, когда он услышал о настоящем доносе, он не исправил своей погрешности и не избавил меня от неприятностей, которые, во всяком случае, отнимают у меня много здоровья. Я никогда не решусь оподозреть Муханова в каком-либо умышленном участии по этому делу, сколько ни делал мне Петр Александрович в старые годы неприятностей, но, во всяком случае, я ставлю его в числе порядочных людей, не имеющих, однако, порядка в деньгах, и поэтому я допускаю, что Муханов забыл о всем этом, забыл, может быть, что я ему даже отдал те 300 руб. для вручения Баснину, и эта каналья, может быть весьма хорошо зная это обстоятельство, воспользовался этим, чтобы насолить мне»¹¹³. И в этом деле фигурирует якобы сфальсифицированная записка Молчанова, в которой он сообщал Баснину о получении денег и использовании их по назначению. Казалось бы, к этому делу генерал-губернатор был вовсе не причастен, и Молчанов не был связан никакими обязательствами, но грамотно и квалифицированно выстроить свою защиту не смог. О Муханове вспоминает, что называется, в последний момент, путается в показаниях, не может даже вспомнить, кто ему привез деньги: сам П.П. Баснин или П.А. Муханов, что приводит следствие к выводу, что деньги были присвоены Молчановым.

Несколько месяцев дело Молчанова рассматривалось Государственным советом. Мнение гражданского департамента Государственного совета изложено в журнале 2 и 4 марта 1856 г. и журнале Общего собрания 2 мая того же года. Государственный совет признал прикосновенными к делу также Бибикова, Эрна, Алексеева, Булычева и Белоголового.

Выяснилось, что Бибиков дал Занадворову разрешение возвратиться из Качуга. Он вместе с врачом Холодковским освидетельствовал Занадворова и дал собственноручное секретное предписание Добровольскому, окружному заседателю, чтобы тот не препятствовал возвращению купца в Иркутск, и это было сделано по распоряжению Н.Н. Муравьева (?!)¹¹⁴.

Белоголовый в то время, когда Занадворов сидел в тюрьме, пытался уговорить его подписать составленный Булычевым проект мирового акта, по которому Фавст Петрович должен был отказаться от всякого влияния на дела жены Булычева, т. е. от условий, прописанных в духовном завещании Кузнецова, и выдать 25 тыс. р. с. генерал-губернатору¹¹⁵. Но никто из «прикосновенных к делу» привлечен к ответственности не был. Так же, как не были признаны виновными и главные действующие лица этой истории.

Государственный совет постановил: Д.В. Молчанова «по обвинению в лихоимстве и в утайке 300 р. с., пожертвованных купцом Басниным, за неи-

нением в делах о сем достаточных тому доказательств и улик, освободить от всякой по оной ответственности, подвергнув его только взысканию 300 р. с., как пропавших по его неосторожности, с процентами с 30 июня 1849 г. и таковую сумму обратить в пользу Иркутского тюремного замка». «Губернского секретаря Занадворова, также как ни в чем по настоящему делу не обвиненного, от суда освободить»¹¹⁶.

Во мнении Государственного совета было отмечено: «Неправильные действия военно-судной комиссии в Омске и старших адъютантов при дежурном генерале Главного штаба Его Императорского Величества, полковника Огарева и подполковника Сабира, предоставить рассмотрению военного министра»¹¹⁷. Скорее всего, оказался прав Сергей Григорьевич Волконский, писавший дочери и зятю в ноябре 1854 г.: «<...> *Огарев и Сабир* живут здесь в доме, снятом Занадворовым, <...> это, во всяком случае, акт тайного сговора с ним, и они были поселены им. Более того, эти господа были в прямых отношениях с Персиным и Трапезниковым, бывшим градоначальником <...>»¹¹⁸.

28 мая 1856 г. мнение Государственного совета было высочайше утверждено. Дело на этом закончилось.

Вряд ли что-то новое, необычное было в поведении Занадворова как взяткодателя (лиходателя), а в действиях Молчанова – как получателя (лихоимца). Взятка была распространенным в России явлением, и отдаленная Восточная Сибирь также была поражена этим общественным недугом, уходящим корнями в систему «кормления». С помощью взяток решались, и достаточно оперативно, многие вопросы. При Муравьеве «произвол и взяточничество, которые сначала тщательно скрывались, снова сделались откровенны и беззастенчивы»¹¹⁹.

Но в деле с Занадворовым произошел сбой. Занадворов, безусловно, мог устроить себе спокойную жизнь, если бы продолжил деятельность Кузнецова по денежной поддержке Амурского проекта Муравьева. Вполне вероятно, что он, как и многие местные купцы, не принадлежал к сторонникам Муравьева в вопросе присоединения Амура. И когда генерал-губернатор обратился к нему с просьбой продолжить финансирование, первой его реакцией был отказ, и, как отмечает В.И. Вагин, «<...> этим Занадворов заслужил не только неудовольствие, но и ненависть Муравьева»¹²⁰. А все последующие события – жалоба Булычева, сгоревший лес – только усугубляли его положение, давая властям возможность действовать против него официально, по закону. И попытка уладить конфликт обычным способом – через взятку – дала сбой. Власть в лице Муравьева стремилась преподать урок всему купечеству, сделать его более покорным и отзывчивым на свои инициативы. По сути, это был пример вымогательства высокопоставленным чиновником средств на воплощение своих идей с представителя капитала. «Амур был <...> детищем графа, его баловнем. На нем были сосредоточены все его помыслы и надежды. На экспедиции нужны были деньги, где их было взять, как не с купцов. Е.А. Кузнецов, по внушению Муравьева, в течение двух лет пожертвовал почти миллион рублей. <...> Кто не делал взносов на экспедиции, к тому Муравьев становился прямо во враждебные отношения. Многие

покинули Сибирь из-за Муравьева»¹²¹. Власть желала получить негосударственные субсидии для решения государственных вопросов, переориентировав движение частных капиталов, что не могло нравиться владельцам этих капиталов.

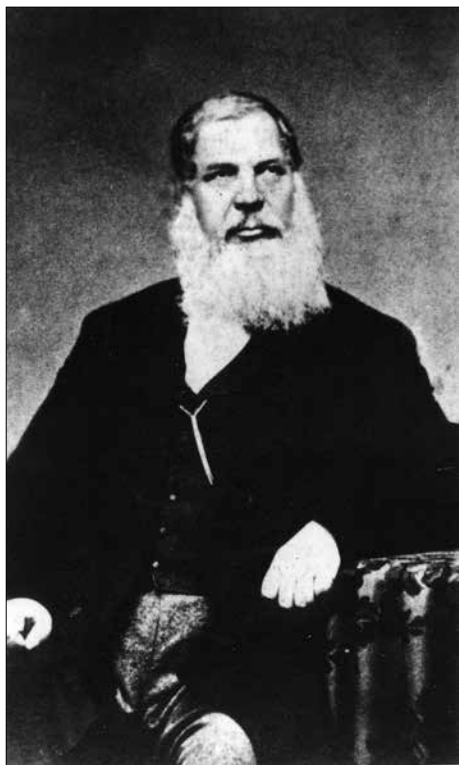
К защите Занадворова и тем самым, пускай и косвенной, борьбе с властью оказался причастен Павел Петрович Баснин, которого мы не можем причислить к друзьям Занадворова или хотя бы имевшим с ним какие-либо деловые отношения (архивные документы на этот счет молчат). Но Баснин, очевидно, хорошо понимал, что такое «дело» может быть сфабриковано против любого из купцов, кто осмелится выразить несогласие с действиями генерал-губернатора. В действиях П. Баснина прослеживается отношение к Муравьеву тех слоев купечества, которые потеряли свои капиталы на торговле с Китаем из-за его стремления перенести торговлю из Кяхты на Амур. Вероятно, у П. Баснина проявилась и обида за двоюродного брата – Василия Николаевича, бывшего городским головой в 1850–1852 гг. и имевшего конфликт с генерал-губернатором из-за того, что отстаивал торговлю с Китаем по-старому, в Кяхте, по причине чего «торговля дома Баснина была закрыта»¹²², а сам В.Н. Баснин в 1858 г. уехал в Москву. Среди недоброжелателей Н.Н. Муравьева оказался и врач И.С. Персин, удачно сочетавший врачебную практику и предпринимательство. Персин был очень близок к семье Трубецких, являлся лечащим врачом Екатерины Ивановны, доверенным лицом семьи в деле раздела наследства А.Г. Лаваль, матери первой декабристки. Конечно же, не врачебная практика, а участие в золотых промыслах и других спекуляциях позволило Персину построить собственный дом на Большой улице в Иркутске, а по врачебным обязанностям он бывал во многих богатых и известных домах города, знал мнение иркутского купечества и чиновничества и выбрал правильную и выгодную, с его точки зрения, сторону так называемой занадворовской партии. Категорические противники замужества Нелли Волконской из декабристской среды автоматически стали сторонниками этой партии. Свидетельство гнева генерал-губернатора приводит Н.П. Матханова: «Адъютант А.Н. Похвиснев написал Корсакову, что он получил от генерала распоряжение ”передать некоторым лицам, а именно кн[ягине] Трубецкой, находящейся под влиянием Персина с его штабом, Муханову, чтобы они держались осторожнее и не мешались бы в глупые разговоры и суждения из опасности *переменить Иркутск на Колыму*” (выделено в подлиннике. – Н.М.)»¹²³.

Однако совершенно другая позиция в отношении Муравьева была у купца А.В. Белоголового и его сыновей, которые участвовали в создании и управлении «Амурской компании».

И наконец, отметим, что не часто в российской истории дело о взятке рассматривалось в Правительствующем сенате и Государственном совете.

Это «дело» стало трагедией для семьи Молчановых – Волконских. И без того слабое здоровье Д.В. Молчанова было окончательно подорвано длительным следствием и судебными процессами. Признаки прогрессивного паралича, появившиеся в 1853 г., а потом и душевной болезни стали активно развиваться. 15 сентября 1857 г. Молчанов умер¹²⁴. На похоронах Дмитрия

Васильевича членам семьи Волконских пришлось вновь встретиться с Занадворовым. В ИРЛИ в фонде Волконских хранится фрагмент письма неустановленного лица, возможно С.Г. или М.С. Волконских к родным, с описанием появления Ф.П. Занадворова на похоронах Молчанова: «Подумайте, что во время шествия похорон от приходской церкви мимо нашего дома, где по обычаю печальное шествие останавливается и поется панихида, вижу я вдруг перед собой, подумайте, кого – Занадворова, горделиво стоящего, витийствующего с театральными молитвами, в позе какого-то победителя. Я не мог выдержать дерзости его присутствия и, несмотря на все грустные впечатления семейного события, подошел к нему и сказал ему: “Не понимаю, как вы возымели дерзость и при печальном событии, нас постигшем, явиться пред нами, пред телом усопшего, которого отчасти вы положили в гроб. Это наглость, которую можно ожидать только от мерзавца, как вы”. Эта выходка его смутила, и только он умел отвечать прибывшему с ним неизвестному мне лицу: “Смотрите, смотрите”, сел в экипаж и уехал. Иные меня осуждают за эту выходку, большое число находит, что я правильно сделал, я же не искал и не ищу похвалы, равнодушен к суждениям. Действовал по убеждению и одобряю свой поступок. Урок подлецу»¹²⁵.

Ф.П. Занадворов

Печальное дело не принесло счастья и семье Занадворовых. После суда Занадворов продолжал заниматься добычей золота, но в его семье произошел разлад. В июле 1855 г. супруга Ф.П. Занадворова покинула его: забрала детей – двух дочерей и сына¹²⁶ и уехала в Петербург. Что совсем неприятно, она объявила недействительной выданную ему в 1851 г. доверенность на управление ее имуществом и потребовала отчета за все годы, подав соответствующее прошение шефу жандармов князю В.А. Долгорукову. Тяжба растянулась на несколько лет. Супруги Занадворовы развелись. Екатерина Александровна жаловалась на Фавста Петровича в Сенат и московскому генерал-губернатору, обвиняя мужа в том, что он жестоко обращался с ней и обобрал ее¹²⁷.

В конце 1871 г. с Занадворовым в Москве, где тот жил, встретился В.И. Вагин. Всеволод Иванович записал: «Он очень обрадовался встрече

<...> и упросил нас приехать к нему <...> обедать, где <...> можно было кое о чем поговорить. За обедом разговор, или, вернее, монолог, потому что говорил <...> исключительно один Занадворов, вертелся исключительно о

тонкостях кулинарного искусства, которым, кажется, очень занимался Занадворов. Он указывал нам на особенный вкус поданных к обеду пельменей <...>. После обеда он занял нас приятным монологом о том, какой негодный человек был Муравьев и какой прекрасный человек сам он, Фавст Петрович Занадворов. Всю суть этого монолога можно было рассказать в двух словах: Занадворов напишет свои записки и в них на чем свет стоит <неразб. одно сл.> по косточкам Муравьева. Сколько ни порывались мы домой, он никак не отпускал нас; с 2-х часов дня мы продежурили у него до 10 часов вечера. Это был утомительнейший по скуке день моей жизни¹²⁸.

Зато я прекрасно узнал Занадворова: он был образцово глуп, даже для богача; <...> Именно его глупость и была тем качеством, которое выдвинуло его из неизвестности и сделало героем необыкновенных событий.

На обратном пути из Петербурга мы не повидались даже со своей родственницей жены из опасения, чего доброго, встретить вновь Фавста Петровича и подвергнуться его гостеприимству. А все-таки его записки, если он действительно писал их, могут быть очень любопытны¹²⁹.

Скончался Ф.П. Занадворов в 1888 г. Похоронен в Рязани, где он жил в последние годы, на кладбище Спасского монастыря, в Рязанском кремле. На надгробной плите была сделана следующая надпись: «Только здесь нашел себе покой Фавст Петрович Занодворов¹³⁰ (1811–1888)».

19 апреля 1889 г. «Иркутские губернские ведомости» поместили следующее объявление: «По сообщению “Русских ведомостей”, утверждено к исполнению Рязанским окружным судом нотариальное духовное завещание жившего последние годы в Рязани сибирского золотопромышленника Фавста Занадворова. Девятый пункт завещания имеет общественное значение ввиду преследуемой им благотворительной цели. $\frac{19}{43}$ частей своего состояния покойный Занадворов передает в распоряжение Министерства народного просвещения на усиление учебных и научных средств Томского университета, горного училища в Нерчинских заводах и заводской школы в Петровском Заводе. По приблизительному расчету, произведенному при приведении в известность наследства, оставшегося после Занадворова, на вышеупомянутые благотворительные дела причитается около 145 000 рублей»¹³¹.

Примечания

¹ *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руртгерт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 164–169.

² *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889.

³ Например, Б.В. Струве указывает, что он выехал из Петербурга 29 нояб. 1850 г. и прибыл в Иркутск в ночь с 18 на 19 дек. Он пишет: «Привез я, между прочим, с собою <...> Высочайший приказ о производстве прямо в статские советники старца-золотопромышленника, потомственного почетного гражданина Ефима Андреевича Кузнецова в награду за значительные пожертвования, <...> привезенная мною награда не застала его в живых, он скончался за три дня до моего приезда» (*Струве Б.В.* Указ. соч. С. 105–106). Но, как известно, Е.А. Кузнецов скончался 26 сентября и был торжественно похоронен 29-го (Иркутская летопись / Летописи П.И. Пезжемского и В.А. Кротова; с предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова // Тр. Вост.-Сиб. отдела Императорского Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1911.

№ 5. С. 304–306). Возможно, Струве хотел сказать, что купец скончался за *три месяца* до его приезда.

⁴ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский перед судом профессора П.Н. Буцинского: Заметки и воспоминания И.В. Ефимова. СПб., 1896.

⁵ *Струве Б.В.* Указ. соч. С. 139.

⁶ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / автор-сост. Н.П. Матханова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1998. (Серия «История Сибири. Первоисточники».) Вып. 7. С. 13.

⁷ М.М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург (из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Рус. старина. 1902. Т. 112. Вып. 10. С. 37.

⁸ Стогов неверно называет имя и отчество Кузнецова, должно быть Ефим Андреевич, а не Иван Ефимович.

⁹ Варначок – от слова варнак, так в Сибири называли ссыльнокаторжных.

¹⁰ Э.И. Стогов перебрался в Киев после 1837 г. К сожалению, из текста непонятно, в каком году в Киеве он узнал о Кузнецове, он как бы «сжимает» время. Известно, что Е.А. Кузнецов получил чин статского советника только в 1850 г., а ордена Св. Анны 3-й ст. и Св. Владимира 3-й ст. – в 1840-е.

¹¹ 1 фунт = 0,40951241 кг.

¹² 1 золотник = 4,266 г.

¹³ *Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 97–98.

¹⁴ Небольшая речка, находится на территории современного Нижнеудинского района в Тофаларии.

¹⁵ Из жизни декабристов в Сибири (Письма С.Б. Броневского С.Р. Лепарскому) // Рус. старина. 1899. Ноябрь. С. 328.

¹⁶ Унтер-шихтмейстер – звание, которое присваивали нижним чинам, занимавшимся по разным частям горного и заводского производств и по письмоводству. Оно разделялось на три класса, из которых первый считался старшим. С 1847 г. заменен чином горного урядника.

¹⁷ *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 59–60 об., 104–105.

¹⁸ Указание «Со старшинством» означало время, с которого исчислялся срок нахождения в данном чине. Являлся показателем для ранжирования лиц, имеющих одинаковые чины, что имело значение при определении первенствующего положения при прочих равных условиях. Отнесение старшинства на более ранний срок в определенной степени являлось показателем успешной службы.

¹⁹ *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 104–105.

²⁰ Отрывки из воспоминаний С.И. Черепанова, напечатанные в «Древней и новой России» 1876 г. Казань, 1879. С. 47.

²¹ Там же.

²² *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 63 об., 65 об.

²³ Там же. Л. 60–60 об.

²⁴ И.П. Алиберу принадлежит разработка месторождения графита на горе Боготол в верховьях р. Урика в Восточном Саяне. В 1846 г. он устроил там рудник. Первоначально дело процветало, но в 1859 г. из-за недоразумений с компаньоном Ф.П. Занадворовым Алибер покинул свой рудник и возвратился во Францию.

²⁵ *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 64 об.

²⁶ *ГАИО.* Ф. 162. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об.

²⁷ Месяцеслов на 1846 год. ИРОМ. Инв. № 8089, 31322.

²⁸ Ограниченное занятие делами другого лица без права подписания каких-либо документов от имени доверителя. В большей степени наблюдение за правильностью ведения дел.

²⁹ *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 354. Далее: *Сабиньский.*

³⁰ *ГАИО.* Ф. 447. Оп. 1. Д. 50. Л. 77–77 об.

³¹ *Струве Б.В.* Указ. соч. С. 136.

³² *НИОР РГБ.* Ф. 137.127.12. Л. 15 об., 16.

³³ *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 66–67.

³⁴ Путешествие по Восточной Сибири / [соч.] И. Булычева, Имп. Рус. геогр. о-ва д. чл. СПб., 1856. Ч. 1: Якутская область, Охотский край. 1856.

- ³⁵ Аполлон Александрович Голенищев-Кутузов, исправник г. Охотска в нач. 1850-х гг.
- ³⁶ *–ff–ff*. Искусство чужими руками жар загребать // Иркутские губернские ведомости. 1858. 25 дек. Ч. неоф. С. 2–6.
- ³⁷ Лицо неустановленное.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 13 об.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 68–71.
- ⁴⁰ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 165, 383.
- ⁴¹ Молчановы были в родстве с Пушкиными. Сестра Василия Илларионовича, Александра Илларионовна, была замужем за Александром Юрьевичем Пушкиным, двоюродным братом Надежды Осиповны Ганнибал, крестным отцом поэта А.С. Пушкина и его двоюродным дядей.
- ⁴² *Сабиньский*. Т. 2. С. 562.
- ⁴³ Там же. С. 603–604.
- ⁴⁴ Так в тексте.
- ⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 137.41.6. Л. 22. Корсаков М. С. Дневные заметки. Пребывание в Иркутске и путешествие в Охотск. 1849 март 13 – апрель 24.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 201. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 5. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 126–131 об.
- ⁴⁷ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 16. Л. 12 об.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 22–23.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 295 об., 301 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 71 об.
- ⁵² Там же. Л. 74 об. – 75 об.
- ⁵³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский перед судом профессора П.Н. Буцинского... С. 35.
- ⁵⁴ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 96–96 об.
- ⁵⁶ В тексте дела не указывается, на какой именно храм.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 333. Но есть и другие свидетельства, например, Н. Мокеев указывает, что «Е.А. Кузнецов на Амурское дело вручил Муравьеву около трех миллионов рублей» (*Мокеев Н.* Амур и Муравьев // Сиб. архив. 1912. № 6. С. 494); Б. Струве отмечает, что «весьма значительные пожертвования на пользу общественную и для церквей» в течение двух лет достигли почти миллиона рублей (*Струве Б.В.* Указ. соч. С. 136).
- ⁵⁸ *Вагин В.И.* К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 275.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 75 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 75 об. – 76 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 74 об., 78–78 об.
- ⁶² Гавриил Каспарович Эрн родился в семье штаб-офицера, старший брат Николая Каспаровича Эрна (в рассматриваемое время енисейского, а с 1854 г. – иркутского губернского прокурора) и М.К. Рейхель (известной своей тесной дружбой с семьей А.И. Герцена). Со второй половины 1830-х гг. служил чиновником особых поручений при вятском губернаторе. Сошелся с А.И. Герценом. В начале 1840-х гг. управлял имением Огарева по рекомендации Герцена. 17 окт. 1848 г. Герцен писал Огареву: «Signor Эрн (хорошего управляющего я тебе рекомендовал!) получил 5000 моих денег да с ними как в воду канул» (А.И. Герцен. Новые материалы. М., 1927. С. 63). В Иркутск коллежский ассессор Г.К. Эрн приехал в конце 1850 г. как доверенное лицо верхотурского купца 1-й гильдии Ф.П. Соловьева (*Струве Б.В.* Указ. соч. С. 105). Г.К. Эрн заведовал делами и домом Занадворова.
- ⁶³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 78–78об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 77 об. – 82.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 35–35 об.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 82 об. – 86 об., 6 об., 8.
- ⁶⁷ Там же. Л. 10–10 об.

⁶⁸ Об этих слухах писал В.И. Вагин: «Раз у Занадворова собрались гости. Он, по обыкновению, не стеснялся в выражениях и порицал правление Муравьева. Вот, сказал он между прочим, генерал-губернатор преследует взяточничество, а их делают близкие же к нему люди. Вот Молчанов взял от меня денег <неразб. одно сл. > это ж взятка? <...> Эти слова чуть ли не в этот же день дошли до Муравьева» (ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 16. Л. 12 об.).

⁶⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 37.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 96 об. – 97.

⁷¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 38–38 об.

⁷² ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 47. Л. 37.

⁷³ Попова О. История жизни М.Н. Волконской // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Кн. 3–4. М.; Л., 1934. С. 98.

⁷⁴ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 111.

⁷⁵ Попова О. Указ. соч. С. 98.

⁷⁶ Сабиньский. Т. 2. С. 733.

⁷⁷ Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 110.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 11–13.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 5 об. – 6, 9.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 268 об.

⁸² Там же. Л. 311 об.

⁸³ Там же. Л. 381–384 об.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 51.

⁸⁵ Там же. Л. 4.

⁸⁶ Там же. Л. 1.

⁸⁷ Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: (Материалы для биографии). М., 1891. Кн. 2. С. 102–103.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 40–42 об.

⁸⁹ Там же. Л. 136–137.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 1. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 25–25 об.

⁹¹ Там же. Ч. 2. 4 отд. 2 ст. 1856 г. Л. 85.

⁹² Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности / изд. подгот. В.П. Павлова. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 212. (Серия «Полярная звезда»)

⁹³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 3. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 11–12 об., 8 об.

⁹⁴ К.И. Влахопулов был произведен в генерал-лейтенанты 6 дек. 1853 г., и ему было предложено присутствовать в Правительствующем сенате (Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2011. С. 87).

⁹⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 3. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 131 об.

⁹⁶ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 48.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 147–148.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 4. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 231 об.

⁹⁹ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 48.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 4. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 231–231 об.

¹⁰¹ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 48 об.

¹⁰² Попова О. Указ. соч. С. 106.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 4. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 235–235 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 236–236 об.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 85/29. Д. 4. Ч. 6. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 4 об.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Ч. 4. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 275 об., 277.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 85/29. Д. 4. Ч. 6. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 13, 13 об.

¹⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 182. Л. 25.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/29. Д. 4. Ч. 6. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 86.

¹¹⁰ Там же. Л. 348–350.

- ¹¹¹ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. № 182. Л. 71 об.
- ¹¹² Там же. Л. 352.
- ¹¹³ *РГВИА*. Ф. 801. Оп. 85/29. Д. 4. Ч. 6. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 160–162.
- ¹¹⁴ *РГИА*. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 49. Л. 151 об., 157.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 159 об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 163–163 об.
- ¹¹⁷ *РГВИА*. Ф. 801. Оп. 85/29. Д. 4. Ч. 6. 4-е отд., 2-й ст. 1856 г. Л. 388 об.
- ¹¹⁸ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 61.
- ¹¹⁹ *Вагин В.И.* К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 275.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ *Казанцев Д.* [Мои воспоминания] // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 119.
- ¹²² *Щукин Н.С.* Василий Николаевич Баснин: Некролог // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1876. № 27. 3 июля. С. 378, 379.
- ¹²³ *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века... С.141.
- ¹²⁴ Д.В. Молчанов был похоронен в Москве, в Симоновом монастыре, рядом с могилой отца (Великий князь Николай Михайлович. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 281).
- ¹²⁵ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 4. № 73. Л. 1–1 об.
- ¹²⁶ Дочери Анна и Ольга, сын Петр. Анна Фавстовна была замужем за графом Дмитрием Александровичем Гендриковым, впоследствии генерал-лейтенантом, а Ольга – за Сергеем Афанасьевичем Соломко, генерал-майором (мать известного художника Сергея Сергеевича Соломко).
- ¹²⁷ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 366.
- ¹²⁸ На полях рукописи рядом с предыдущим абзацем Вагиным был вписан следующий текст: «Ругать Муравьева было <неразб. одно сл. > и едва ли не единственную целью его жизни. Кроме того, в нем было заметно крепкое самомнение: все были дураки, только один он умен; только ему Сибирь обязана тем, что избавилась от Муравьева».
- ¹²⁹ *ГАИО*. Ф. 162. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об. – 11.
- ¹³⁰ Фамилия была выбита с ошибкой – Занодворов.
- ¹³¹ Иркутские губернские ведомости. 1889. 19 апр.

Н.Ф. Мусабирова

Письма М.Н. Волконской в «Архиве Раевских»

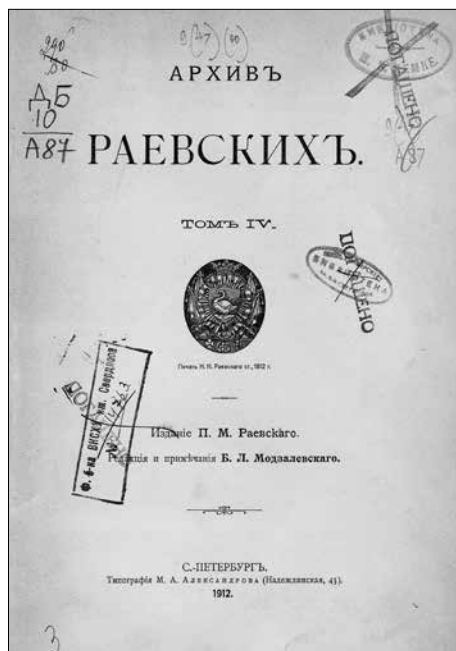
Письма декабристок из Сибири представляют особую ценность в отношении бытописания семей ссыльных на каторге и поселении и служат источником максимально достоверной и необходимой для научной работы сотрудников Иркутского музея декабристов информации. В них сообщаются подробности жизни декабристского сообщества, взаимодействия семей декабристов с родственниками и друзьями и отражаются те, казалось бы, незаметные на первый взгляд детали, которые раскрывают род их занятий и круг интересов.

Первые публикации писем декабристок появляются еще в конце XIX и начале XX в.¹ Письма М.Н. Волконской там одни из самых многочисленных. Преимущественно это письма из Сибири. На письма же постсибирского периода исследователи обращали значительно меньше внимания, хотя они помимо семейного интереса являются важным историческим материалом, так как все действующие лица оставили яркий след в истории, а в их переписке отчетливо отразились черты событий той эпохи, много подробностей

жизни очерчивалось ярко и детально, под свежим впечатлением от происходящего. В письмах раскрывались страницы послениколаевской эпохи, мир светской жизни в период вхождения семьи ссыльного декабриста в московское общество. Именно к этому времени относится большинство писем Волконских в «Архиве Раевских».

«Архив Раевских» – пятитомное издание, публиковавшееся с 1908 по 1915 г. и вошедшее в себя документы и переписку членов семьи Раевских за 1791–1876 гг. Семейный архив Раевских был подготовлен и опубликован Петром Михайловичем Раевским (1883–1970) – сыном Михаила Николаевича Раевского и правнуком Николая Николаевича Раевского-старшего – героя войны 1812 г. и отца княгини Марии Николаевны Волконской.

Как отмечал сам составитель, «настоящее издание должно быть рассматриваемо как собрание лишь сохранившейся части архива Раевских. Оказались утраченными переписка ранее 1790 года и многие материалы более позднего времени»². Действительно, в «Архиве» также отсутствуют сибирские письма М.Н. Волконской к Раевским. Впервые они были опубликованы только в 1924 г. исследовательницей Ольгой Ивановной Поповой в Трудах Государственного исторического музея. Вероятно, П.М. Раевскому даже не было известно о существовании этих писем. Особенность «Архива Раевских» заключается в том, что все письма в нем представлены на языке оригинала, таким образом, письма М.Н. Волконской, которая предпочитала вести переписку на французском языке, опубликованы без перевода. Незнание русского языка или нежелание изъясняться на нем было бытовым явлением в русской дворянской семье того времени, и составитель, очевидно, полагал, что для потомков не составит никакого труда прочесть письма на французском языке. До настоящего времени не были известны случаи перевода писем из «Архива». При этом все комментарии

Обложка книги «Архив Раевских»

Петр Михайлович Раевский,
поручик лейб-гвардии
Гусарского полка, придворный,
издатель «Архива Раевских».
1914 г.

составителя даны на русском языке. Комментарии и вступительные статьи Петра Михайловича Раевского к каждому тому – плод кропотливой исследовательской деятельности, подкрепленный наличием свидетельств ближайших родственников и друзей, имевших непосредственное отношение к событиям тех лет.

В четырех из пяти томов «Архива Раевских» публикуются письма членов семьи Волконских. В первом томе содержится лишь одно письмо – С.Г. Волконского к зятю Н.Н. Раевскому от 14 мая 1826 г. по поводу духовного завещания декабриста³.

В конце второго тома, где размещены приложения и примечания, – письмо от М.Н. Волконской к Г.Г. Игельstromу от 13 мая 1828 г.⁴. Адресат письма – генерал-майор Густав Густавович Игельstrom, отец декабриста Константина Густавовича Игельstromа, о котором и идет речь в письме. К.Г. Игельstrom был сослан в Читу на каторжные работы на 10 лет, и забота о нем, как и о других декабристах, легла на плечи женщин, в том числе и М.Н. Волконской. В письмах отцу он упоминает о Н.Н. Раевском, под начальством которого служил на Кавказе после завершения сибирской ссылки⁵. Вероятно, именно поэтому в «Архив Раевских» было включено единственное письмо из Сибири М.Н. Волконской. Во втором томе публикуется письмо к М.Н. Волконской (хоть и черновое) Николая Николаевича Раевского-младшего от 1832–1833 гг.⁶, единственное во всем «Архиве» его письмо к сестре. Письмо очень краткое, полное упреков и негодования, красноречиво демонстрирующее отношение Николая к Волконскому. Это ответ на письмо М.Н. Волконской, которое она написала брату сразу же, как только узнала, что он интересуется ее положением⁷. «Ты спрашиваешь обо мне в двух

Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский (младший).
С рисунка И.К. Айвазовского. 1840 г.

своих письмах к родителям, дорогой Николай; я так счастлива этим, что, несмотря на твое необъяснимое молчание, решаюсь первая написать тебе» – такими словами начинается первое адресованное брату письмо от 28 сентября 1829 г.⁸ Ответ Мария получит только спустя четыре года.

Несмотря на отсутствующую в «Архиве» переписку, из позднее опубликованных источников мы знаем, что Николай все же участвовал в жизни Марии: выполнял ее просьбы, отправлял посылки. «Милый Николай, пиши мне более подробно, чем сейчас, – для меня такое счастье получать твои письма», – молила брата Мария⁹.

Однако Николай не изменял своему лаконичному стилю, принципиально не интересуясь ни делами Сергея, ни детьми, что ее особенно печалило, и присылал лишь краткие письма-записки, касающиеся преимущественно только их общей страсти – садоводства.

Безусловно, немаловажную роль в этом сыграла и новая служба Николая Николаевича, отнимавшая у него много сил и времени. Очевидно, именно по этой причине в третьем томе «Архива Раевских» письма членов семьи Волконских отсутствуют. П.М. Раевский в предисловии сообщает: «Документы, вошедшие в III том, касаются почти исключительно одного Н.Н. Раевского-младшего, заключая в себе его частную и официальную, служебную переписку всего за два года – 1839 и 1840; такое обилие бумаг на пространстве двух только лет объясняется тем, что годы эти были временем кипучей и разносторонней деятельности Н.Н. Раевского по званию начальника сперва I-го Отделения Черноморской прибрежной линии, а с 12-го августа 1839 г. – всей Черноморской береговой линии»¹⁰.

23 марта 1839 г. Мария не без горечи пишет молодой жене Николая Анне Михайловне: «<...> 13 лет разлуки, в продолжение которой он написал мне только три или четыре раза <...>, как я была бы счастлива теперь услышать только звук его голоса <...>»¹¹.

Свадьба Николая и Анны Михайловны Бороздиной состоялась 11 января 1839 г., а всего два месяца спустя Мария восторженно сообщает невестке: «Я уже вижу, что вы будете мне писать часто; вы начали так хорошо, без фраз, с такой добротой, с такой сердечной простотой, что вы меня тотчас же приручили и овладели моим доверием»¹².

Несмотря на то что невестку Мария даже не знала лично и в первом письме к ней назвала ее Александрой, а не Анной, во всем ее отношении чувствовалось желание найти симпатию и новый долгожданный контакт. «Я знаю вас уже давно по письмам моих сестер <...>», – уверяет Мария, страстно желая сохранить как можно более близкую связь с братом, которому, очевидно, было тяжело и сложно понять тоску Марии Николаевны¹³. Мария нашла и это понимание, и искренний, живой интерес в лице энергичной и деятельной Анны Михайловны.

Состав четвертого тома «Архива Раевских» разделяется на две неравные и различные по содержанию части: первая из них, меньшая, содержит документы 1841–1843 гг. и включает в себя преимущественно деловую, служебную переписку Н.Н. Раевского. Есть все основания полагать, что Анна Михайловна регулярно высылала Марии отчеты об экспедициях Николая, новости о его службе и в целом об их жизни в России. Кстати, в 1841 г. Николай Николаевич по собственной инициативе хлопотал о возвращении С.Г. Волконского из Сибири¹⁴. Попытка эта успеха не имела, однако тронула

*А.М. Раевская, урожд. Бороздина.
С акварели В.И. Гау*

сердце Марии Николаевны. К несчастью, Марии не было суждено вновь встретиться с обожаемым братом. Летом 1843 г. он внезапно заболел опасной формой рожистого воспаления и 24 июля скорострительно скончался.

После смерти Николая двадцатидвухлетняя Анна Михайловна взяла на себя заботу о делах покойного мужа. Ее старшему сыну Николаю было около четырех лет, а младшему Мише – полтора года. Мария настоятельно советовала Анне Михайловне выйти замуж повторно: «Вы отдали справедливую дань слезам и горю о нашем дорогом Николае, – теперь нужно подумать о вашем будущем; вы еще так молоды, вам нужна опора и защита для

*Н.Н. Раевский.
С дагерротипа 1842 г.*

*А.М. Раевская, урожд. Бороздина.
С акварели работы М. Stohl. 1846 г.*

ваших сыновей; их воспитание будет тяжелой задачей для вас»¹⁵.

Анна Михайловна замуж так и не вышла, всю любовь она перенесла на детей. В управлении делами и именными ее помощником стал Александр Иванович Казначеев, ее опекун и крестный отец ее детей. Мария Николаевна, в свою очередь, испытывая искреннюю тревогу за родных и потребность отплатить за доброту и заботу со стороны Анны Михайловны во времена ее сибирского изгнания, была готова живо участвовать в судьбе Раевских. Свидетельства этого содержатся во второй половине четвертого тома «Архива», состоящей исключительно из частной переписки Анны Михай-

ловны за 1855–1857 гг., когда одними из самых частых адресатов ее писем становятся Волконские. В этих письмах ясно прослеживается история возвращения семьи Волконских из Сибири и ее воссоединения в Москве после коронационного манифеста 1856 г.

В Москве на тот момент жили брат Марии Николаевны Александр с дочерью, ее сестры Екатерина Николаевна (в замужестве Орлова) с детьми и Софья Николаевна Раевская. Иногда в Москву приезжал племянник С.Г. Вол-

Ф. Палицци. Михаил и Николай Раевские.
Италия. 1840-е гг.

конского, князь Александр Никитич Волконский, который служил за границей. В Петербурге в это время жили сестра Сергея Григорьевича светлейшая княгиня С.Г. Волконская и ее дети – Дмитрий, Григорий и Александра (в замужестве Дурново) с семьей¹⁶. Все они, так или иначе, упоминаются в переписке Анны Михайловны и Марии Николаевны. Но основной темой их писем были, конечно же, их дети. О своих детях Мария Николаевна писала чаще и охотнее всего, но ее любовь распространялась не только на собственных детей. Получив в 1852 г. портреты Коли и Миши Раевских, Мария писала Анне Михайловне: «У меня наконец есть представление, хотя и очень несовершенное, о ваших чертах и чертах ваших детей; я долго рассматривала их в лупу и смогла бы при

встрече узнать вас тотчас же». И далее: «Я люблю их (Николая и Михаила. – Н.М.) обоих так же, как их добрую и прелестную мать, которую я уважаю все более и более по мере того, как учусь ее узнавать <...>, малейшая вещь, что их касается, меня интересует»¹⁷.

Подкрепить свой интерес делом у Марии получается в 1855 г., когда она оказывается в Москве, благодаря стараниям своей дочери¹⁸. В июле 1855 г. А.М. Раевская пишет Марии о том, что из-за слабого здоровья Коли поедет в Италию, однако надеется на встречу перед отъездом¹⁹. Неизвестно, произошла ли эта встреча, однако предельно ясно, что именно хотела Анна Михайловна обсудить с княгиней Волконской. Младший сын Раевской должен был с началом учебного года стать воспитанником Московского пансиона Эннеса, перед поступлением в Московский университет. Пансион, нужно отметить, был весьма популярен среди московского общества. Н.А. Белоголовый, воспитанник декабристов и друг Волконских, вспоминает: «Пансион пользовался в Москве отличной репутацией и действительно оправды-

Неизвестный художник. М.Н. Раевский
в юношеском возрасте

вался в Москве отличной репутацией и действительно оправды-

вал его прекрасной постановкой преподавания, чего достигал Эннес, умело вербуя талантливых учителей среди молодых кандидатов, окончивших курс Московского университета <...>²⁰.

Марию Николаевну Раевская попросила присматривать за Михаилом и рассказывать ей без утайки обо всем, что с ним происходило:

«<...> Я хочу, чтобы Вы мне сообщали все плохое и хорошее о Мише и держали меня в курсе изменений, которые с ним произойдут под влиянием его нового положения <...>²¹. Раевская, очевидно, понимала, что мнение и оценка происходящего таким искренне заинтересованным и надежным человеком, как княгиня Волконская, гораздо ценнее хвалебных отзывов. Тем более что обеспокоенность Анны Михайловны в итоге не оказалась напрасной. Михаил не смог найти общего языка ни с товарищами по учебе, ни со своим воспитателем, ни с самим Эннесом. «Вокруг меня все лица чужие, холодные; холодность со стороны Эннеса, холодность и даже неприязнь со стороны моего сожителя (гувернера. – *Н.М.*)», – пишет Михаил матери в сентябре 1856 г.²² Подобные письма Миши, наполненные обидой и недоумением относительно его воспитателей, довольно часты. Даже на следующий год ситуация не изменилась к лучшему, скорее наоборот. 17 февраля 1857 г. он писал: «Скажу Вам, милая маменька, что отношения мои с г. Ванделем нехороши и что я часто с ним бранюсь; скажу вам даже, что В[андель] – человек, которого я презираю до глубины души как человека, для своей выгоды пожертвовавшего моей, для двойного жалования, привезшего меня за

4000 верст и поместившего среди развратнейшего общества. Он – олицетворенная двуличность, и я знаю от верных источников то, что, кроме зла, он мне ничего не желает <...>²³.

Практически в каждом письме Мария Николаевна рассуждает о том, как поступить, чтобы было лучше для Миши: оставить его учиться в пансионе или позволить жить у Волконских, занимаясь на дому. Раевская настаивает на пансионе, в то время как Волконская, видя и зная ситуацию гораздо подробнее, но не владея достаточным количеством доказательств дурного обращения с Мишей у Эннеса, не может настаивать на своем мнении. Переписка по

Е.С. Кочубей, урожд. Волконская, по первому браку Молчанова, по третьему – Рахманова

поводу поступления Михаила в пансион прекрасно характеризует как Марию Николаевну, так и саму Анну Михайловну, и ее сына, так много понимающего и чувствующего для своего юного возраста. Миша, нежный, добрый ребенок, оказавшись в пансионе, был поражен и обескуражен царившей там обстановкой, а напряженные отношения с собственным гувернером Ванделем только способствовали его сближению с семьей Волконских, о чем он

сразу же сообщает матери: «С другой стороны, все, что только возможно пожелать хорошего, встречаю я у родственников, т. е. у Тети, а более всего у Нелиньки: я тут встречаю не баловство, но искреннюю ко мне привязанность и желание помочь мне во всем; меня встречают вопросы об учении моем, о житии моем в пансионе, о моем здравии, наконец <...>»²⁴.

Нелли Волконская, без преувеличения, очаровала всю московскую родню: «Нелли со своей волшебной палочкой, палочкой, которая живет в горячем и преданном сердце, в ее энергии, искренности, ее умении вызывать симпатию и ее другие заслуги, и превосходные качества, не она ли произвела это новое чудо? Возможно, что да, – тогда все наши пожелания будут удовлетворены», – уверяет Марию Анна Михайловна²⁵. Такие слова, сказанные о Елене Сергеевне, не могут не трогать, ведь именно в этот период Нелли, а вместе с ней и остальные Волконские переживали одни из самых трагичных страниц своей семейной истории. «Занадворовское дело», начатое еще в Иркутске в 1852 г., было в самом разгаре, и Нелли беспрестанно хлопотала о судьбе своего несчастного мужа Дмитрия Васильевича Молчанова²⁶.

В письмах к Анне Михайловне встречается ряд свидетельств разных очевидцев о сумасшествии Молчанова, которое со временем только усугублялось, как и сама его болезнь. Смерть Молчанова, которая стала по своему освобождением для Волконских, никак не отражена в приводимых письмах. Последнее письмо от М.Н. Волконской в «Архиве» датировано июлем 1857 г., за несколько месяцев до этого события. Ответного письма нет, а следующее письмо от Анны Михайловны к Волконской – уже в пятом томе, от 6 ноября 1861 г. Помимо этого письма, в пятом томе опубликована часть переписки между А.М. Раевской и С.Г. Волконским (14 писем) присутствуют письма Е.С. Молчановой / Кочубей (4 письма), и М.С. Волконского (1 письмо).

Из этих писем мы узнаем, что летом 1858 г. Мария Николаевна была за границей, лечилась в Париже. В сентябре 1858 г., после двукратного ходатайства, С.Г. Волконский получил позволение отправиться за границу для свидания с женой: ему разрешено было поехать туда на три месяца. В начале октября С.Г. Волконский выехал из Москвы. Елена Сергеевна вышла замуж повторно, за Н.А. Кочубея. Молодые супруги отправились сначала в Ниццу, а затем в Черниговскую губернию, в село Воронки, во владения Кочубея.

Николай и Михаил Раевские поступили на математический факультет Московского университета в августе 1858 г., а в 1862 г. Михаил Николаевич окончил курс «первым кандидатом по чистой математике»²⁷. Переписка 1860–1870-х гг. сконцентрирована на круге знакомств Анны Михайловны и ее младшего сына Николая, Волконские в этой переписке не упоминаются.

Приведенные ниже письма публикуются впервые на русском языке. Хронологически они затрагивают небольшой период жизни семьи Волконских в Москве – с 1855 по 1857 г. Письма ценны в биографическом аспекте, насыщены различными бытовыми реалиями. Темы переписки Марии Николаевны и Анны Михайловны – в основном обмен новостями из жизни их семей, взгляд на окружающее их общество, решение взаимных материальных вопросов, воспитание детей. Читая их письма, можно буквально на кончиках

пальцев ощутить то тесное переплетение родственных и дружеских связей дворянского общества, которое окружало Волконских в Москве.

В данную публикацию включены 12 писем М.Н. Волконской и два фрагмента, содержащие приписки Марии Николаевны к письмам родных. В публикации есть пропуски, скорее всего, это непонятные для составителя части авторского текста. Перевод писем с французского языка сделан сотрудником Иркутского музея декабристов Л.Г. Потаповой.

Письма публикуются в хронологическом порядке в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сохранено авторское варьирование при написании нескольких фамилий, в комментарии дается их правильное написание или его варианты. Пропущенные слова и недописанные части слов восстановлены в квадратных скобках. Курсивом выделены фрагменты, написанные на русском языке. Комментарий составителя, П.М. Раевского, приведен постранично, примечания автора статьи – в конце статьи.

Литература

¹ Подробнее о первых публикациях писем жен декабристов: *Добрынина Е.А.* Письма декабристок: подвиг повседневности / Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов : сб. ст. Иркутск, 2014. Вып. 2. С. 103–105.

² Архив Раевских / изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1908–1915. Т. 1–5. Т. 1: Письма 1791–1829 гг.; авт. предисл. П.М. Раевский. СПб., 1908. С. 3 (далее: *Архив Раевских*).

³ *Архив Раевских*. Т. 1. С. 276.

⁴ Там же. С. 607.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Т. 2. С. 136.

⁷ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 8 (далее: *Неизданные письма М.Н. Волконской*).

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ *Архив Раевских*. Т. 3. С. 3.

¹¹ *Неизданные письма М.Н. Волконской*. С. 60.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ *Архив Раевских*. Т. 4. С. 91.

¹⁵ *Неизданные письма М.Н. Волконской*. С. 96.

¹⁶ *Архив Раевских*. Т. 4. С. 7.

¹⁷ *Неизданные письма М.Н. Волконской*. С. 105.

¹⁸ Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / изд. [и послесл.] М.С. Волконского. СПб., 1901. С.495.

¹⁹ *Архив Раевских*. Т. 4. С. 298.

²⁰ *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898. С. 258.

²¹ *Архив Раевских*. Т. 4. С. 433.

²² Там же. С. 493.

²³ Там же. С. 581.

²⁴ Там же. С. 493.

²⁵ Там же. С. 474.

²⁶ *Добрынина Е.А.* Письма декабриста С.Г. Волконского // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов : сб. ст. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 140.

²⁷ *Раевский М.Н.* Плодовая школа и плодовый сад. СПб., 1903. С. XIII–XVI.

1. Г.Г. Игельstromу

[Читинский острог,] 13 мая 1828. № 623

С истинным удовольствием, милостивый государь, я спешу сообщить Вам вести о Вашем сыне, который, по сведениям моего мужа, его товарища по несчастью, чувствует себя хорошо и держится достойно, что должно принести Вашему отеческому сердцу настоящее облегчение. Я узнала, что он был очень счастлив получить от Вас письмо от 2 марта: продолжение Вашей нежности к нему, Ваша забота о мадмуазель Корнелии* пронизала его истинной признательностью. Каково бы ни было ужасно его положение здесь, он переживает только от причиненных страданий Вам и той, которую невольно сделал заложницей своего несчастья, той, которая хочет благородно посвятить себя ему.

Как хотела бы я иметь уверенность, милостивый государь, что мое письмо к Вашей супруге от 18 февраля дошло до нее, как бы хотела, чтобы знать, что вы более спокойны!

Примите мои уверения, милостивый государь, что я всегда буду исполнять мой долг по отношению к Вашему несчастному сыну, и примите уверения в моем высоком к Вам уважении.

Преданная Вам Мария Волконская.

P. S. Как я предполагаю, мадмуазель Рукевич еще при Вас, я позволю написать ей на следующей странице, чтобы мое письмо дошло до нее с большей уверенностью¹.

2. А.М. Раевской

[Москва,] 24 ноября 1855. № 1028

Если я вам ничего не писала до сих пор, моя дорогая Аннет, это потому, что, уезжая, вы ничего мне не сказали, я и знала, что Софья² будет держать вас в курсе всего, что нас касается. Сейчас, видя, что вы обращаетесь в ваших письмах ко всем нам, даже к Чичику³, я благодарю вас от всего сердца. Нелли⁴ еще не вернулась, она вернется через день-два и сообщит нам подробности по нас интересующему делу⁵. Она была великолепно принята благодаря сестре**, lagrassé⁶ сестра подружилась с ней, она у нее обедала, проводила вечера, и наконец она увидела брата⁷, который не только был доброжелателен к ней, но и дал ей совет познакомиться с местным г-ном Сафиром⁸, не с евреем, а с князем. Это и мой хороший друг, он получил мое второе письмо, сделал мне комплименты и оказался очень благожелательным. Нелли находится под руководством хорошей подруги, которая ее хорошо приняла и считает здравомыслящей женщиной.

Образ нашей жизни все тот же; мы видимся только с родственниками Р[епниными], В[олконскими] и иногда Д[авыдовыми]. Моя сестра⁹ находится здесь, все время в движении; она приходит к нам с госпожой Свербее-

* Корнелия Рукевич, невеста К.Г. Игельstromа, сестра декабриста Рукевича, сосланного в Читу одновременно с Игельstromом.

** Светлейшая княгиня С.Г. Волконская.

вой*, которая ее сопровождает повсюду. Последняя московская новость: сын персидского посла, находящегося здесь неделю, вернулся вчера вечером с бал-маскарада, обнаружив квартиру холодной, приказал слуге хорошо протопить печь и закрыть трубу по-русски; слуга все так исправно исполнил, что утром их нашли обоих задохнувшихся; слуга в себя пришел, но бедный принц умер; тело его забальзамируют. Это был молодой человек 17–18 лет. Отец в отчаянии, не знает, что делать.

Об армии никаких новостей. В Крыму холодно, вот уже неделю у нас 28 градусов на рассвете, опускается до 25 в полдень¹⁰. Чичик тем не менее выезжает каждый день в экипаже, совсем как в Иркутске. Он часто говорит о дяде Гоге и дяде Мише¹¹, находя их на цветных гравюрах. Состояние здоровья Дмитрия** не меняется. Мы едем обедать к Александру***, чтобы поздравить Катеньку**** с именинами. Сашок***** идет на детский бал к Мусиным-Пушкиным¹²; мы увидим ее во взрослом платье. Вчера я поздравила Александра Ивановича¹³ с праздником. Вести от моего сына очень утешительные. Я обедала у Алины¹⁴; моими соседями были старый Бодэ***** и П. Лобанов*****. У Бодэ красивая старческая голова с густыми седыми как снег волосами, как будто припудренными инеем.

Сестра была просто синяя, пробежав весь город по морозу. Алина очень внимательная, сердечная, обед великолепный, наконец мы вернулись довольно быстро с Софьей, потому что холод был очень острый даже в карете. Сашок мне часто рассказывает о своих кухнях, придавая большое значение чтению их писем к Софье. Ольга***** вознаградила нас посланием в четыре полные страницы, где она провела воспитательный (без орфографии) курс для своего брата, говоря, что г-н Пако***** не имел достаточно широких взглядов для этого и что

* Екатерина Александровна Свербеева, урожд. Щербатова (1808–1892), жена Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1874). Их сын Николай (1829–1860), питомец Московского университета, служил с князем М.С. Волконским в Иркутске при Н.Н. Муравьеве в 1852 г. Был женат на дочери декабриста С.П. Трубецкого Зинаиде и, конечно, хорошо знал семью Волконских (см. «Из Московской жизни сороковых годов». Дневник Е.И. Поповой. Под редакцией кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911, стр. 256).

** Дмитрий Васильевич Молчанов (ум. 1857), воспитанник Имп. училища праведения (выпуска 1842 г.), служил чиновником при Сибирском генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве; он был женат с 15-го сентября 1850 г. на Елене Сергеевне Волконской. Речь идет об аресте Д.В. Молчанова по делу Занадворова, окончившемуся полным оправданием Молчанова.

*** А.Н. Раевский.

**** Е.Н. Орлова, урожд. Раевская.

***** А.А. Раевская, дочь А.Н. Раевского.

***** Президент Московской дворцовой канторы, обер-гофмейстер барон Лев Карлович Бодэ (1787–1859).

***** Князь Иван Александрович Лобанов-Ростовский, сенатор (1789–1863), или его брат, камергер князь Борис Александрович (1795–1863).

***** О.П. Кривцова, впоследствии вышедшая за Николая Михайловича Орлова.

***** Адольф Иванович Пако (1800–1860), с 1836 г. лектор французского языка и словесности в Московском университете.

нужно было это доверить Кудрявцеву* (которому это не нужно), и потом шла острая критика всего, что ее дядя сделал в этом заведении.

Я заканчиваю свою болтовню, нежно обнимая вас, Колю и Мишу, которым бесконечно благодарны за их посылку для Чичика, которую мы вскоре увидим с приездом Нелли. Катенька задумала поехать повидать свою дочь, которая окончательно осталась в Екимовском** до родов¹⁵.

Будьте здоровы.

Мария Волконская.

Дмитрий целует вам руки. Мы никогда не забудем, чем мы вам обязаны, милая, добрая и уважаемая сестра!

Я не оплачиваю мое письмо маркой, потому что я отправляю *alapeitite*¹⁶ почтой, вы сделаете то же самое.

Я вновь открываю мое письмо, потому что я забыла вот уже четыре дня его отправить. Нелли очень занята, она вернется только к концу недели.

Последние новости не совсем хорошие: Сергей говорит мне, что он не уверен, что Миша вернется с генералом***, но он все же надеется. Бедный Василий Давыдов умер в Красноярске, но он всегда надеялся вернуться и сделал для этого огромный возок, чтобы привезти всю семью****. Его жена, вероятно, вернется этой зимой в Россию.

[*Приписка Дмитрия Васильевича Молчанова*]*****

Моя дорогая тетушка, Нелли сумела вызвать со всех сторон столько симпатии, что мы не могли и ожидать: она нашла способ воздействия на необходимые струны всех людей, от кого зависел результат, или на тех, кто мог иметь влияние, не исключая младшего племянника, *который во главе всех* (здесь и далее курсив автора. – Прим. сост.) принял Нелли два раза и который сам нанес ей визит; она это использовала, чтобы прочитать ему несколько отрывков из документа. По воле Бога все кончилось хорошо, но, во всяком случае, мы готовы ко всему. Друг Марии Николаевны, похоже, живо интересуется текущими делами¹⁷; Нелли, имеющая поддержку в других, постоянно его осаждаёт. Чичик становится, без преувеличения, очаровательным, он постоянно говорит: «дядя Гого, дядя Мими, Талья тпру»¹⁸; его плача

* Петр Николаевич Кудрявцев (1816–1858), профессор Московского университета, заместитель Грановского (Т.Н. Грановский – в 1855 г. декан историко-филологического факультета Московского университета. – Прим. сост.).

** Имение Е.Н. Орловой в Каширском уезде – родовое имение Раевских.

*** Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев (с 26-го августа 1858 г. – граф Амурский).

**** Василий Львович Давыдов, декабрист, единокровный брат Н.Н. Раевского-старшего и, следовательно, дядя кн. М.Н. Волконской. <...> Умер в Красноярске 25 октября 1855 г.

***** Д.В. Молчанов, о деле которого хлопотала его жена в Петербурге и о котором неоднократно упоминалось уже выше, по окончании в 1842 г. курса в Имп. училище правоведения (в 3-м его выпуске) поступил на службу в Канцелярию Главного Управления Западной Сибири, где в 1844 г. был и. д. столоначальника во 2-м Отделении; в 1849 г. он был советником Иркутского губернского правления – заведующим Экспедицией о ссыльных, затем перешел советником и начальником 5-го Отделения Главного управления Восточной Сибири (1850–1854), где служил князь М.С. Волконский; на сестре его, Елене Сергеевне, Молчанов и женился в Иркутске 15 сентября 1850 г., после чего отправился с Н.Н. Муравьевым в Петербург.

больше не слышно в доме, это только крики радости. Я бы очень хотел вам рассказать поподробнее, но я так утомлен всякого рода бумажками, что последние несколько дней я ощущаю необходимость отдохнуть, и потом Нелли остерегается, мы ждем с нетерпением ее приезда, который она нам обещала через несколько дней, чтобы рассказать нам обо всем в полной мере. Я тысячу раз целую вам руки и обнимаю Колю и Мишу. Да поможет вам Господь, чтобы ваша поездка вернула вам полное спокойствие по поводу здоровья Коли!

Преданный вам племянник Дмитрий Молчанов.

3. А.М. Раевской

[Москва,] 23 июля 1856 г. № 1070

Я счастлива узнать из писем к сестрам, что здоровье Коли направилось; мы получаем письма от него и от Миши к Нелли с истинным удовольствием. В данный момент вы должны знать, что у вас есть право поселиться в Москве: дом куплен, и я очень довольна за вас и ваших детей, потому что у него прекрасная планировка и он очень теплый, что касается зимы¹⁹. У нас все идет довольно хорошо, вы нам принесли счастье: дело закончилось к лучшему*, и это вы дали делу ход в хорошем направлении в пользу моего зятя, и правда вышла наружу. Дмитрий получил формуляр, где он полностью оправдан от клеветы, возведенной на него Занадворовым. Что касается последнего, вот что он сказал: *«так как он был оправдан в других инстанциях, так его завинтить нельзя»*.

Здесь только все и говорят о коронации, которая отложена на 26 августа и, может быть, на 2 сентября**.

Чтобы помочь Нелли забыть все свои прошлые неприятности и доказать обществу, что дело хорошо закончилось, мы хотим, чтобы она появлялась в свете. Княгиня Софья*** говорила об этом с Екатериной Долгорукой²⁰ и Олсуфьевой²¹, которые ответили, что она должна быть представлена вместе с московскими дамами, имеющими привилегию быть представленными ко Двору без различий ранга; похоже, что иначе они могут быть не допущенными на балы иностранных посольств, которые могут быть более любопытны. Решено, что она появится под покровительством Лизы Волконской****, и, что удивительно, Александр***** согласился одолжить ей прекрасные кружева Сашок, венские, чтобы украсить шлейф своей племянницы. Княгиня Софья отправила Нелли прекрасное украшение из эмали, цветные камни и натуральные жемчужины, чтобы украсить ее кокошник. Со своей стороны, я заказала кружевное платье из Парижа.

* Дело Д.В. Молчанова.

** Коронование имп. Александра II состоялось 26-го августа.

*** Светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская, урожд. княжна Волконская, сестра декабриста С.Г. Волконского, вдова министра Имп. двора князя П.М. Волконского.

**** Княгиня Луиза Леопольдовна Волконская, урожд. баронесса фон-Лилиен, жена камергера князя Александра Никитича Волконского (1811–1878).

***** А.Н. Раевский.

Последнее письмо от Миши* было еще из Мариенбада, он спешил вернуться в Иркутск**, он не останется здесь на великие празднества, что нас очень огорчает. Более всего он печалится из-за невозможности посетить Крейцнах и обнять своих кузенов, которыми он интересуется от всего сердца; но генерал, похоже, очень торопит его вернуться как можно скорее.

Со здоровьем все хорошо. Сережа развивается, Дмитрий все в том же состоянии. Я принимаю воды Эмса, которые мне превосходно подходят. Ваши люди восхитительны с точки зрения поведения, их существования не видно, такие они спокойные. Я вижу гувернантку в церкви, она очень религиозна и часто совершает паломничества. Мадам Мьевр²² уехала за границу на всю зиму и, может, дольше. Я заканчиваю, потому что Нелли хочет вам написать. Сердечно обнимаю, дорогая Аннет, вас и ваших милых деток.

[Приписка Е.С. Молчановой]

Я целую ваши руки тысячу раз, дорогая тетушка, за ваше милое письмо. Я дала его прочитать мадам Мьевр, чтобы она сделала необходимые распоряжения. Мы тоже купили дом на Подновинском бульваре, но так как там еще делают ремонт, мы переедем туда только в ноябре. Обнимаю моих кузенов. Мой муж целует вам руки. Сережа растет и становится очень милым. У бедной Сашок все время жар, это меня очень беспокоит²³. Мы ждем ее сегодня в городе, я вскоре еду туда. Я надеюсь, что вы увидите Мишу***.

4. А.М. Раевской

[Москва,] 16 сентября 1856 г. № 1097

Большое спасибо, дорогая Аннет, за ваш ответ. Книги для Миши будут куплены и высланы²⁴. Он чувствует себя хорошо, приходит к нам каждую субботу; на этой неделе он приходил в пятницу, так как это праздник Воздвижения. После его возвращения в Москву я заметила, что у него насморк; вечером глаза были красные, я потрогала руки, голову – они горячие. Я послала за доктором Ниманом, который прописал потогонное средство, определив, что это катаральный жар. Дмитрий сразу написал Эннесу о случившемся с предупреждением, что Миша останется дома на ночь по предписанию доктора. Г-н Вандель²⁵ пришел утром, когда жар уже спал после сильного потения, он расшумелся и хотел забрать Мишу. Нелли возражала, опираясь на предписание доктора; впрочем, смысла уходить не было, так как это был конец недели. Всю субботу Миша был еще в лихорадочном состоянии, сегодня воскресенье, он чувствует себя хорошо и вечером вернется к господину Эннесу. У нас нет ни вечеров, ни развлечений: Сашок уже взрослая девушка для этого, и Миша не находит в этом никакого удовольствия; он встречается у нас с Лоло²⁶ и Давыдовым²⁷. Он был только два или три раза у итальянцев, его насморк помешал ему сходить вчера вечером к французам²⁸. Лоло был на большом костюмированном балупри Дворе; Нелли хотела сводить Мишу, мы ему наскоро

* Князь М.С. Волконский прибыл в Москву до 26-го августа, когда выехал в Сибирь с манифестом, заключавшим в себе между прочим и прощение декабристов.

** Где жил тогда его отец, С.Г. Волконский.

*** М.С. Волконский.

соорудили фрак, но он не захотел туда пойти; завтра он увидит фейерверки. Я беседую с Мишей, он выражает мне свое доверие; он говорит, что ученики грубы, неприлично выражаются в классе и грызут колбасу. Дорогая сестра, я ничего не имею против г-на Ванделя, если бы не его грубый тон и личные интересы с г-ном Эннесом; например, они поместили Мишу в третий класс вместо второго, в итоге вам надо платить за него два лишних года. Миша закончил священную историю, катехизис, античную историю, географию, а ему снова нужно учить это с начала, ничего для того, чтобы он начал эти дисциплины в третьем классе. Господин Вандель совмещает множество занятий: он обучает греческому языку и дает еще какие-то уроки в младших классах, а его жена занимается хозяйством. Они очень связаны с Эннесом и преданы ему и смотрят на все его глазами – у них общие интересы. Он воздержится от того, чтобы вам сказать, что было ошибкой поместить Мишу в третий класс, и такое может обескуражить молодого человека на всю жизнь, но в случае Миши, который очень рассчитывает на вас и убежден, что вы сделаете для него все, что нужно. Дмитрий вам напишет, но он так медлителен; Александр Иванович²⁹ много сделает для этого, так же, как и ваш духовник³⁰, так что вы видите, сколько ваш сын имеет друзей. Проводя время у нас, он читает, играет в четыре руки, пишет наши портреты; ходит к Лоло, который кажется мне скорее глупым, хотя неплохой мальчик³¹.

Я не знаю, сказала ли я вам, что на Святого Александра³² и после моего письма вернули титулы детям ссыльных. К[нязь] Д[олгоруков]* посоветовал мне написать благодарственное письмо к С[трогановой] М[арии]³³; я это сделала с выражением самой глубокой признательности, какую может иметь сердце матери для реабилитации детей, рожденных в ссылке.

Нелли была принята с чрезвычайной добротой, она часто вращается в свете, то у Морни**, то у Гранвилля***, вчера у Эстергази**** на восхитительном балу. Там была огромная палатка бело-золотого цвета, предназначенная для танцев, цветы, экзотические деревья и огромный фонтан, боковые залы для ужина, салоны, туалетные кабины. Что касается бала Гранвилля, его давали в палатке в форме корабля, обитого красно-белой тканью****; воск капал на плечи дам, ветер дул через ткань палатки, ужина не было, имела его только императорская семья, другие же ловили что могли; было очень мало обслуги, нельзя было получить стакан воды или лимонада, но что рассмешило более всего, это пирамиды креветок, поданных к ужину. Господин Морни был так напуган этим беспорядком и этой скаредностью, что

* Шеф жандармов и начальник III Отделения князь Василий Андреевич Долгоруков.

** Французский посол.

*** Английский посол.

**** Князь Павел Эстергази, австрийский посол.

***** Так как в доме графини Грациани, на Пречистенке, нанятом лордом Гренвиллем, не было большой танцевальной залы, то «оказалось нужным построить огромную залу; об этом было много говорено, но ничего в этой зале не было особенно замечательного. К последней комнате, во втором этаже, пристроена была длинная зала-палатка, обитая парусиной, красной полосатой с белым, а также у входа в дом устроена была особая лестница, обитая коврами, примыкающая к парадной лестнице дома, по которой вошла только Императорская фамилия» (Русск. Арх. 1884 г., кн. II, стр. 193; см. также «Воспоминания о жизни Ф.Г. Тернера», ч. I. СПб., 1910, стр. 110–111).

для своего бала, который должен был состояться назавтра, он попросил графа Шувалова-сына* организовать его, руководить им, отправить слуг и, наконец, действовать для него. Нелли находит, что англичане самые вежливые из этих господ; из французов она знает только Морни, который очень любезен с ней, но англичане и англичанки превосходят в любезности. Ее очень забавляет лорд Уард. Это мужчина в годах, неизмеримо богат**, он вальсирует всегда с ней и на одном и том же месте; он утверждает, что у него есть один пунктик: он воображает себя толстым и что он скоро родит, он даже заказал здесь пеленки. Эта странность незаметна совершенно: он прекрасно разговаривает и очень отличается большой любезностью. Нелли очень хорошо чувствует себя в свете, выходя без своего мужа; она окружена уважением и признаками внимания. Она начала выходить с Луизой В[олконской]; это покровительство позволило ей завести много знакомств, но однажды парикмахер задержался, и из-за того, что Луиза должна была ожидать Нелли, она очень рассердилась и больше ее не опекает, оставшись с ней в хороших отношениях и встречаясь с ней каждый вечер на балу. Нелли приезжает одна, но всегда находится кто-нибудь из родственников, с кем она входит вместе в одно и то же время: то с Репниными³⁴, то с [Мусиными]-Пушкиными или с какими-то знакомыми дамами. Великая княгиня Мария³⁵ спросила ее: «Где ваш брат?» – «Он поехал за папой». – «О, как это замечательно! Какой хороший сын, какая прелестная черта». Она поздравила ее с возвращением отца, добавив, что должна молиться Богородице и научить это делать своего сына. «Это я молюсь, дорогая сестра, от всего сердца, не только каждый день, но каждый раз, как я только и думаю о своем муже или сыне, и вы понимаете, что часто и каждую минуту». Возвращаясь к Мише Р[аевскому], он стал очаровательным молодым человеком, хорошо владеет речью; в этот момент он знакомится с Горчаковыми³⁶, которые сейчас у Нелли. Это не он сделал мне замечание о том, что Эннес поместил его в низший класс, чтобы заставить вас платить на два года дольше, но те, кто его знает. Саша Дав[ыдов]³⁷ спрашивает меня: «Где Миша Р?» – «У Эннеса». – «В таком случае он хочет поместить его в младший класс, чтобы заставить дольше платить». Казначеев, как только узнал, сразу же это отметил, и священник тоже. Это все очень просто, все в этом мире продается и покупается. Я заканчиваю, нежно от всего сердца обнимаю вас и Колю.

М. Волконская.

Нелли и Чичи целуют вам ручки. Дорогая сестра, пошлите мне, пожалуйста, маленький образок Богоматери на голубом фоне: я давно обещала его моей крестнице. Я жду ваших указаний относительно визитов к моему брату³⁸; Миша не вернулся, и, более того, он отказался от скачек с Сашок, но мы не можем постоянно отказываться и отказываться: развяжите нам руки, так как мой брат очень предупредителен с ним, когда он его видит у нас.

* Граф Петр Андреевич Шувалов, сын обер-гофмаршала графа Андрея Петровича Шувалова, ротмистр л.-гв. Конного полка, флигель-адъютант, состоявший при особе Его Величества.

** Лорд Уард был известен своим богатством; «ему принадлежали, между прочим, Инвергари и Инвернес-Шир – местности, столь известные по романам Вальтера Скотта» (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера, ч. I. СПб., 1910, стр. 122).

5. А.М. Раевской

[Москва,] 26 сентября 1856. № 1105

Моя дорогая сестра, вот вексель г-на Бранденбурга на г-на Ружмона³⁹ в Париже; если он опоздал на две недели с отправлением, извините за это всю семью. Мадмуазель Брюн⁴⁰ отправила его сразу по вашему требованию, но мы все виноваты и особенно я, так как я никуда не выхожу и сижу под защитой <нрзб> времени, и я не так страдаю, как Дмитрий, память которого очень ухудшилась. Чтобы с этим покончить, не обвиняйте ее – она сама точность, и когда будете в Женеве, постарайтесь увидеть ее племянницу, она будет вам очень признательна. Ваш сын чувствует себя прекрасно; он великолепно держится и владеет речью, безупречен и смел в своем новом положении⁴¹. Я не скажу вам о его пансионе – это сделают знатоки; священник-духовник так печалится о том, что Миша заново должен начинать то, чему научился так хорошо и закончил с помощью его стараний; он вам об этом напишет ниже. Наши отношения с господином Эннесом очень любезные. Это умный человек, деликатный и хорошо понимает свое окружение. Г-н Вандель принял Дмитрия в штыки, потому что последний настаивал, чтобы Миша оставался дома до тех пор, пока доктор не позволит ему выйти, что составило три дня, включая субботу и воскресенье, свободные от пансиона дни. Г-н Вандель сломал голову, чтобы придумать что-то, что бы помешало Мише прийти к нам в следующую субботу, и вот что он придумал, сказав это при нескольких свидетелях и учителях: «Я дам бутылку шампанского тому, кто поставит 0 (зеро) Мише». Но никто не поставил Мише зеро, так как он великолепно знал свой урок; несмотря на это, Вандель задержал его в пансионе и в воскресенье и, будучи приглашен на прогулку с Эннесом, говорит ему: «Разрешите мне вас спросить, вы недовольны мной из-за плохих оценок?» Г-н Эннес ответил, что «нет, напротив», и отправился к г-ну Ванделю спросить, почему Миша не пошел к своим родственникам. Последний не хотел опускаться до лжи и тотчас дал ему позволение. Теперь мы будем посылать коляску или экипаж в зависимости от погоды за Мишей. Профессор Кудрявцев и еще один, имя которого не помню, уехали за границу. Вот мое мнение об Эннесе: это человек умный, рассудительный, образованный (то, что говорят, я с этим не согласна), но любовь к наживе превосходит все это, его пансион полон грубых, неотесанных людей. Я очень просила Мишу не переходить на ты с его товарищами, и он это понимает и находит мои замечания по этому поводу справедливыми. Преподаватели тоже не первого класса по тем же причинам экономии. Но Эннес, как человек очень приличный, соответствует своему призванию, если бы не эта расчетливость. Так, если вы поселите Мишу в ином месте, чем у нас, из-за боязни, что он будет избалован, я понимаю ваш страх, но только чтобы он был экстерном у Эннеса, вы сделаете как нельзя лучше, но пусть время от времени он приходит к нам, чтобы бывать в хорошем обществе и сохранять традиции семьи. Публичное образование необходимо, но приобщаться к нему нужно как можно позднее, когда нравственные принципы будут сформированы. Обнимаю вас от всего сердца. Нелли видела Колин и Мишин портрет у Миши и очень хотела бы иметь его в своей коллекции.

Ваша сестра Мария.

6. А.М. Раевской

[Москва,] 2 октября 1856. № 1109

Я не могу понять, почему вы не получаете наших писем, дорогая сестра, если я их пишу каждые две недели и даже чаще. Я отправила вам 25 сентября вексель на 2100 франков из Бранденбурга в Париж, на г-на Ружмона де Локенберга; сейчас я вам отправляю другие векселя. Так как вы написали Нелли относительно ваших денег и Дмитрий делает это для нее, я ни во что не вмешиваюсь. Ваш сын чувствует себя хорошо и пишет вам аккуратно. Я вам писала, что он простудился, и мы ухаживали за ним в течение трех дней, в конце которых я повела его на фейерверки. Господин Вандель хотел его вести вместе с пансионом, но, боясь за него, я купила ему очень хорошее место около меня. С этого времени он вернулся в пансион, навещает нас, но редко.

У нас был маленький прием по случаю праздника Нелли⁴², пришли кузины и кузины: Луиза*, Алина, Ольга⁴³, Атти Оленина⁴⁴, Катя Кожина**, Кожинны-Бороздины со стороны Волконских и Сашок, их отец; с нашей стороны Давыдовы. Мы не бегали, не топали, но танцевали под звуки фортепьяно. Ваш сын танцевал мазурку с Ольгой Кривцовой. Было очень весело: играли, больше смеялись, чем танцевали. Луиза и Алина очарованы Мишей и хотят его навестить, если вы позволите, я его представлю Алине, как представила уже однажды Луизе. Закончились все праздники, Москва стала провинциальным городом с пустыми и грязными улицами. Софья⁴⁵ нам написала трепетное письмо, обвиняя нас в неблагодарности и неполучении писем от нас, я ей написала уже много раз, Ниннет писала, и даже деньги, которые она ей отправила, были возвращены почтой, так как Софья не дала нам своего адреса. В конце концов она приезжает через две недели в этом месяце. Ее манера все время вас воспитывать, относиться как к маленькой девочке очень утомительна, как и ее вечная возбужденность. Она вас атакует без конца нравоучениями без какого-либо содержания, без позволения. Дорогая сестра, я думаю, что вы посетите нас или, скорее, своего сына в эту зиму, и вы поступили бы хорошо, так как, наблюдая на месте происходящее, никто лучше, чем вы, не увидит, что для ребенка важно. Д[митрий] В[асильевич] все еще ждет визита священника, чтобы вам написать; священник, похоже, ждет его посещения, поэтому давно обещанное письмо до сих пор не написано. Ваш сын восхитительно терпелив и деликатен по отношению к Ванделю и бережно относится к вам.

Он все время повторяет: «Не нужно беспокоить маму, не нужно ее пугать. Я вам обещаю не брать в пример плохое поведение моих товарищей». И наконец, только одна мысль – оберегать вас от переживаний и учиться, чтобы поступить в университет. Я никогда бы не подумала, что Миша в его возрасте⁴⁶ может быть способным на такую деликатность и отречение, я его все время считала ребенком, а вижу в нем мужчину, способного властвовать

* Л.Л. Волконская, жена князя Александра Никитича Волконского.

** Кожинны были в родстве с Волконскими: сестра светлейшего князя П.М. Волконского Екатерина Михайловна (1777–1834) была замужем за генерал-адъютантом Сергеем Алексеевичем Кожинным (ум. 1897) и имела двух дочерей, из которых старшая, Елизавета Сергеевна, была за генерал-майором Владимиром Матвеевичем Бороздиным.

собой, тактичного и преданного вам. Заканчивая, я поздравляю вас с таким сыном. Сейчас я буду писать мадемуазель Брюн, чтобы она отправила остаток ваших денег через Бранденбурга⁴⁷. Вы знаете, что я купила дом для Нелли; его сейчас ремонтируют, и он будет готов к январю⁴⁸. Вы позволите нам пожить в вашем до этого времени. Д[митрий] В[асильевич] хочет как можно скорее переехать в новый дом, но это нехорошо для моего здоровья и для ребенка. Там только начали отделывать интерьер, и полы еще не сделаны, их покрасят в феврале.

7. А.М. Раевской

[Москва,] 6 октября 1856. № 1113

Я напишу вам всего несколько строк, дорогая сестра, чтобы только сказать, что Миша чувствует себя хорошо и что мадемуазель Брюн отправила вам три тысячи рублей серебром на различные расходы господина Бранденбурга. Миша Раевский сегодня у нас; Сашок пришла наконец пообедать и провести с ним часть вечера. Миша не хочет идти на бал к Алине, потому что это будет в понедельник, когда будут занятия и нужно готовиться. Сегодня после полудня пришел Александр Иванович и отдал мне ваше письмо; он долго беседовал с Дмитрием Васильевичем. Не знаю, о чем была речь, так как я уехала с Сашок, но эти господа вам напишут.

Мадемуазель Брюн ожидала иметь больше, чем вам нужно, денег для акций, которые вы хотите купить, но Казначеев хочет дожидаться приезда Софьи, чтобы это сделать. Ваш сын хотел бы ложиться спать на час позднее, не в 9, а в 10 часов, чтобы иметь время на чтение. Он силен, крепок, широк в плечах и высок, с хорошим цветом лица, это даже лучше, если будет ложиться спать позднее, чем лежать в постели не засыпая. Дорогая Аннет, его первые письма отсюда были, конечно, растерянными, потому что я точно знаю, что он написал два письма от нас в первые дни его приезда. Почта за границу отправляется по понедельникам, вторникам и средам – три дня подряд.

Будьте здоровы. Обнимаю Николая.

М. Волконская.

[На обороте:] Госпоже Раевской.

8. А.М. Раевской

[Москва,] 2 ноября 1856. № 1122

Моя дорогая сестра, я не писала вам, потому что была больна. Софья приехала вчера, теперь ваши денежные дела будут урегулированы. Д[митрий] В[асильевич] написал и передал вам вчера длинное письмо, из которого следует, что он хочет взять на себя Мишу. Моя дорогая Аннет, я обещала вам правду, чистую правду, как положено матери, и вот она: не доверяйте вашего сына никому, кроме Софьи⁴⁹, которая приложит свой ум и свое сердце для исполнения своего долга по отношению к вам и к нему. Если бы мой зять не был парализован и заботы о его здоровье не занимали все его время, я бы не сказала *нет*, но вот как он проводит свое время: он просыпается в 9 или 10 часов, садится (простите) на свой... (многоточие в тексте. – Прим. сост.) и

остается там до часу, моясь, бреясь и намазываясь своей мазью, затем он завтракает с нами, возвращается на свой трон и свой туалет и выходит оттуда только к трем часам; он идет на свою стройку, остается там до обеда и часто возвращается только в 6 часов, говоря нам обедать без него, затем долгая прогулка в санях; он бывает с нами очень короткое время, возвращается в свою спальню, чтобы вновь начать натираться мазью или заняться с архитектором, приходит поужинать в 10 часов и если не спит ночью, то остается на завтра весь день в постели до обеда. При таком образе жизни больного он не в состоянии заниматься воспитанием молодого человека; кроме того, его характер стал беспокойным, властным: его болезнь сделала его крайне раздражительным; забота о воспитании ребенка будет лишь одним из его занятий, тогда как Софья полностью посвятила бы ему свою жизнь. К тому же она очень образованна, может вести беседу и при необходимости дать отпор профессорам, которые хотели бы перейти дозволенную границу, тогда как мой зять не имеет никакого образования, посредственно воспользовавшись тем, которое ему пытались дать в Училище правоведения, он никогда не сойдется характерами с господином Ванделем, что бы он ни говорил; а Софья, как женщина умная, спокойно доведет все до конца. Говоря это, я ущемляю себя, так как жизнь Миши среди нас дает мне столько счастья. Когда я вам предлагала оставить его у нас, я думала, что он продолжит свое обучение у Эннеса экстерном, но недавно поняла, что мой зять хочет приглашать преподавателей к нам, и искренне, с полным доверием вам говорю: отдайте его Софье, которая просила об этом и обещала, и это будет основанием для отказа Д[митрию] В[асильевичу]. Не сердитесь, что ваш сын нанес визит своему дяде*. Дорогая сестра, никто не был так оклеветан *Туристкой*⁵⁰, как я; это было в такой степени, что своей матери на смертном одре она наговорила столько ужасов, что бедная старая женщина была вынуждена поменять завещание в ее пользу⁵¹. Ну, я никогда не запрещала детям любить и посещать их тетю; пока я была в Сибири, я не сомневалась, какого рода клевету она возводила на меня, и я знала, что она работала против меня; приехав сюда, я это узнала и сообщила моим детям, умоляя их не обращать внимания на эту старую историю и видеть только то хорошее, что она делала для них, и ценить ту нежность, которую она испытывала к ним, и, по совести говоря, она к ним добра. Наши отношения остаются холодными, но я ей очень признательна за моих детей. В свое время я написала об этом моему мужу, он с ней объяснился, она примирилась; мы обе понимаем, но не можем любить друг друга, сохраняя видимость при этом. Она сделала первые шаги, приехав в Иркутск. Сделал их и Александр, первым нанеся визит к своему племяннику. Я заканчиваю, дорогая и обожаемая сестра, обнимая вас от всего сердца. Разорвите, ради Бога, мое письмо, не говорите о нем ни Казначееву, ни Д[митрию] В[асильевичу], ни Софье, так как Казначеев за то, чтобы оставить его у моего зятя. Нелли, обладая здравым смыслом, сказала мне: «Мне кажется, что Дмитрий берет слишком много на себя: с таким здоровьем как можно заниматься воспитанием?» Ваш Миша трогательный и чистый ребенок; вообразите себе, когда он услышал, как его товарищи хвастаются (во

* А.Н. Раевскому.

время перемены между уроками) своими любовницами, он пришел к Дмитрию, краснея и бледнея, со слезами на глазах, говоря Дмитрию: «Что я мог сделать, я не ожидал их признаний вслух, я не мог закрывать ушей, не подозревая ничего плохого».

9. [Притиска к письму С.Г. Волконского к А.М. Бороздиной]

[Москва,] 17 декабря 1856. №1133

Дорогая сестра, Миша Раевский прочитал нам ваше последнее письмо; оно нас так тронуло, что у Сергея и у меня были слезы на глазах. Какое материнское сердце Вы имеете, дорогая Аннет, с каким красноречием и самопожертвованием оно выражается! Не бойтесь за Вашего сына: не только дурное, что он видит, не пристанет к нему, но оно вызывает у него отвращение, которое сохранит это милое дитя во всей чистоте еще долгие годы. То непродолжительное время, которое он провел в этой клоаке⁵², внушает ему ужас из-за мерзостей жизни, которые, представляясь вначале соблазнительными, впрочем, могли бы его втянуть, как это бывает со всеми молодыми людьми. Так как Вы желаете, чтобы Ваш сын был подле Вас во время каникул, – это прекрасный способ забрать его из пансиона. Мы бы поехали вместе с ним, Нелли и я, до Берлина, но нужно, чтобы Вы попросили позволения сдать ему экзамены в мае, а не в июне под предлогом, что он должен присоединиться к Вам на водах. Дорогая сестра, Вы смогли так хорошо развить его чувства и благородство его сердца, что мы были все потрясены. Надо было слышать, как он вчера говорил о Вас, о своем отце, о своих тревогах за вас обоих, он так боится за вас. Он готов на любые жертвы ради вашего спокойствия; его очень беспокоит здоровье *Коли*; он говорил обо всем этом дрожащим голосом, глотал слезы и потом, взяв Нелли за руку, говорит ей: «А Вы, Нелли, не страдаете чахоткой, вы будете лечиться, вы будете за собой следить?» Он действительно очарователен в своей преданности к тем, кого любит; в его возрасте только и думают, как бы освободиться от скучных занятий, а он полон заботы о нас всех. Возьмите Лоло – это кусок плоти, уже давно они с сестрой забыли свою мать, Ольга особенно, это сама ветреность, она не думает ни о чем, кроме балов, праздников, она тратит огромные деньги и занимает у всех: у Сашок, у Нелли, у меня. Не говорите об этом в Вашем ответе.

Я никогда не забуду, когда, исполняя долг, Миша предупреждал нас о дурном, что он видел, краснея, опуская глаза, он говорил: «Мои товарищи вслух читали любовные письма в течение четверти часа в перемену в моем присутствии; бывает, что они напиваются часто и идут к *плохим* женщинам». Он не знал, как назвать этих женщин, это ему было незнакомо, но он понял, что они *плохие*, этот милый ребенок. Я не знаю, получили ли Вы мое письмо, но я вам его повторю. Не доверяйте вашего сына Д[митрию] В[асильевичу], способности которого деградируют, характер становится раздражительным. Не доверяйте Вашего сына Казначеевым – мадам будет ему досаждать наставлениями, скорее Софье, *хотя она, как старая дева, его пилит*, но в ней столько преданности, что Миша сможет уважать недостатки характера своей тети. Но лучше всего поручите его профессору университета. Мы уезжаем в конце мая, после лечения на водах поедem в Париж на месяц и, если мне

удастся убедить Нелли, – в Италию. Она сейчас более спокойна за своего ребенка, у него будет хорошая гувернантка, старая мад[ам] Марконе. Дмитрий изо всех сил хотел гувернера для ребенка в три года. Он уже даже сделал предложение г-ну Шуле, к счастью, последний нашел себе место. Когда я сказала о женщине, он закричал, говоря, что его сына должен воспитывать мужчина. Видя переживания Нелли и ее нерешительность в отношении поездки, я изменила тактику, я больше не говорила о хорошей иностранке, но попросила Иноземцева* предложить и дать совет; в то же время я навела справки о мад[ам] Марконе, и дело было сделано. Дмитрий выглядит лучше, он поправился, но ноги стали более слабыми, и слух падает. Он и слышать не хочет о поездке за границу, он придерживается своего опыта и говорит мне: «Вы увидите, что я поправлюсь, вы хотите моей смерти, удаляя меня от моего врача», он опытный *чиновник*. Тогда мы решили поехать одни, ребенка он нам не дал, потому что считает его своей собственностью. Гувернантка с Сережей останется с ним. Пора уже Нелли отдохнуть, и отдохнуть вдаль от этой атмосферы. Вы не сможете себе представить, насколько характер ее мужа стал сварливым, деспотичным. Это человек, который деградирует совершенно, он только и делает, что смотрится в зеркало, он никогда не открывает книгу, газету, он не пишет писем, он уже три месяца не может ответить на ваше письмо, он вкладывает деньги в стройку, которую начал во время коронации, и теперь еще, когда цены так высоки, а дни коротки, работают со свечами, топя 20 печек, а сажень стоит 10 р. серебром. Наконец, ни мой муж, ни Нелли, ни я, мы не осмеливаемся ничего ему сказать, потому что это вызывает скандалы, крики, мы оставляем его в покое, но что касается его жены и ребенка, это Иноземцев и даже его врач дают ему советы.

Я заканчиваю, так как нет уже места. Примите наши уверения в признательности Сергея, меня, Нелли и Дмитрия, который также оценил все, что Вы сделали для нас. Тысячи нежностей для Коли.

М.В.

10. А.М. Раевской

[Москва,] 28 декабря 1856. № 1136

Дорогая Аннет!

С Новым годом вас и всех, кто вам дорог; я молю Бога прежде всего о восстановлении вашего здоровья, так необходимого для счастья ваших детей. Миша Раевский у нас всего на два дня; г-н Эннес и Вандель сердятся на него за то, что он вам открыто рассказал о пансионе. Эти господа получили ваше письмо по этому поводу, они пригласили Мишу, чтобы отругать его за некоторые вещи, рассказанные вам; сцена была бурная и окончилась таким заключением: «В вашем возрасте» или еще: «вы в таком возрасте, чтобы знать все это, но не обязательно все рассказывать вашей матери; о таких вещах мамам не рассказывают». Каково? У вашего сына не было места в письме, чтобы это рассказать, тем более что он знает, что все прочитываются. Мой сын у нас находится два дня; он приехал весь больной холериной, он от нее ужасно похудел. Кроме того, у него в Петербурге украли чемодан посреди дня, когда

* Доктор, профессор Московского университета.

его слуга вышел на полчаса; вора́м хватило времени, чтобы сломать замки и унести 8500 серебром, а также всю одежду и белье, купленное в Париже.

У Нелли все довольно хорошо. Мы упорно хотим поехать за границу. Д[митрий] В[асильевич] все в том же состоянии. Сережа развивается замечательно милостью Божией. У моего брата состоится большой костюмированный бал. Нелли будет в платье маркизы; ваш сын вернется печально в пансион, так как г-н Эннес считает разумным заставить его учиться читать по слогам латынь в младших классах во время праздников.

Я обнимаю вас, дорогая сестра, мой муж и мои дети целуют вам руки.

М.В.

30 (декабря). Бал у моего брата был блестящий, и Сашок была очаровательной в албанском костюме. Костюм Ольги⁵³ не удался; она была одета маркизой, в платье, вышитом серебром, на белом лебяжьем пуху, что его делало желтым, несмотря на строгий красный. Нелли была одета в маркизу *Вишию*, юбка из белого муара, украшенная алансонскими кружевами и цветами со шлейфом вишневого цвета из китайской ткани, украшено цветами и рюшами из бантов и кружев. Самой красивой и утонченной среди молодых девушек была княжна Щербатова*, внучка П. Четвертинской**, со звездой и в очаровательном платье.

Мой муж не захотел принять Василия Репнина***, который выставляет себя нашим благодетелем, а сам предъявил своей матери требование на нашу долю, безосновательное от начала до конца. Старая матушка изо всех сил старается, чтобы Сергей принял своего племянника или, по меньшей мере, был с ним любезен, на что последний не соглашается, что вызывает бесконечные визиты Вареньки**** и слезы и рыдания без конца, до такой степени, что моему мужу сказано, что ее мать не может более его принимать, если он не будет добр с Василием. «Тогда и я ее больше не увижу, вот и все», – сказал Сергей, и он прав...

Я только что получила ваше письмо от 25/13 декабря. Я заранее благодарю Николая за коричневый шарф, о котором вы мне сказали, и я очень тронута, что он обо мне подумал.

* Княжна Прасковья Сергеевна (род. 28-го марта 1840 г. в Москве), старшая дочь князя Сергея Александровича Щербатова (1804–1872) от брака его с княжной Прасковьей Борисовной Четвертинской (1818–1899), в 1859 г. вышедшая замуж за известного археолога графа Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884), председателя Имп. Московского археологического общества, почетного члена Императорской Академии наук.

** Княгиня Надежда Федоровна Четвертинская, урожд. княжна Гагарина (1791–1883), жена шталмейстера, управляющего Московским придворным конюшенным отделением князя Бориса Антоновича Четвертинского (1781–1865). О них и их многочисленной семье см. т. II, стр. 119.

*** Князь Василий Николаевич Репнин, племянник С.Г. Волконского, сын его брата – князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского.

**** Княжна Варвара Николаевна Репнина (1808–1891), фрейлина имп. Александры Федоровны, известная своими дружескими отношениями к Гоголю, Шевченко и другим писателям, сама писательница под псевдонимом Лизварской, автор различных воспоминаний, печатавшихся в «Русском архиве» П.И. Бартенева.

Дорогая сестра, я давно вам писала, что происходит в пансионе, но эти письма до вас не дошли; если я этого не сделала сначала, это Д[митрий] В[асильевич] велел мне оставить эту заботу ему, но, видя, что редакция этого послания может тянуться долго, я вам все сообщу. Миша не говорил о ваших планах по поводу пансиона сначала потому, что он их не знал еще хорошо, и потом он прекрасно понимает свое положение, которое становится все более серьезным. Этих господ понесет на другую месть, если они не узнают вашей любви, вашей преданности к вашему сыну и особенно ваше положение, которое вы занимаете в обществе. Я восхищена всем: терпением, достоинством вашего сына; у него замечательный характер; видно, что он происходит из породы людей чести и сердечности. Со всей совестью я вам говорю: вы объяснитесь с Эннесом, заберите вашего ребенка, не ожидая экзаменов, возьмите его на каникулы и *без г-на Ванделя*, который ему не подходит более, так как ваш сын *его понял*. Я вам привезу Мишу в город, какой вы мне укажете, и потом в августе вы найдете ему другое место в России. Я заканчиваю, моя обожаемая и многоуважаемая сестра, говоря вам здесь перед Богом, что вы можете быть гордой и счастливой за своего сына. Какая любовь к вам, какой страх опечалить вас, расстроить ваше здоровье и здоровье своего брата, которое его тоже очень волнует. А как он проводит свое время у нас? – все время читает, играет на фортепьяно и заботится о нас, если кто болен. Я вас обнимаю и желаю здоровья и спокойствия.

М[ария] В[олконская].

II. А.М. Раевской

[Москва,] 17 февраля 1857. № 1145

Вот, дорогая сестра, письмо Миши для вас. Он чувствует себя прекрасно: белолицый, розовощекий и крепкий, сильный, одним словом, обладает великолепным здоровьем. Я присутствовала, когда Д[митрий] В[асильевич] диктовал ему информацию о своем здоровье⁵⁴, и это, увы, из области поэзии: это у него пунктик – верить в совершенное выздоровление и прибавление в весе. Он все так же худ, как раньше, разве что цвет лица чуть свежее и немного округлились щеки. Он очень плохо передвигается, но изо всех сил старается много ходить по комнате с помощью слуги. Его лекарь доставляет ему для питья русскую водку, сначала он выпивал 6 рюмок, сейчас он выпивает 16, это именно то, что ему дает обманчивую видимость силы; голова же его слабеет, он ничем абсолютно не занимается, стройка его более не интересует; он запутался в счетах, тратит огромные деньги на этот дом, и сейчас ему не на что его заканчивать; он использует свое *Шуколово*⁵⁵. Ради Бога не доверяйте ему ремонт вашего дома; это будет стоить гораздо больше, чем его. Вот одно из тысячи доказательств снижения его интеллекта. Он говорит своей жене: «Нелли, ты эгоистка, ты думаешь только о себе, ты принимаешь только маленьких девочек, таких как Сашок, Ольга⁵⁶, мадмуазель Львова⁵⁷; нужно приглашать мужчин к себе. На балу А.Н. ты представила меня дамам и не познакомила меня с их мужьями!» «Я их сама не знаю». Он хочет окружить свою жену мужчинами, когда он не в состоянии поддерживать разговор, и в 9 часов он уходит. В управлении еще один анекдот. Его *Бурмистр*

пишет ему письмо, что некуда уже складывать пшеницу, что все амбары полны, что ее уже кладут на землю, что урожай и цены замечательны, что нужно ее продавать как можно скорее. Он тянул, тянул с ответом, наконец, позавчера он пишет приказ: купить сани, купить быков и отправить всю пшеницу в Москву, за 800 верст, и что здесь быков продадут на скотобойне. Однако эти бедные животные не ходят зимой, только летом. Нелли все утро умоляла продать зерно на месте, ничего не добились; в конце он разрешил добавить в письме, что если это трудно, то продать как договорились.

Дорогая сестра, я надеюсь уехать из Москвы в конце марта в Петербург и в первых числах апреля – в Варшаву. Телеграфируйте мне срочно указание привезти Вашего сына в Дрезден; я это сделаю с большим удовольствием, а оттуда он быстро к вам приедет. Хотите ли Вы, чтобы с ним приехал его старый слуга или Вандель? Я их возьму с удовольствием. Положение Миши в пансионе очень печально: когда Эннес делал ему выговоры за то, что он настраивает вас против него, он ничего не отвечал, он не хотел никого вмешивать в свои дела из нас, он все брал на себя, тогда как это я и мой зять, и, наконец, Казначеев и священник* писали Вам. А Эннес и Вандель злятся на него и *придираются к нему* во всем. Миша еще ничего не знал о пансионе, когда мы вам написали самые обстоятельные подробности о том, что там происходит. Дорогая сестра, одно слово от вас телеграфом – и я привезу вам вашего ребенка чистого, невинного, такого, какого вы оставили, с умением противостоять вредным примерам и, более того, авторитарности г-на Эннеса и Ванделя при воздействии на него, имея в виду порицания вашему сыну: «*Зачем вы рассказываете все это вашей маме? – мамы не должны знать все это, вы уже не ребенок, но молодой человек, и молодости это свойственно*». Вот еще одна черта искренности чистоты сердца вашего Миши. Вы знаете, что Д[митрий] В[асильевич] пьет много водки, уверенный, что это придает ему силы, и нет средства его разубедить. До такой степени, что его охватывает непреодолимое желание говорить, и именно Мишель чаще всего становится жертвой этого, потому что Д[митрий] не выносит возражений, и ваш сын слушает его в молчании. Тогда у этого милого ребенка возникают угрызения совести, и он приходит и говорит мне: «Тетя, я не знаю, должен ли я выслушивать все, что мне говорит Д[митрий] В[асильевич], иногда он говорит лишнее». Я его успокаиваю, потому что наш больной большей частью говорит о воспитании и также о управлении весьма расплывчатым образом.

Я заканчиваю из опасения быть захваченной врасплох моей дочерью. Целую вас и Колю тысячу раз. Я получила от вас в общей сложности два письма, а ваш сын не получал их уже три недели.

М. Волконская.

12. [Приписка к письму С.Г. Волконского А.М. Бороздиной]

[Москва,] 12 апреля 1857. № 1156

Моя дорогая сестра, у меня нет времени написать Вам длинное письмо, я почти постоянно нахожусь под дверью моего зятя. Ваш Миша проводит

* О. Ключарев, священник церкви Казанской Божьей Матери у Калужских ворот в Москве, духовник А.М., Н.Н. и М.Н. Раевских.

праздники Пасхи у нас, и знаете, на что он тратит свое каникулярное время? – ухаживает за нашим бедным сумасшедшим, когда тот позволяет ему войти и закрыть дверь его комнаты; как только он начинает шум, из-за того чтобы Нелли не присутствовала, он ее часто избавляет от этого спектакля. Он читает Нелли, часто составляет ей компанию у пианино, когда она решается попеть, он сумерничает с ней, Ольгой и мадмуазель Львовой, потому что Нелли боится, как бы муж не выкинул чего-либо, и посылает его спать не ранее как пробьет час. Вот как Ваш молодой сын проводит время, предназначенное для праздников и удовольствий; он выходил только на службу в церкви и был на одном или двух спектаклях. Вы скажете, что это заслуженно, очень благородно для ребенка его возраста, и я Вас уверяю, что я его уважаю и ценю все больше и больше. Он делит с нами все наши страдания, тяготы и горе.

Наш больной в состоянии полного умопомешательства, но он тихий, не позволяет Нелли ухаживать за ним, прибегает к помощи двух своих слуг, уже неделю не покидает более постель, не хочет выходить. Жизнь наша стала более спокойная, менее мучительна. Нелли ходит навещать своего сына к Репниным, которые живут неподалеку, она ходила даже на всенощную службу к настоятельнице. Мать Молчанова и не думает приезжать, сестра может приехать только в июле, а настоятельница не приходит навещать своего племянника под предлогом плохого здоровья. Они все эгоисты, оставили на наше попечение заботы о бедном больном и завершение дел.

Я заканчиваю, целую Вас и *Колю*.

13. А.М. Раевской

[Москва,] 8 июля 1857. № 1169

Я получила Ваше длинное и хорошее письмо из Каstellамаре, моя дорогая сестра; оно наполнило мое сердце радостью от мысли о Вашем будущем приезде и вашем местожительстве в Сокольниках⁵⁸. Александра Ивановича⁵⁹ не было в эти дни, поэтому он не мог получить информацию об аренде жилья. Сегодня утром на прогулке я поинтересовалась: все, что находится в нашем квартале, где находится наш дом, заняты, за исключением одного, который только недавно закончили; у него нет сада, но есть большие крытые балконы. У вас есть лес рядом с вами для прогулок. Я не знаю цену, завтра мне ее скажут. Я в восхищении от Вашего решения поселиться за городом на остаток лета: Ваш Миша нуждается в упражнениях и свежем воздухе, у него часто кровь идет носом, иногда два раза в день. Я очень хочу видеть его у нас во время каникул, но господин Эннес получил другие распоряжения на этот счет. Софья уже давно в деревне; я передала ей то, что Вы велели ей сказать по поводу получения Ваших векселей. Нелли целует Вас тысячу раз за все приятные и трогательные слова в ее адрес.

Дмитрий день ото дня все больше сходит с ума; он утверждает, что он потомок царевича Дмитрия и что он должен получить 140 триллиардов от высоких персон; он каждый день ждет императрицу с Думоном Дерье (?)⁶⁰; он все время бредит, рассказывает свои сны всем, кто к нему входит; он не встает с постели и чрезмерно ест. Нелли тут очень занята, милостью Божи-

ей; всеми силами она хочет увезти Дмитрия за границу не потому, что там ему будет лучше, так как уже известно, что он неизлечим, но потому, что мне нужен более благоприятный климат: у меня узелки (туберкулы, бугорки) в легких, как говорит Иноземцев. Я в это не верю, я не кашляю и чувствую себя довольно хорошо. Нелли уже объяснили о невозможности путешествия с больным, потому что <пропуск>, его не возьмут ни в вагон, ни на пароход. Наконец решено остаться до будущей весны. Это вам нужно научить нас способу путешествия с такого рода больным человеком.

Приехал мой сын; он потратил только семь дней, чтоб вернуться из Тифлиса, так сильно он волновался за Нелли. Теперь семья в сборе, и мы все счастливы, когда ее дополнил Миша Р. Катерина не приедет на свадьбу сына, она их ждет в Петербурге*. Свадьба состоится 11[-го] или 15[-го] в следующем месяце⁶¹; Ниночка⁶² приедет вместо матери. Я прощаюсь с Вами, дорогая сестра, обнимая Вас от всего сердца.

М.В.

Мой муж и сын целуют Вам ручки.

14. [Приписка к письму С.Г. Волконского А.М. Бороздиной]

[Ницца,] 16/4 января 1859. № 1222

Счастливого нового года, дорогая сестра, Вам и Вашим детям! Надеюсь, что только что прошедший год унесет все печали, причиной которых мы были совместно. Я всем сердцем желаю и искренне прошу вас простить мне огорчение, которое я вам принесла относительно Миши. Мы задержимся здесь еще на две недели и все вместе поедem в Рим. Я там проведу только одну неделю и вернусь сюда на несколько дней, и наше будущее направление будет зависеть от врачей, но, во всяком случае, я вернусь в Россию в конце мая. Я хотела вернуться по Дунаю через Одессу, чтобы мне устроиться у Николая**, но если там война, я вернусь через Варшаву. Говорят, что бои идут в Милане, Национальная гвардия Ниццы отправилась вчера к границе***. Великая княгиня Екатерина**** плывет прямо в Рим на «Рюрике», минуя Геную и Ливорно. Мы поедem горной генуэзской дорогой, но оттуда поплывем морем, принимая во внимание, что сухопутное путешествие самое дорогое. Я обнимаю Вас от всего сердца, моя дорогая сестра, а также Николай и Миша мои целуют Ваши руки, посылая счастья всем вам в будущем году.

Ваша сестра Мария Волконская.

Примечания

¹ Письмо к Корнелии Рукевич в публикации отсутствует.

* Е.Н. Орлова.

** Н.А. Кочубей, зять Волконских.

*** Это было начало войны Италии против Австрии, когда Виктор Эммануил, при помощи Гарибальди и поддерживаемый войсками Наполеона III, нанеся поражения австрийцам, добился сперва Виллафранкского мира, а в 1861 г. – объединения Италии в одно королевство.

**** Великая княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894), дочь великого князя Михаила Павловича, с 1851 г. жена генерал-адъютанта герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого (1824–1876).

² Раевская Софья Николаевна (1806–1883), сестра М.Н. Волконской. После возвращения из Италии в 1852 г. принимала деятельное участие в жизни своих сестер. Навещала семью М.Н. Волконской в Иркутске, помогала семье Е.Н. Орловой во время ссылки.

³ Молчанов Сергей Дмитриевич (Чичик), сын Е.С. и Д.В. Молчановых.

⁴ Волконская Елена Сергеевна (Нелли), дочь М.Н. и С.Г. Волконских. С 1850 г. жена Д.В. Молчанова.

⁵ Имеется в виду судебное дело Д.В. Молчанова. Е.С. Молчанова уезжала на несколько дней в Петербург хлопотать о муже. Подробнее о деле Д.В. Молчанова: Добрынина Е.А. Письма декабриста С.Г. Волконского // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 140–226.

⁶ Толстая (франц.).

⁷ Раевский Александр Николаевич (1795–1868), брат М.Н. Волконской.

⁸ Лицо не установлено.

⁹ Орлова Екатерина Николаевна (урожд. Раевская, 1797–1885), сестра М.Н. Раевской. С 1821 г. жена декабриста Михаила Федоровича Орлова (1788–1842).

¹⁰ Скорее всего, это упоминание связано с тем, что в 1855 г., во время Крымской войны, князь В.В. Яшвилль, будущий зять Е.Н. Орловой, был назначен главнокомандующим Южной армии и до 1856 г. оставался в Крыму. Как раз в это время дочь Е.Н. Орловой Нинет была беременна третьим ребенком. В архиве имеется множество писем от семьи Яшвилль к А.М. Раевской.

¹¹ Николай Николаевич и Михаил Николаевич Раевские, дети А.М. Раевской.

¹² Семья Александра Ивановича Мусина-Пушкина (1827–1903) и Ольги Александровны (урожд. Пашковой, 1835–1928).

¹³ Казначеев Александр Иванович (1788–1880), один из ближайших друзей и самых частых адресатов семьи Раевских. Крестный отец М.Н. и Н.Н. Раевских.

¹⁴ Дурново Александра Петровна (Алина, урожд. светл. княжна Волконская, 1804–1859), дочь С.Г. и П.М. Волконских. С 1831 г. жена Павла Дмитриевича Дурново (1804–1864).

¹⁵ Яшвилль Анна Михайловна (Нинет, Нина, урожд. Орлова, 1826–1887), в 1855 г. в Екимовском родила сына Павла.

¹⁶ Небольшой, маленький (франц.).

¹⁷ Предположительно, Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), до 1855 г. министр уделов Российской империи.

¹⁸ «Дядя Миша и дядя Коля отправились в Италию» – так Е.С. Волконская расшифровала эту фразу в своем письме к А.М. Раевской от 14 декабря 1855 г. (*Архив Раевских*. Т. 4. С. 355).

¹⁹ Проблематично установить, о каком именно доме идет речь. Это может быть как дом, снимаемый Волконской на Спиридоновке, принадлежавший А.М. Раевской, так и совершенно другой.

²⁰ Княгиня Екатерина Алексеевна Долгорукова (урожд. Малиновская, 1811–1872), вдова князя Р.А. Долгорукова (1805–1849). Родственница А.М. Раевской.

²¹ Вероятно, Ольга Васильевна Олсуфьева (1835–1915), с 1853 г. фрейлина российского императорского двора.

²² Мадам Мьевр (Мувег), воспитательница Александры Александровны Раевской (Сашок).

²³ Александра Александровна имела очень слабое здоровье, которое досталось ей от матери. Екатерина Петровна (урожд. Киндякова) умерла в 1839 г., оставив трехнедельную Сашок на руках отца. В 1861 г. А.А. Раевская вышла замуж за графа И.Г. Ностица, а в 1863-м молодая графиня скончалась сразу после родов, как и ее мать.

²⁴ В письме от 13/25 августа 1856 г. А.М. Раевская адресует Е.С. Молчановой список: «Дорогая Нелли, прошу Вас купить Мише следующие книги:

1. О подражании Христу, перевод Сперанского.
2. Первая седмица, Иннокентия.
3. Чин литургии Иоанна Златоуста (находится в синодской лавке на Никольской).
4. Краткое учение о богослужении Православной церкви, Богданова.
5. Начертание Христианских обязанностей, Кочетова. <...> (*Архив Раевских*. Т. 4. С. 433).

²⁵ Вандель Роман Христианович, гувернер М.Н. и Н.Н. Раевских. В 1856 г. был отправлен из-за границы в Москву к М.Н. Раевскому.

²⁶ Кривцов Николай Павлович (Лоло) (1839–1871), сын П.И. Кривцова и Е.Н. Репниной-Волконской. Внук Николая Григорьевича Репнина-Волконского. Во время описываемых событий был студентом Московского университета.

²⁷ Предположительно, Александр Петрович Давыдов (1838–1885), сын гофмейстера П.Л. Давыдова и В.Н. Лихаревой. В 1850-х гг. учился в Московском университете на историко-филологическом факультете.

²⁸ Речь идет о приемах французского и итальянского послов.

²⁹ А.И. Казначеев.

³⁰ Ключарев Алексей Осипович (1820–1901), в 1850-е гг. священник церкви Казанской Божьей Матери у Калужских ворот в Москве. С 1886 г. архиепископ Амвросий. По отзывам современников, один из самых вдохновенных русских проповедников. Открыл 62 прихода, учредил немало образовательных и благотворительных заведений, а также миссионерский совет для борьбы с сектантством. Был духовником М.Н. и Н.Н. Раевских.

³¹ Н.П. Кривцов.

³² 30 августа совершается память русского православного святого Александра Свирского.

³³ Возможно, имеется в виду дочь Николая I Мария Николаевна Строганова.

³⁴ Семья княгини Варвары Алексеевны Репниной (урожд. графини Разумовской), на тот момент уже вдовы князя Н.Г. Репнина-Волконского.

³⁵ Великая княгиня Мария Николаевна (1819–1876), дочь императора Николая Павловича, с 1839 г. герцогиня Лейхтенбергская, с 1853 г. жена графа Григория Александровича Строганова (1823–1878). Мария Николаевна поддерживала Волконских еще с 1840 г. Тогда именно она посодействовала освобождению невинно осужденного за убийство татарина Сали, прошедшего 16 лет в Сибири, оправдания которого добивалась М.Н. Волконская (*Неизданные письма М.Н. Волконской*. С. 71).

³⁶ Семья А.М. Горчакова и М.А. Урусовой.

³⁷ А.П. Давыдов.

³⁸ Имеется в виду А.Н. Раевский, посещать которого Михаилу Раевскому было запрещено его матерью. Об этом она сообщает в письме к М.Н. Волконской от 13 / 25 августа 1856 г.: «Указывая Эннесу людей, которых я хочу чтобы Миша посещал, как только он получит от него разрешение выходить, я исключила А.Н. Я прошу <...> не пытаться воздействовать на меня с целью изменения мнения в этом ни просьбами, ни упреками, потому что мое решение принято, это новое вмешательство не приведет ни к чему, кроме как излишней печали» (*Архив Раевских*. Т. 4. С. 433).

³⁹ Лицо не установлено.

⁴⁰ Луиза Брюн, гувернантка А.А. Раевской.

⁴¹ Под «новым положением» подразумевается то, что М.Н. Раевский поступил в пансион Эннеса.

⁴² Речь идет о дне рождения Е.С. Волконской – 28 сентября.

⁴³ Кривцова Ольга Петровна, сестра Н.П. Кривцова, с 1857 г. жена Н.М. Орлова (1822–1886).

⁴⁴ Возможно, Татьяна Петровна Оленина (1836–1922), с 1858 г. жена статского советника Александра Петровича Балавенского (1827–1906).

⁴⁵ С.Н. Раевская.

⁴⁶ М.Н. Раевскому в то время было 15 лет.

⁴⁷ Личность не установлена.

⁴⁸ Здесь и далее речь идет о строительстве дома для Молчановых на Подновинском бульваре, деньги на которое были даны М.Н. Волконской (*ИРЛИ*. Ф.57. Оп. 1. № 404. Л. 1 об. – 2).

⁴⁹ С.Н. Раевской.

⁵⁰ С.Г. Волконская.

⁵¹ М.Н. Волконская намекает на то, что С.Г. Волконская в свое время способствовала тому, чтобы большая часть наследства, предназначавшегося С.Г. Волконскому, отошла ей. Ряд упоминаний об этом факте встречается в письмах Волконских.

⁵² Пансион Эннеса.

⁵³ О.П. Кривцова.

⁵⁴ М.Н. Раевский сообщает матери в письме от 17 февраля 1857 г., что «здоровье Д.В. Молчанова совершенно поправляется, ходит он очень хорошо, почти без помощи человека <...>».

Костыли и стул свой с колесами он совершенно бросил, все боли и удушья прекратились и никогда не возвращаются, все тело согрелось, и пополнил так, как никогда не был здоровым» (*Архив Раевских*. Т. 4. С. 582).

⁵⁵ Шуколово, имение Д.В. Молчанова в Подмосковье.

⁵⁶ О.П. Кривцова.

⁵⁷ Мария Львова (ум.1865), первая жена А.А. Рахманова, управляющего имением Воронки Черниговской губернии, а с 1866 г. (?) мужа Елены Сергеевны (урожд. Волконской).

⁵⁸ Дача Молчановых в Москве.

⁵⁹ А.И. Казначеев.

⁶⁰ М.Н. Волконская ставит знак вопроса, таким образом давая понять, что не знает, о ком идет речь. Установить личность не удалось.

⁶¹ Свадьба Н.М. Орлова с О.П. Кривцовой, которая состоялась 12 июля 1857 г. С.Г. Волконский и А.И. Казначеев были посаженными отцами, М.Н. Волконская и Е.С. Молчанова – посаженными матерями.

⁶² А.М. Яшвиль (урожд. Орлова).

А.И. Бондаренко

Летопись семьи Ребиндеров (по материалам ГАИО)

В 1961 г. в Государственный архив Иркутской области поступил «Семейный фонд Свербеева Николая Дмитриевича, секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири, и Свербеевой Зинаиды Сергеевны (урожденной Трубецкой)». Этот фонд, состоящий из 206 дел, содержит большое количество ценных документов, и самыми ценными можно назвать письма, адресованные Н.Д. и З.С. Свербеевым многими декабристами и их родственниками. Они охватывают довольно обширный отрезок времени – начиная с 1839-го и заканчивая 1924 г. – и повествуют о быте родственников и близких Свербеевых.

В архиве также содержатся письма Сергея Петровича Трубецкого и семьи его дочери Александры Ребиндер. Часть документов архива была изучена сотрудниками Иркутского музея декабристов. Сведения, находящиеся в этих документах и письмах, позволяют воссоздать подлинную и живую картину жизни детей и внуков С.П. Трубецкого. Уже имеется базирующаяся на этих письмах статья¹. Существует необходимость продолжить изучение темы жизни ближайших потомков князя Трубецкого, скрупулезно исследовать семейный фонд Свербеевых и опубликовать те данные, которые в нем находятся. В этой статье содержатся сведения о жизни старшей дочери Трубецких, Александры, и ее супруга, Николая Романовича Ребиндера. Есть общеизвестные факты о жизни Ребиндеров – даты, информация о карьере Николая Романовича, несколько опубликованных писем. Но сухим фактам не хватает некоей живости и яркости – лучше всего о человеке могут сказать его письма.

Мы впервые публикуем письма А.С. Ребиндер, а также небольшие фрагменты писем Н.Р. Ребиндера, которые с трудом удалось разобрать из-за трудно читаемого почерка. Кроме того, в статье использованы и отрывки уже опубликованных писем Екатерины Ивановны и Сергея Петровича Трубец-

ких – без них не было бы той полноты картины, которая требуется от летописи. Мы многое знаем о семьях тех детей Трубецких, потомки которых живы по сей день и берегут память о своих предках. С нашим музеем поддерживают связь потомки семей Свербеевых, Давыдовых и Зинаиды Лебцельтерн, сестры Екатерины Трубецкой. Прямых же потомков семьи Ребиндеров не осталось. В этой статье собраны сведения о жизни супружеской четы Ребиндеров и, по возможности, опущены факты, которые уже многократно публиковались.

Александра была первым ребенком Е.И. и С.П. Трубецких. Она родилась в Читинском остроге в феврале 1830 г. Появление на свет Александры, без сомнений, скрасило жизнь Трубецких. Александра стала для них первой «улыбкой каторги»². Позднее на свет появились Елизавета (1834–1923), Никита (1835–1840), Зинаида (1837–1924), Владимир (1838–1839), Иван (1843–1874), Софья (1844–1845). И у Екатерины Ивановны, и у других матерей – жен декабристов были обоснованные опасения за будущее своих детей. Ведь согласно условиям, которые жены декабристов подписывали, все их дети, рожденные в Сибири, должны были иметь статус «казенных (государственных) крестьян»³.

Николай Романович Ребиндер,
1850-е гг.

Александра Сергеевна Ребиндер,
1850-е гг.

Несмотря на это, Екатерина Ивановна находила утешение в неиссякаемой надежде и вере. Летом 1830 г. она пишет сестре Зинаиде: «<...> надеюсь, что моя добрая воля восполнит мое неумение и она не будет раскаиваться, что родилась в Сибири в данных условиях. В остальном, во всем, что ее касается, я полагаюсь на Бога. Какому ребенку, даже родившемуся в самых блестящих условиях, возможно предсказать будущее в момент его рождения? Поэтому я не смею предаваться никакой тревоге за ее будущую судьбу и полагаюсь всей душой на Того, кто нас до сих пор не покидал и от которого все зависит на этой земле»⁴.

Замужество давало дочерям декабристов некоторые привилегии и права, которых они были лишены по рождению: они восстанавливали свой дворянский статус и лишались статуса «детей государственных преступников». Первой из дочерей Трубецких замуж вышла средняя, Елизавета Сергеевна, затем настал черед Александры. Претендентом на ее руку и сердце стал градоначальник Кяхты Николай Романович Ребиндер (8 мая 1813 – 14 сентября 1865). Известно, что при первом сватовстве Ребиндеру было отказано, так как он был вдвое старше Александры, вдовцом и имел двенадцатилетнюю дочь от первого брака Надежду⁵. Однако Николай Романович, благодаря своему благородству и сочувствию идеям декабристов, произвел впечатление на родителей Александры, и вторая попытка сватовства оказалась удачной.

1852 год

Женитьба Александры Сергеевны и Николая Романовича. Переезд четы Ребиндеров в Кяхту. Первая беременность Александры Сергеевны.

Екатерина Ивановна писала Зинаиде 28 апреля 1852 г.:

«Дорогой и добрый друг мой. Софья тебе, вероятно, уже сообщила о свадьбе 13 апреля нашей милой Саше с господином Ребиндером и также о том, как мы того желали и как мы тому все радуемся, и я уверена, что и ты тоже порадовалась этому. Он человек ума и знания, пользующийся всеобщим уважением, искренно и глубоко любящий Сашу, давший ей о том верное доказательство тем, что, испытавши в первый раз неудачу, он все же возобновил попытку. Ему сорок лет: он вдов, и Сашу именно пугало то, что она не сумеет быть для его дочери (девочки двенадцати лет) вполне хорошей мачехой, как она того бы желала. Но я думаю, что ей в этом отношении страшиться нечего»⁶.*

Сергей Петрович не без гордости за дочь сообщал ее крестному отцу, декабристу М.А. Фонвизину:

«Я не успел уведомить вас еще о помолвке Сашеньки, а она уже и замужем. Как скоро она дала слово, то нужно было поспешить бракосочетанием, потому что Николаю Романовичу Ребиндеру необходимо было возвратиться к месту своего управления по льду, покрывающему Байкал, иначе должно бы было свадьбу отложить до лета, чего ни жених, ни невеста не хотели. <...> в счастье Сашеньки мы не менее имеем надежды, как и в счастье Лизаньки. Н[иколай] Р[оманович] умел понять ее, и она также его. Они сошлись не с первого взгляда, но узнавши и оценивши друг друга»⁷.

В том же месяце Николай Романович и Александра отправились в Кяхту. Сергей Петрович пишет дочери 26 апреля:

* Софья Ивановна Борх, сестра Е. И. Трубецкой.

«Милый друг мой, Сашичка моя. С письма твоего от 17-го мы уже не видали более твоего почерка; слухов было довольно, но на слухи мало можно полагаться; последний был, что вас кто-то встретил, идущих пешком на гору между Ильинской и Половинной, а экипажи ваши тянулись шагом за вами. Во всяком случае вы уже несколько дней как должны быть в Кяхте, и мы с нетерпением ждем оттуда письма твоего. Оно с почтой не ранее может прийти как во вторник или среду, разве кто-нибудь еще, едущий прямо, утешит нас. Через Байкал еще ходят; слухи были, что разошелся, но вчера мы слышали, что еще ожидают по льду чаев, только отсюда обозы, как и прежде я писал, перестали ходить прямо. Поэтому все, что заготовлено у нас для пересылки к вам, остается в ожидании водяного сообщения: шесть кресел, хомуты, ковер Н[иколая] Р[омановича], который доставили нам для пересылки ему из дома Ник[олая] Ник[олаевича]»⁸.

9 июля 1852 г. декабрист И.Д. Якушкин, друг семьи Трубецких, писал Николаю Романовичу:

«Присоединившись так радушно к нашему семейству, вы во всех отношениях стали нам очень близким человеком, но позвольте вам сказать откровенно: при первом знакомстве и по кратковременной беседе с вами я искренно полюбил вас и тогда же мысленно помолвил вас на многолюбимой мною Саше»⁹.

В декабре 1852 г. Сергей Петрович рассказывает М.А. Фонвизину о главных новостях своей семьи:

«От дочерей имеем приятные известия. Лизанька родила нам 31 октября внука Василия, а Сашенька собирается последовать ее примеру. Мать хочет съездить к ней в будущем месяце и, может быть, привезет ее с собой; если же нет, то останется при ней до родов, которых ожидает в марте. <...> Дай Бог, чтобы она так же счастливо родила, как Лизанька»¹⁰.

1853 год

Рождение первенца четы Ребиндеров, Сергея. Происшествие по пути на воды.

В марте случается долгожданное событие – в семье Ребиндеров появляется первенец Сергей. В начале апреля Екатерина Ивановна пишет Зинаиде:

«Мой добрый и дорогой друг, пишу тебе сегодня лишь одно слово, чтобы поручить твоей благосклонности и твоей любви, а также всех твоих маленького Сергея Ребиндера, родившегося третьего дня, 31-го марта старого стиля... Ребиндер извиняется, что не пишет вам сам сегодня, чтобы сообщить о рождении своего сына. У него невероятное количество деловых бумаг к отправке завтра»¹¹.

Позднее, летом, когда супруги Ребиндеры с ребенком ехали отдыхать на дарасунские воды, произошел несчастный случай. Екатерина Ивановна 3 августа сообщает Зинаиде:

«Эти последние недели я провела в страшном беспокойстве, но в настоящее время, слава Богу, успокоилась. Едучи на дарасунские воды под Нерчинском, Ребиндеры опрокинулись при спуске с крутой и отвесной горы около Читы. Сам Ребиндер сломал себе ногу и довольно глубоко поранил голову. Моя бедная Саша оставалась некоторое время под копытами лошадей, удары коих ей повредили ноги до того, что три недели спустя она не могла еще ходить. Что касается маленького Сережи, то, когда экипаж разбился, он тихо сполз на землю без малейшего повреждения. В настоящее время, слава Богу, Ребиндер ходит на костылях и Саша совершенно оправилась. Это чудо милости Божьей, что все так благополучно окончилось, и мы не можем за то достаточно воздать благодарений Богу»¹².

Сергей Петрович тоже не переставал заботиться о дочери и беспокоиться о ее благосостоянии.

«29 июня, 11 ч. вечера [1853 г.]

Как сердце болит, милая, дорогая моя Сашенька, когда думаю о тебе, а сегодня ты ни на минуту из головы моей не выходила. Между больным мужем и больным ребенком, одна, в деревне, без помощи, может быть, без прислуги, которая могла бы быть сколько-нибудь полезнаю! Как бы хотел быть в это тяжелое для тебя время с тобою, помочь тебе и если не утешить, то облегчить твоё положение. Какое счастье еще, что вы живы остались. Как будем ожидать известия от вас! Ты также зашибла ногу, но в каком месте, и которую, и как – не пишешь. Падение не сделало ли тебе другого какого вреда? Продолжает ли чувствовать боль Николай Романович или уже нет? Сережа спокоен ли? <...> нога была вывихнута в двух местах: в колене и выше, но что не успела нога слишком опухнуть до приезда лекаря, так что боль не была так сильна при выправке, как должна бы быть при большей опухоли. Дай Бог, чтоб ты теперь спокойна была насчет обоих больных и для самой тебя не было бы никаких худых последствий»¹³.

К августу супруги Ребиндеры окончательно оправились от происшествия, и Николай Романович по долгу службы встретился с амбаном, высшим китайским чиновником, и предложил «китайскому воеводе уступить русскому царю устья Амура для обоюдной защиты его от англичан или американцев»¹⁴, сыграв тем самым посильную роль в дальневосточной политике генерал-губернатора Н.Н. Муравьева.

1854 год

Рождение второго сына Ребиндеров, Николая (июль). Смерть Екатерины Ивановны. Перевод Николая Романовича по службе в Санкт-Петербург.

Погода в Кяхте не радовала ни Александру, которая снова была в положении, ни Николая Романовича, и они переехали за город, о чем Александра сообщает Н.Д. Свербееву в письме от 6 мая:

«Начну с того, что мы переехали на дачу, потому что Кяхта невыносима <...>. К сожалению, до сих пор погода большей частью дурная, несмотря на то, мы все чувствуем себя здоровее и лучше, чем в городе. Досадно только, что Nicholas все простужается и все время проводит за скучными бумагами, так что для него я не вижу разницы между Кяхтой и деревней. Ему некогда развлечься чем бы то ни было; одного он не забывает – купания, несмотря ни на какую погоду.

Надя много на воздухе, что, я думаю, ей здорово, она очень загорела; но больших прогулок не удается ей делать, потому что не с кем; отец всегда занят, гувернантка редко расположена гулять, а я, при всем желании, не могу: не в состоянии пройти полуверсты.

Nicholas, верно, писал вам, что вскоре у вас будет племянник или племянница; время подходит, и мне часто бывает тяжело. <...> Бог даст и так же счастливо все обойдется в этот раз, как в прошлом году. Сережа, благодарим Бога, здоров <...>. Он начал ходить, и довольно бодро, только часто падает. Становится довольно забавен, идет ко всем, кто его приласкает.

Со своей стороны, Nicholas делает все возможное, чтобы выбраться в Петербург. Тяжело было бы лишь выехать из Сибири»¹⁵.

О том же пишет И.И. Пущину Сергей Петрович:

«24 мая [18]54, [Иркутск]

Сегодня получили мы письмо от Сашеньки; они переехали на Усть-Керан близ Чикоя, речка, которая в эту реку впадает. В Кяхте было уже слишком душно. Много пишет о своем малютке Сережке, который теперь уже ходит. Заимка их в 30 верстах от Кяхты, это нехорошо тем, что к родам она должна будет, вероятно, переехать опять в город, но ближе нет удобных мест для жительства летом»¹⁶.

В июне у Ребиндеров родился сын Николай, а в октябре не стало Екатерины Ивановны. Сергей Петрович на время покинул свой дом в Иркутске, где ему было тяжело находиться после смерти супруги, и проживал с семьей Ребиндеров в Кяхте. В конце года стало известно, что Николая Романовича собираются переводить по службе, и семья собралась в путь.

1855 год

Переезд семьи Ребиндеров в Санкт-Петербург. Встреча Николая Романовича с императором.

В начале года Николай, Александра, их старший сын Сергей и Надежда отправились в Санкт-Петербург. В Иркутске в это время Сергей Петрович оставался с младшим сыном Ребиндеров, Николаем. Скорее всего, младенца

побоялись брать с собой в тяжелую, долгую дорогу. Сергей Петрович в письме от 16 января просит своего друга, декабриста Г.С. Батенькова, проживавшего в Томске, принять Ребиндеров у себя в гостях¹⁷. 7 февраля Батеньков писал И.И. Пущину:

*«<...> В Сашеньке я нашел тот же мне известный тип княжеской про-
стонародности, Серезу признал суцим китайчонком, а девица-дочь – душ-
ка! По слухам о самом принцепале я не воображал никакого малолетства
и был приятно разочарован. Вот вам отчет о впечатлении, какое только
могло быть в продолжение двух-трех часов, оно беглое и легкое, но оказа-
лось достаточным при других данных <...>»¹⁸.*

В конце февраля семья была уже в Санкт-Петербурге. А.В. Никитенко, профессор Санкт-Петербургского университета и друг Николая Романовича, так писал о своей встрече с ним 20 марта 1855 г.:

*«Вчера обедал у Струговщикова, а поутру был у меня Н.Р. Ребиндер, на
днях приехавший из Кяхты, где он был около четырех лет градоначальни-
ком. Радостно обнял я этого благородного человека. Он не только не начал
гнить душою, а сделался, напротив, еще лучше. Ребиндер приехал сюда по
делам китайской торговли и привез много светлых идей вообще о сношени-
ях наших с Китаем. Послушают ли его?»¹⁹*

Судя по всему, Николай Романович делал определенные успехи по служ-
бе, так как в мае ему довелось встретиться с самим императором Алексан-
дром II и его братом, великим князем Константином Николаевичем. Вот что
об этой встрече пишет Сергей Петрович Н.Д. Свербееву 16 мая:

*«Николай Романович тоже прихворнул и уверяет, что сурьезно был бо-
лен. На Страстной неделе представлялся государю и очень был доволен
приемом. Константин Николаевич его совсем обворожил, он писал Николаю
Николаевичу о первом своем представлении к его величеству. После того
вел. кн. послал за ним и целых два часа расспрашивал его о здешнем крае.
Он любит Россию и интересуется всем, касающимся Отечества и особенно
Сибири»²⁰.*

1856 год

Третья беременность Александры Сергеевны. Выход Высочайшего манифеста об амни-
стии государственным преступникам. Назначение Николая Романовича попечителем Киев-
ского учебного округа.

В начале года стало понятно, что Николая Романовича, вероятнее всего, переведут по службе. Первые упоминания об этом (и о третьей беременно-
сти Александры) – в письме Сергея Петровича к свояченице З.И. Лебцель-
терн от 28 января.

Семья Ребиндеров (слева направо):
Александра Сергеевна, Николай Романович
и Надежда Николаевна. Киев. 1850-е

«Что же касается моей старшей дочери, то она с прошлой зимы находится в Петербурге, где муж ее задержан как обстоятельствами своей службы, так и нашими имущественными делами. Я не имею никакой уверенности надеяться на их обратное возвращение, но вопрос сей разрешится лишь к весне. Я доволен, что он в настоящее время находится на месте, ибо Саша должна родить не позднее марта месяца, и путешествие в такое время было бы рискованно. Это будет ее третий ребенок; второй находится у меня, ему восемнадцать месяцев, и он потешает нас своими проказами»²¹.

Однако на этот раз выносить ребенка Александре не удалось: в последующих письмах какие-либо упоминания об этой беременности отсутствуют.

Весной Николай Романович был назначен попечителем Киевского учебного округа, и семья приготовилась к переезду в Киев. Об этом упоминает А.В. Никитенко:

«20 мая 1856 года, воскресенье»

В пятницу вечером приезжал ко мне прощаться Николай Романович Ребиндер, назначенный попечителем в Киев. Мы оба были тронуты. Вот уже восемнадцать лет, как мы понимаем, уважаем и любим друг друга»²².

Осенью 1856 г., после выхода Высочайшего манифеста об амнистии, когда декабристы могли покинуть места поселения, Трубецкой готовится к долгой дороге из Иркутска к старшей дочери в Киев. Вместе с Сергеем Петровичем в Киев отправятся сын Иван, внук Николай Ребиндер и воспитанник, крестьянский мальчик Федор Кучевский. О готовящемся отъезде Трубецкой сообщает декабристу П.Н. Свистунову 10 октября:

«Я намерен выехать по первому зимнему пути; дорога предстоит мне дальняя, и надобно успеть доехать до весенней распутицы. Надобно возвратить сына родителям, надобно для воспитания собственного сына, для спокойствия моих дочерей <...>»²³.

1857 год

Переезд семьи Ребиндеров в Киев. Приезд в Киев Сергея Петровича с сыном Иваном и внуком Николаем. Студенческие волнения в Киевском университете. Рождение четвертого ребенка Ребиндеров, дочери Екатерины (декабрь).

Год для Ребиндеров начался насыщенно – с улаживания всех формальностей, связанных с переездом в Киев, и с полноценного вступления Николая Романовича в новую должность. В феврале он ездил в командировку в Санкт-Петербург, где предстал перед императором. Об этом пишет А.В. Никитенко:

«11 февраля 1857 года, понедельник
<...> Ребиндер, который недавно приехал сюда на несколько дней из Киева, также читал мне свои предположения. В них много прекрасного. Я вполне разделяю его мысли об усилении философского преподавания и о возбуждении вообще среди молодежи духовной деятельности. Об этом он не только представил министру (разумеется, совершенно бесполезно), но и лично государю, к которому являлся на днях»²⁴.

В марте Сергей Петрович с сыном, внуком и воспитанником наконец-то добрались до Киева. Подробности о поездке он сообщает З.И. Лебцельтерн 16/28 марта:

«Во-первых, скажу тебе, что я окончательно поселюсь в том месте, откуда пишу тебе. Здесь проживает моя старшая дочь. Муж ее, будучи попечителем университета, по всей вероятности, пробудет на этой должности достаточно времени, чтобы позволить мне окончить здесь образование моего сына, которому нет еще четырнадцати лет и коему предстоит еще несколько лет учения. В настоящее время моя дочь Лиза тоже с нами. Она не остается на лето, но имение ее мужа находится лишь в 200 верстах, и если она поедет в Одессу на морские купания и оттуда в Крым, расстояние не так уж велико, чтобы не попытаться его преодолеть, когда на то придет охота. Зинаида осталась пока в Москве, в семействе мужа, где о ней очень заботятся.

Я покинул Иркутск 1-го декабря, имея с собой Сашенькиного ребенка, я часто должен был останавливаться в пути и достиг Нижнего лишь 8 января. Я расположился окончить остаток моих дней в Иркутске без надежды когда-либо снова увидеть разлученных со мною дочерей, несмотря на имеющееся у них доброе намерение в один прекрасный день преодолеть шеститысячверстное расстояние, нас разделявшее. Заботой моей было найти возможность отправить Зину в Россию, что представлялось трудным, так как она не хотела меня оставить. Что же касалось моего сына, я рассчитывал продержат его у себя до того времени, когда он был бы достаточно подготовлен для поступления в один из русских университетов, ибо для него я полагал всегда, что благосклонность нынешнего императора откроет одну из дверей, давая тем возможность устроить его карьеру и восстановить его в правах. Благосклонность государя превзошла мои рас-

четы, и я от всего сердца приношу ему мою благодарность. Единственное, что остается мне, это просить у Господа прожить еще несколько лет, чтоб умереть уверенным в том, что заботы мои о сыне не пропали даром и что он осуществит положенную мной на него надежду»²⁵.

Подробности приезда Сергей Петрович описывает в письмах к дочери Зинаиде от 5 и 15 марта:

«Из письма, которое я писал к вам из Орла, вы уже знаете сколько-нибудь, милые друзья мои, как мы ехали. После того путь мы продолжали самым неприятным образом. <...> Саша спала, когда мы приехали; наскучив ждать нас в среду и четверг, она хотела рано в пятницу ехать к нам навстречу, но уже это вышло не нужно. Встречу нашу описывать не для чего, вы ясно видите ее своим воображением. Отобедав у директора лицея, мы отправились вместе в путь в карете, которую прислала Лиза, а Николай Романович с девушкой в тарантасе; вещи все погрузили в две подводки, которые и до сих пор еще не прибыли в Киев. Коля в дороге хорошо ознакомился с отцом и матерью, так что с первого раза был у них в доме, как у себя. Сережа спал, когда Коля приехал, и очень удивился, проснувшись утром, что возле него в подобной же кроватке спит брат. В Киев мы въехали в 11 часов ночи, меня и Ваню Саша завезла к Лизе, они ложились спать, и мы с трудом достучались. Петр еще читал в халате, а Лиза наскоро оделась и прибежала на цыпочках, напомнив мне этим свое детство. Долго, разумеется, мы обнимались с радостными слезами, к которым невольно примешивалось и грустное воспоминание. У них мы поужинали, напились чаю, просидели до 2-го часа и уехали к Сашеньке, где нашли Колю играющего; он дорогой выспался, а Николая Романовича еще не было, он отстал за две станции, потому что мы забрали всех бывших там вольных в карету, а он должен был ждать почтовых. В 3-м часу он приехал, и мы разошлись по местам. Утром приехали Лиза, Александра Ивановна с Соничкой**, потом Сашенька Давыдова с Васей, Лизины детушки. Обедали первый день у Саши, вчера у Лизы; оба вечера у первой, и Александра Ивановна оба с нами провела, нынче будем обедать у Саши, а вечер у Александры Ивановны, а у Николая Романовича профессорский вечер. Последние обе ночи мы ночевали в своей квартире, но устроиться еще не можем, все наше еще на пути, сегодня ожидаю, что люди приедут»²⁶.*

«Теперь уже мы спокойно живем в домике, который Саша приготовила мне и в котором помещение для меня слишком достаточное. В нем я, вероятно, проживу до тех пор, пока Ваня поступит в гимназию и Николай Романович определит, где они будут жить зимою. Саша эти дни провела довольно скучно; Николай Романович занемог, и боялись серьезной болезни; вчера, однако ж, ему стало легче, а сегодня, то есть сейчас, Саша заехала сказать мне, что он покрывлся весь какою-то сыпью»²⁷.

* Петр Васильевич Давыдов, муж Е.С. Трубецкой.

** А.И. Давыдова, вдова декабриста В.Л. Давыдова, Соня – ее дочь.

Апрель 1857 г. был трудным для Николая Романовича из-за студенческих волнений, назревавших в Киевском университете. Студенты создавали кружки, проводили собрания, стремясь добиться самоуправления в университете, где нововведенные правила ограничивали их в правах. Пик волнений пришелся на 14 апреля, когда между студентом и офицером произошло столкновение, в результате которого студент получил смертельное ранение²⁸. По этому поводу Ребиндер был призван к ответу, в том числе и самим императором. Об этих происшествиях и об острой реакции Николая Романовича на происходящее Сергей Петрович упоминает в письмах Свербеевым.

4, 5 апреля:

«Николай Романович жалуется, что никогда не успевает отвечать на письма. У него нынче довольно было и есть хлопот; надобно сдерживать молодежь, раздраженную печальным происшествием, о котором, может быть, дошел к вам слух. А это довольно трудно, когда их более тысячи и притом разных племен, не слишком между собою или даже и вовсе не гармонирующих»²⁹.

9 апреля:

«Поздравляю вас с праздником, милые друзья мои. Мысленно сказал вам «Христос воскрес», когда запели этот радостный стих в церкви университета, где я был с Сашенькой, Лизой и Петрушей»; Николай Романович не мог сам присутствовать, его скрючило, и теперь он еще лежит с сильной болью в пояснице. В первый день мы обедали у Лизы; Саша с мужем пролежали, он от недуга, о котором выше сказано, а она от сильной головной боли»³⁰.*

В мае Трубецкой на время оставил Ребиндеров и уехал в Каменку с дочерью Лизой и ее семьей. К середине мая, после университетских волнений, жизнь Ребиндеров постепенно вошла в прежнюю колею. Так, 13–14 мая, после возвращения в Киев, Сергей Петрович пишет Н.Д. Свербееву:

*«У нас здесь все, слава Богу, сегодня здоровы. Вчера и третьего дня был нездоров Сережа, у него был сильный жар, и вы знаете Сашеньку, поэтому можете судить, в каком она была положении, ей же все казалось, что болезнь принимает вид той, которая была у Кокочки**». Вчерашний больной сегодня бегает по комнатам, а брат его сделал честь и пожаловал кушать к новорожденному и, выпив полрюмочки шампанского, рассердился, что больше ему не дали, уехал домой. Вечером у нас будет бал, то есть Ребиндеры и Александра Ивановна обещали прийти чай пить.*

У нас становится жарко. Сашу гонят с детьми из города, а ей не хочется, потому что она тогда будет одна с Наденькой и двумя ребятишками. Николаю Романовичу теперь отлучиться нельзя по случаю, вероятно, известных вам происшествий, а когда он от них освободится, надобно будет

* П.В. Давыдов.

** Домашнее прозвище Николая Ребиндера.

ехать осматривать учебные заведения, и почти все лето пройдет в разъездах. Мне надобно оставаться в городе, чтобы дети могли продолжать свои уроки, а поэтому Саша никак не хочет уехать в Козелец, который в 70 верстах отсюда; если переедет, то куда-нибудь поблизости города. Есть в окрестности прелестные места, но бедные жилищами; не знаю, отыщут ли что удобнее.

Колюша становится бойким, перенимает много движений у брата и часто ушибает себе лоб; третьего дня набил себе большую шишку. В Москве отец был очень недоволен, что он его худо принял, а здесь его очень любит. Некоторое время он здесь был очень дик, теперь он перестает дичиться. Я ему часто напоминаю о вас, но думаю, что если он долго не будет вас видеть, то забудет фигуры ваши, хотя и будет знать имена»³¹.

Александра снова ожидает рождения ребенка, о чем Сергей Петрович пишет дочери Зинаиде в июне:

«Саша все понемногу покашливает, видно, уже с нею всегда так во время беременности. На лето Николаю Романовичу хотелось все отправить ее куда-нибудь за город, но она не согласилась, потому что пришлось бы жить одной с детьми, что для нее всегда было бы тяжело, и нынче еще более, потому что ты знаешь, что она легко от всего приходит в беспокойство, и не удивишься, что дело студентов продолжает довольно часто ее волновать; как оно кончится, ей неизвестно, а всякая неизвестность Сашу тревожит. При полном уповании и покорности воле Божией этого не должно бы быть, но что же поделаешь, когда человек не имеет довольно сильной власти над своими чувствами. Эта власть приобретается только постоянною над собою работою»³².

Отголоски апрельских инцидентов не утихали и в июне. Сергей Петрович сообщает об этом Н.Д. Свербееву 18 июня:

«По письму, полученному Николаем Романовичем, мы заключаем, что в Министерстве думают, что он состоит в неприязненных отношениях к студентам; этого нет; они понимают, что не от него зависело доставить им удовлетворение и что если б они не поторопились сами себе его доставить, то получили бы от начальства. Но что уже сделано, того воротить нельзя. Саша жалуется часто на головные боли и все продолжает кашлять, правда понемногу, но все бы лучше, если б совсем не кашляла. Муж все боялся для нее воздуха и старался, чтоб она менее на нем была, но доктор, напротив, велел ей быть более на воздухе»³³.

Тем временем Александра рассказывает о быте семьи в письме Н.Д. Свербееву:

«За двумя-тремя хорошими днями следуют дожди и холода, как в Сибири. Однако же, когда можно, мы едем за город и тащим с собой Папу-

лечку, который, слава Богу, чувствует себя хорошо и много ходит пешком. Мальчики наши готовятся к экзамену, который очень недалек. Дети здоровы и эти дни все говорят об вас, и особенно о Зине. Кока просит написать, чтобы тетя Зина непременно приехала и привезла Сережу, а Сережа ему вторит. Вчера пел ваши романсы, которые, конечно, переделал по-своему. Благодаря Богу, теперь оба здоровы. Правда ли, что сказали мне на днях, что Молчанов совсем умирает?* Здесь очень болен наш общий приятель Чижов**. Мне его очень жаль, и от души желала бы, чтобы он поправился. Извините, что пишу коротко, обнимайте за меня Зину и расцелуйте Сережу. Николай всех вас обнимает.

А. Р.»³⁴

Со временем разговоры об инцидентах в университете прекращались, пока в сентябре не всплыли вновь в весьма угрожающей форме. Министр народного просвещения А.С. Норов через Я.И. Ростовцева, начальника штаба военно-учебных заведений, дал Николаю Романовичу понять, что сам государь Александр II в студенческих волнениях винит Ребиндера. Подробности об этом – в письме Трубецкого Н.Д. Свербееву от 20 сентября:

«Зина справедливо писала о разговоре Ростовцева. Он говорил, что Норов обвиняет Николая Романовича в происшествиях Киевского университета, и в этом смысле говорил и царю. Но из слов же Ростовцева я заключаю, что государь не совсем согласен с министром, потому что на докладе, в котором Норов выхвалял нравственность студентов, царь собственноручно написал: «Желал бы, чтоб было так, но сомневаюсь». Подтверждение обвинений министра имел на днях из переданного с ним разговора в Варшаве <одно слово неразб.> нашим собеседником, которому Норов доказывал, что вся история произошла от недостатка любви и что если б попечитель поехал на похороны студента, заколотого офицером, то никаких происшествий, подобных тем, которые были, не могло бы случиться.

<...> Собеседнику показалось, что нет логичного вывода, но в ответ получил, что оно так и что Норов не понимает, как такой умный человек, как Николай Романович, этого не понял. Ростовцев прибавил, что Норов продаст Ребиндера, и советовал ему просить объясниться с царем, но Николай Романович находит, что ему не следует этого делать, а выжидать, что сам царь заговорит с ним; тогда он сможет объяснить ему вещи, как сам их понимает. Не знаю, будет ли он иметь к тому случай, потому что Норов говорил, что царь не поедет в университет. Все это заботит меня, а Николая Романовича еще более и при его характере делает часто беседу его несносною»³⁵.

В это время Александра готовится к родам, о чем упоминает Сергей Петрович в письме к Свербеевым от 1 октября:

* Муж дочери С.Г. Волконского Елены Дмитрий Молчанов. Скончался от продолжительной болезни в 1857 г.

** Федор Васильевич Чижов, промышленник, литератор и общественный деятель, друг семьи Ребиндеров.

«Саша здорова, тошнота бывает реже, последний раз она продолжалась дольше, и вообще как-то все идет иначе, как она замечает; Лиза и Марья Казимировна от этого предсказывают ей дочь»³⁶.*

В декабре у Александры действительно родилась дочь, которую назвали Екатериной. Роды прошли благополучно, и Сергей Петрович, не боясь за здоровье Александры и новорожденной, отправился в Каменку к дочери Елизавете³⁷.

1858 год

Перевод Николая Романовича по службе в Одессу и последовавший за этим переезд его семьи.

В начале года Сергей Петрович все чаще выражает беспокойство о здоровье Александры. Он пишет Зинаиде 18/30 марта:

«Сегодня Сашенькины именины, и не думаю, чтоб она нынче могла писать к тебе, Зинуша. В здоровье ее перемены нет, кашель от нее не отстает, хотя и бывают дни, что она почти совсем не кашляет. На днях ей советовали прожить лето в Крыму и пить там кумыс. Николай Романович говорит, что два месяца он мог бы с нею там прожить; я бы охотно прожил там с нею остальное время, сколько ей нужно бы было, но как это выполнить, придумать еще не умею: детям надобно быть в Киеве в августе, хорошо еще, если Николай Романович будет тут же и можно будет оставить их у него, а если он будет в разъездах, то оставить не на кого. Если б Саша могла не скучать и не беспокоиться по отсутствующим, то я уверен, что перемена воздуха и жительство на южном берегу принесло бы ей пользу. А без спокойствия духа и пользы большой быть не может. Дети ее здоровы, Катя делается мила; нынче она уже и мне смеется и радуется и очень любит, когда я беру ее на руки и заставляю скакать»³⁸.

И позднее, в письме от 29 марта/10 апреля, добавляет:

«Дети Сашины совсем сдружились со своей немкой, и Сережа лепечет уже по-немецки, а когда меньше. Она их учит немецким стихам и русским басням, которые они оба поют нараспев. Катя делается очень мила. Саша же сама все не может разделаться с кашлем; толковали было о том, чтоб ей поехать на лето в Крым, только мне кажется, что это не состоится; ехать со всем домом на 3 или 4 месяца почти невозможно, особенно в неизвестности, найдешь ли там удобное помещение, а ехать одной с Катей и оставить на все время мальчуганов своих трудно ей решиться, и потому, думаю, кончится тем, что они лето проведут в окрестностях Киева»³⁹.

Весной у Александры появляются подозрения на новую беременность, о чем пишет Сергей Петрович Свербеевым 5 апреля:

* М.К. Юшневская, жена декабриста А.П. Юшневого.

«Здоровье наше общее как было, так и есть, погода у нас изменчивая, все еще дышит холодом, мальчики Сашины ходят прогуливаться ежедневно, а она, Саша, не выезжает, ей советуют дожидаться теплого дуновения, чтоб не усилить кашель, который хотя несколько уменьшился, но все ее беспокоит. Он и нас всех беспокоит тем, что нельзя ожидать, чтоб он прекратился во время беременности, которую она, вопреки мнению своего мужа, полагает наверное. Мне это состояние очень не нравится, оно предпочтительно пред всеми прочими причинами и удерживает ее от поездки в Крым, которую ей советовали врачи. Если б этого не было, то я надеюсь, что я мог уговорить их ехать туда или даже на молочные воды к меннонитам, где можно пользоваться хорошим кумысом, приготовляемым ногайцами. Решено, кажется, что она проведет лето среди соснового леса в 27 верстах от города»⁴⁰.

Николая Романовича не отпускали заботы о своей работе и репутации, которые все еще были в опасности после студенческих волнений. 18 апреля А.В. Никитенко пишет:

«Вследствие моей телеграфной депеши сегодня из Киева явился ко мне Н.Р. Ребиндер. Он приехал объяснить с новым министром и подать в отставку тотчас, если ему покажется, что на него смотрят не совсем благосклонно. Что будешь делать с этим благородным, умным, просвещенным, но нетерпеливым и раздражительным человеком. От первого случая, который не по нем, он становится на дыбы, прячется в себя и начинает желчные филиппики против всей вселенной. Я старался его успокоить и направить на более мирные и кроткие размышления»⁴¹.

Доподлинно неизвестно, чем закончился этот разговор. Известно только, что либо по этой же причине, либо по какой-то иной в августе 1858 г. Николай Романовича по службе перевели в Одессу, о чем пишет Сергей Петрович Зинаиде 9 августа:

«Николай Романович переменялся местом с Пироговым, и потому Саша уже возвратилась в Киев, и у них уже происходит продажа излишних вещей и укладка нужных для переезда на новое место. Я также не замедлю оставить Киев, а из Одессы думаю с Сашей поехать в Крым, ей советуют пользоваться там виноградом»⁴².

Александра вместе с мужем и детьми выехала из Киева чуть раньше Сергея Петровича, предварительно уладив все формальности, связанные с переездом. Она пишет Н.Д. Свербееву 20 сентября:

«Очень благодарю вас, добрый Николай Дмитриевич, за письмо ваше от 4 сентября. Я получила его уже в Одессе, куда мы прибыли 29 августа. В эти три недели мы устроились настолько, насколько это необходимо, чтобы прожить в зиму; что будет впереди, не знаю; только как бы ни была

прилична Одесса, она до того дорога, что я не понимаю, возможно ли долго здесь оставаться. Все, решительно все вдвое дороже Киева, а там все жалуются на дороговизну. Читая письмо ваше, трудно не согласиться с вами насчет переселения за границу; муж мой только об этом и мечтает; эта мысль уже давно его преследует; но и тут нужны деньги, а где их взять? Да и что было бы с Папенькой, если бы мы все бросили его; <...> в его года это должно быть очень тяжело. Жить же одному, с Ваней, тоскливо. Он уже выехал из Киева и несколько дней гостит у М <неразб.>, потом поехал в Каменку, если ничего особенно его не задержит, то должен на днях быть здесь.

Сейчас принесли Зинино письмо от 21 и другие на имя Вани, которые распечатывать не буду. Очень рада, что М <неразб.> был у вас <...>, он успокоил Зину насчет моего здоровья, что касается до Крыму, в нынешнем году я туда не попаду, потому что Ялта битком набитая, а в других местах жизнь очень, говорят, затруднительная; вообще путешествие это было бы сопряжено с большими издержками и затруднениями.

Поговорим о другом: приехавши сюда, я здесь нашла Давыдовых, которые пробыли при нас дней 10. Приезжали заказать вещи для Саблов. Наконец пробыли здесь с <несколько слов неразб.> Сергей Григорьевич* – его я никак не ожидала видеть. Он поджидал было Папа, но вдруг получил по телеграфу известие о скорой свадьбе Неллиньки** и приглашение приехать в Париж к 1 октября. Он поторопился в Москву за <слово неразб.> и по другим делам, а оттуда отправился в Париж. Хотелось бы знать, как вам адресовать письма.

Я вам не сказала о муже и детях: последние здоровы, даже Кока; первый не болен, но жалуется на свое здоровье. Мне кажется, он простудился, и я боюсь, чтобы не было настоящей лихорадки. Он решительно доволен, что выбрались из Киева. Увидели, что Бог дает. Обнимите за меня Зину и поцелуйте Митю***. Крепко жму вашу руку, Nicolas вас обнимает. Сохрани вас Бог.

А.Р.»⁴³

Сергей Петрович после прибытия в Одессу так описывает свой быт и быт семьи Ребиндеров в письме Свербеевым от 14 и 16 октября:

«Я ежедневно хожу часу во 2-м на бульвар и сижу на лавочке с Сашей, Надей и часто с бегающими по бульвару Сережей и Колей, люблюсь на море и на проходящие и стоящие корабли (их, впрочем, мало – жалуются жители); к Саше подсядет Вегелин****, и как он давнишний здесь житель и знает всех, то называет проходящих и рассказывает их историю.

В 3 часа расходимся; Вегелин идет обедать к сестре своей м-м Граве, а мы в гостиницу Вагнера к Саше обедать. Эта гостиница принадлежит Лицею, но прежний хозяин пользуется ею до 1 июля. Вчера вечером Николай Романович поднял нас всех смотреть «Женитьбу» Гоголя в театре, я на-

* Декабрист С.Г. Волконский.

** Елена Сергеевна, дочь С.Г. Волконского.

*** Дмитрий Николаевич, сын З.С. и Н.Д. Свербеевых.

**** Декабрист Александр Иванович Вегелин.

шел, что Ивана Кузьмича играл лучше Григорьев в Иркутске, да и Лебедев в Кочкареве был много лучше здешнего. Присутствие мое в театре совсем не в моих привычках и, вероятно, повторится не скоро, разве Саша поедет в какую оперу, тогда и я, может быть, с ней пойду, посмотрю итальянцев; они также не отличны, оркестр хуже посредственного, следовательно, удовольствия не много можно найти.

А ребятишки Сашеньки ежедневно здороваются, Коля особенно принимает вид совершенно деревенского крестьянского парня»⁴⁴.

Позже, в письме от 11 декабря, он добавляет новые подробности о жизни детей Ребиндеров:

«У нас эта погода продолжалась 5, 6 и 7 чисел; с жестоким ветром, беспрерывно все три дня шел сильный снег и так завалил одесские улицы, что город представляет с тех пор вид какого-нибудь из городов северной полосы России. Жители имеют редкое для них удовольствие ездить на санях и не тонуть в грязи. Сережа и Коля также очень довольны, что дядя Ваня и деда их прокатывают. Эти ребятишки – славные мальчики, и ими все любят, когда они ходят гулять. В играх их вы часто занимаете место, они представляют вас: Коля бывает дядей Кокой, а Сережа – тетей Зиной. Сережа большой охотник до чтения и уже читает для своих лет порядочно по-русски и старается уже знакомиться с французской грамотой. Ему Варвара Дмитриевна подарила бумаги разграфленной, по которой он учится писать. Катичка на днях прорезала 7-й зубок; недели две как перестала кормилица ей давать грудь, и она дня три потосковала, но теперь уже давно забыла. Кормилица во все время при ней оставалась, и, может быть, оттого Катя меньше тосковала, нежели можно было ожидать. Она давно болтает, то есть без всякого смысла, а теперь произносит также часто «папа», «мама», но также бессознательно. Девочка, впрочем, очень бойкая становится»⁴⁵.*

1859 год

Перевод Ребиндера по службе в Санкт-Петербург и последовавший за этим переезд его семьи. Встреча Николая Романовича с императором.

Новые изменения в жизни Ребиндеров происходят в начале года. Об этом упоминает Сергей Петрович в письмах к Свербеевым.

3 января – 5 февраля:

«Для успешного образования Вани в науках нельзя долго оставаться в том месте, где я теперь. Николая Романовича, может быть, также перетащат отсюда; если в Петербург, то я не вижу для себя возможности быть с ними. Ваня более имеет во мне нужды, я должен быть с ним, а будучи с ним, буду, может быть, от всех других моих далеко. Много об этом размышляю, но определить ничего не могу и ожидаю, как свыше устроится»⁴⁶.

* В.Д. Свербеева, сестра Н.Д. Свербеева.

10 февраля:

«Саша наша теперь одна, без мужа; он уехал в Петербург и думает вернуться постом. Если там не найдет еще своего назначения директором департамента, то, может быть, и останется на попечительстве; на сохранение этого места побуждает его надежда устроить Лицей на новом основании, для сего обещает дворянство средства <...>»⁴⁷.

Весной перевод Николая Романовича в Санкт-Петербург был подтвержден, а Сергей Петрович, в свою очередь, отправил Ивана в Москву для подготовки к поступлению в университет и сам же готовился туда переехать вместе с Александрой и ее детьми. Перед этим Сергей Петрович и Александра решили провести лето, начиная с мая, в Саблах, в гостях у семьи Давыдовых. Александра с детьми приехала туда раньше Сергея Петровича. Вот что она пишет Зинаиде 6 мая:

«Поздравляю тебя с твоим рождением, милая моя Зинуша, и очень хвалю за то, что ты явилась провести его с Папа. Надеюсь, что вы все здоровы и что ты не слишком страдала на море. Как я рада за Папа, что он не ошибся в своих расчетах, он так был уверен, что вы приедете в понедельник. Я же, человек недоверчивый, боялась, что опоздаете. Ждем с нетерпением ваших писем, а в особенности вас самих. Придумано средство доставить вас сюда прямо со станции, не заезжая в Симферополь. Советую тебе, Зинуша, не забираться туда: Папа тебе расскажет, как можно там засесть. Воображаю, как Папушка рад и доволен. Какое действие сделало море на Николая Дмитриевича? Что Митя? Я думаю, он совсем растеряется, приехав в Саблы: целый пансион окружает его да еще двое почти таких же, как он сам: Катя моя немного постарше, Зина помоложе его. Не будет доставать только твоего Сережи. Это очень жаль. Не знаю, откуда взялось между детьми убеждение, что ты приедешь к Кокиным именинам, и они очень удивляются, что это не так. Попроси у Папушки извинение, что я не пишу ему особо; скажи ему, что я пью кобылье молоко, кашляю немного, устаю поменьше, кровь показывается редко, одним словом, все благополучно. На днях явится татарин и будет делать кумыс. Напомни Папа мои часы, матрац (который очень нужен) и машинку от Виллера. Очень я рада за Ваню, что он сдал удачно два своих экзамена. Пожалуйста, не мешай ему справиться с другими и поцелуй его за меня. К этой почте я не имела известий от мужа, и это очень меня тревожит. Хорошо, если бы знать, что это неисправность почты; но до сих пор ни разу этого не случилось, и потому я очень боюсь, что там что-нибудь да не так. Дай Бог ошибаться. Целую тебя, милая Зинуша, также Митю; поцелуй ручки Папа, поклонись Николаю Дмитриевичу <...>.

А.Р.

Р. С. Поклонись Вегелину, он, верно, у вас бывает, также графине К <неразб.>. Она премилая»⁴⁸.

Тем временем в Санкт-Петербурге Николай Романович вновь встречался с императором. Их встречу подробно описал 10 мая 1859 г. А.В. Никитенко:

«Представлялся в Царском Селе государю для принесения благодарности за ленту. Мы поехали в девять часов утра с Ребиндером, который также должен был благодарить за чин тайного советника. <...>

Государь принял нас после обедни в небольшой зале наверху. Была порядочная теснота. Меня поставили возле князя С.Н. Урусова, исполняющего должность обер-прокурора Синода, и мы тут же познакомились. Невдалеке от меня стоял и Ребиндер.

Государь вышел в половине первого. <...> Одних он удостоил улыбкою, других только поклоном, а с иными сказал несколько слов. Ребиндеру он сказал:

– Благодарю за прошедшее и надеюсь на будущее.

Наконец дошла очередь и до меня.

– Благодарю вас, – сказал он и мне с приветливою улыбкою: – Занимаетесь вы вашим трудом?

– Занимаюсь, ваше величество, – отвечал я.

– Как скоро вы надеетесь кончить?

– Я надеюсь летними месяцами кончить план, а с нового года можно будет начать самое издание.

Он с новою улыбкою поклонился и обратился к другим. Минут в пять государь обошел весь круг и раскланялся со всеми.

Из дворца я заехал к моему старому знакомому Н.И. Цылову, который теперь состоит полицеймейстером в Царском Селе, а от него уже отправился на железную дорогу. Оставалось еще полчаса до отхода машины. Мы соединились с Ребиндером и поехали обратно»⁴⁹.

В августе семья Ребиндеров вновь соединилась в Москве, куда приехали Сергей Петрович с Александрой, а также Николай Романович из Санкт-Петербурга.

1860 год

Поездка четы Ребиндеров в Германию. Смерть Александры Сергеевны. Смерть Сергея Петровича.

С начала года стало понятно, что здоровье Александры ухудшается. Врачи советовали ей отправиться на лечение за границу, о чем Сергей Петрович писал Зинаиде 2 февраля:

«Саша, слава Богу, довольно хороша, поутру я нашел ее бледною, на кашель нельзя слишком жаловаться, только раскашлялась, рассказывая мне довольно долго. Дети здоровы, только кашляли, и Коку не смела Саша выпустить. Сегодня грязь, гулял Сережа один по солнцу и порядочному морозу. Котик бледна и слабенькая, она, кажется, ничего не приобрела в это время и, на мои глаза, несколько слабее; это приписывают тому, что она на днях нездоровала

была. Доли* сказала мне, что вчера она видела Зденауера и спросила его о Саши как о посторонней для нее. Он сказал, что Саша поправляется сверх его ожидания, что если она не подвергнется нечаянной простуде, то он может поручиться, что, прожив год в жарком климате, она совершенно выздоровеет. Можешь представить себе, как мне радостно было это слышать. Она сказала ему, что Саша ее двоюродная сестра и что она ею интересуется; тогда он пояснил, что в субботу он слушал ее грудь и нашел, что ранки в правом легком совсем зажили и что в левом идет также к тому. Насчет поездки за границу вот что участь решило. Саша боится и, разумеется, также и Николай Романович, дальнего пути в марте месяце, и решились ехать за границу только в мае, пароходом. А в марте поехать в Москву, где пробывать до мая. Одна ли? С детьми ли поедет? Этого еще не знаю»⁵⁰.

Финансовое положение семьи оставляло желать лучшего, несмотря на солидную должность, занимаемую Николаем Романовичем. Для того чтобы отправить Александру на лечение, Ребиндеры оформили заем в залог столового серебра⁵¹. И летом Николай и Александра, как и планировалось, отправились в Германию. Сергей Петрович пишет дочери 1 июня:

«Долго ожидал я письма от вас из Любека или из другого в Германии города и наконец получил письмецо твое, милая моя Сашечка, и от Николая Романовича тоже. Девять дней нужно им было дойти до Москвы, не понимаю, почему так долго. Вы шли морем менее трех дней, а между нашими обеими столицами одни сутки, по этому расчету надобно бы было получить не далее как в 5-й день. Вчера благодаря тетушке твоей Софье Ивановне я узнал, что вы пробыли в Любеке 5 дней, оттуда проехали в Дрезден и, отдохнувши там, направитесь в Соден. Дай Бог знать, что твое здоровье поправляется и также Николая Романовича. Ему также очень нужно восстановить свое здоровье и не иметь причины жаловаться так часто на него. Может быть, ему также советовали пить воды в Содене, где так много разных источников. Ты писала, что хорошо перенесла морской переезд, депеша от вас говорит, что он был неприятен, Николай Романович пишет, что было холодно и сыро, чему я верю, и что никак нельзя было уберечь тебя от простуды, следствием чего лихорадочный припадок, что меня также не удивляет, особенно при умножившемся расстройстве твоего желудка. Должен полагать из твоего письма, что это состояние прекратилось, и слава Богу.

Зина уехала третьего дня с своими ребятами и твоей Катей. Все были здоровы. Катя очень поправилась и сделалась даже очень обходительною. Сурового взгляда, как бывал у ней в Петербурге, никогда на лице ее не видно. Одна странность, что она не говорит, очень трудно от нее получить какой-нибудь ответ, между тем когда ходит гулять, то беспрестанно разговаривает с своей няней, и целый день язычок ее в движении, только для какой-то болтовни, никому не понятной»⁵¹.

* Д.П. Оболенская, племянница С.П. Трубецкого.

Некоторые подробности о состоянии Александры Сергей Петрович описывает Свербеевым.

5 июня:

«Тетушка пишет: «Мой муже, который совершил поездку из Берлина в Дрезден с Ребиндерами, мне много рассказывает о Саши. Он ее нашел очень слабой, д-р Вальтер высказывается против путешествия в Пиренеи как раз по причине этой большой слабости и настаивает на том, чтобы она сначала отдохнула, а потом он хочет попробовать лечение в Содене, столь эффективное в подобных случаях. Мне кажется, что все это более разумно, чем то, что решил ваш лечащий врач при отъезде Саши»⁵².*

14 июня:

«<...> невероятно, чтоб они пробыли очень долго в Дрездене; как скоро Саши оправилась, то, конечно, они уехали дальше; но в Соден ли наверно они поехали, этого нельзя знать до их письма. Зачастую какое-то невольное чувство страха овладеет, которое тем труднее разогнать, что известий утешительных еще не было. Очень хочется получить скорее что-нибудь утешительное, и, может быть, Бог даст, завтра»⁵³.

Совсем тревожным становится положение Александры к середине июня. А.В. Никитенко пишет 15 июня:

«Письма из Дрездена: слава Богу, там все благополучно. Но дурные вести оттуда же от Ребиндера. Жена его быстрыми шагами идет к могиле. Уже послали за священником в Берлин. Жаль мне бедного Ребиндера! Зло предвидено давно, но оно ничем не лучше неожиданного. Это только другая вариация той же темы»⁵⁴.

Николай Романович не питает надежд на выздоровление супруги, что отражается в его письмах к родственникам. Сергей Петрович рассказывает об этом Зинаиде в письме от 17 июня:

«Приятно мне было читать собственный почерк Саши, хотя в ее письме ничего нет утешительного в отношении ее здоровья; но все же его сама писала, и писала очень довольно; из него мог полагать, что она не так слаба. А если бы я получил одно письмо Николая Романовича, то было бы очень грустно. Он не видит никаких надежд к выздоровлению, и письмо его исполнено грусти. Но он, вероятно, писал к тебе, как обещал Саши. Я не буду передавать того же, что он мог и к тебе написать. По его воззрению, я должен потерять всякую надежду увидеть мою Сашечку и не смею сказать, чтоб этот взгляд был ошибочным. Видим, что и Вальтер не смеет ничем его обнадежить. Что ж остается? Только одно чудо. Какое же право имеем ожидать, что Господь Бог сотворит для нас чудо?»⁵⁵.

* Александр Михайлович Борх.

Однако надежды на чудо оказались пустыми. 30 июня Александры не стало. Всю свою боль Сергей Петрович изливает в письме Николаю Романовичу от 15 июля:

«Бедный друг мой, я не в силах был писать к вам по получении грустного вашего письма. Я только что накануне приехал в Москву, и когда мне подали письмо ваше на имя Зины и увидел я черную печать, не осталось сомнений, что постигло нас несчастье, которое вы давно предвидели и очевидности которого мой ум никак не хотел покориться. Воля Божья свершилась, как ни тяжел для нас удар, должны принять его с покорностью, вот все, что могу сказать. А что чувствуется, того не опишешь. Не ищи же слова утешения в этих строках, какие могу я придумать, ни для себя, ни для вас я его не нахожу. Безропотная покорность воле Всевышнего – вот все, что могу исполнить, а не грустить нельзя, да и Бог того не потребует. Нет более милой моей Саши, дорогой моей дочери, нет более у тебя любившей тебя и любимой тобою жены. Все мои чувства к ней остается перенести на тебя и ваших детей. Благословение мое, которое ты просишь, всегда воссылалось на вас обоих и постоянно будет на вас. Чистая душа ее с высоты небесной взирает на нас. Господь успокоит ее в своих обителях; там она будет вечно наслаждаться счастьем безмятежным.

Не могу продолжать, с будущей почтой буду больше писать, а теперь не могу. Обстоятельств еще никаких не знаю, должно быть, что есть письмо от вас, не дошедшее еще до меня. А теперь должен ответить на вопрос о том, где упокоить прах. В женском монастыре возле Саши Борх, если можно будет. Это мнение я предпочитаю»⁵⁶.*

Сам Николай Романович, совершенно безутешный, пишет Свербеевым в июле:

«Я умру в горе и печали. С Сашей и хороните.

Об одном только прошу, о доброте вашего сердца, согрейте меня своею любовью, а я до гроба и за гробом буду вам признателен»⁵⁷.

Позднее решил вопрос с судьбой маленькой Екатерины Ребиндер: ее было решено оставить на попечении в семье Свербеевых. Скорее всего, это было связано с ее юным возрастом и невозможностью Николая Романовича уделять ей особое, материнское внимание. Сергей Петрович пишет ему 18 / 30 июля:

«Нужно мне иметь о вас известие, нужно знать, что грусть не убила вас вконец и что вы мужаетесь против жестокостей судьбы и выйдете победителем из тяжелой борьбы. Чистую душу нашей дорогой Саши Господь принял в недра свои, она будет заступницей нашей у престола Всевышнего.

Котика ваша здорова и весела, в Зине она найдет вторую мать, на ее счет вы можете быть совершенно спокойны»⁵⁸.

* А.А. Борх, племянница С.П. Трубецкого.

В августе тело Александры привезли в Санкт-Петербург, где и состоялись похороны. Сергей Петрович упоминает об этом в письме Зинаиде 23 августа:

«Ваня привез Сашин портрет и отдал Катерине Дмитриевне. Я повесил большой венок на крест, Надя приготовила посадить цветы. Кто-то еще, не известный мне, украшает могилу цветами»⁵⁹.*

По письмам Сергея Петровича к Николаю Романовичу понятно, что Ребиндери не давали покоя опасения за здоровье его детей, хотя на то не было серьезных оснований. Сергей Петрович изо всех сил старался как-то успокоить его. Следующие выдержки из его писем Николаю Романовичу позволяют в полной мере ощутить, в каком состоянии находился Ребиндер.

3 сентября:

«Вчера вечером получил ваше письмо от 31-го. Мысленно побранил вас за неосторожность, которая чуть не обошлась вам дорого. Бросьте мрачную мысль, что жизнь ваша может быть не нужна вашим детям. Чья любовь может заменить детям любовь отца или матери? Ваши много потеряли, но все же вы остаетесь, и для них есть руководитель, пекущийся о их теле, нраве и душе.

Конечно, не может быть, чтоб у вас не было горьких и очень горьких минут, особенно возвратившись теперь в дом, не мог он не показаться вам грустным, все напоминает вам вашу потерю, но я видел, что вы умеете бороться с судьбой, и уверен, что твердость ваша не оставит вас, хоть иногда, и, может быть, часто, удары ее будут чувствоваться и оставят на себе сильное впечатление. Предайте себя, любезный друг, всем сердцем в волю Божию, да перейдет в душу вашу теплая вера нашей милой покойницы. Память о ней будет подкреплять вас во всех обстоятельствах вашей жизни, и я верю, что по благости Божией ее чистая душа имеет ходатайство за вас и ваших детей у престола Всевышнего. Очень грустно мне, что здоровье Наденьки вас беспокоит, но надеюсь, что искусство знающего врача уничтожит ваши опасения. С болезнями этого рода медики уже довольно ознакомились, и, конечно, можно отвлечь их последствия, которые так пугают вас и о которых вы преждевременно сокрушаетесь, как будто бы уже они начали показываться. То же самое скажу и насчет Кати. Зачем предвидеть дурное, когда, благодаря Богу, нет к тому видимого повода? Предвидя худое, которое, может быть, и не сбудется, мы только напрасно терзаем себя, тогда как и без того не много радостей в жизни. Простите мне эти малые упрёки, любезный мой Николай Романович, они выражаются от избытка чувства к вам и желания вам возможного спокойствия духа. Расцелуйте малюток и пожмите за меня руку вашей дочери. Ваня вам кланяется и целует племянников. Господь с вами»⁶⁰.

26 сентября:

«В ваших письмах неприятно то, что вы имеете причины жаловаться на возобновление старых ваших недугов и что здоровье Наденьки вас беспо-

* Е.Д. Свербеева, сестра Н.Д. Свербеева.

коит. Она и сама мне пишет, подтверждая слова ваши, и прибавляет, что она лечиться боится. Не смею противуречить ей в последнем, имея пред глазами пример продолжительного безуспешного лечения первостепенными врачами болезни, сходной, сколько понимаю, с тою, на которую жалуется ваша дочь и которая при пользовании врачебными средствами развернулась в широких размерах. Врачи начинают сомневаться в своей науке, видно, так что все в наше время в переходном положении, и все вопросы, как общественные, так и научные, требуют перерождения. Вам по вашей части предстоит тоже огромный труд, желаю от души, чтоб вы могли провести его успешно по тем здоровым началам, на которых желаете основать его. Радуюсь, что вы довольны своими действиями по имению. Не довольно понимаю дела, чтобы осмелиться одобрить ваш способ действия, но уверен, что его вы приняли по зрелом обсуждении и с людьми надежными, которые не обманут вашего доверия. Не меньше желательно, чтоб и приговоренный к детям новый губернёр оправдал тоже ваши ожидания. Вы говорите, что он живого характера, и потому я не предполагаю в нем ученого педантизма и надеюсь, что дети его скоро полюбят»⁶¹.

23 октября:

«В нынешнем письме есть приятное известие, что вы нашли средство предохранять себя от простуды; это для вас тем вернее, что вы легко ей подвергались.

Я ныне спешаю отправить это письмо, чтоб рассеять странные сомнения, которые появились в вас, касательно моего к вам расположения. Как можете вы подумать, что я могу забыть, что моя Саша была счастлива любовью вашею почти девять лет? Могу ли я забыть привязанность, которую она к вам имела? Разве вы не отец моих внуков, которых я не могу не любить уже по тому одному, что они дети моей дорогой дочери, привязанность которой ко мне никогда не изменялась и которой я был счастлив целые тридцать лет? Выбросьте, любезный мой Николай Романович, из вашего ума всякого рода сомнения насчет моего к вам расположения. Я вас полюбил с первого моего с вами знакомства, а когда вы сделались мужем моей Саши, то я не мог не привязаться к вам всею моею душою и всем моим сердцем. Если б я вас нисколько не знал прежде, то уже достаточно того, что Саша вас полюбила, ее чувство к вам не могло не отразиться на мне. В течение нескольких лет я видел вас с нею в вашем быту и всегда благословлял Провидение, соединившее ее с вами. Горячих выражений вы не найдете в письмах моих к Сашеньке, а уже ее я, конечно, любил, вы в этом не сомневаетесь; не в моей натуре наполнять письма мои выражениями любви, дружбы, преданности и т. п. Те, кого я люблю, знают, что я их люблю, и не имеют надобности, чтобы я каждый раз заявлял им это словами. Так и вы, друг мой, не изменяйтесь в вашем мнении обо мне и верьте, что я был, есть и буду в отношении вас тем же, чем был до сих пор: именно любящим вас всею душою и всем сердцем и, прибавлю, глубоко благодарным вам за то, что вы были виновником счастья нецененной для меня дочери, которой утрата оставила неизлечимую рану в моем сердце.

Благодарю вас за подробные сведения о детях. По описанию вашему г-на Шенка я надеюсь, что он будет им столько полезен, сколько мы можем того желать. В моих о нем выражениях о его учености вы заключили, что я в том сомневаюсь, но я именно сказал, что ученый и живой не должен быть педантом, так и вы о нем отзываетесь. Сережа, я уверен, будет быстро подвигаться, Кока, конечно, от него отстанет, но присутствие его при уроках для него бесполезно. Он, конечно, внимательно их слушает и не без того, чтоб они остались в его головке. Наденька пишет, что Шенк может говорить с детьми только по-немецки и она боится, чтоб она не разучилась родному языку, и потому много с ними разговаривает по-русски. Не упрек я писал вам в письме моем к вашей дочери, а зная, сколько у вас есть дела, которое необходимо надобно делать, очень кажется понятно, что я обратился к ней за подробностями; ее время не так занято, как ваше, не мешайте ей иногда побаловать меня своими письмами, она же и о вас скажет словечко, которого вы, может быть, и не высказали бы»⁶².

Сергей Петрович поддерживал Николая Романовича как мог, хотя сам очень тяжело переживал потерю дочери. 22 ноября 1860 г. его не стало. Он скончался в Москве, где и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

1861–1865 годы

Назначение Николая Романовича сенатором. Смерть Николая Романовича. Смерть Надежды Николаевны.

В 1861 Ребиндеру было назначено присутствовать в Правительствующем Сенате по 8-му Департаменту. С тех пор он пребывал в Санкт-Петербурге вместе с детьми.

Позднее Николая Романовича по службе перевели в Москву. Об этом А.В. Никитенко писал 13 сентября 1861 г.:

«Вечером приезжал ко мне проститься мой старейший и один из самых верных друзей моих Ребиндер, который едет в Москву сенаторствовать. Грустно мне расстаться с ним! Много делили мы с ним пополам и горя, и радости, конечно, больше первого, особенно в нашей общественной жизни. К нему обыкновенно обращался я, когда душа переполнится впечатлениями от какого-нибудь события, от какой-нибудь идеи, а иногда и так просто, когда душе захочется отдохнуть от житейского тревожения. Как я ни привык погружаться в самого себя, питаться самим собою, не бросаясь на чужой хлеб мысли и сердца, однако с Ребиндером мы часто ели этот хлеб – то мой, то его. И так в течение многих лет»⁶³.

Очень скудны сведения о последующих годах жизни Николая Романовича. Есть несколько упоминаний об изменениях в его мировоззрении в дневниковых записях Никитенко.

«7 января 1863 года, понедельник

Неожиданно предстал передо мною из Москвы Н.Р. Ребиндер, с которым мы не виделись уже около двух лет. Странная перемена в нем произошла: он сделался мистиком, верит в пророчества какого-то московского ясновидящего»⁶⁴.

«8 января 1863 года, вторник

Жалко мне было вчера слушать, как Ребиндер рассказывал о своем свидании и беседе с московским ясновидящим в Девичьем монастыре. Оказывается, что Провидение с особенною заботливостью следило и следит за обстоятельствами Н.Р.; что оно знает, какой он отличный человек, как много страдал и страдает (его обсчитал плут-управляющий) и как эти страдания беспримерны; что теперь оно положило непременно устроить дела его лучшие и не будет более искушать его неслыханное мужество и добродетель и пр. Вот какого тумана напустил себе в голову мой бедный Ребиндер. А все оттого, что каждый из нас считает себя чем-то весьма важным во вселенной и что мы и наши житейские дразги должны обращать на себя особенное внимание Бога и людей. А ведь, кажется, Н.Р. умный человек. Но мнимый пророк очень ловко льстил ему, поддевал его на общем человеческом самолюбии. Известно, как легко человек ловится на эту лакомую приманку»⁶⁵.

К осени состояние Николая Романовича постепенно пришло в норму, о чем также пишет Никитенко.

«18 октября 1863 года, пятница

Вечером неожиданно Ребиндер из Москвы. Мы очень обрадовались друг другу. Он вообще в порядочном состоянии и физически и нравственно. Мистическое расположение исчезло. Он говорит, что нашел в Москве общество по себе между женщинами, которым очень доволен. Пробыл у меня часа два. Послезавтра обратно в Москву»⁶⁶.

Спустя два года, 14 сентября 1865 г., Николая Романовича не стало. Его сын Сергей отправил Зинаиде Свербеевой письмо:

«Москва, 16 сентября 1865 г.

Милая тетя. Пожалейте нас, мы лишились нашего доброго и дорогого отца; он умер во вторник, 14 сентября, в 12-м часу дня, и так неожиданно, что не успел не только сделать завещание, но и благословить нас. Поездка его за границу ему вовсе не помогла, однако он был довольно весел и спокоен. В понедельник, когда мы возвратились из пансиона, нам сказали, что у него был какой-то припадок, что у него грудь болела и он от боли кричал и метался. Но к вечеру все это прошло, и он думал, что это от лихорадки. Во вторник это повторилось, и сейчас же послали за доктором. Когда он приехал, папа уже успокоился и говорил преспокойно со мною о переделке нашей комнаты и т. п. вещах. Потом припадок с ним повторился, и он лег на постель; но так как я заметил, что, когда он лежит, ему делается хуже, то я и посоветовал ему сесть. Он сел, но через минуту с страшным мычанием упал в беспамятстве на пол. Мы позвали сейчас людей и старались всеми возможными средствами привести его в чувство, но ничто не

помогало. Наконец люди его положили на постель, и в это время он испустил ужасный вздох. Мы послали сейчас за Евреиновыми и за доктором и даже за священником. Когда доктор пришел, он сейчас сказал, что папа уже умер, и священник прочитал только отходную. Мы похороним папу в субботу в Девичьем монастыре. Подле дедушки. Мы живем пока у А.Г. Евреинова, и, пожалуйста, о нас не беспокойся, потому что мы здесь совершенно как дома. Свербеевы бывают у нас каждый день. Поцелуй, пожалуйста, мою бедную Катю, и Сережу, и Митю. Прощай, желаю тебе быть здоровой и совершенно спокойной.

Твой тебя от души любящий племянник Сергей Ребиндер»⁶⁷.

А.В. Никитенко также упомянул в дневнике о смерти друга.

«24 сентября 1865 года, пятница

Получены из Москвы известия, что Николай Романович Ребиндер умер. Так все реже и реже становится вокруг, все темнее и темнее, пока самому придется погрузиться в вечный мрак»⁶⁸.

В одной из газет, вышедшей в сентябре 1865 г., между отзывом о постановке оперы «Сон на Волге» и неким приглашением к пожертвованию находится некролог, написанный другом семьи Ребиндеров, литератором Федором Чижовым.

«Николай Романович Ребиндер

Посмертные поминки

14 сентября скончался здесь, в Москве, сенатор Николай Романович Ребиндер. Вся его жизнь, с первого дня выхода из Санкт-Петербургского университетского пансиона, т.е. кажется с 1832 года, до последней минуты была посвящена служебной деятельности. После департаментской службы он занимал значительные должности: был градоначальником в Кяхте, потом попечителем Киевского и после Одесского учебных округов, директором департамента народного просвещения, наконец, сенатором. Неизменная сторона его служебной жизни во всех занимаемых им должностях была полная, безукоризненная честность: достоинство, если и весьма не общее, то никак не исключительное, никак не такое, которое нам, его товарищам по учению и сверстникам, давало бы право передавать известие об его кончине общественному сочувствию. Но служебная честность покойного Ребиндера не ограничивалась одним служебным бескорыстием. Он безуступчиво и неизменно требовал от себя, чтобы его служебное дело ни в чем не разлаживало с его личными нравственными убеждениями, – требование, давным-давно отставленное нашим обществом. В деле убеждений он никогда не давал поправки своей совести и не позволял ей успокаиваться ни на снисходительности общественного суждения и существующих мнений, ни на строго соблюдаемой им подчиненности властям, ни на высоко чтимой им силе закона. Ложь была для него ложью, хотя бы она облекалась в самый законно-правдивый образ; с неправдою он не мог ужиться ни в самом себе, ни на службе, с каких бы недоступновысоких ступеней эта неправда ни нисходила.

Такая неумолкаемая борьба требований внутренней правды с ложью житейской среды и непрерывным беззаконием действительности странно трудна во всякой области жизни, даже в жизни отшельника. Но выносить ее в непрерывной почти тридцатипятилетней службе, часто находить себя самого ее орудием и все-таки бороться, руководясь верою в то, что должна же наконец восторжествовать правда, или должно пасть, но не изменить ей; признавать собственную свою немощь и жить одною надеждою, что сама борьба укрепит силы, – все это в состоянии разрушить самые гигантские силы! Покойный Ребиндер никак не был нравственным атлетом, сам сознавал это весьма отчетливо и, несмотря на то, не склонился до последней минуты и до последней минуты был неумолкаемым живым протестом правды против беззакония, умевшего найти себе благовидные законные формы, под их одеждою овладеть современным нам обществом и едва ли не более всего служебною его стороною.

Ни одно неправое дело не смело и не решалось искать его защиты; но и, восставая против неправды, он не тешил себя хотя бы и тайным самовосхвалением, не был доволен одним исполнением долга, а оставался непрестанно мучеником за тот служебный порядок, в котором весьма часто самая безукоризненная правота разбивается о ледяную формальность делопроизводства и судоустройства.

Верность действий и жизни с задушевными убеждениями заставила его из протестантов сделаться сыном православной церкви; он это сделал без наималейшей огласки, хотя и не втайне, передавши требования своей души только одним самым близким ему людям.

Кто знал его сколько-нибудь близко, тот подтвердит, что он страдал почти всю жизнь и умер не от болезни, а от нравственного изнурения в жизненной борьбе, истощившей его силы. Это истощение обнаруживалось в постоянном его нездоровье, тогда как у него не было никакой определенной болезни и тогда как он вел жизнь весьма строгую. Смерть его была угасанием лампы не от дуновений ветра, а от истощения масла. 13 сентября он много ходил и ездил, 14 утром проводил время, по обычаю, с своими детьми, и менее чем полчаса предсмертного страдания было только последним явлением полного истощения жизненных сил его.

Таких людей практическая жизнь зовет тяжелыми и несносными. Ребиндер и был нелегко в практическом значении жизни. Но нельзя не упомянуть его житейского неразумия и не просить Бога на его могиле, чтоб оно среди нас не истощалось. Если даже оно бессильно побороть беззаконие, пусть хотя деятельным протестом страдания всей жизни поддержит неугасимость правоты и исхитит хотя одного из пропасти общественной неправды. И это великая заслуга в современном нам обществе.

Ф. Чижев»⁶⁹

Дети Ребиндеров были отданы на попечение тете, Зинаиде. Надежда Ребиндер, 25 лет, на тот момент была замужем. Строки о ее безвременной кончине встречаются в дневнике Никитенко.

«25 октября 1865 года, понедельник

Вчера были похороны дочери Н.Р. Ребиндера, по мужу Саломки. Она умерла, не зная о смерти отца. Между тем вот странный случай. В тот самый день, как муж ее получил из Москвы телеграмму о смерти Николая Романовича, она немного заснула и вдруг, проснувшись, сказала своей тетке: «Боже мой, какой страшный сон я видела. Я видела отца в гробу». Разумеется, впечатление, возбужденное этим сном, старались ослабить, так как доктор решительно запретил передавать ей печальную весть. Бедная оставила двух крошечных детей без всякого состояния»⁷⁰.

И 22 ноября в дневнике Никитенко встречается его последнее печальное упоминание о Николае Романовиче.

«Вечером был Чижев, на несколько дней приехавший из Москвы. Мы обнялись, как старые друзья, каковые и есть на самом деле. Он сильно поседел. Рассказ о Ребиндере, который перед смертью совсем разорился необдуманными спекуляциями. По словам Чижева, его, бедного, терзало также честолюбие. Ему вообразилось, что он непременно должен быть министром, и верил, что Провидение предназначило ему играть важную политическую роль. В то же время он хотел жениться, и две невесты его отвергли»⁷¹.

Так закончилась история семейной пары Ребиндеров, которым было дано слишком мало времени на счастье и благополучие. Их дети не оставили потомков, так же рано закончив жизнь. Сведения о дальнейшей судьбе Сергея, Николая и Екатерины Ребиндеров будут опубликованы во второй части летописи семьи Ребиндеров.

Источники и литература

¹ Кельчевская М.Ю. Иван и Вера Трубецкие. Штрихи к биографии (по материалам ГАИО) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2014. Вып. 2. С. 58–69.

² Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // Современные записки. Париж, 1936. Кн. 60. С. 258 (далее: Кологривов).

³ Там же.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой. Иркутск, 1987. С. 35 (Серия «Полярная звезда») (далее: Трубецкой).

⁶ Кологривов. С. 268.

⁷ Трубецкой. С. 204.

⁸ Там же. С. 205–206.

⁹ РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

¹⁰ Трубецкой. С. 210.

¹¹ Кологривов. С. 269.

¹² Там же. С. 270.

¹³ Трубецкой. С. 211–212.

¹⁴ Кологривов. С. 270.

¹⁵ ГАИО. Ф. 774. Ед. хр. 73. Л. 3.

¹⁶ Трубецкой. С. 216–217.

¹⁷ Там же. С. 229.

- ¹⁸ *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856) / изд. подгот. А.А. Бреган, Е.П. Федосеевой. С. 331 (Серия «Полярная звезда»).
- ¹⁹ *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Л., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 405 (далее: *Никитенко*).
- ²⁰ *Трубецкой.* С. 238.
- ²¹ Там же. С. 251.
- ²² *Никитенко.* Т. 1. С. 441.
- ²³ *Трубецкой.* С. 255.
- ²⁴ *Никитенко.* Т. 1. С. 457.
- ²⁵ *Трубецкой.* С. 267–268.
- ²⁶ Там же. С. 263–264.
- ²⁷ Там же. С. 265.
- ²⁸ Там же. С. 533–534.
- ²⁹ Там же. С. 272–273.
- ³⁰ Там же. С. 276.
- ³¹ Там же. С. 285–286.
- ³² Там же. С. 292–293.
- ³³ Там же. С. 294–296.
- ³⁴ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 73. Л. 5.
- ³⁵ *Трубецкой.* С. 309–310.
- ³⁶ Там же. С. 305.
- ³⁷ Там же. С. 321.
- ³⁸ Там же. С. 336–337.
- ³⁹ Там же. С. 341.
- ⁴⁰ Там же. С. 345.
- ⁴¹ *Никитенко.* Т. 2. 1858–1865. С. 17–18.
- ⁴² *Трубецкой.* С. 353.
- ⁴³ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 73. Л. 9.
- ⁴⁴ *Трубецкой.* С. 356–357.
- ⁴⁵ Там же. С. 363–364.
- ⁴⁶ Там же. С. 369.
- ⁴⁷ Там же. С. 375.
- ⁴⁸ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 96. Л. 2.
- ⁴⁹ *Никитенко.* Т. 2. С. 87–88.
- ⁵⁰ *Трубецкой.* С. 395.
- ⁵¹ Там же. С. 52.
- ⁵² Там же. С. 402–404.
- ⁵³ Там же. С. 406.
- ⁵⁴ Там же. С. 409.
- ⁵⁵ *Никитенко.* Т. 2. С. 126.
- ⁵⁶ *Трубецкой.* С. 410–411.
- ⁵⁷ Там же. С. 419.
- ⁵⁸ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 115. Л. 30.
- ⁵⁹ *Трубецкой.* С. 420–421.
- ⁶⁰ Там же. С. 425.
- ⁶¹ Там же. С. 427–428.
- ⁶² Там же. С. 430–431.
- ⁶³ Там же. С. 445–448.
- ⁶⁴ *Никитенко.* Т. 2. С. 208.
- ⁶⁵ Там же. С. 309.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 372.
- ⁶⁸ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 116. Л. 2.
- ⁶⁹ *Никитенко.* Т. 2. С. 535.
- ⁷⁰ *ГАИО.* Ф. 774. Ед. хр. 63. Л. 3.
- ⁷¹ *Никитенко.* Т. 2. С. 541.
- ⁷² Там же. С. 548.

А.А. Шалзунова

Эпистолярное наследие С.Г. Волконского: проблемы и перспективы публикации

Документальная серия «Полярная звезда» посвящена жизни и деятельности декабристов и является уникальной в своем роде. В настоящее время серия насчитывает 28 томов, в них опубликовано 3486 писем декабристов. Несколько томов серии, включающих материалы о декабристах – поселенцах Иркутской губернии, содержат около полутора тысяч писем. В состав двухтомника сочинений и писем С.П. Трубецкого вошло 393 письма декабриста. В 1991 г. в серии вышли «Записки» С.Г. Волконского. Во вступительной статье авторы писали: «Настоящее издание является первым томом в публикации из архива С.Г. Волконского. Содержание второго тома составит эпистолярное наследие декабриста»¹, однако, к большому сожалению, в серии до сих пор нет писем Сергея Волконского.

У Сергея Григорьевича Волконского был обширный круг корреспондентов, среди которых члены семьи, друзья-декабристы, представители губернской администрации, государственные деятели, чиновники, купцы, друзья сына Михаила. Этот круг во многом определяет ценность писем сибирского периода как исторического источника, характеризующего жизнь не только семьи Волконских, декабристов в Сибири, но и во многом иркутского общества конца 1830–1850-х гг.

Первые публикации писем Сергея Григорьевича появились в ежемесячном историческом издании «Русская старина». В 1899 г. было опубликовано письмо к иркутскому (впоследствии ставшему ярославским) архиепископу Нилу от 1 сентября 1846 г.² Письмо Сергея Григорьевича к архиепископу подготовил и опубликовал ярославский краевед Л.Н. Трефолов. Кроме письма Волконского, в издание вошли письма Сергея Петровича и Екатерины Ивановны Трубецких. Декабристы были дружны с архиепископом Нилом и вели с ним активную переписку. «К сожалению, большинство писем декабристов к архиепископу безвозвратно погибло во время переезда его из Иркутска в Ярославль: чемодан с бумагами утонул в какой-то горной речке»³. Как пишет Трефолов, из всех написанных многими декабристами писем уцелело лишь четыре. В четвертом выпуске журнала «Русская старина» были опубликованы записки мореплавателя генерал-лейтенанта Александра Михайловича Линдена, в которых он характеризовал генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, а также его окружение, в том числе членов семьи М.С. Волконского, сына декабриста, служившего в то время при генерал-губернаторе. Здесь же было приведено письмо С.Г. Волконского А.М. Линдену от 14 января 1856 г.⁴

Одно письмо С.Г. Волконского к Николаю Николаевичу Раевскому-младшему и 18 писем к его вдове Анне Михайловне Раевской были опубликованы в период с 1908 по 1915 г. в пятитомнике «Архив Раевских»⁵.

Интерес к эпистолярному наследию декабриста возрос в первой половине XX в. Это было обусловлено, с одной стороны, юбилейной датой со дня восстания, а с другой – сменой политического строя и пересмотром взглядов на

бунт декабристов. К столетию со дня восстания вышел сборник статей «Декабристы. 1825–1925» под редакцией С.Я. Штрайха, где письма не публиковались, но авторами широко использовались цитаты из писем Волконского.

В 1926 г. были изданы материалы из семейного архива декабриста И.Д. Якушкина «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных», подготовленные и прокомментированные сыном декабриста Евгением Ивановичем, где было опубликовано письмо Волконского от 3 января 1842 г., адресованное И.И. Пущину.

Ценность эпистолярного наследия декабриста С.Г. Волконского прекрасно осознавали его потомки. Первым из них взял на себя труд публикации архива С.Г. Волконского его внук – Сергей Михайлович. Большинство писем, над которыми он работал, были унаследованы им от отца, а часть была получена от его тети Елены Сергеевны⁶. В 1915 г. С.М. Волконский в письме от 30 марта барону Николаю Николаевичу Врангелю писал: «Занимаюсь с Модз[алевским], нашел сокровища, он заинтересован до крайности; Архив Раевских заткнем за пояс. Но это работа долгая»⁷. Благодаря помощи своего друга Б.Л. Модзалевского – историка русской литературы и основателя Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), Волконский смог разобрать архив, расшифровать написанные трудночитаемым почерком письма. Так в 1918 г. вышел в свет «Архив декабриста С.Г. Волконского» – первый и единственный том задуманной С.М. Волконским и Б.Л. Модзалевским серии. Однако среди множества писем членов семьи Волконских, представленных в первом томе «Архива», писем С.Г. Волконского всего два, оба генералу от кавалерии Н.И. Депрерадовичу: от 3 июля 1808 и от 21 февраля 1810 г.⁸. Изначально «Архив» задумывался в четырех частях: «До Сибири», «Заточение», «Поселение», «Возвращение». Но задуманному не суждено было осуществиться. Работу продолжил Б.Л. Модзалевский. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился подготовленный к печати Б.Л. Модзалевским второй том «Архива декабриста», названный автором «Заточение».

Позже, в 1926 г., Борис Львович продолжил начатое с внуком декабриста дело и опубликовал письма, подготовленные для второго тома «Архива», в сборнике «Бунт декабристов: юбилейный сборник, 1825–1925» со вступительной статьей «Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике». Всего было напечатано 13 писем, очень живо иллюстрирующих эмоциональные переживания, душевные терзания, жизнь и быт декабристов на каторге. Вот как автор публикации написал о значимости этих писем: «Из восьми декабристов I разряда, приговоренных в каторжную работу на 20 лет и первыми отправленных из Петербурга в ночь на 24 июля 1826 г., один лишь Оболенский оставил в своих Записках рассказ об этой работе в Благодатском руднике и вообще обо всей обстановке жизни в первые месяцы отбывания декабристами каторги под Нерчинском – до перевода в Читу; да княгиня Волконская в трогательных чертах рассказала о своем посещении «каторжных нор», в которых ежедневно с 5 до 11 часов утра работал ее муж и его сотоварищи. Но и те, и другие воспоминания писаны по памяти, спустя много лет, – и в них мы не найдем того отражения времени, той непосредственности впечатлений и сообщений, которые нам, естествен-

но, хотелось бы видеть и знать. Поэтому знакомство с несколькими подлинными письмами одного из декабристов – Сергея Григорьевича Волконского, – относящимися ко времени работ в Благодатском руднике, представляется нам особенно ценным»⁹. Адресатами писем были сестра Волконского Софья Григорьевна и его жена Мария Николаевна.

В 1933 г. в вестнике «Каторга и ссылка» были напечатаны восемь писем молодого генерала Сергея Волконского флигель-адъютанту Александра I П.Д. Киселеву 1814–1815 гг. В письмах «<...> из архива Киселева, хранящегося в Рукописном отделении библиотеки Академии наук»¹⁰, Волконский делился впечатлениями от путешествия по Западной Европе: «Прихоть внезапно увлекла меня посетить Альбион, и теперь я уже очень сержусь, что отнял пятнадцать дней, которые здесь пробуду, от пленительного пребывания в Париже <...>»¹¹, а также давал оценку некоторым политическим событиям.

Через пять лет, в 1938 г., были опубликованы 13 писем к И.И. Пушину¹².

Многочисленный пласт архивных материалов, касающихся декабристов, хранится в Российской государственной библиотеке. «Почти все эти документы поступили в Отдел после революции и в большей своей части не подвергались еще изучению исследователей»¹³. В 1939 г. выходит третий выпуск «Записок отдела рукописей», который называется «Декабристы». В нем опубликовано письмо С.Г. Волконского от 30 января 1841 г., адресованное И.И. Пушину. 23 письма С.Г. Волконского вошли в статью «Письма декабриста С.Г. Волконского», которая вышла в 1961 г. в 24-м выпуске «Записок отдела рукописей» Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина (ныне РГБ). Автором статьи был правнук декабриста Михаил Петрович Волконский (1891–1961), продолживший дело своего дяди Сергея Михайловича.

Письмо Сергея Григорьевича к А.С. Пушкину от 18 октября 1824 г. было опубликовано в первом томе двухтомника «Переписка А.С. Пушкина»¹⁴.

Короткие записки С.Г. Волконского, хранящиеся в Красноярском краевом краеведческом музее, характеризуют его как заботливого друга и увлеченного садовода: в письме от 11 января 1850 г., адресованном начальнику Сибирского жандармского корпуса Я.Д. Казимирскому, Волконский пишет о посылке ему двух мешочков картофеля с собственного огорода¹⁵. Составитель включила в сборник лишь одно из трех хранящихся в музее писем.

В значительном объеме были процитированы письма декабриста в монографии «Князь Сергей Волконский». Во введении автор биографии князя Волконского писала: «В настоящей работе использованы также и неопубликованные письма, находящиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть писем взята из хранящегося в ИРЛИ архива декабриста (ф. 57)»¹⁶. Монография включает в себя 72 отрывка из писем С.Г. Волконского разного времени.

Таким образом, из многих сотен писем С.Г. Волконского, сохранившихся в различных архивах нашей страны, к концу XX в. было напечатано всего 83 письма. Между изданиями были большие временные перерывы. К примеру, между двумя самыми масштабными (23 письма в 1961 г. и 36 писем в 2011 г.) прошло пятьдесят лет, а со времени издания первого тома архива С.Г. Волконского – сто лет. На сегодня самой обширной является публикация писем декабриста дочери Елене и ее мужу Дмитрию Васильевичу Молчанову

в первом выпуске «Декабристского кольца»¹⁷. 36 писем, с 1851 по 1856 г., – яркие и подробные свидетельства одного из самых тревожных и трудных периодов жизни семьи Волконских в Иркутске.

Корпус неопубликованных писем Сергея Григорьевича Волконского огромен, историко-культурная и научная ценность их бесспорна. Поэтому уместно говорить о том, что публикация писем Сергея Григорьевича – это оправданная необходимость. Одним из этапов работы с эпистолярным наследием является поиск и выявление писем. Размеры настоящей статьи позволяют лишь указать главные места их хранения.

Большая часть эпистолярного наследия декабриста находится в семейном архиве Волконских в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде 57.

Известно, что письма С.Г. Волконского хранятся в Государственном архиве Российской Федерации – в личных архивах его товарищей-декабристов и родственников.

В Российском государственном историческом архиве письма Волконского находятся в фондах 914 и 934. Фонд 914 – это семейный фонд Волконских, он насчитывает 142 единицы хранения, самая ранняя дата документов 1729 г., поздняя – 1916 г. Большая часть писем Сергея Григорьевича в 914-м фонде – это его переписка с разными лицами по хозяйственным, денежным и имущественным делам, делам нижегородских и ярославских имений в период с 1820 по 1825 г. Также в фонде имеются два письма декабриста из Сибири: письмо брату жены Александру Николаевичу Раевскому от 29 января 1843 г. с благодарностью за заботы о сохранении состояния его детей и письмо племянникам, князьям Александру Никитичу Волконскому и Василию Николаевичу Репнину, – об имущественных делах и о сохранении состояния своих детей. Письмо на французском и русском языках и датируется 1846 г.

Одно письмо С.Г. Волконского – к барону Ферзену – находится в Российском государственном архиве древних актов в фонде барона Федора Андреевича Бюлера (1821–1896) – дипломата, правоведа, возглавлявшего Московский главный архив.

Письма Волконского хранятся также в отделе рукописей Государственного литературного музея, а также в Центральном историческом архиве Москвы в фонде 864, в Государственном историческом музее в фонде 282¹⁸. «Богатая коллекция писем С.Г. Волконского представлена в Российской государственной библиотеке. Здесь в фонде 243 (Пушиных) хранится большое количество писем Волконского к И.И. Пушину»¹⁹.

Таким образом, мы можем говорить о сотнях неопубликованных писем Волконского разного периода, рассредоточенных по разным архивам и имеющих огромное значение для истории нашей страны.

Отмечая 25-летие серии «Полярная звезда», в статье от редакции известный декабриствед С.Ф. Коваль писал: «Право издания серии перешло Иркутскому мемориальному музею декабристов, истинному ценителю первоисточников, так необходимых в музейной практике»²⁰.

В настоящее время перед музеем декабристов, «истинным ценителем первоисточников», стоит задача, сопряженная с колоссальным трудом, – подготовка к изданию писем С.Г. Волконского. Мы понимаем, что эта работа

связана с огромными трудностями: прежде всего, копированием, расшифровкой, прочтением, переводом с французского языка, комментированием большого количества сохранившихся писем, сосредоточенных в Пушкинском Доме, ГАРФе и других архивохранилищах, написанных трудночитаемым почерком, необходимостью анализа эпистолярного наследия декабриста с целью отбора для публикации.

Конечно, с точки зрения здравого смысла идея выглядит очень амбициозной. Музей декабристов не располагает достаточными научными силами, финансовыми средствами, молодые сотрудники не имеют большого опыта археографической, исследовательской работы. Тем не менее научный коллектив Иркутского музея декабристов понимает, что перед современниками стоит важная задача сохранения памяти о декабристах и продолжения дела, начатого потомками Сергея Григорьевича Волконского.

Внук декабриста размышлял: «О декабристах вспомнили в начале революции. Потом скоро забыли. Не мудрено – время быстро идет, события еще быстрее. Но дело в том, что память о декабристах должна быть священна для нас независимо от того, пристегиваем ли мы ее к той или иной действительности. Драгоценнейшее наследие прошлого, она заслуживает того, чтобы жить и сопутствовать нам сквозь все перемены нашей изменчивой современности»²¹.

Примечания

¹ Волконский С.Г. Записки / изд. подгот. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991. С. 93.

² Русская старина. 1899. № 9. С. 560.

³ Там же.

⁴ Там же. 1905. № 4. С. 128.

⁵ Архив Раевских / изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1908–1915. Т. 1–5.

⁶ Архив декабриста С.Г. Волконского / под ред. кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Т. 1. До Сибири. Пг., 1918. С. 1.

⁷ Мурашев А. Князь Волконский. Сергей М.: Биографические зарисовки. М., 2013. С. 78.

⁸ Архив декабриста С.Г. Волконского. С. 255, 345.

⁹ Модзалевский Б.Л. Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике // Бунт декабристов: Юбилейный сборник 1825–1925. Л., 1926. С. 332.

¹⁰ Письма С.Г. Волконского к П.Д. Киселеву. 1814–1815 гг. // Каторга и ссылка. 1933. № 2. С. 97.

¹¹ Там же. С. 103.

¹² Летописи Литературного музея. М., 1938. Кн. 3. Декабристы.

¹³ Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1939. Вып. 3. Декабристы. С. 3.

¹⁴ Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1.

¹⁵ Сибирские письма декабристов 1838–1850 / сост. Т.С. Комарова. Красноярск, 1987. С. 83.

¹⁶ Караш Н.Ф. Князь Сергей Волконский. История жизни декабриста. Иркутск, 2006. С. 14.

¹⁷ Добрынина Е.А. Письма декабриста С.Г. Волконского // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1.

¹⁸ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 352.

¹⁹ Караш Н.Ф. Князь Сергей Волконский. История жизни декабриста. С. 14.

²⁰ Давыдов В.Л. Сочинения, письма / изд. подгот. Т.С. Комаровой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2004. С. 511.

²¹ Мурашев А. Князь Волконский. Сергей М.: Биографические зарисовки. С. 99.

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

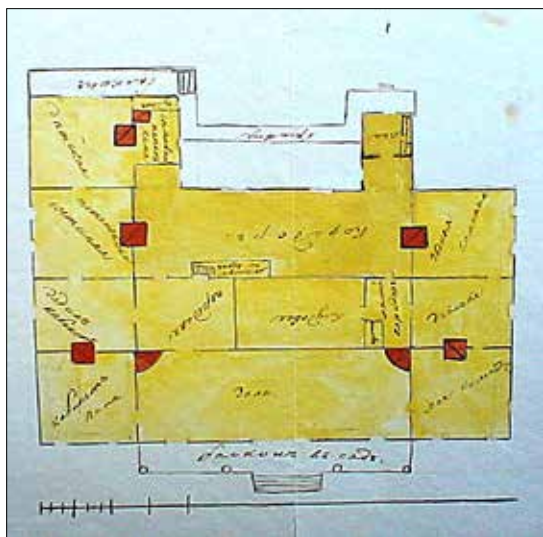
Е.А. Добрынина, И.П. Пинайкин

История дома Волконских: Урик, Иркутск. 1838–2018 К 180-летию памятника истории, архитектуры и культуры

Дом и усадьба С.Г. Волконского представляют собой уникальное явление в культуре Иркутска. Бесспорная мемориальность усадьбы, архитектурный облик дома, частично воссозданные исторические интерьеры и экспозиция, представляющая традиции и быт княжеской семьи Волконских, делают этот объект наиболее привлекательным для посещения иркутянами и гостями нашего города.

История дома Волконских непосредственно связана с историей жизни семьи декабриста в Сибири.

23 декабря 1834 г. скончалась мать С.Г. Волконского, Александра Николаевна, в завещании которой была обнаружена просьба к царю о смягчении участи сына Сергея. Благодаря этой просьбе, Волконский был освобожден от каторжных работ и переведен на поселение 14 декабря 1835 г. царским указом в честь десятилетия правления Николая I. Однако отъезд семьи Волконских из Петровского Завода состоялся лишь в начале 1837 г. из-за затянувшегося определения места поселения для государственного преступника Сергея Волконского.

План дома Муравьевых

Местом жительства семьи декабриста на целое десятилетие стало село Урик близ Иркутска, где в это время уже жили декабристы Ф.Б. Вольф, М.С. Лунин, братья А.М. и Н.М. Муравьевы, а недалеко от Урика, в селении Усть-Куда, жили И.В. и А.В. Поджио.

Собственный дом в Урике был у Александра и Никиты Муравьевых. Летом 1837 г. А.М. Муравьев сообщал матери: «Мы строим очень маленький домик, и чтоб вы лучше его представляли, посылаю вам план. Я взял на себя покупку леса и достал его по 1 руб[лю]

40 к[опеек] четверик саж[еней] и 8 вершков в отрубе. <...>. Подрядчик взял за постройку 5 тысяч. В общем, <...> все наше устройство обойдется нам тысяч в 20»¹. Скорее всего, он и стал неким образцом для Волконских, затеявших строительство двухэтажного дома в Урике весной 1837 г., о чем мы также находим свидетельство в письме Александра Муравьева: «Я принят у М[арии] Н[иколаевны] как родственник: князь имеет всякого рода пристрастия к постройке <...>, причем настолько, что княгиня должна была взять на себя домашнее хозяйство»².

2 декабря 1838 г. строительство дома было окончено, по словам М.Н. Волконской, за «несколько месяцев»³. Эти сведения об окончании строительства дома Волконских в Урике впервые были приведены в статье Е.А. Ячменева, единственного до настоящего времени исследователя, написавшего о доме декабриста в Иркутске, именно в Иркутске, поскольку почти десятилетний период существования дома в Урике выходил за рамки темы исследования в то время директора Иркутского музея декабристов, защитившего диссертацию по теме «Научная концепция историко-мемориального музея (на примере Иркутского музея декабристов)». Е.А. Ячменев был и автором исследования и публикации о доме Трубецких⁴.

Однако множество вопросов, связанных с домами Волконских и Трубецких, остались невыясненными. В сборнике Иркутского музея декабристов была опубликована статья, рассказавшая о строительных этапах истории легендарного дома Трубецких в Иркутске⁵. На основании данных инженерного обследования, проведенного кандидатом технических наук, инженером-конструктором И.П. Пинайкиным, стала очевидна строительная история интереснейшего из деревянных особняков нашего города. Благодаря активным архивным поискам иркутского историка А.Н. Гаращенко, установлены все владельцы дома начиная с 1845 г., что, однако, не позволило пролить свет на связь этого дома с Трубецкими⁶.

Казалось бы, в отличие от дома Трубецких, никаких загадок и сюрпризов нельзя было ожидать от дома Волконских. Однако множество вопросов возникало при детальном знакомстве с планировкой дома, функциональным назначением комнат, было совершенно непонятно, где размещались гости семьи, родственницы М.Н. и С.Г. Волконских, приезжавшие в Сибирь и жившие в доме довольно длительное время. Кроме того, Волконские сдавали комнаты внаем и не только после отъезда в Россию. Вызывает множество вопросов и устройство так называемой парадной лестницы, узкой, крайне неудобной и по размерам значительно меньшей, чем «черная», ведущая к зимнему саду и балкону. Знакомство с перепиской членов семьи Волконских значительно расширило наши представления о внутреннем и внешнем устройстве дома, сведения о котором практически по крупицам собирались из переписки, воспоминаний и дневников декабристов и их современников.

Из известных источников, содержащих информацию о доме Волконских, основными являются письма членов семьи и близких друзей. Из письма М.К. Юшневской И.И. Пущину от 6 июня 1840 г. мы узнаем, что «дом Серг[ея] Григ[орьевича] будут починять. Ник[иты] Мих[айловича] дом штукатурят, Ферд[инанда] Богд[ановича] тоже. Покуда окончат всю эту

штукатурку, все они живут в доме Сергея Григорьевича. Потом уже перейдут Муравьевы, и Волконские будут штукатурить свой»⁷. Немаловажная информация, свидетельствующая о наличии подвала в доме Волконских в Урике, содержится в письме Марии Казимировны из Оёка, датированном 11 мая 1841 г.: «Серг[ей] Григ[орьевич] тоже получил позволение ехать на воды Туркинские за Байкалом, но он теперь должен отложить свою поездку, у него сильно расшиблена рука. Вот каким образом: *пошел он в подвал* (курсив авт. – Е.Д.) и велел маленькой девочке держать дверь – она чего-то испугалась, бросила дверь прямо на него и до кости разбила ему руку»⁸. Сведения об устройстве урикского дома содержатся в дневнике Ю.Г. Сабиньского, польского политического ссыльного, бывшего учителем сына декабриста, Михаила Волконского. Впервые упоминание о планировке, размерах и этажности дома встречается в записи, сделанной 29 декабря 1843 г. в Урике: «Побывав здесь прошлый раз, я сам убедился, что, несмотря на огромное желание угодить мне во всем, невозможно было дать мне отдельную комнату, особенно сейчас, когда оба Поджио жили в их доме, не слишком большом. Поэтому я был уверен, что меня поселят с одним из них.

Но как же я был удивлен, когда сегодня, вскоре после моего приезда, княгиня проводила меня наверх и там, в одной из двух больших комнат, показала мне заранее сделанную перегородку, отгораживающую большую часть, создающую отдельную и очень удобную для меня комнату. Она сама занялась ее обустройством так, чтобы в ней было удобно и приятно»⁹. И далее, 14 февраля 1844 г., автор дневника описывает планировку одного из этажей дома Волконских, скорее всего, первого: «Большой зал одновременно служил сценой и зрительным залом, фортепьяно в нем было оркестром, две боковые из зала комнаты – местом для входа и выхода актеров»¹⁰.

В 1844 г. М.Н. Волконская получила разрешение жить в Иркутске. Вместе с детьми она переезжает в губернскую столицу. Время от времени сюда наезжает и Сергей Григорьевич. 27 сентября 1844 г. Ю. Сабиньский записал в дневнике: «Волконские наняли тут дом, правда, довольно большой, но гораздо менее удобный и имеющий меньше помещений, чем их жилища в Урике и Камчатнике»¹¹. Таким образом, с конца сентября 1844 г. Волконские жили в Иркутске в съемном доме.

Воспоминания ученика и воспитанника декабристов Н.А. Белоголового, на которые ссылаются многие исследователи, ярко характеризуют жизнь в доме Волконских в Иркутске в 1845 г. Упомянутый им дом Волконских в Иркутске, «главный центр иркутской общественной жизни»¹², – это съемный дом, который занимала семья. О нем писал Ю. Сабиньский: «1845 г. 11 июня. Первый раз этим летом я купался сегодня в реке, будучи у Волконских, которые зимой переехали к самой Ушаковке, а недалеко от их дома есть приличные купальни»¹³.

Следующее упоминание о доме относится к 18 октября 1846 г.: «Поскольку давно уже обманулись российские ссыльные в своих надеждах получить помилование по случаю двадцатилетия царствования, то они теперь думают о том, чтобы поселиться в Иркутске насовсем. С этой целью Волконские

купили в городе большой кусок земли, на который хотят перенести свой дом из Урика»¹⁴.

В дневнике польского политического ссыльного мы нашли точную дату и переноса дома из Урика в Иркутск, и переезда Волконских из съемного дома в собственный: «1847, 14 июня. Волконские, купив здесь участок за пять или шесть тысяч рублей, *этой зимой* (курсив авт. – Е.Д.) перевезли все бревна от своего дома и других построек из Урика. За несколько месяцев они этот дом с большими хозяйственными постройками и разными другими помещениями построили заново, добавив при этом почти столько и многое изменив – как для удобства, так и для увеличения второго этажа и внешней красоты. Два или три дня назад они туда переехали. Сегодня я навесил их в новом доме. Несомненно, этот дом стал одним из самых красивых в Иркутске. Особенно очень удачно было выбрано место для строительства здания, верхняя часть которого возвышается над всем городом, и с нее открываются прекрасные виды на окрестности. Правда, это строительство было связано с большими расходами, но это все будет вознаграждено, поскольку стоимость этого дома со всем, что к нему относится, равна примерно 20 тыс. рублей серебром, и наверняка Волконским нетрудно будет получить эти деньги, если они захотят дом продать»¹⁵.

Здесь, на наш взгляд, уместно привести предполагаемое содержание первого строительного периода в истории дома Волконских, начавшегося в 1838 г. и завершившегося в 1847 г.

Предполагаемое содержание первого строительного периода (1837–1846). Строительство и эксплуатация дома: Урик, Иркутск

1. Рубленый двухэтажный дом в габаритах осей А-Д/1-7.
2. Отсутствуют эркеры и фронтоны над эркерами, венчающие главный фасад.
3. Кровля на здании двускатная, вальмовая, покрыта тесом по слегам.
4. Здание имело не менее двух входов. Главный вход был устроен на нынешнем западном фасаде в осях Г-Д/7. Он был оформлен парадным крыльцом с входным тамбуром под односкатной кровлей. Черный вход для прислуги располагался на восточном фасаде с противоположной стороны коридора в осях Г-Д/1. Он также был обустроен тамбуром, следы примыканий которого зафиксированы в материалах обследования Л.С. Васильева¹⁶. Нельзя, однако, исключить и наличие третьего входа с открытого балкона или галереи на дворовом фасаде по оси Д. На это предположение наталкивает планировочная структура «урикского» дома братьев А.М. и Н.М. Муравьевых, обустроенного балконами сразу на двух противоположных, вероятно дворовых, фасадах. Этот дом в типологическом отношении мог являться образцом или аналогом строящемуся дому Волконских.
5. Здание не имело выхода в сад из «кабинета» в осях А-Б/1-2. При отсутствии тамбура или сеней это помещение было бы очень холодным. В материалах своих исследований Л.С. Васильев указывал на «отсутствие наружного тамбура у двери»¹⁷. На месте ныне существующей двери явно было окно.

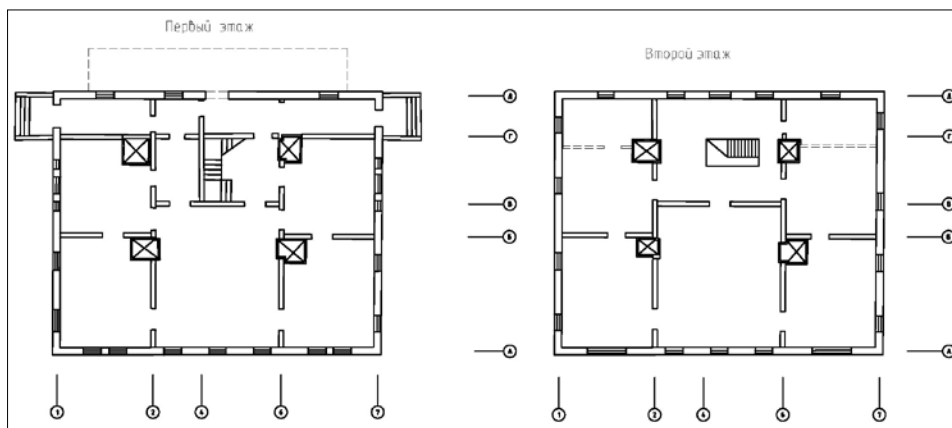
6. Во втором этаже при отсутствии капитальных стен по оси Г изначально было всего шесть помещений, включая так называемую холл-развязку с внутренней лестницей. Две самые большие комнаты впоследствии были разделены дощатыми перегородками на две неравные части. Одна из таких перепланировок была сделана в начале 1844 г., когда в доме поселился Ю. Сабиньский.

7. Два центральных окна по оси 7 в комнатах второго этажа западной половины дома (по нынешней экспликации помещений спальня и кабинет Молчановых) были, вероятно, одинарные. Расширение окон могло быть сделано позднее, при переезде в Иркутск.

8. Интерьеры дома первое время эксплуатировались с открытыми бревнами сруба, без штукатурки, до завершения его полной усадки. Этот период обычно составлял не менее двух отопительных сезонов. Можно полагать, что работы по устройству штукатурки были начаты в доме не ранее лета 1841 г. Это косвенно подтверждается в вышеприведенных письмах М.К. Юшневской. Важно отметить, что штукатурка того периода выполнялась без дранки, по затесам-«задирам» на бревнах, а штукатурная смесь состояла из извести с добавкой конского или коровьего навоза. Такая же технология отделки интерьеров была встречена нами при проведении инженерного обследования дома С.П. Трубецкого.

9. Фасадная обшивка дома, если она была, также появилась не ранее 1840 г.

10. Под самим домом мог находиться достаточно большой подвал, спуск в который был обустроен дверью. Это следует из письма М.К. Юшневской от 11 мая 1841 г.

Первый строительный период (1837–1846). Дом в Урьке

Здесь и далее мы приводим информацию обо всех строительных периодах дома Волконских, установленных к настоящему времени.

Через месяц после переезда Волконских об этом событии пишет побывавшая у них в гостях М.К. Юшневская: «Дом у них прелестный, на горе поставленный, вид из окошек богатейший, из каждого окошка другой. Разнообразие видов неимоверное. Иркутск со всех сторон виден: окрестности города, река Ангара, Иркут, все вблизи кажется. Просто чудеса, какое место выбрано для дома, есть два

фонарика, украшенные разноцветными стеклами, по обеим сторонам дома, это много прибавляет величину комнаты. Не знаю я только, не прибавит ли это холоду зимою комнатам. М[арья] Н[иколаевна] живет вверху, низ еще не отделан. Они думают зимою жить внизу, а верх отдать внаймы, чтобы помочь немного своим расходам. С[ергей] Гр[игорьевич] пополнил и очень загорел, зато построил дом и службы на чудо. В обоих флигелях наверху чистые комнаты. Вблизи самого подъезда был чей-то дом. Ос[ип] Вик[торович] Поджио было купил для себя, но М[арья] Н[иколаевна] себе берет его. Иначе тесен бы был двор и подъезд. Теперь даже и для огорода будет место. Просто чудеса, а не дом. На высоком месте, тут же и церковь почти у ворот, так что слышно служение, сидя под окном. Для саду место отделено, теперь там только цветник. Много редкостей выписаны, не знаю, примутся ли камелии, розы и прочее. Вот подробности и о доме»¹⁸. И повторяет свои восторги в одном из следующих писем к И.И. Пущину: «М[арья] Н[иколаевна] дом чудесный, большой, красивый и богатый видами. На прекрасном месте поставлен. Они живут вверху, а низ еще не отделан»¹⁹.

В приведенном фрагменте из письма Марии Казимировны обращает на себя внимание упоминание о балконах-фонариках с разноцветными стеклами. Опираясь на семейную легенду, Е.А. Ячменев утверждал, что эркеры второго этажа сделаны по рисунку художника-декабриста Н.А. Бестужева²⁰. Кроме того, автор истории дома Волконских опирался на предположение историка В.В. Гапоненко. В ее работе о художнике Х.Я. Рейхеле только на основании датировки выполненного им портрета художника-декабриста Бестужева (1847 г.) делается вывод о посещении Н.А. Бестужевым Иркутска в этом году якобы для проводов генерал-губернатора В.Я. Руперта. На наш взгляд, опубликованный альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, статьи и комментарии к рисункам Х.Я. Рейхеля в альбоме достаточно аргументированно доказывают несостоятельность предположения и тем более утверждения В.В. Гапоненко²¹. К тому же очень странно, что М.К. Юшневская, знавшая о жизни практически всех декабристов в Сибири, рассказывая в письмах И.И. Пущину об их занятиях, здоровье, семейном положении и передвижениях, ни словом не упоминает о приезде Н.А. Бестужева, хотя для всей декабристской колонии и для всего иркутского общества это было бы событие, которое не могло пройти незамеченным.

В течение трех последующих лет (со второй половины 1847 по 1849 г.) Волконские продолжали обустраивать дом и усадьбу. Активный процесс перестроек начался в преддверии замужества дочери Волконских.

Предполагаемое содержание второго строительного периода (1847–1849). Перенос дома и хозяйственных построек из Урика в Иркутск, сборка и обустройство в Иркутске

1. Перевозка и сборка дома в Иркутске выполнена зимой 1847 г.
2. Планировочная структура дома была существенно изменена и расширена. На заднем (южном) фасаде появился прируб с лестницей на второй этаж. К прирубам примыкала ретирада, вход в которую осуществлялся с промежуточной площадки через так называемую казенку – глухое неосвещенное помещение под балконом. В материалах исследований объекта

Л.С. Васильевым и Е.Ю. Барановским²² этот прируб (пристрой) именовался центральным.

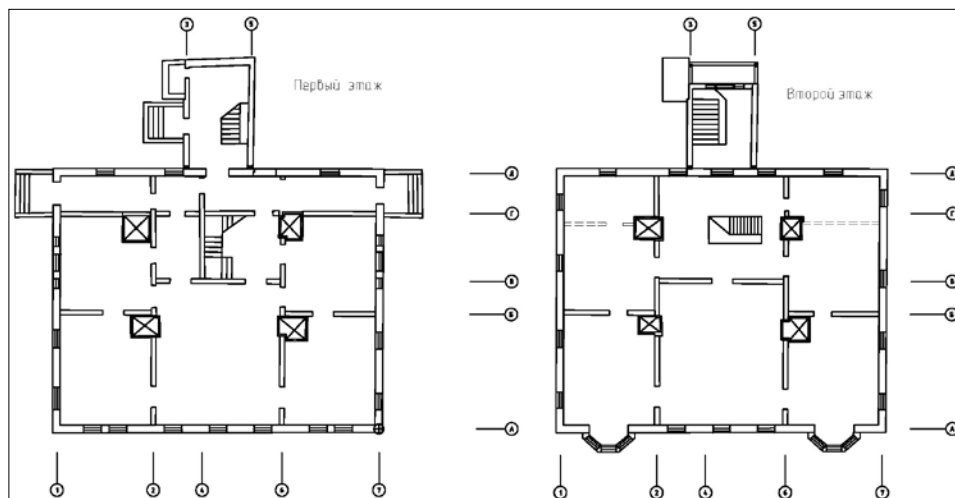
3. На втором этаже главного фасада появились эркеры (в терминах того времени – «фонарики»), а кровельный скат был оформлен двумя фронтонами. Конструкция и контуры исходной «уриковской» стропильной системы в этой части кровли легко угадываются при осмотре чердака. В подпольном межэтажном пространстве также хорошо видны переделки балочной системы для устройства несущей основы эркеров.

4. Тесовое покрытие дома было заменено фальцевой кровлей из черной кровельной стали.

5. Есть большие сомнения в отношении времени возведения так называемого западного пристроя, в котором разместились просторные сени с крыльцом главного входа. По нашим оценкам, он появился позднее «центрального» прируба. В пользу этой версии свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, сруб «западного» пристроя примыкает к «центральному» прирубам без перевязки, через пазованные брусья. При строительстве в один этап их логичнее было бы срубить заодно. Во-вторых, упоминание в приходе-расходной книге М.Н. Волконской о трате в 1850 г. существенной по тем временам суммы в 2 тыс. рублей на ремонт дома предполагает достаточно большой объем строительных работ. Напомним, что стоимость перевезенного дома оценивалась в сумму около 10 тыс. рублей. Кроме того, в переписке семьи Волконских помещение сеней с оранжереей во втором этаже именовалось не иначе как пристройка. При этом в отношении также пристроенного при переезде объема с лестницей этот термин в переписке не встречается. В-третьих, в статье Е.А. Ячменева со ссылкой на исследования Е.Ю. Барановского указывается на то, что «еще некоторое время существовал «уриковский» вход»²³. Следовательно, помещение в осях Г-Д после переезда еще продолжало использоваться в своем изначальном качестве, как сени. В-четвертых, на более поздний, в сравнении с центральным прирубом, характер новой пристройки вдоль западной половины заднего фасада указывал Е.Ю. Барановский в пояснительной записке к проекту восстановления памятника. Может быть, это более позднее и отчасти вынужденное приспособление пристроя сеней к самому дому и объему «центрального» прируба с уже выстроенной лестницей не позволило сформировать удобную и завершенную планировку входной зоны в сенях. Расположение и архитектура арочной двери, связывающей сени и лестничный прируб, не позволяют организовать удобный и беспрепятственный доступ на основную лестницу во второй этаж.

6. Работы по устройству внутренней штукатурной отделки могли быть выполнены в весенне-летний период 1848 г. Заметим в этой связи, что штукатурка интерьеров в Иркутске также была выполнена по «уриковской» технологии, без драмки, по затесам-«задирам». Штукатурка по дранию появилась позднее, при устройстве ремесленной школы. Это обстоятельство было зафиксировано при исследовании памятника Л.С. Васильевым.

7. Полагаем, что работы по устройству обшивных фасадов могли быть выполнены годом ранее, в весенне-летний период 1847 г. Технически это возможно, принимая во внимание уже устоявшийся в Урике сруб.

Второй строительный период (1847–1849). Переезд в Иркутск

17 сентября 1850 г. Елена Волконская вышла замуж за иркутского чиновника Д.В. Молчанова. Сразу после свадьбы новобрачные уезжают в Петербург. Пока Молчановы в отъезде, Волконские готовят для новой семьи комнаты в своем доме, причем отдают Елене Сергеевне и Дмитрию Васильевичу весь второй этаж. Сведения об этом были обнаружены в показаниях главного обвинителя Д.В. Молчанова в будущем так называемом занадворовском деле о взятке, Фавста Петровича Занадворова, побывавшего в доме Волконских в апреле 1852 г.: «<...> в пять часов пополудни явился я к Молчанову. Он живет в одном доме с тестем своим, ссыльнокаторжным поселенцем из государственных преступников, Волконским, который помещается с семейством своим в нижнем, а Молчанов в верхнем этаже дома»²⁴. Из показаний Ф.П. Занадворова становится очевидным и расположение кабинета Д.В. Молчанова на втором этаже: «<...> я прошел в кабинет. Лакей возвратился в кабинет, запер двери от него в соседние на обе стороны комнаты, выйдя в одну из них и оставя немного дверь недопертою. Вскоре за ним пришел Молчанов в третьи двери из коридора, по которым вошел и я (эти двери стеклянные), запер их, досмотрев за остальными <...>»²⁵. Судя по количеству дверей, по их расположению и выходу одной из дверей в коридор, речь идет о центральной комнате левой анфилады второго этажа, функциональное назначение которой в современной экспозиции определено как спальня Елены Сергеевны. Коридором же, по нашему мнению, мог быть современный холл-развязка.

Судя по книге учета расходов М.Н. Волконской, перестройка дома в 1850–1851 гг. обошлась в 2 тыс. рублей²⁶. Работы по отделке квартиры Молчановых, начатые сразу после отъезда молодых в Петербург, заняли довольно продолжительное время. Так, в числе нескольких просьб и поручений дочери и ее мужу С.Г. Волконский напоминает в письме от 26 февраля 1851 г. о необходимости «для вашего же удобства отправить обои для отделки квартиры вашей»²⁷. Е.А. Ячменев предположил, что «Волконские оклеили комнаты обоями в апреле 1854 г., вероятно, к приезду сестры декабриста <...>»²⁸. Выявленные нами данные позволяют предположить, что в комна-

тах Молчановых обои были заменены на новые, так как в комнатах первого этажа к ремонту 1852 г. обои уже загрязнились и потерялись, и Волконский не заменил их, а чистил с помощью декабриста П.И. Борисова²⁹.

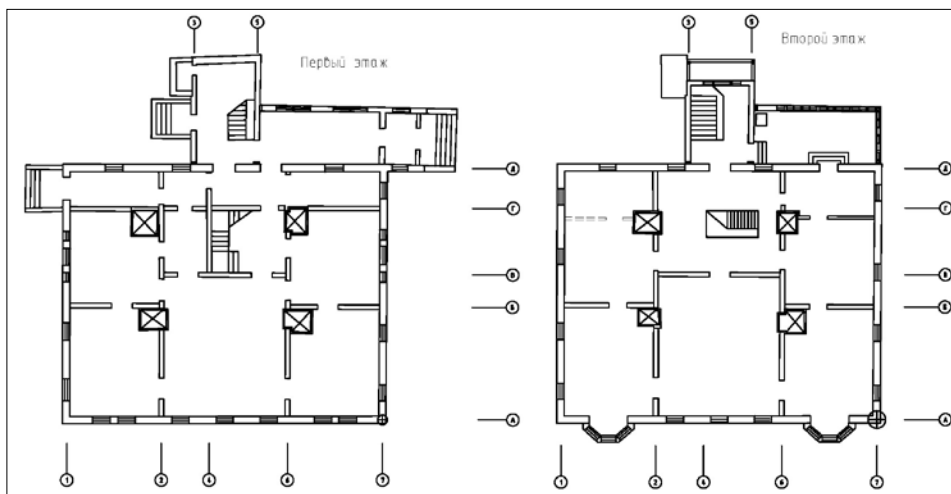
Третий строительный период (1850–1851). Перестройка дома в преддверии свадьбы Е.С. Волконской и Д.В. Молчанова

1. Основное содержание этого строительного периода составляло, по нашему мнению, возведение «западного» пристроя с парадным крыльцом. В его первом этаже размещались сени, а во втором была устроена оранжерея. Оранжерея, очевидно, имела два входа: один из угловой комнаты дома в осях Г-Д, переделанный из окна «урикского» периода, другой – с лестничной площадки в «центральном» прирубке.

2. В связи с возведением пристроя возникает вопрос о расположении печи, отапливающей саму оранжерею и, возможно, сени. Наиболее подходящим местом для устройства печи представляется угол в сенях в месте примыкания пристроя к стене прируба по оси 5. Менее вероятен вариант устройства небольшой печи во втором этаже на полах оранжереи.

3. В этот строительный период внутренняя трехмаршевая лестница, по нашему мнению, еще эксплуатировалась.

4. После устройства нового парадного входа с сенями отпала необходимость в первоначальном дверном проеме в осях Г-Д на западном фасаде, который был переделан в окно. При этом сени «урикского» периода трансформировались в «первую прихожую». Такое название встречается в письме С.Г. Волконского к жене от 7 июля 1852 г.

Третий строительный период (1850–1851)

31 июля 1851 г. Молчановы вернулись в Иркутск, вместе с ними приехала Софья Николаевна Раевская, родная сестра княгини М.Н. Волконской³⁰, и провела в Иркутске около года, до конца июля 1852 г. Волконские разместили С.Н. Раевскую в доме, очевидно в комнатах первого этажа. Об этом свидетельствует С.Г. Волконский, который писал сыну Михаилу 15 сентя-

бря 1852 г.: «Если приедешь в Иркутск ночью, знай, что я живу в комнате Соф[ьи] Ник[олаевны], – постучишь в окошке от качель – и я предстану пред тобой, не будя мать»³¹.

Предметом постоянной заботы четы Волконских была служебная карьера, здоровье и благополучие сына. Михаил Сергеевич с 1849 г. состоял чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве. Молодой чиновник с энтузиазмом принялся за порученные ему дела, часто и подолгу находился в командировках в Забайкалье и на Амуре. Михаил занимал комнаты в одном из флигелей на территории усадьбы Волконских в Иркутске и кабинет в доме, устроенный родителями, по всей вероятности, во время ремонта весной 1852 г. В начале июля С.Г. Волконский писал жене, которая вместе с сестрой находилась в Дарасу-не за Байкалом на лечении: «Вот отчет о проделанных работах:

1). Комната Миши полностью закончена, печь и пол. Так называемый паркет выглядит очень достойно.

2). Сегодня мы заканчиваем покраску полов во всех остальных комнатах, кроме первой прихожей, людской. Эти комнаты мы закончим к концу недели. Все из-за работ в коридоре, смежном с Молчановыми. В дверь должно быть вставлено окно, и необходимым для этого работам могут повредить свежеразкрашенные полы, надо к новой двери и колоду выкрасить. К субботе эта комната будет закончена, и так как двери можно оставить открытыми, краска быстро высохнет и выветрится.

3). Печь в подполье также будет закончена на неделе, и я тотчас займусь переносом вещей, загромождающих две не отремонтированные комнаты, в подполье и казенку. Вино стоит в ящиках в леднике.

4). Как только высохнут полы, я постараюсь хоть немного отчистить обои, насколько это возможно. Я говорю «немного» потому, что вернуть им прежний блеск практически невозможно, так же как и убрать все дефекты времени. Петр Борисов поможет мне в этом.

5). Я забыл тебе сказать, что все потолки побелены, как и печи в большом салоне (гостиной).

6). Печи в твоей комнате и в комнате Миши выкрашены заново масляной краской, замок потребовал дополнительных затрат в 3 руб. серебром, чистка обошлась в 4 раза дороже. В бильярдной и прихожей мы только обновили цвета.

7). Ты мне ничего не написала по поводу колод и дверей, эти работы не делались.

8). Должен ли я перенести мебель в комнату Миши? Он приедет намного позже, даже если ему удастся приехать в обещанный срок, я думаю, это бессмысленно, лучше мы по возможности поставим туда все новое: свежая покраска, новые шторы и мебель. Ты мне ничего не сказала об обоях, пока оставил старые»³².

Из этой достаточно объемной цитаты можно сделать вывод о принадлежности и функциональном назначении пяти комнат первого этажа дома Волконских: комната Марии Николаевны, комната Миши, большой салон (гостиная), бильярдная, первая прихожая. Кроме того, печи в доме не были

отделаны изразцами, а оштукатурены, побелены или покрашены. Фрагмент письма содержит также важные сведения о наличии полуподвала большой высоты с печью, где было возможно складировать габаритную мебель.

Одновременно с ремонтом в первом этаже дома Волконских затевает ремонт и перепланировку второго этажа Д.В. Молчанов, но в конце мая супруги уезжают в Россию в связи со служебными делами, поэтому работы выполнялись в их отсутствие под руководством С.Г. Волконского. Продолжая отчет о ремонте дома, Сергей Григорьевич писал: «Что касается ремонта и переделок Молчанова, первый идет медленно, а вторые практически закончены. Остальное меня не касается, это их дело. Хотя я не могу не замечать их прихоти, в особенности сумасшедшие траты на многочисленные изменения. Закрытие двери в *аванкабинете* Дмитрия в оранжерею лишает возможности свободно передвигаться внутри, не попадая в поле зрения каждому пришедшему. Лестница будет грандиозная, как во дворце, украшенная на изгибах шарами из золота (было бы лучше иметь его в кармане)»³³.

В это же время Сергей Григорьевич сообщает о ходе работ в письме самим Молчановым: «Перестройка идет вяло – много полили, помешали беспрестанные дожди, ливни, да к тому и неожиданная встреча. Наружная стена пристройки и коридор осели от подкопа. Оставить так нельзя было, будут поднимать, много хлопот и остановка в производстве работ.

Внутренняя отделка комнат идет хорошо и успешно, устройство лестницы идет вяло, в полработы плотн[ицкой] и столярной, а краске нет и начала. От встреченной осадки до исправления оной остановилась и кладка оран[жерейной] печи. В осадке стен есть частью неосторожность И. Як., вернее, взгляд И. Е. Спорить и не было бы пользы, и лучше было бы мирно согласиться к исправлению с объявлением приплаты за эту работу. Не сердись, мой друг, но частью и ты виноват. Подкоп под строение требует бдительного и ученого присмотра архитектора, а ты не хотел этого»³⁴. Свидетельством того, что сам Сергей Григорьевич прибегал к услугам архитекторов, является запись в приходе-расходной книге М.Н. Волконской от 27 июня 1852 г.: «Архитектору за поправки в доме – 100»³⁵.

В письме жене Волконский не скрывает недовольства по поводу расточительности зятя, а в послании Молчановым осторожно упрекает Дмитрия Васильевича за его неосмотрительность и самонадеянность в ведении дел по перестройке дома. Приведенные выше цитаты из писем С.Г. Волконского очень любопытны и указывают на характер перестроек, производимых в доме, в том числе и по инициативе Д.В. Молчанова, который намеревался сделать в Восточной Сибири служебную карьеру и основательно обустроить семейное гнездо в доме тестя. Одна из последних построек 1852 г. – это балкон, за который было 29 сентября заплачено 35 руб. Очевидно, для оформления балконной группы и окон зимнего сада в августе того же года у купца Сибирякова было куплено стекло³⁶.

**Четвертый строительный период (1852–1856).
Ремонт и перестройки Д.В. Молчанова**

1. Устраивается подполье под частью здания. Из текста письма С.Г. Волконского дочери и зятю в июле 1852 г. можно сделать вывод, что речь идет о помещениях сеней парадного входа («пристройки») и центрального прируба с парадной лестницей («коридора»). Косвенным свидетельством наличия подполья под центральным прирубом является вскрытый при проходке шурфов фрагмент деревянного сруба с остатками кованых гвоздей, примыкающий к столбчатому бутовому фундаменту, устроенному в пересечении капитальных стен Д/З. Из-за труб инженерных коммуникаций, проходящих в подпольном пространстве, фундамент и сруб удалось откопать только на глубину 1,5 м. При этом другие хорошо сохранившиеся подлинники фундаменты под стеной по оси 1 имеют значительно меньшую глубину заложения – от 0,6 до 0,8 м. О наличии подполья свидетельствуют и два наружных заглубленных сооружения, примыкающие к сеням главного входа и к центральному прирубам. Они зафиксированы на фотографии, сделанной, по нашим оценкам, в начале прошлого века. Здесь располагались входной тамбур и лестница в подполье. Полагаем, что этот наружный вход был устроен в постдекабристский период, вероятно, при размещении там ремесленного училища. А первоначальный вход был устроен изнутри, возможно, под лестницей в центральном прирубам. О наличии подполья, наконец, свидетельствует и технический паспорт БТИ от 1956 г. В экспликации помещений там присутствует подвал площадью 34,56 м².

2. В подполье возводится оранжерейная печь, отопливающая теперь как само подполье, так и сени с оранжереями. Важно отметить, что печи здесь сохранялись в том или ином виде вплоть до капитального ремонта и перепланировки здания в 1950-х гг.

3. Подвергается ремонту и отделке парадная лестница главного входа. При этом компоновка лестницы, по нашему мнению, принципиально не меняется.

4. Упразднена дверь, соединяющая «аванкабинет» Д.В. Молчанова с оранжереями. Она вновь переделана в окно.

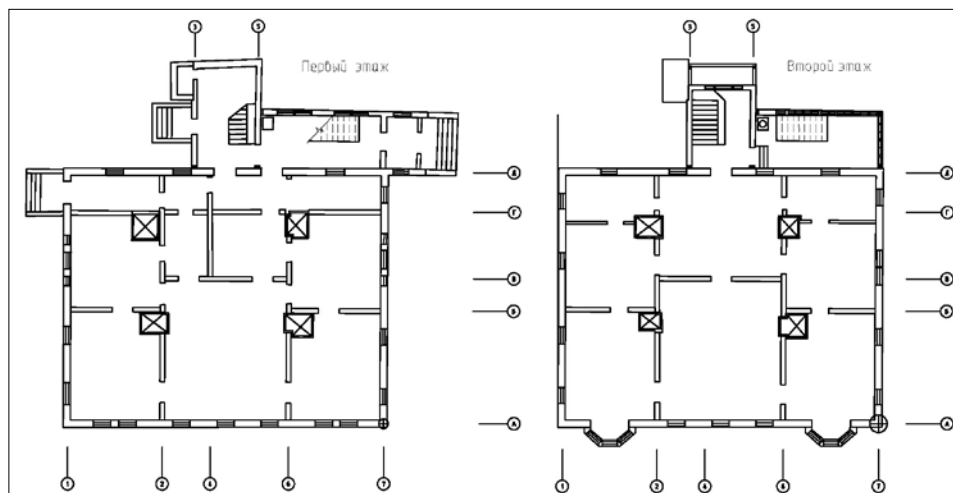
5. Вероятно, тогда же помещение второго этажа в осях Б-Г/6 превращается в кабинет Д.В. Молчанова. При этом одинарное окно в нем расширено и сделано двойным. Для восстановления визуальной симметрии фасада путем устройства накладной «фальшрамы» расширено соседнее окно в угловом помещении с эркером в осях А-Б/6-7 (по нынешней экспликации помещений, кабинет Д.В. Молчанова).

6. Демонтирована внутренняя трехмаршевая лестница «урикского» периода.

7. Весьма запутанным и спорным представляется вопрос о так называемой парадной лестнице в западном пристрое. В материалах научно-реставрационного отчета и пояснительной записке к проекту восстановления неоднократно упоминается о том, что «для восстановления парадной и черной лестниц имеется достаточно документальных данных натурных исследований»³⁷. При этом какие-либо ссылки на первоисточники отсутствуют. В ма-

териалах комплексных научных исследований, содержащих архитектурно-археологические обмеры и подробные зарисовки и описания зондажей, нами не обнаружено никакой информации по этому предмету. Можно предположить, что Л.С. Васильевым все-таки были зафиксированы признаки наличия лестницы в пристрое, по каким-то причинам не отраженные в известных нам материалах исследований. Возможно, часть материалов с такой информацией в виде кроков или фотографий просто не сохранилась. Допуская, таким образом, принципиальную возможность существования здесь ранней лестницы, попробуем разобраться с ее исходной компоновочной схемой. Расположение и геометрия самого лестничного марша у наружной стены сеней в том виде, как он был восстановлен при реставрации дома в 1980-х гг., вполне допустимы. Однако при этом возникают серьезные вопросы по организации пространства между лестницей в оранжерее и лестничной площадкой второго этажа центрального прируба, предваряющей вход в парадный коридор основного строения. Существующая сегодня дверь в оранжерею с промежуточной лестницей в три высокие ступени и расположенная в углу труба оранжерейной печи явно не стыковались бы с «парадной» лестницей в сенях. Они исключили бы возможность формирования полноценной входной зоны. В материалах архитектурно-археологических обмеров Л.С. Васильева на плане второго этажа зафиксирована другая лестница в бывшую оранжерею, также сформированная тремя ступенями. Она расположена вплотную к наружной стене основного строения по оси Д, то есть в противоположном углу от существовавшей в тот период оранжерейной печи. При такой компоновке, с учетом минимального габарита печной трубы в 640–750 мм, между лестницей и трубой остается свободное пространство шириной около 600 мм. При увеличении уклона лестничного марша это расстояние может быть увеличено, но весьма незначительно. В любом случае, такая планировка достаточна только для минимально комфортного прохода, но никак не соответствует статусу и архитектуре «парадной» лестницы. Можно определенно утверждать, что планировка второго этажа этой части здания, воссозданная в проекте реставрации Е.Ю. Барановского, не соответствовала архитектуре «декабристского» периода. А заключение Л.С. Васильева об устройстве Волконскими «парадной» лестницы в западном пристрое было ошибочным. Появление этой отнюдь не основной лестницы могло быть связано с обустройством второго входа наверх после разборки внутренней «уриксской» лестницы. В рамках следующего строительного периода – приспособления здания под ремесленную школу лестница в сенях в том или ином виде должна была присутствовать. Обязательное наличие второго эвакуационного выхода наверняка оговаривалось правилами пожарной безопасности для деревянных зданий общественного назначения. Следы этой лестницы, вероятно, и были обнаружены при проведении комплексных научных исследований объекта. Определение лестницы в западном пристрое как «парадной» могло быть сделано на основании ее вынужденного расположения в сенях с парадным крыльцом.

Обвинение Д.В. Молчанова в лихоимстве и разгоревшийся скандал заставили Молчановых вернуться в Иркутск. Следствие велось сначала в

Четвертый строительный период (1852–1911)

губернской столице, а затем дело было передано на рассмотрение Омской военно-судной комиссии. В сентябре 1853 г. Нелли и Дмитрий Молчановы находились в Омске, к ним поддержать сестру и ее мужа приехал и Михаил Волконский. В начале ноября Нелли вернулась в Иркутск. Приближался срок родов, и 28 декабря 1853 г. в доме Волконских появился на свет Сережа Молчанов, которого в семье ласково называли Чичик. В связи с рождением ребенка в доме появилась детская, а также в него вошли новые служащие: кормилица и няня, которые обычно размещались в комнатах, расположенных рядом с детской.

Возвращение в Иркутск не было радостным для Д.В. Молчанова, не получившего оправдания, оставшегося под подозрением и ожидавшего отставки. Состояние здоровья зятя Волконских резко ухудшилось. И без того слабый и болезненный, после обвинения, приведшего к утрате репутации, расположения и поддержки начальника губернии, Д.В. Молчанов был сломлен ситуацией и страдал тяжелым ревматизмом, приведшим в конечном счете к параличу ног.

Перестройка второго этажа, предпринятая зятем Волконских в 1852 г., значительно расширила площадь половины Молчановых. 21 мая 1854 г. в доме праздновали именины Неллиньки, как сообщал С.Г. Волконский сыну: «семейным обедом и вечерним балом и пиром на весь мир. Все это у них [Молчановых. – Е.Д.] наверху, и поэтому ты поймешь, какой щедрой рукой все это устроено Дмитрием»³⁸.

С начала 1854 г. в доме велись работы по ремонту и поддержанию комнат в надлежащем виде. В феврале были куплены обои в бильярдную, в апреле некоему Карлу были оплачены «оклейка комнат и поправка шкапов», в июле тот же Карл перевешивал двери в комнатах и «вновь поправил двери на балкон»³⁹.

3 июля 1854 г. С.Г. Волконский сообщает сыну: «Здоровье Дмитрия плохо, <...> вот уже третий раз, что по неосторожности падает и третьего дня

зашиб так руку, что надо было поставить банки, счастливо отделался – мог быть перелом.

Для удобства выхода Молчановы переходят в нижний этаж, сами занимают спальную мамы – мама переходит в комнату Эмилии Даниловны⁴⁰, а Чичик в твою, и поэтому весь верх поступит в другое назначен[ие], о котором вслед за сим сообщу. <...> Переход Молчановых вниз имеет еще другую причину, и весьма радостную для нас всех – это приезд сестры моей Софии к нам⁴¹. Из приведенного фрагмента становится очевидным, что до июля 1854 г. и спальня М.Н. Волконской находилась на первом этаже, внук Сережа постоянно находился рядом с бабушкой, кабинет Миши Волконского, как известно, также располагался на первом этаже.

О местоположении кабинета Сергея Григорьевича в настоящее время известно только одно свидетельство, приведенное воспитанником и другом иркутских декабристов Н.А. Белоголовым. В июле 1854 г., будучи в Иркутске «на летней вакации», он побывал с визитом в доме декабриста: «Волконские жили в новом выстроенном ими доме у Успенской церкви, красивом снаружи, хотя и деревянном, и богато убранном внутри. Старика Волконского я не застал в городе; он, как ревностный агроном, по случаю наступившего страдного времени уехал наблюдать за работами в деревню Урик; сына Мишеля тоже не было, он по званию генерал-губернаторского чиновника особых поручений находился где-то в командировке; так что я нашел дома только княгиню, конечно немного постаревшую, и дочь <...>. Как раз в это время у них гостила вдова министра двора императора Николая, светлейшего князя Петра Михайловича Волконского, приходившаяся родной сестрой декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому; она пожелала меня видеть и вышла также в гостиную <...>. В обществе рассказывалось, что княгиня Волконская уговорила мужа по случаю предстоявшего приезда сестры занять одну из лучших комнат нижнего этажа и отделать ее поприличнее; он добродушно подчинился этому желанию, но не замедлил в этот богато убранный кабинет натаскать кос, подков и тому подобных принадлежностей сельского своего хозяйства и придать ему, к большому огорчению домашних, характер, никак не соответствующий роскоши помещения»⁴². Эту цитату просто необходимо прокомментировать! Мемуариста не было в Иркутске с 1847 г., к 1854 г. дому уже было семь лет, и новым его назвать мог только человек, не видевший построенный иркутский дом декабриста. Поскольку воспоминания были написаны более чем через сорок лет после описываемых событий, автор ошибся даже в названии церкви, вблизи которой располагался дом Волконских. Белоголового принимали в гостиную, князя не было дома, поэтому кабинета С.Г. Волконского он сам не видел. «В обществе рассказывали» – так пишет мемуарист об устройстве парадного кабинета в нижнем этаже дома, сам же князь ни словом не обмолвился об этом в письмах к сыну, при этом сообщая в мельчайших подробностях о перемещении членов семьи по первому этажу дома в связи с приездом сестры. Ни одной записи, связанной с расходами по обустройству «парадного» кабинета князя в 1854 г., нет и в приходе-расходной книге М.Н. Волконской. Спорным, на наш взгляд, является тезис Е.А. Ячменева: «Еще одно подтверждение того, что кабинет

С.Г. Волконского был на первом этаже, находим в письме Г.А. Трапезникова С.Г. Волконскому из Иркутска от 27 марта 1857 года: «Штубендорф прожил в Иркутске неделю, квартировал сутки у Вас внизу <...>»⁴³. Убедительным для автора статьи явилось личное обращение (Вас с прописной буквы) к князю Волконскому, указывающее якобы на принадлежность комнаты Сергею Григорьевичу. Но ведь и в других письмах к Волконскому и Г.А. Трапезникова, и Я.Д. Казимирского есть фразы «В Вашем доме», «Ваш дом» и т. п. Исходя из этого, вряд ли можно выражение «у Вас внизу» рассматривать как доказательство местоположения парадного кабинета С.Г. Волконского на первом этаже дома.

Комнаты Сергея Волконского находились в одном из флигелей на территории усадьбы. Возможно, именно там и был богато убранный кабинет старого князя, куда было гораздо проще натаскать принадлежностей сельского хозяйства, не вызывая нареканий домашних.

Все вышеизложенное говорит о том, что дом и усадьба были густо населены. Кроме членов семьи, в доме или на территории усадьбы во флигелях почти постоянно проживали родственники, гости, друзья-декабристы, постояльцы. В 1849 г. приезжал И.И. Пущин, в 1850 г. – П.А. Муханов, с июля 1851 г. по июль 1852 г. в доме жила С.Н. Раевская, в 1853 г. – чиновник Н.А. Хитрово. В сентябре 1853 г. в письме сыну в Омск С.Г. Волконский сообщает: «Хитров[о] все еще у нас, но вскоре переедет к Солдатову»⁴⁴. В сентябре 1854 г. у Волконских жил друг Михаила Федор Андреевич Беклемишев: «Тому несколько часов приехал Беклемишев, останови[лся] у нас и свидетельствует вам свое почтение», – писал Сергей Григорьевич Молчановым⁴⁵. Продолжительное время в усадьбе жил итальянский музыкант Иосиф Борзатти.

23 июля 1854 г. в Иркутск приехала светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская вместе с компаньонкой Аделаидой Пэт. Сестра декабриста заняла весь второй этаж. Софья Григорьевна имела очень высокое положение в обществе. К ней на прием стремились попасть все представители иркутского бомонда. В декабре 1854 г. ей был представлен приехавший в Иркутск писатель И.А. Гончаров: «У нее был круг кресел – вроде как были табуретки при французском дворе, – и она сама председательствовала на диване»⁴⁶.

Помимо членов семьи и гостей, в доме и на территории усадьбы проживало около 20 человек домашней прислуги и дворни: повар Дмитрий Пикар, Шонька, очевидно горничная, Федор, Арсений, Аввакум, Авдотья, Миночка, Иван Осипов, Василий – кучер, Мария Матвеевна Мальнева, Иван Мальнев, Никишка, Михаил, Пелагея, кормилица Сережи Аннушка, Иоганн, Геннадий, Ефим, Алексей, Антошка, Наталья – прачка, Марья.

7 сентября 1854 г. Молчановы покидают Иркутск. Получивший отставку Дмитрий Васильевич уезжает с женой в надежде поправить здоровье за границей и со временем вернуться в Сибирь. Маленького Сережу Молчановы оставляют на попечении бабушки и дедушки. Волконские продолжают благоустраивать дом, о чем старый князь усердно сообщает дочери и зятю: «Жена купила по продажной цене всю мебель Салона, за ней бы я не гнался,

а желал бы, чтоб купила все, что в будуаре Нелли, мне грустно, что это пойдет в чужие руки, но она не согласилась на обе покупки»⁴⁷. Очевидно, часть мебели в доме Волконских была арендована и речь идет о покупке мебели, находившейся в гостиной.

О намерении Молчановых вернуться в Иркутск сообщали 12 ноября 1854 г. И.И. Пущину отец и сын И.Д. и В.И. Якушкины: «Перед отъездом он [Молчанов. – *Е.Д.*] составил план, по которому должен перестроиться дом Волконских с прибавлением семи комнат, на случай его возвращения из-за границы; но вам, вероятно, уже известно, что по высочайшему повелению он отдан под военный суд и будет судиться при московском ордонанс-гаузе»⁴⁸.

18 февраля (2 марта) 1855 г. умер император Николай I. Несмотря на то что это известие было встречено декабристами с искренней скорбью, у многих из них появилась надежда на возвращение в Россию. Однако коронационные торжества, во время которых по традиции объявлялась амнистия, должны были состояться только через год по истечении срока траура.

В конце июля 1855 г. в Санкт-Петербург уехала сестра декабриста Софья Григорьевна, проведя год в Восточной Сибири. 6 августа покинула Иркутск Мария Николаевна вместе с внуком Сережей. Елена Сергеевна, будучи в Петербурге по делам мужа, выхлопотала для матери разрешение выехать из Сибири, не дожидаясь манифеста о помиловании, в ожидании которого находились государственные преступники в Сибири.

Сергей Григорьевич проводил жену и внука до Красноярска, по просьбе сестры Софьи побывал на ее приисках в Енисейской губернии и вернулся в Иркутск. Из членов семьи в доме остался только князь С.Г. Волконский, поскольку Михаил находился в командировке в Аяне. 27 сентября 1855 г. Волконский писал сыну: «Приехал сюда, нашел дом пустой; наверх было переехал Заборинский, но скарлатин[а], постигшая Ваню⁴⁹, перепугала его, и он в несколько часов выехал со всем своим грузом»⁵⁰. Летом 1856 г. уехал в Санкт-Петербург по вызову генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева Михаил Волконский. Именно сыну декабриста суждено было привезти в Иркутск манифест об амнистии. 23 сентября 1856 г. Сергей Григорьевич навсегда оставил Иркутск.

О судьбе иркутского дома после отъезда Волконских многое известно из статьи Е.А. Ячменева. Доверенность на ведение дел по продаже дома и вещей Молчановых и Волконских была оформлена на иркутского чиновника Гермогена Андреевича Трапезникова. Ему была поручена продажа или сдача внаем дома и распродажа вещей Молчановых и Волконских, оставленных ими в Иркутске. В ноябре 1856 г. Г.А. Трапезников писал князю: «Дом и флигель тоже не могу отдать еще в кортом, нижний этаж в доме был охотник нанять, но давал не более 200 р. в год»⁵¹, в декабре: «ни покупателей, ни кортомщиков не могу найти, низ в доме не нанимают, потому что находят цену в 300 р. высокою, я даже хотел решиться отдать за 250 р., и на эту цену не нашел охотника; флигель же над кухнею считают почему-то холодным. По убедительной просьбе Н.В. Буссе я отдал ему переднюю (бильярдную) и кабинет Михайла Сергеевича, где он хочет поместиться за 8 р. в месяц с его отоплением, считая с 12 декабря, но с тем, чтобы в случае найма кем-либо

всего низа немедленно очистить эти комнаты»⁵². 27 марта 1857 г. Трапезников уведомляет князя о сдаче внаем первого этажа дома: «Начнем беседу с Извольского, он прикатил в Иркутск только 8 марта и занял низ Вашего дома, квартира ему, кажется, нравится, и видно по действиям, что намерен оставаться в ней надолго, потому что комнаты оклеил новыми обоями. <...>. Занять квартиру он не иначе согласился, чтоб верх во флигеле над его кухней, которая ближе к саду, был отдан ему для помещения людей (которых очень много) <...>, но кроме того, разделены прачечные, одна поступила ему, а другая для Якова Дмитриевича <...>. Продажа дома вперед не движается, охотников совсем нет. Николай Николаевич предоставил мне пока самому продавать, а после что будет, сказал, посмотрим»⁵³. «Штубендорф прожил неделю в Иркутске, квартировал сутки у вас внизу»⁵⁴. Практически одновременно с П.А. Извольским жил в верхнем этаже доме Волконских Я.Д. Казимирский. «В Вашем доме и в комнатах Елены Сергеевны пишу к вам это письмо, почтенный друг Сергей Григорьевич. Я живу здесь уже 4 недели, которые пробежали скоро. Славный вид из квартиры моей, но в морозы было холодно в моей половине окнами в Институт»⁵⁵, – писал Яков Дмитриевич князю Волконскому 1 апреля 1857 г. из Иркутска. Эту цитату приводит Е.А. Ячменев. Хотелось бы подробнее остановиться на комментарии автора к этим строкам. «Приведенный отрывок из письма Я.Д. Казимирского представляется очень интересным с историко-психологической точки зрения. Этот документ содержит некоторую потаенную информацию, своего рода «второй план». Выявление этой скрытой информации, за неимением прямых свидетельств, определенным образом корректирует представление о функциональной нагрузке комнат второго этажа – представление, основанное в данном случае исключительно на логических умозаключениях, с учетом историко-психологических нюансов взаимоотношений Волконских и Я.Д. Казимирского. <...>

В письме к С.Г. Волконскому Я.Д. Казимирский не мог быть так прямолинеен, хотя пребывание Якова Дмитриевича в столь памятном ему доме не могло не оживить воспоминаний двухлетней давности. Казимирский находит более осторожную, почти нейтральную форму выражения своих чувств, говоря о «холоде» в половине, что обращена «окнами в институт», несмотря на то, что зимой она обогревалась большими печами. Такая осторожность была необходима еще и потому, что письмо могло попасть в руки самой Марии Николаевны. Но и в этом случае Я.Д. Казимирский избежал бы возможных неприятностей. Все приличия были соблюдены, хотя скрытый подтекст письма был понятен: его автор не называет имени той, кто жила в упомянутых комнатах, – Марии Николаевны Волконской. С момента переезда в свой иркутский дом она жила в комнатах второго этажа»⁵⁶.

Уже приведенные выше сведения о размещении членов семьи Волконских и Молчановых в доме полностью опровергают историко-психологические рассуждения и логические умозаключения о потаенной или скрытой информации, содержащейся в этой цитате из письма Я.Д. Казимирского, равно как и утверждения автора статьи о корректировке представлений о функциональной нагрузке комнат второго этажа дома Волконских. Совершенно очевидно, что

Казимирский без всяких иносказаний и подтекста пишет о холоде в морозы в своей половине, т. е. на всем втором этаже, ведь первый в это время занимали супруги Извольские. Его высказывание в письме надо понимать буквально, он жил в комнатах Молчановых, отведенных им в 1850 г., и на половине Елены Сергеевны. Очевидно, что, если к этому времени и остались какие-либо недоразумения в отношениях Я.Д. Казимирского с М.Н. Волконской, он не позволил бы себе напоминать об этом Сергею Григорьевичу, так бережно и трепетно относившемуся к жене и детям. В переписке членов семьи Волконских есть свидетельства не только отсутствия открытого противостояния, но и откровенной приязни, выказываемой С.Г. и М.Н. Волконскими Я.Д. Казимирскому. 10 октября 1854 г. С.Г. Волконский писал дочери и зятю: «Якова Дмитриевича ждем зимою, обещал приехать, а как тогда сестры не будет, то я предлагаю ему остановиться у нас наверху в ваших комнатах, желал бы, чтоб принял предложение не из каких-либо отмен, расчетов, но по истинной дружбе и уважения к нему»⁵⁷. Михаил Волконский 4 февраля 1855 г. сообщал сестре в Москву: «Сегодня у мамы блины на 20 человек для Якова Дмитриевича»⁵⁸. В августе 1855 г. Я.Д. Казимирский принимал у себя в Омске княгиню Волконскую с внуком: «Мария Николаевна приехала вечером 22-го, провела у меня 23 и 24 после обеда в 5-ть часов уехала. Слава Богу, у них все в порядке и хорошо. Я провожал их с Сашурою за город.

С Марией Николаевной я старался как можно менее говорить об известном деле»⁵⁹.

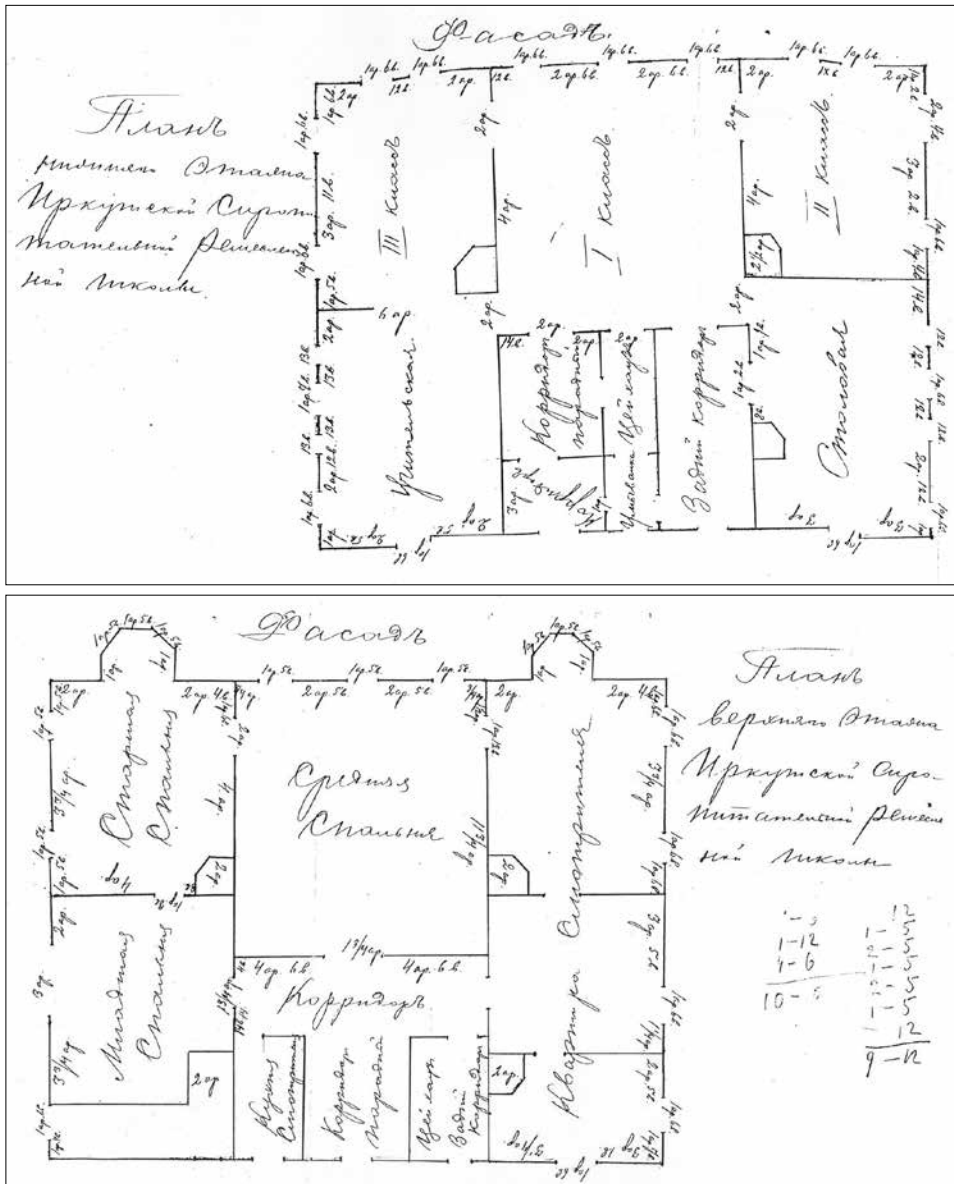
И еще на один ошибочный вывод, основанный на неправильном послыше, повторяемом бесконечное количество раз в экскурсии по дому Волконских, необходимо обратить внимание читателя. О назначении комнат второго этажа Е.А. Ячменев писал: «<...> комнаты Е.С. и Д.В. Молчановых, официальных хозяев дома, размещались в правом крыле второго этажа, над комнатой М.С. Волконского и бильярдной. Это самые светлые и теплые комнаты, что было немаловажно для Молчановых, у которых рос маленький сын Сережа. Бесспорно, что при всей своей безграничной любви к сыну и дочери М.Н. Волконская отвела им лучшие комнаты в доме. Окна половины Молчановых выходят прямо на Спасо-Преображенскую церковь, где они венчались. Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным: Е.С. Волконская постоянно видела перед собою напоминание о святости супружеского долга»⁶⁰. Из окон второго этажа дома Волконских, выходящих на Преображенскую площадь, действительно открывался славный вид на Девичий институт Восточной Сибири и на Преображенскую церковь. Этот храм, будучи приходским для декабристов, проживавших в этом районе Иркутска, не являлся, однако, местом венчания Елены Волконской и Дмитрия Молчанова. 17 сентября 1850 г. дочь декабриста и иркутский чиновник обвенчались в Казанской церкви селения Усть-Куда⁶¹. Таким образом, Преображенская церковь, расположенная рядом с родительским домом, для Елены Сергеевны была неотъемлемой частью ее жизни, а не просто напоминанием о супружеском долге.

В 1857 г. в Иркутске насчитывалось до 2500 домов и более 18 тысяч жителей. По свидетельству летописца Н.С. Романова: «многие из домов города отличаются изяществом архитектуры, но Большая улица по сравнению

с другими не богата красивыми домами. <...>. На прочих улицах и площадях красивые дома: Пежемского, Титова, Кокорина, Волконского <...>»⁶². Большой, красивый, комфортабельный дом имел и высокую для иркутян стоимость – 10 000 рублей⁶³. Это было главным препятствием как для продажи, так и для сдачи дома внаем. 24 июня 1857 г. Г.А. Трапезников писал князю Волконскому: «Вы меня в особенности просите хлопотать о продаже дома. Добрый князь, поверьте [ей-] Богу, что я рад бы хоть сейчас его продать, но что я буду делать, покупателей никого, несмотря на предложение одного разным лицам, цену его все находят высокою, и признаюсь Вам откровенно, я начинаю уже терять всякую надежду на сбыт его в эту цену, разве только представится какой особенный к этому случай. Подождем!»⁶⁴, «Занять флигель, где жил Бечасный, тоже не могу найти охотников, потому что в большом доме живут все аристократы, что ж будешь делать со странностями людей. Яков Дмитриевич уехал 10 июня и по это число рассчитался, квартиру считаю за Шелашниковым, который, наверно, сдержит слово, он должен быть в половине июля»⁶⁵. И вновь 12 марта 1860 г. Трапезников сообщал С.Г. Волконскому: «Покупателей на дом нет как нет, уменьшить 9000-ю его оценку по кварт[ирной] комиссии я никак не мог, все восстало против этого, следовательно, ежегодно потребуется платить по 1 ½ % с рубля 135 р. Флигель, где жил Борзатти, никто не занимал и не занимает, хотя я предлагал многим, но все боятся столкновений с квартирантами-аристократами. Шелашниковы приступили ко мне, чтобы переменить внизу в 3-х комнатах, т. е. в зале, гостиной и кабинете, обои, но я, хотя и вижу, что они довольно загрязнились, однако ж отказал им в этом, а потому они поручили мне убедительно просить Вашего на это разрешения с тем, чтобы это все обделать в мае, во время ихнего отсутствия из города. Жду на все это Вашего приказа. Кроме того, в зале начала отваливаться с потолка штукатурка и значительными кусками, ну, хоть еще невеликий расход, поправим»⁶⁶.

В апреле 1862 г. попытался помочь в продаже дома Волконских в то время генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков. Об этом свидетельствует письмо С.Г. Волконского от 5 июля 1862 г.: «<...> за готовность содействовать к охранению выгод моей дочери – как домовладелицы Иркутска – истинное и горячее Вам спасибо. Развяжите, многоуважаемый Михаил Семенович, это обстоятельство по законной Вам возможности, и особенно бы желал, чтоб тем или другим способом привели к частной и казенной покупке одного <...>».

Кроме великого одолжения, которое Вы окажете дочери моей, Вы, как я уже Вам писал, окажете попечительность к внуку моему <...>, а как мне кажется, покупка в казну ли или городом неминуема и неоспоримо выгодна. Позаботьтесь об этом и помогите доброму Гермогену Андреевичу, столь радушно занимающемуся нашими иркутскими делами»⁶⁷. Однако Г.А. Трапезникову так и не удалось продать дом Волконских. С 1863 г. продажей дома занимался купец Андрей Белоголовый. Через год дом и усадьбу за 8 тыс. рублей приобрел иркутский купец И.С. Хаминов и после перестройки и ремонта 16 сентября 1867 г. пожертвовал дом городу для устройства ремесленной школы. 13 октября 1868 г. состоялось открытие школы.

План нижнего и верхнего этажей сиропитательно-ремесленной школы

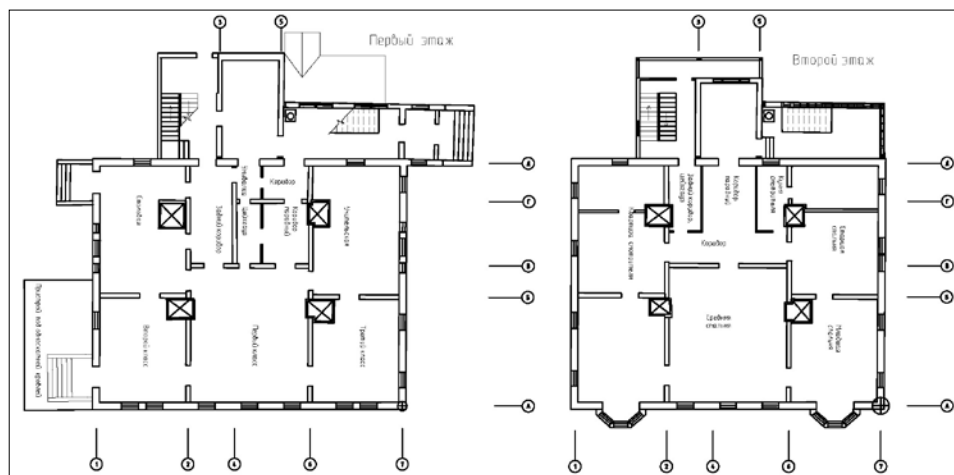
Пятый строительный период (1864–1911). Приспособление здания под нужды ремесленной школы, ремонты и эксплуатация

1. Расширяется «центральный» прируб. С восточной стороны к нему пристраивается рубленный объем с новой лестницей во второй этаж. Старая «парадная» лестница разбирается. Расширяется и балкон на втором этаже прируба. Он теперь занимает всю ширину нового прируба.

2. Для сообщения с лестничным коридором в комнатах первого и второго этажей в осях 2–3 выпиливаются дверные проемы взамен существующих окон.

3. На восточном фасаде здания возводится пристрой под односкатной крышей. Можно предположить, что, помимо хозяйственных функций, пристрой выполнял еще и роль тамбура. Именно в этот период там могла появиться дверь из углового помещения в осях А-Б/1-2 (бывшая комната М.Н. Волконской).

«В литературе наиболее полно отражен тот период истории усадьбы, когда семья декабриста С.Г. Волконского в 1846 г. приобрела участок земли против Преображенской церкви в Иркутске под строительство собственного дома» – именно так начинается статья Т.В. Будниковой о сиропитательно-ремесленной школе в усадьбе Волконских⁶⁸. На наш взгляд, это весьма

Пятый строительный период (1864–1868)

спорное утверждение, потому что благодаря исследованиям автора статьи именно период существования на территории усадьбы ремесленной школы оказался наиболее изученным.

В статье подробно рассматриваются финансирование и административно-хозяйственное устройство школы, организация учебного процесса, характеризуется преподавательский состав и т. д. Нас же интересуют в первую очередь планировка, функциональное назначение комнат, перестройки и ремонты дома Волконских.

Первый этаж дома занимали учительская, классы, столовая, комната для умывания, «цейхауз» (чуланчик). На втором этаже находились спальни учащихся, квартира и кухня смотрителя, еще один «цейхауз». В 1900 г. в отчете училищной комиссии было отмечено: «Здание классов, спален воспитанников и квартира смотрительницы ветхи и нуждаются в капитальном ремонте, а также слишком тесны, что должно отражаться вредно на здоровье воспитанников. Столовая и буфетная комнаты помещаются вместе с классами, которые благодаря этому весьма слабо вентилируются». За все время существования школы дом капитально не ремонтировался и по имущественной описи 1908 г. отмечен как «сильно старый», хотя ежегодно в здании делали текущие ремонты: красили, белили и т. п.⁶⁹

*Фото 1. Дом Волконских в эпоху сиропитательно-ремесленной школы, 1890-е.
Фото Милевского*

Фото 2. Дом Волконских. 1900-е

19 декабря 1911 г. школа в усадьбе Волконских была закрыта и переведена в ремесленно-воспитательное заведение Н.П. Трапезникова в Знаменском предместье. С 1914 по 1917 г. в доме и на усадьбе были казармы казачьей части Забайкальского войска.

«Приходится сожалеть, – писал Е.А. Ячменев, что <...> описаний комнат, а также их зарисовок до настоящего момента не найдено»⁷⁰. Вызывает не-

доумение и то, что неизвестны рисунки дома Волконских, одного из самых красивых в Иркутске, ведь его посещали такие художники, как Л. Немировский, Х. Рейхель, К. Мазер, Т. Аткинсон. Возможно, их работы не сохранились или до сих пор не обнаружены.

Но один рисунок дома Волконских, выполненный уже в XX в., сохранился в альбоме иркутского жителя И.М. Любимова, с любовью, уважением и вниманием к иркутской старине запечатлевшего дома, храмы, памятники, инженерные сооружения, милые сердцу уголки города. На одном альбомном листке изображен дом Волконских. Рисунок датирован 7 июля 1920 г. Табличка на фасаде дома и пояснительная записка, сделанная автором, говорят о том, что в 1920 г. в доме располагалось городское начальное училище им. Н.В. Гоголя.

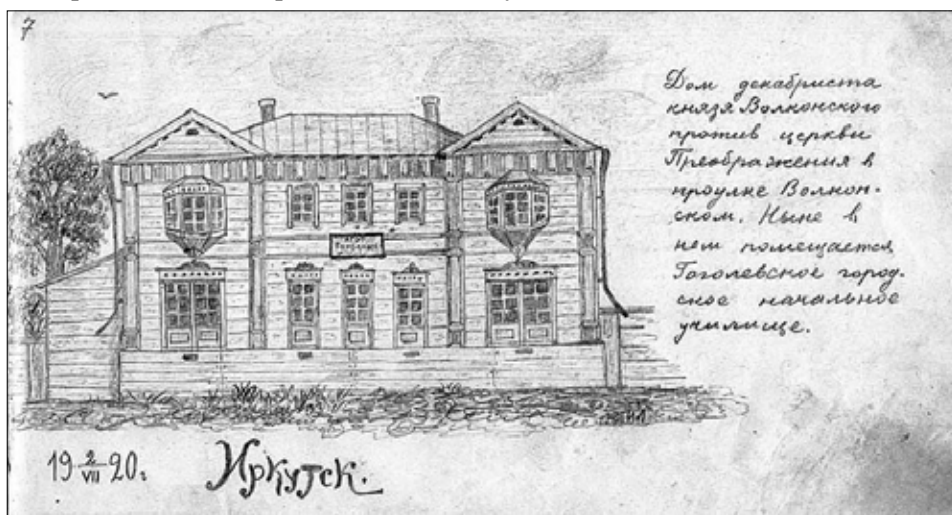

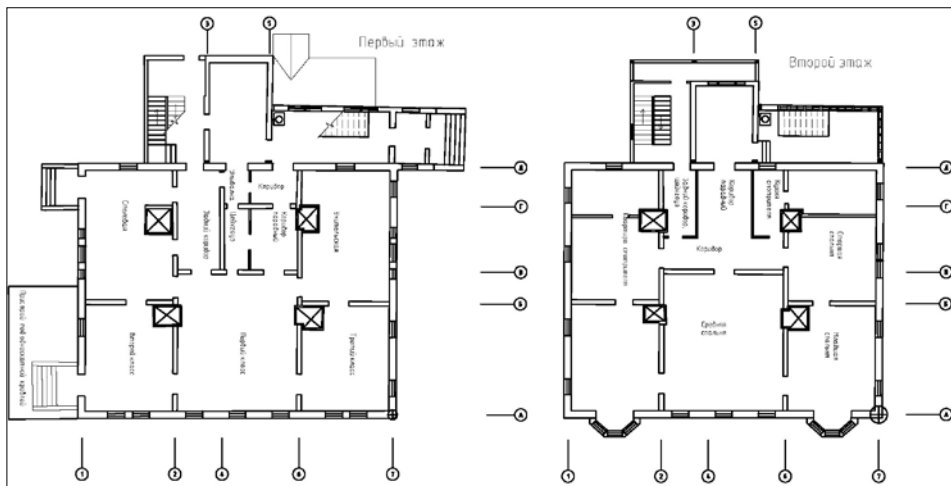
Рисунок дома Волконских. 1920

В 1920-х гг. вся усадьба была занята под коммунальное жилье. Дом перестраивался в 1920–1930-х гг.

Фото 3. Дом Волконских (вид со двора). 1920-е

Шестой строительный период (приспособление здания под коммунальные квартиры в 1920-х гг.)

Шестой строительный период (1911–1930)

1. Представление о внешнем облике дома этого периода можно получить из двух фотографий (см. фото 4,5). Первая из них демонстрирует здание, внешняя архитектура которого достаточно близка облику дома периода ремесленной школы. Можно предположить, что снимок сделан в начале века или в период ранней советской власти, т. е. в 20-е гг. Расположение печей соответствует ситуации пятого строительного периода, однако большая часть

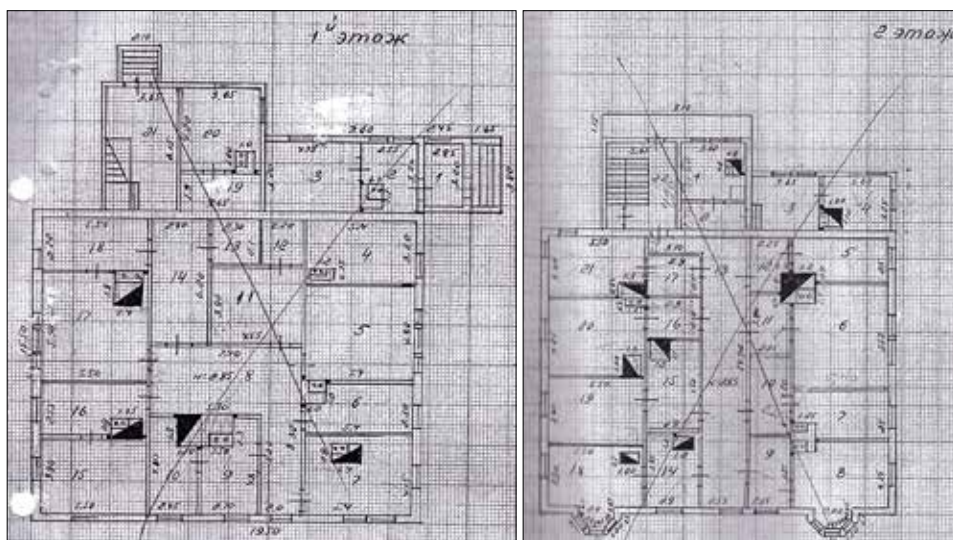
Фото 4. Дом декабриста Волконского в Иркутске (1930–1940)

Фото 5. Дом Волконских в эпоху коммунальных квартир. 1930-е

стальных печных труб заменена на кирпичные. На кровле видна только одна стальная труба оранжерейной печи.

2. На снимках 4, 5 перед нами уже изрядно запущенное здание, с сильно обветшавшими фасадами, которое давно не знало ремонтов. Видны существенные изменения на южном дворовом фасаде. Прежние тамбуры наружного входа в подвал демонтированы, однако рядом с крыльцом центрального прируба видна новая пристройка, в которой, возможно, также располагался тамбур. Значительно изменился внешний вид сеней парадного входа с оранжереей. Сплошное остекление стен заменено небольшими окнами с широ-

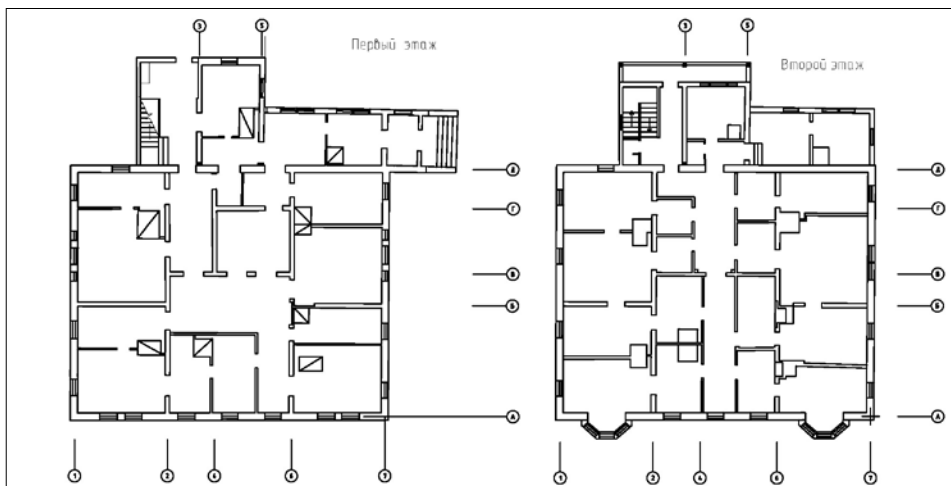
План первого и второго этажей дома Волконских. 1958

кими простенками. По нашим оценкам, эти снимки сделаны в конце 30-х гг. или в первые послевоенные годы.

3. Планировочная структура дома в этот строительный период неизвестна. Можно только предположить, что лестница в пристрое сених была разобрана для размещения в этих помещениях отдельных квартир.

В 1950-х гг. состоялся капитальный ремонт дома.

Седьмой строительный период (1950-е гг.)

Седьмой строительный период. 1950-е

1. Капитальный ремонт завершился не позднее 1956 г., когда был составлен первый сохранившийся технический паспорт БТИ. Планировки дома этого периода полностью соответствуют планам здания, зафиксированным

Фото 6. Дом Волконских в Иркутске. 1960-е

на архитектурно-археологических обмерах Л.С. Васильева, сделанных в 1974 г.

Представление о внешнем облике дома дают фотографии 6, 7, 8.

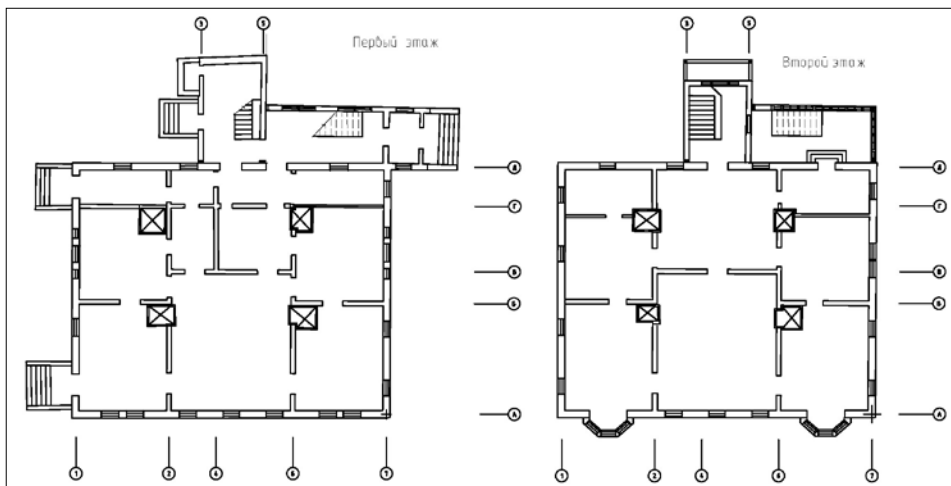
Фото 7. Дом Волконских в Иркутске. 1960-е

Особняк и усадьба были освобождены от жильцов 29–30 апреля 1974 г. Реставрация произведена по проекту архитекторов Л.С. Васильева и Е.Ю. Барановского в 1974–1985 гг., первоначально силами Иркутского горремстройтреста, а затем Специальных научно-реставрационных производственных мастерских (СНРПМ) Иркутского областного управления культуры.

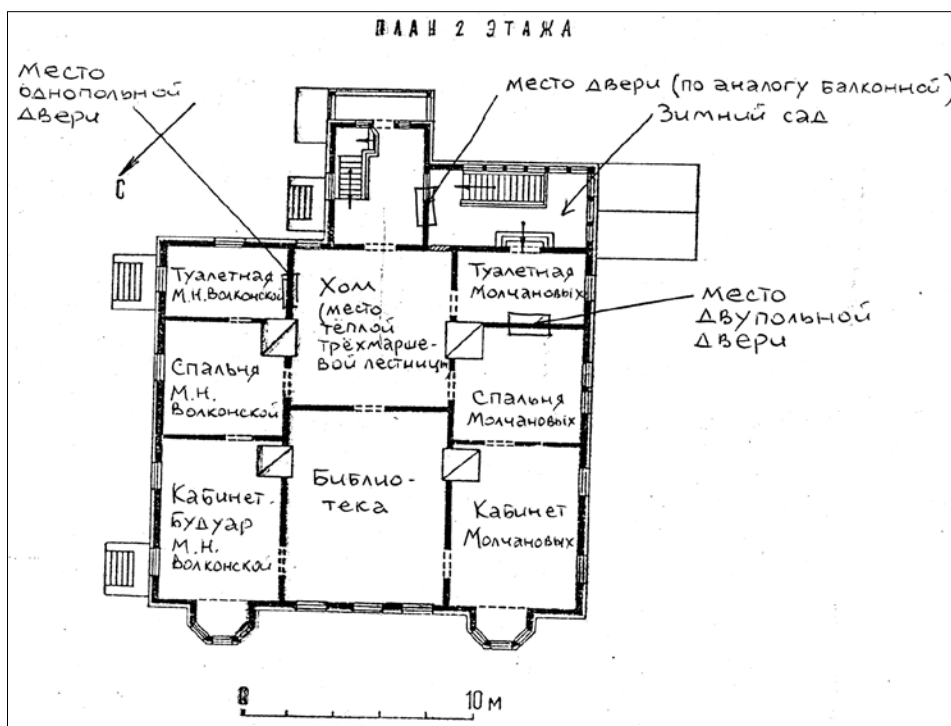
Фото 8. Дом Волконских в Иркутске. 1960-е

**Восьмой строительный период (1974–1985) –
приспособление здания под музей декабристов**

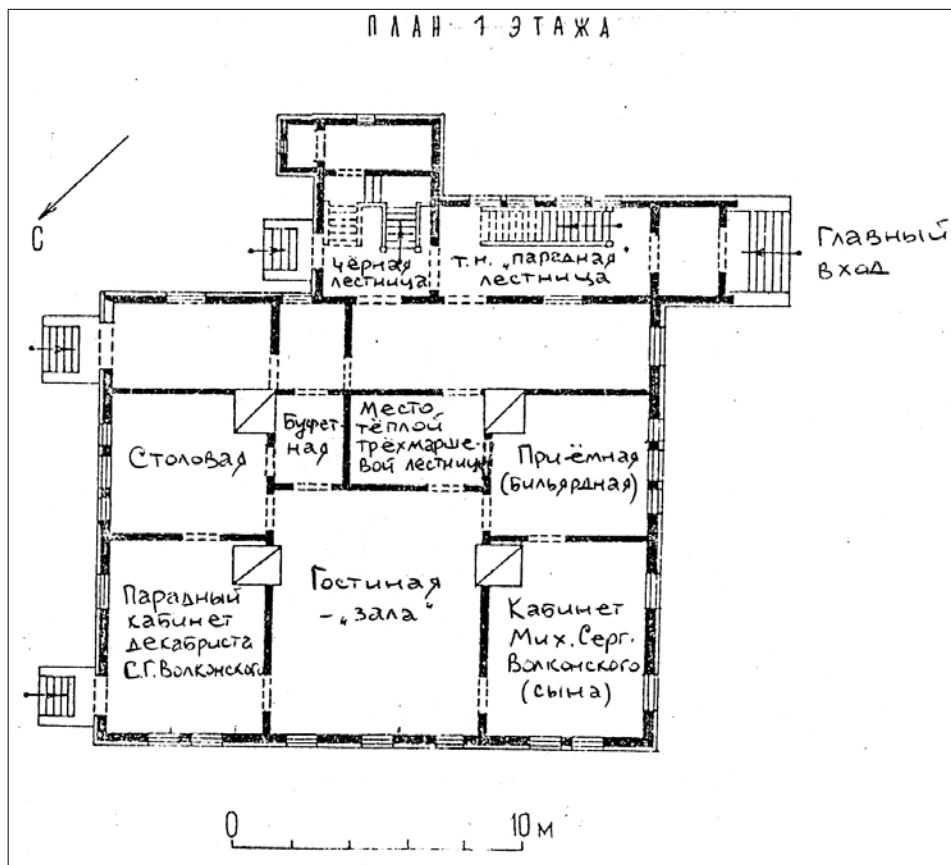

Восьмой строительный период (1974–1985)

1. Планировочная структура и внешний облик здания этого строительного периода хорошо известны современникам. Планы этажей показаны на рисунках.

План второго этажа дома Волконских. 1850-е.
По проекту реставрации 1975 г. Арх. Л.С. Васильева

План первого этажа дома Волконских. 1850-е.
По проекту реставрации 1975 г. Арх. Л.С. Васильева

Отдельные элементы главного дома, преимущественно по внутренней планировке (дверные проемы, лестница), воссоздавались в 1987–1988 и 2004–2005 гг.⁷¹

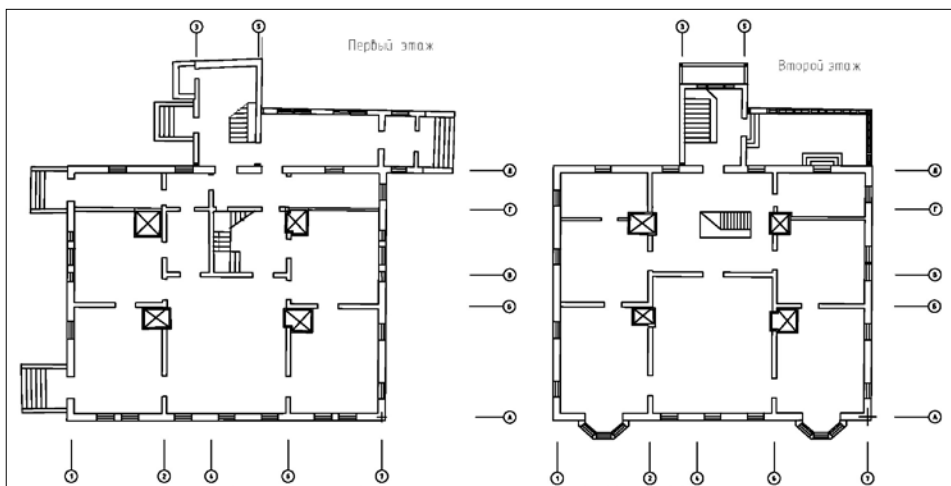
Девятый строительный период (2004–2005)

1. Восстановлена внутренняя трехмаршевая лестница «урикского» периода.

2. Разобрана так называемая парадная лестница в сенях под оранжерей.

Завершая строительную историю дома Волконских, Е.А. Ячменев приводит следующий перечень строительных периодов: «Итак, за свою долгую 165-летнюю историю дом Волконских насчитывает шесть строительных периодов:

- 1) период строительства дома Волконскими в с. Урик (1837–1838);
- 2) период переноса дома Волконскими в Иркутск на существующее до настоящего времени место (1847);
- 3) период перестройки особняка И.С. Хаминовым под сиропитательно-ремесленную школу для мальчиков (1864–1867);
- 4) период перестройки дома под коммунальные квартиры (1920–1930-е);

Девятый строительный период (2004–2005)

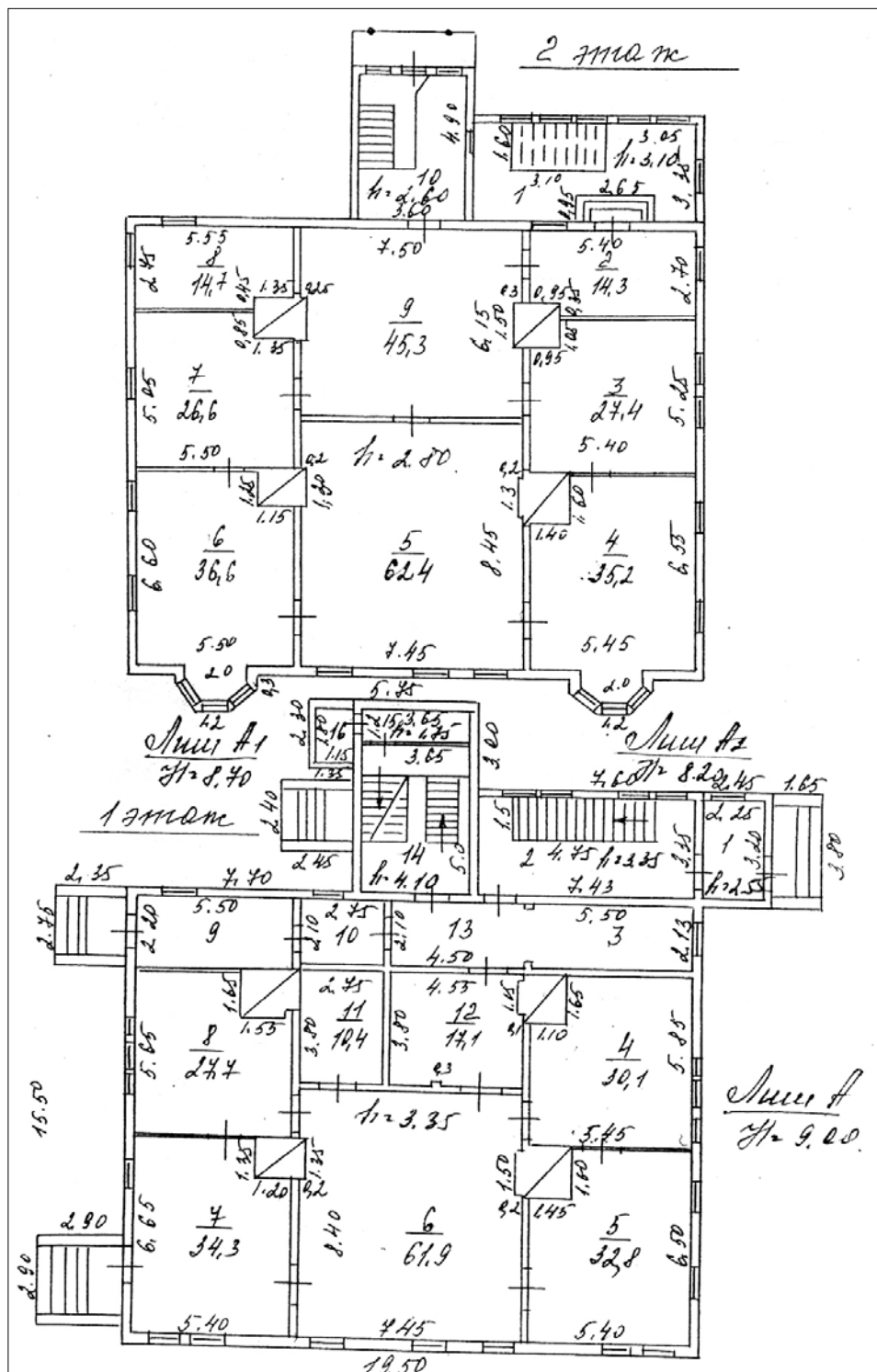
- 5) капитальный ремонт дома (1950–1956);
- 6) реставрация дома и усадьбы (1974–1985)»⁷².

На основании новых сведений, полученных нами из переписки членов семьи Волконских, мы можем дополнить этот перечень еще двумя периодами: перестройки дома в связи с замужеством Е.С. Волконской (1850) и перестройки дома Д.В. Молчановым (1852). В настоящее время строительная периодизация выглядит следующим образом:

- 1) период строительства и эксплуатации дома Волконскими в с. Урик (1837–1846);
- 2) период переноса дома и хозяйственных построек Волконскими в Иркутск на существующее до настоящего времени место. Сборка и обустройство (1847–1849);
- 3) период перестройки дома в связи с замужеством Е.С. Волконской (1850–1851);
- 4) период перестройки дома Д.В. Молчановым и последующие ремонты (1852–1856);
- 5) период перестройки особняка И.С. Хаминовым под сиропитательно-ремесленную школу для мальчиков, ремонты и эксплуатация здания (1864–1911);
- 6) период перестройки дома под коммунальные квартиры (1920–1930-е);
- 7) капитальный ремонт дома (1950–1956);
- 8) реставрация дома и усадьбы (1974–1985);
- 9) восстановление «урической» и демонтаж «парадной» лестниц (2004–2005).

Полагаем, что это наиболее полная строительная периодизация дома Волконских, возможна лишь корректировка в продолжительности периодов перестроек и капитальных ремонтов в XX в.

10 декабря 1985 г. в доме Волконских была открыта первая музейная экспозиция – выставка «Памяти декабристов» Музея декабристов Иркутского областного краеведческого музея. Задачи сохранения, изучения и актуализа-

Технический паспорт дома Волконских. 2001. Архив БТИ

Фото 9. Дом Волконских в Иркутске. Современный вид

ции наследия декабристов, в том числе и наиболее ценной его части – недвижимых памятников, музей решает каждодневно. К сожалению, количество вопросов, связанных с историей строительства дома, не уменьшается.

33 года прошло со времени завершения реставрации и открытия музея в доме Волконских. В преддверии большой реставрации встречает свой 180-й год рождения Дом-музей Волконских. Мы надеемся, что выявленные и интерпретированные нами новые сведения позволят нам создать и реализовать амбициозный проект реставрации с устройством цокольного этажа в доме декабриста, который значительно облегчит нагрузку на инфраструктуру дома, высвободит часть площадей дома от служебных помещений, позволит создать новые экспозиционные и выставочные пространства.

Время покажет...

Примечания

¹ Муравьев А.М. Записки и письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1999. С. 136.

² Там же. С. 135.

³ Ячменев Е. Дом Волконских в Иркутске // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 55 (далее: Ячменев).

⁴ Ячменев Е. Дом Трубецких в Иркутске // Земля Иркутская. 2006. № 1 (29). С. 27–34.

⁵ Пинайкин И.П. Загадки старого дома (строительная история Дома-музея Трубецкого) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 67–73.

⁶ Гаращенко А.Н. «Вместо легенды нужна правда» (размышления о доме по ул. Дзержинского, 64) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2017. Вып. 3. С. 5–26.

- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 243.4.40. Л. 5–7 об.
- ⁸ Там же. Л. 24–25 об.
- ⁹ *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 139 (далее: *Сабиньский. Т. 2*).
- ¹⁰ Там же. С. 139–140.
- ¹¹ Там же. С. 211.
- ¹² *Белоголовый Н.А.* Воспоминания сибиряка. Из детских лет // *Знаменский М.С., Белоголовый Н.А.* Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост., прим., послесл. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. Иркутск, 1988. С. 266 (далее: *Белоголовый*).
- ¹³ *Сабиньский. Т. 2.* С. 287.
- ¹⁴ Там же. С. 423.
- ¹⁵ Там же. С. 481.
- ¹⁶ Васильев Леонид Сергеевич, автор проекта реставрации, старший архитектор Костромской СНРПМ.
- ¹⁷ Материалы предварительной работы, комплексные научные исследования усадьбы Волконского. Главный дом. «Спецпроектреставрация». № 4811. 1986. С. 84.
- ¹⁸ Письма М.К. Юшневской И.И. Пушкину (1843–1855) / публ. и коммент. Е.А. Добрыниной // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Вып. 3.* С. 76.
- ¹⁹ Там же. С. 79.
- ²⁰ *Ячменев. С. 56.*
- ²¹ *Добрынина Е.А.* «Рейхеля мои...» // «Альбом есть памятник души...». Альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта / авт.-сост. Е.А. Добрынина. Иркутск, 2017. С. 34–57.
- ²² Барановский Евгений Юрьевич, автор проекта реставрации, главный архитектор проектов института «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация», Москва.
- ²³ *Ячменев. С. 59.*
- ²⁴ *РГВИА. Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Т. 1. 2-й стол. 4-е отд. Л. 74 об.*
- ²⁵ Там же. Л. 78–78 об.
- ²⁶ *Ячменев. С. 59.*
- ²⁷ *Добрынина Е.А.* Письма декабриста С.Г. Волконского // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Вып. 1.* С. 147.
- ²⁸ *Ячменев. С. 64.*
- ²⁹ *ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 8.*
- ³⁰ *Сабиньский. Т. 2. С. 745.*
- ³¹ *ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 16–16 об.*
- ³² Там же. Л. 8.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Добрынина Е.А.* Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 162.
- ³⁵ *ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 403. Л. 12 об.*
- ³⁶ Там же. Л. 13 об.
- ³⁷ *Ячменев. С. 59.*
- ³⁸ *ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 31.*
- ³⁹ Там же. Оп. 1. № 403. Л. 33 об., 35 об., 37.
- ⁴⁰ Возможно, компаньонка Софьи Николаевны Раевской, сопровождавшая ее в Сибирь (*ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 156. Л. 11 об.*).
- ⁴¹ Там же. Оп. 5. № 29. Л. 40 об.
- ⁴² *Белоголовый. С. 290, 298–299.*
- ⁴³ *Ячменев. С. 63.*
- ⁴⁴ *ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 19 об.*
- ⁴⁵ *Добрынина Е.А.* Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 175.
- ⁴⁶ *Гончаров И.А.* По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске // Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л., 1986. С. 613.
- ⁴⁷ *Добрынина Е.А.* Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 184.

⁴⁸ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. Репринтное воспроизв. изд. 1951 г. СПб., 2007. С. 396.

⁴⁹ Заборинский Ахиллес Иванович (1820-1895), штаб-офицер, в 1848–1856 гг. служил в Восточной Сибири. Мальнев Иван, сын повара Волконских, Михаила Матвеевича Мальнева, находился в семье на воспитании.

⁵⁰ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 182.

⁵¹ Там же. Оп. 1. № 245. Л. 1–1 об.

⁵² Там же. Л. 3 об.

⁵³ Там же. Л. 10–10 об.

⁵⁴ Там же. Л. 12.

⁵⁵ Там же. № 202. Л. 4.

⁵⁶ *Ячменев*. С. 60.

⁵⁷ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 33.

⁵⁸ Там же. Оп. 9. № 26. Л. 23 об.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. № 202. Л. 1 об.

⁶⁰ *Ячменев*. С. 61.

⁶¹ [Ефимов И.В.] Н.Н. Муравьев на Александровском заводе. Из жизни каторжных в Восточной Сибири: Воспоминания И.В. Ефимова // Рус. архив. М., 1900. № 1. С. 105; *Сабинский*. Т. 2. С. 737.

⁶² Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Составил Н.С. Романов // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1914. № 8. С. 14.

⁶³ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. № 404. Л. 1 об.

⁶⁴ Там же. № 202. Л. 13.

⁶⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶⁶ Там же. Л. 15–15 об.

⁶⁷ *Волконский М.П.* Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 399–400.

⁶⁸ *Будникова Т.* К истории усадьбы Волконских: сиропитательно-ремесленная школа // Земля Иркутская. 2005. № 2 (28). С. 38.

⁶⁹ Там же. С. 41.

⁷⁰ *Ячменев*. С. 58.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 57.

Музейное дело

А.В. Сакович

Книги зарубежных писателей в сибирских книжных собраниях декабристов

По утверждению историка В.С. Парсамова, «сегодня с относительной полнотой можно говорить лишь о трех библиотеках: Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля и М.С. Лунина»¹.

В начале 1960-х гг. А.Н. Степанов обнаружил в архиве ИРЛИ машинописную рукопись, содержащую сообщение Л.Б. Модзалевского о библиотеке А.З. Муравьева, собранной им до восстания. Л.Б. Модзалевскому удалось найти 23 названия книг, составивших 69 томов.

В 1965 г. А.Н. Степанов писал, что собирается подготовить специальную работу, посвященную библиотеке Г.С. Батенькова, а также опубликовать опись его книг. Смерть исследователя оборвала эту работу. Завершить ее удалось В.В. Лобанову. Именно ему принадлежит заслуга по дальнейшей реконструкции библиотеки одного из деятелей декабристского движения.

О книжных собраниях декабристов, упомянутых В.С. Парсамовым, известно следующее.

Е.Ф. Муравьева, мать Никиты Муравьева, постепенно переправила из Петербурга в Сибирь все его многочисленные книги. После смерти сына Екатерина Федоровна в 1844 г. передала его библиотеку в Московский университет. По желанию дарительницы это собрание (около 4 тысяч томов) хранится единой книжной коллекцией.

История сибирской библиотеки М.С. Лунина была описана В.С. Манассеиным в 1930 г. и дополнена выверенным списком книг составителями тома «М.С. Лунин. Сочинения, письма, документы» из серии «Полярная звезда» Н.Я. Эйдельманом и И.А. Желваковой совместно с М.И. Перпер. В реконструкции библиотеки также принимали участие Е.А. Ячменев и Н.В. Куликаускене.

Книги Пестеля не сохранились, но в распоряжении исследователей имеются два описания его библиотеки. Первое, содержащее список книг на иностранных языках, было опубликовано П.А. Зайончковским², второе, содержащее список русскоязычных книг, было представлено О.И. Киянской³.

В разные годы изучением круга чтения декабристов и состава их библиотек занимались М.К. Азадовский, А.В. Харчевников, А.Г. Боннер, Е.Н. Дунаева, Р.И. Цуприк, В.А. Балобанов, П.Д. Войтик, Н.В. Куликаускене.

В.С. Манассеин писал, что «библиотеки Волконского и Трубецкого <...> были пожертвованы владельцами в библиотеку Восточно-Сибирского отде-

ла Русского географического общества и погибли во время иркутского пожара в 1879 г.»⁴.

Этой версии также придерживался М.К. Азадовский: «Одними из первых – и очень щедрых – вкладчиков и жертвователей были декабристы: С. Волконский, С. Трубецкой, Д. Завалишин, Н. Бестужев. Впоследствии библиотека С. Волконского была почти целиком пожертвована отделу. Это замечательное собрание погибло в пожаре 1879 г.»⁵.

Сегодня мы знаем, что из библиотеки Волконских более 66 томов было принесено в дар СОИРГО сыном декабриста М.С. Волконским, который 18 ноября 1852 г. на общем собрании Сибирского отдела Императорского Русского географического общества был избран в члены-сотрудники⁶. Часть библиотеки Трубецких перед отъездом Сергея Петровича из Иркутска была передана Девичьему институту⁷. Остальные книги были вывезены Трубецким в Европейскую Россию⁸. Вопрос о составе сибирской библиотеки Волконских остается открытым, поскольку сведения о ней очень скудны и до сих пор не исследованы все источники, которые могли бы указать на список книг, входивших в состав библиотеки. Часть сведений об изданиях, которые получали Волконские в Петровском Заводе и Урике, есть в реестрах посылок, письмах М.Н. Волконской и участников декабристского движения, опубликованных в серии «Полярная звезда», в воспоминаниях польского ссыльного Ю. Сабиньского.

Надо отметить, что в состав книжных собраний декабристов, сформированных в Сибири, входила часть их бывших библиотек, переданных родственниками из Центральной России. Этот факт подтверждается мемуарными источниками и признается исследователями⁹.

Какое значение имели книги для декабристов в один из самых трудных моментов их жизни, можно судить по воспоминаниям М.А. Бестужева.

«Стерново путешествие и Театр Расина сестра Елена умудрилась заложить между бельем в небольших чемоданчиках, дозволенных нам взять с собою при отправке нас в Шлиссельбургскую крепость; и точно, первая для брата, а вторая для меня не только служили единственной отрадой в гробовой жизни, но, может быть, спасли нас от сумасшествия»¹⁰.

На следующий день после ареста, 29 декабря 1825 г., Г.С. Батеньков обращается к военному министру А.И. Татищеву с просьбой позволить «иметь для чтения книги»¹¹. Просьба эта не была удовлетворена. 7 апреля 1826 г. он снова просит «разрешения иметь <...> книги». «По долговременной привычке сие столько же мне почти необходимо, как и самая пища»¹².

Только спустя 19 лет, за год с небольшим до освобождения из Алексеевского рavelина, шеф жандармов А.Ф. Орлов разрешил выписать для заключенного Батенькова газеты и журналы¹³.

Во время заключения М.С. Лунина в Выборгской крепости его сестра Е. Уварова посылает ему в камеру сочинения Шиллера, Байрона, Шекспира, Лессинга, Купера, Вальтера Скотта, альманах Дельвига «Северные цветы» с новыми сочинениями А.С. Пушкина.

После перевода С.Г. Волконского, С.П. Трубецкого, Е.П. Оболенского, А.И. Якубовича, В.Л. Давыдова, А.З. Муравьева и братьев Петра и Ан-

дрия Борисовых в Благодатск в описи их вещей были отмечены и книги¹⁴. С.Г. Волконский взял с собой на каторгу две книги: «Утешение христианина» и календарь на 1826 год¹⁵. По прибытии узников в Благодатск все книги у них были изъяты и только спустя почти месяц возвращены.

В Иркутск в октябре 1826 г. на имя С.Г. Волконского пришла посылка с книгами от сестры, Софьи Григорьевны. В ней находились сочинения Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера, драматические произведения Делавиня, сочинения Жозефа Мэстра, Жирандо «О нравственном усовершенствовании», «Духовные сочинения» Фенелона, «Дон-Кихот» Сервантеса, «Жиль Блас» Лессажа, франко-русский и русско-французский словари. Всего около ста томов¹⁶. Только в январе 1827 г. последовало распоряжение властей отправить книги в Благодатский рудник.

В сентябре 1827 г. благодатских узников переводят в Читинский острог, где к тому времени уже находились многие из декабристов. Только в 1828 г. всем заключенным было разрешено получать русские и иностранные журналы и газеты. С этого момента книжная тема начинает фигурировать в переписке Марии Волконской и Екатерины Трубецкой с родственниками. Волконская обращается к ним с просьбой выслать ей «каких-нибудь новых книг, как русских и французских, так и английских»¹⁷.

Трубецкая пишет сестре Зинаиде: «Романы, что ты обещаешь прислать мне, доставят мне самое большое удовольствие, и раз уж ты имеешь намерение заняться немного моей библиотекой, то вот что еще я должна у тебя попросить: компактные издания Мора и Байрона, если ты найдешь их, и то, что появилось на немецком, по сути, новые книги по медицине»¹⁸.

По воспоминаниям М.А. Бестужева, в тот период «<...> книг еще присылали мало: надо было сперва удовлетворить физическим потребностям – нам надо было иметь одежду, обувь. Но все-таки запас книг, и книг очень дельных, был очень велик»¹⁹. Н.В. Басаргин подтверждает, что из книг, привезенных декабристами, «составилась порядочная библиотека, которую все могли пользоваться, и это было одним из самых приятных <...> занятий, самых полезных и действительных развлечений»²⁰.

Во многих изданиях, посвященных декабристам, упоминается, что именно в этот период «из книг, привезенных с собой, и тех, что присылали им родные, составились хорошие библиотеки у С.Г. Волконского, С.П. Трубецкого, Н.М. Муравьева, М.С. Лунина, которые стали общим достоянием»²¹.

Через два года библиотека М.С. Лунина увеличилась настолько, что при переезде декабриста в Петровский Завод ему понадобилось несколько телег для перевозки багажа. По сведениям автора публикации о «каторжной академии» декабристов, созданной при Читинском остроге, артельная библиотека насчитывала более 6000 экземпляров²².

Круг чтения декабристов невозможно представить вне исторического контекста эпохи, в которую жили участники тайных обществ и формировались их общественно-политические взгляды и читательские предпочтения.

Весь XVIII век был веком революции – в умах, в образе жизни, затронувшей не только элиту, но и более широкие слои общества. Французская революция 1789 г. – начало новой эпохи в жизни европейских народов, утвержд-

дение нового буржуазного общества. В интеллектуальной атмосфере тех лет главным вопросом стал вопрос о власти.

Эта же эпоха ознаменовалась зарождением «общественного мнения»: в европейских столицах стали появляться кружки, зарождаться клубы, возникали салоны, где говорили о политике, литературе, искусстве, науке.

Освободительное движение в России, связанное с декабристами, относится к эпохе буржуазной революционности и социальных преобразований. Отсюда закономерность интереса передовой части российского общества к французскому Просвещению, возрастающее внимание к литературе Англии, Франции и Германии.

Под влиянием Жан-Жака Руссо распространилась идея о роли воспитания в преобразовании личности, в улучшении человеческой природы.

Книга Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» занимала важное место в формировании личностей многих дворян. Будущие участники тайных обществ в России росли в атмосфере идей французского Просвещения. Позже в моду вошли сентиментальные романы. Европа зачитывалась произведениями Л. Стерна, С. Ричардсона, Жанлис. Педагогические и детские книги Жанлис нравились русским аристократам начала XIX в. Эти книги входили в круг чтения просвещенных родителей, возможно, они использовали их для воспитания детей.

К кругу почитателей Жанлис принадлежали В.К. Кюхельбекер и М.С. Лунин, который включил Жанлис в число авторов для обязательного чтения для Миши Волконского.

«Спасибо моей доброй Жанлис! Она меня утешила повестью, <...> что я, кажется, перед собою видел ее героиню словно живую», – писал о романе «Дорсан и Люцея» В.К. Кюхельбекер²³.

Книжные полки российских читателей в основном занимали произведения европейских писателей. В библиотеке Раевских насчитывалось до четырех тысяч томов. Из них около трех тысяч принадлежали французским авторам. В библиотеке 1-го Кадетского корпуса, из стен которого вышли К. Рылеев, Ф. Глинка, М. Пущин, А. Розен, соотношение книг на русском и иностранных языках было почти 1: 9.

Эпоха наполеоновских войн внесла в повседневную жизнь европейских народов немало страданий. В этот период обыватель не испытывал потребности трепетать над судьбами литературных персонажей. Прежние сюжеты повестей, в которых чувствительные герои проливали слезы над книгой или страдали от неразделенного чувства, перестали интересовать читателя.

После войны, когда в Европе наступил мир, резко сократилось число повестей в журналах за счет очерков, записок, воспоминаний. В моду вошли путешествия, описание местностей. Возник спрос на приключенческие романы. Публика жаждала произведений ярких, авантюрных, экзотических.

«Таинственные замки», «Ночные привидения» тысячами заполняли книжный рынок. В основном это были подражания готическим романам Анны Радклиф с их обязательной атмосферой ужаса, мрачными замками и подземельями, роковыми тайнами и страшными преступлениями.

Жанр готического романа нашел своих читателей и среди декабристов. Роман «Тайны Удольфа» упоминал в письмах М.С. Лунин, чтобы «составить понятие» о своем положении акатуйского каторжника. Чаще всего имя английской писательницы встречается в «Дневнике» В.К. Кюхельбекера. Несмотря на плохой перевод романа «Наследница Монтальда, или Привидения и таинства Замка Безанто», Кюхельбекер отдавал должное воображению и таланту писательницы²⁴.

Возникает интерес к мемуарной литературе, воспоминаниям. В России выходят «Письма русского офицера» Ф. Глинки, «Записки о Голландии 1815 года» Н. Бестужева, а в Европе в 1826 г. – «Воспоминания о Наполеоне» герцогини д'Абрантес. С воспоминаниями вдовы наполеоновского генерала Жюно декабристы познакомились на каторге.

В архивных документах имеются сведения, что мемуары д'Абрантес находились в библиотеках Фонвизиных, Трубецких, П.Н. Свистунова, который отозвался о них как о «неудобоваримой дребедени»²⁵.

В Европе к началу 1820-х гг. увлечение «Новой Элоизой» и «Вертером» осталось в прошлом. В России же по-прежнему продолжали читать романы С. Ричардсона, Ж.-Ж. Руссо, Л. Стерна, Р. Шатобриана.

Глубокие связи русской литературы с западноевропейской в начале 1820-х гг. проявились в почти одновременном становлении романтизма.

Идея свободной личности была общей для русской и западноевропейской литературы. Поэзия Байрона пользовалась огромным успехом в России.

Жанр романтической поэмы позволил Байрону создать образ нового романтического героя – мятежника, находящегося во вражде с окружающим миром. Такой герой становится идеалом для поклонников романтического направления в искусстве и литературе. Декабристам был не только близок романтический герой. Они, утверждал Ю.М. Лотман, сами были романтическими героями, и их поведение было отмечено печатью романтизма²⁶.

На каторге декабристы практически находились в полной культурной изоляции, и, как уже было сказано выше, только после разрешения в 1828 г. выписывать книги и журналы узники Читинского острога, а затем Петровской тюрьмы начинают знакомиться с новыми именами в зарубежной литературе. Первым среди самых известных иностранных авторов следует назвать Виктора Гюго. После Байрона Гюго являлся одним из самых ярких представителей романтического направления в литературе.

В. Гюго вскрыл новые пласты жизни, еще не поднятые французской литературой того времени. Повесть «Последний день приговоренного» (1829) – одна из первых предвестниц целой череды социально-психологических романов и повестей, которые появятся во Франции в 1830–1840-х гг. В 1831 г. выходит новый роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», который получил широкое звучание в России. Им увлекались русские романтики. А. Бестужев-Марлинский писал: «Перед Гюго я ниц <...>. Это уже не дар, а гений во весь рост»²⁷. Спустя год после выхода «Собора» М.К. Юшневская сообщила брату мужа на Украину: «Постарайся достать себе роман в 2-х частях «Notre-Dame de Paris» par Victor Hugo. Ручаюсь тебе, что с большим удовольствием прочтешь его»²⁸.

Во Франции во многом благодаря творчеству В. Гюго романтизм окончательно утвердился в поэзии, а затем и на театральных подмостках. Отношение к творчеству французского писателя со стороны декабристов было неоднозначным. Одни (А. Бестужев-Марлинский) видели в нем представителя самого яркого романтического направления во французской литературе, другие (В. Кюхельбекер) полагали, что Гюго является типичным представителем «модернизма», имея в виду под этим термином изображение современной жизни.

Интересно высказывание о творчестве В. Гюго П.Н. Свистунова. В письме к сестре А.Н. де Мальвирад он встает на защиту поэта: «Я считаю его единственным лирическим поэтом Франции <...>. Пусть ему иногда не хватает вкуса и меры <...>, но зато его вдохновение столь легко и внезапно, а крылья столь сильны, чтобы поддерживать его на такой высоте, куда воображению трудно за ним следовать; <...> все недостатки, которые ставятся ему в упрек, присущи самой природе его поэзии. Они заслуживают снисхождения, так как искупаются ее возвышенной красотой»²⁹.

Особенной приверженностью романтизму отличались взгляды В.К. Кюхельбекера. Романтизм не только влиял на литературные убеждения и художественные вкусы декабриста, но и своеобразно окрашивал его отношение к жизни, служил для него своего рода правилом в бытовой сфере.

В жанре повести поэт-декабрист особенно высоко оценивал творчество Э.-Т.-А. Гофмана. Повести «Крошка Цахес», «Майорат», «Мадемуазель Скюдери» Кюхельбекер рекомендовал для чтения своим племянницам.

Крепостной узник, а затем поселенец, Кюхельбекер, оказавшись под цензурным гнетом, был оторван от современной литературы. Находясь в крепости, он перечитывал журналы 1810–1820-х гг. На поселении в Баргузине о новых именах и литературных событиях в отечественной и зарубежной литературе он узнавал с запозданием по случайно дошедшим до него журналам и книгам. В начале 1830-х гг. Кюхельбекер познакомился с поэмами и стихами Вальтера Скотта. Они привели его в восхищение романтической новизной.

Подобные чувства после прочтения исторических романов Скотта испытывали многие из декабристов. «Вальтер Скотт удивляет глубиной знания человеческого сердца <...>, – писал А.Ф. Бриген. – Сейчас я читаю «Ламмермурскую невесту». В моей библиотеке вы найдете два десятка томов В. Скотта на английском языке»³⁰. Книга В. Скотта «Рассказы дедушки» была в уриксской библиотеке Лунина, романы «Уэверли» и «Антикварий» находились в книжном собрании Волконских.

А.Ф. Смирдин, И.И. Глазунов и другие книгопродавцы едва успевали удовлетворять читательский спрос на романы последователей Вальтера Скотта, которыми были англичанин Г. Смит и француз А. де Виньи.

Почти одновременно с Вальтером Скоттом, на другом конце света, творил другой талантливый романист – американец Джеймс Фенимор Купер. Его произведения в России пользовались не меньшей популярностью, чем книги великого английского романиста. «Красного корсара», «Кормчего» и «Браво» читал в ссылке В.К. Кюхельбекер. Интересны сравнения персона-

жей Скотта и Купера, которые встречаются в «Дневнике» писателя. «Главный недостаток, по моему мнению, – отмечал Кюхельбекер, – в романах Купера и отчасти даже Скотта – однообразие лиц и характеров <...>. Впрочем, должно сказать, что Купер – славный живописец <...>»³¹. И в то же время он отмечает, что у Скотта обыкновенно широко представлены не главные лица, а второстепенные и «Клевеленд <...> уступит Красному Корсару Купера»³².

Всех персонажей Кюхельбекер оценивал мерой соответствия образу романтического героя. Герой литературного произведения, по мнению Кюхельбекера, должен быть мужественным, «с душою, возвышающеюся над сомнениями». Среди читающей публики, встречающей с восторгом появление каждого нового романа английского романиста, трудно было найти критический отзыв о творчестве Скотта.

До нас дошли разнообразные суждения В. Гюго, О. Бальзака, П. Мериме, А. Виньи о Вальтере Скотте. В романе «Утраченные иллюзии» Даниэль д'Артез говорит Люсьену де Рюмбапре, другими словами, Бальзак – Бальзаку: «У Вальтера Скотта нет страсти: или она неведома ему, или запрещена лицемерными нравами его родины. Для него женщина – воплощенный долг. Героини его романов, за редкими исключениями, все одинаковы, все они, как говорят художники, сделаны по одному шаблону. Они все происходят от Клариссы Гарлоу»³³.

Гюго ценил Вальтера Скотта как романиста, у которого описание нравов и деталей быта сочеталось с важными философскими и нравственными идеями. Этот же принцип лежал в основе критических замечаний декабриста А.Ф. Бригена о произведениях английского романиста: «<...> папаша В. Скотт сейчас доставляет мне удовольствие. Я надеюсь, что вы мне вышлете «Гая Мэннеринга», который очарователен. <...> Все более и более я расцениваю как роман, но роман столь возвышенный, с языком столь благородным и прекрасным, что невозможно, прочтя эту книгу, не вернуться к ней вновь. Не историческую правдоподобность, а духовную истину следует искать в ней, и, без сомнения, в этом смысле древние авторы, а среди современных В. Скотт предпочтительнее многих так называемых правдивых историков»³⁴.

Пребывание декабристов на каторге и поселении совпало с началом становления в европейской художественной литературе нового явления, называемого современниками художественным бытовым реализмом, и новой формы литературного творчества – повести и романа. Новые имена пришли на смену прежним. В литературе снова остро встала проблема героя. Вопрос о том, кто должен быть героем литературного произведения, не раз был предметом острых дискуссий между романтиками и представителями нового направления в литературе – реализма. Встретились и пришли в столкновение романтическая и только еще формирующаяся реалистическая система художественного мышления. В высказываниях некоторых декабристов по поводу произведений зарубежных авторов присутствует некоторое недоумение перед непривычным для них способом художественного мышления и появлением нового героя с реалистическим взглядом.

Интересны критические отзывы, заметки декабристов о произведениях В. Гюго, А. Дюма, Э.Сю.

Эжен Сю показывал в своих произведениях дно большого города с его тайнами. Роман «Парижские тайны», выходявший выпусками в 1842–1843 гг., имел шумный успех. Его авантюрные и сентиментальные романы, а также романы-фельетоны, рассчитанные на широкую публику, несли в себе протест против буржуазного общества.

В.Л. Давыдов, отдавая должное таланту французского романиста, отмечал: «Прискорбно видеть писателей, чей талант не вызывает сомнения, но так плохо его используют и употребляют для служения порочным страстям и никчемным людям, извлекая из него как можно больше материальной пользы. Есть люди, которые в своем упоении Эженом Сю очень хотят верить, что «Парижские тайны» – очень глубокое сочинение, и они уверяют, что оно подтолкнуло болтливых французских законников к желанию больших перемен в своих законах и в устройстве общества. Несчастливая страна, которая нуждается в крикливом, экстравагантном романе, чтобы улучшить свою жизнь. «Вечный жид» – не что иное, как объемный памфлет против иезуитов, которые, может быть вопреки преувеличениям автора, интересны для французов и других, кто в них чего-то боится; но мы-то это воспринимаем по-другому. Надо быть справедливым, в том и другом романах есть прекрасно написанные страницы, но они растворены в глупостях»³⁵.

О впечатлениях от романов Э.Сю писал А.Ф. Бриген дочери Марии: «<...> с удовольствием читаю все, что выходит из-под пера Эжена Сю. Я не знаю его новых романов «Фанатики из Севены» и «Артур», но уверен, что они очень интересны»³⁶. В другом письме к Марии он делится своими критическими замечаниями по поводу «Парижских тайн»: «Вы спрашиваете, милое дитя, мое мнение о «Парижских тайнах». Как произведение, оно, по-моему, весьма посредственное, потому что автор искажил природу человеческого сердца у основных персонажей своей драмы (Рудольф, Цветок Лилии), и в этом случае он пренебрег или, скорее, был незнаком с высказыванием Буало: «Прекрасна только истина». Но как сочинение, в котором автор касается социальных вопросов огромной важности, имея целью обратить внимание на гнойные раны общества, этот роман имеет большое достоинство. Он настолько интересен, что когда его начинаешь читать, то уже невозможно оторваться, но по прочтении к нему уже не возвращаются»³⁷.

Романы Сю были в библиотеках Волконских, Трубецких, Фонвизиных³⁸.

В 1830-х гг. декабристы знакомятся с творчеством О. Бальзака. Известно, что «Рекрута», «Отца Горио», «Шагреновую кожу» читал В.К. Кюхельбекер, «Полковника Шабера» – М.С. Лунин и И.И. Пущин. Со «Сценами из провинциальной жизни» были знакомы семьи Фонвизиных и Трубецких. Произведения новых авторов печатались на страницах популярного в Европе и России журнала «Revue Etrangère». Многие из декабристов отмечали, что это был «превосходный журнал».

22 декабря 1833 г. в ответ на просьбу Е.И.Трубецкой о присылке журнала «Revue de Paris» Софья Борх писала сестре: «Я предлагаю тебе <...> Revue Etrangère, <...> содержащий хороший выбор из всех периодических изданий

более или менее замечательных, которые выходят во Франции, в Германии и в Англии; я уверяю тебя, что это превосходный журнал, составленный со вкусом <...>, там есть все интересное с точки зрения литературы»³⁹.

В «Revue Etrangère» печатались произведения Э. Сю, О. Бальзака, В. Гюго.

С сибирскими узниками первыми обменивались впечатлениями о новых произведениях зарубежных авторов их родственники. В письме от 28 октября 1833 г. Софья Борх делилась с сестрой своим мнением о новой французской «литературной волне»: «Я совсем не была удивлена твоим суждением о современной литературе, которое разделяет масса людей и я в том числе <...>, как ты, я предпочитаю Бальзака всем остальным, но я далека от твоей неприязни к <...> Сю и Гюго <...>; ты ничего не говоришь мне об Александре Дюма, который соединяет в высшей степени талант и ужас новой школы»⁴⁰.

Отношение декабристов к произведениям Александра Дюма было противоречивым. Принципы историзма, которые лежали в основе романов В. Скотта, были для Александра Дюма лишь «гвоздем», на который вешалась картина изображаемой эпохи. Много критических замечаний было высказано декабристами по поводу публикации романа «Учитель фехтования» (1840). Царская цензура особенно внимательно следила за произведениями Дюма и запрещала их публикацию, но, несмотря на это, роман был распространен в России.

«Кар[олина] Кар[ловна] повезла Вадковскому «Записки» Гризье, бывшего maitre d'armes*, о России. Мы, помните, в «Пчеле» читали отрывок об Урале. Не воображали, что Лаура – наша знакомая m-me Annenkoff. Матвей Муравьев читал эту книгу и говорит, что негодяй Гризье, которого я немного знал, представил эту уважаемую женщину не совсем в настоящем виде; я ей не говорил ничего об этом, но с прошедшей почтой пишет Амалья Петровна Ледантю из Дрездена и спрашивает мать, читала ли Анненкова книгу, о которой вы теперь от меня слышали, – она говорит, что ей хотелось бы, чтоб доказали, что г-н Гризье (которого вздор издал Alexandre Dumas) пишет пустяки. Увидевши, что книга с бреднями имеет ход в Европе, я должен был сказать Анненковой, что ожидаю это знаменитое сочинение»⁴¹.

М.А. Фонвизин в письме И.И. Пущину около 14 марта 1842 г. делился с ним мнением о романе А. Дюма: «<...> по моему мнению, преглупая книга, но я не нашел в ней ничего оскорбительного для Прасковьи Егоровны в особенности, а она скорее обидна для всех нас. Удивительно, что даровитый Дюма решился написать такой вздор»⁴².

Несмотря на столь суровую оценку творения А. Дюма со стороны некоторых декабристов, популярность писателя росла с каждым новым произведением. 20 сентября 1850 г. М.К. Юшневская пишет брату мужа из Кяхты: «<...> прилежно читаю Монте-Кристо <...>. Нельзя иначе сказать – завлекательное чтение, а сочинение Александра Дюма. Хороший слог, и приятно читать. Прежде теперешнего чтения прочла La Reine Margot»⁴³.

После 1840-х гг. в письмах декабристов все меньше встречается сведений о новых книгах, все реже они высылают друг другу книги и обмениваются впечатлениями о прочитанном. Одни к этому времени ушли из жизни, у дру-

* учителем фехтования (франц.).

гих появились новые заботы. Но, несмотря на все жизненные неурядицы и проблемы, книга по-прежнему продолжала занимать главное место в духовной жизни декабристов.

Литература

¹ *Парсамов В.С.* Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX в. Саратов, 2002. С. 14.

² *Зайончковский П.А.* К вопросу о библиотеке Пестеля // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 86–89.

³ Описание библиотеки П.И. Пестеля на русском языке / вступ. ст. и подготовка текста О.И. Киянской; коммент. О.И. Киянской и Д.Б. Азиатцева // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография. СПб. – Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 17–26.

⁴ Цит. по: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 738.

⁵ *Азадовский М.К.* Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947. Вып. 1. С. 19.

⁶ Записки СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 1. С. 28.

⁷ *Боннер А.Г.* Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 84.

⁸ Цит. по: *Ячменев Е.А.* Дом Трубецких в Иркутске // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. С. 408.

⁹ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярск, 1990. С. 151; *Цуприк Р.И.* Книга в жизни декабристов на каторге // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 77.

¹⁰ Воспоминания Бестужевых. С. 243.

¹¹ *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма / изд. подгот. А.А. Брегман и Е.П. Федосеева / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1989. Т. 1. С. 210.

¹² Там же. С. 214.

¹³ Там же. С. 77.

¹⁴ Исторический вестник. СПб., 1891. Т. 45. С. 226.

¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 295. Карт. 49. Л. 26–30.

¹⁶ Там же. Д. 17. Карт. 1. Л. 41–41 об.

¹⁷ Русские пропилеи. М., 1915. Т. 1. С. 50.

¹⁸ Cinquante ans de correspondance familiale. 1820–1870. Editions Barbot. С. 171.

¹⁹ Воспоминания Бестужевых. С. 175.

²⁰ *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подгот. И.В. Порох / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988. С. 128.

²¹ *Караш Н.Ф., Тихантовская А.З.* Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // *Волконский С.Г.* Записки / изд. подгот. Н.Ф. Караш и А.З. Тихантовская / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991. С. 55.

²² *Канари В.* Книги из «каторжной академии» декабристов // Крымская правда. 1973. 19 дек.

²³ *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 191.

²⁴ Там же. С. 393.

²⁵ *Свистунов П.Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825–1840) / изд. подгот. В.А. Федоров / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2002. С. 284.

²⁶ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 346.

²⁷ Цит. по: *Муравьева Н.* Гюго. М., 1961. С. 137–138.

²⁸ *Голубовский В.П.* Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908. С. 51.

²⁹ *Свистунов П.Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма... С. 262.

³⁰ *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения / изд. подгот. О.С. Тальская / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1986. С. 153.

³¹ *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 313.

³² Там же. С. 315.

³³ Цит. по: *Моруа А.* Прометей, или Жизнь Бальзака. М., 1967. С. 151.

³⁴ *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения. С. 163–164.

³⁵ Давыдов В.Л. Сочинения, письма / изд. подгот. Т.С. Комарова / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2004. С 217.

³⁶ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 147.

³⁷ Там же. С. 243.

³⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 9. Карт. 21. Л. 84.

³⁹ Цит по: Вайнштейн А.Л., Павлова В.П. Декабристы и салон Лаваль // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 192.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Пуцун И.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма. М., 1999. С. 202–203.

⁴² Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / изд. подгот. С.В. Житомирская, С.В. Мироненко / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1979. С. 238.

⁴³ Даревская Е.М. Письма М.К. Юшневской из Кяхты // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 179.

Сохранение историко-культурного наследия

И.А. Горбунова

Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске»: проблемы и перспективы

С течением времени все больше отдаляется день восстания декабристов на Сенатской площади. Сменяются эпохи, новые поколения дают разные, порой противоречивые оценки этому событию, но все сходятся в одном – это была яркая и трагическая страница в истории России.

После подавления восстания многие декабристы были отправлены в сибирскую каторгу и ссылку, где они провели значительную часть своей жизни, а некоторые остались навсегда. Выбор Иркутска в качестве одного из основных мест увековечения памяти декабристов был определен его особой ролью крупного губернского центра, через который дважды – сначала на каторжные работы, а затем на поселение – прошли почти все декабристы. Из Иркутска как «столицы» Восточно-Сибирского генерал-губернаторства велось непосредственное наблюдение за государственными преступниками в годы их каторги и поселения. Также губернская столица была и «столицей» декабристской колонии Восточной Сибири, которая объединяла большую группу декабристов, около пятидесяти человек. Непосредственно в Иркутске в разные годы тридцатилетия сибирского изгнания проживали восемнадцать декабристов. Они способствовали развитию многих сторон научной, хозяйственной, промышленной и культурной жизни Восточной Сибири¹.

На иркутской земле бережно сохраняется память о декабристах. Здесь находятся ценные историко-архитектурные, ландшафтные памятники и комплексы, а также места захоронений, связанные с декабристами. Одно из самых известных и посещаемых памятных мест – историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске».

Решение о создании историко-мемориального комплекса было принято в 1967 г. Первым шагом была реставрация дома, по легенде принадлежавшего декабристу С.П. Трубецкому (ул. Дзержинского, 64), в 1965–1970 гг. под руководством архитектора Г.Г. Оранской (Москва). Масштабные работы по созданию комплекса развернулись в связи со 150-летием восстания декабристов. В соответствии с проектом генерального плана 1974 г., который был разработан центральным реставрационным институтом «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация» (Москва, главный архитектор проекта Е.Ю. Барановский), для создания комплекса выделили два городских квартала². Ставилась задача максимально сохранить имеющуюся старинную рядовую застройку XIX в., заполнить лакуны путем переноса архитектурных памятников из других частей города, выявить малоценные сооружения

и снести их³, а также изменить схемы движения общественного транспорта и оборудовать пешеходную улицу⁴. Строительство комплекса затянулось на долгие годы, однако в полном объеме намеченные работы не были выполнены. За прошедшие более чем пятьдесят лет в связи с утратами архитектурных памятников и появлением современной застройки существенно изменилась территория комплекса. Кроме того, активно развивающееся городское пространство отрицательно повлияло на сохранность окружающей комплекс исторической среды. Однако главная цель создания комплекса – максимальное сохранение мемориальных памятников, связанных непосредственно с пребыванием декабристов в Иркутске, была достигнута.

Сегодня историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске» представляет собой заповедную зону с полифункциональным использованием⁵. Комплекс условно разделяется на две основные зоны: мемориальный центр, связанный с пребыванием декабристов в сибирской ссылке, и музей-заповедник городской деревянной застройки XIX в. Мемориальную зону сформировали усадьбы декабристов Сергея Григорьевича Волконского и Сергея Петровича Трубецкого, Преображенская церковь (являющаяся и композиционным центром, и архитектурной доминантой всего комплекса) с площадью вокруг нее и застройкой по периметру площади, дом гражданского губернатора, каменное здание бывшей приходской школы Родионова, средняя деревянная застройка (пер. Волконский, 4, 8) и бывший Сиропитательный дом Е. Медведниковой. В историко-мемориальном комплексе насчитывается сорок памятников истории и культуры, в том числе пять памятников федерального значения⁶.

Иркутский музей декабристов предлагает иркутянам и гостям города экскурсии по дому Трубецких, дому Волконских и автобусную экскурсию «Иркутск и декабристы». Для актуализации декабристского наследия, расширения услуг Иркутского музея декабристов и более полной презентации историко-культурного наследия Иркутска была разработана пешеходная экскурсия по историко-мемориальному комплексу «Декабристы в Иркутске». Экскурсия рассчитана на полтора часа. Движение экскурсионной группы по маршруту начинается и заканчивается на площадке у входа в усадьбу Волконских, поскольку это самое просторное, безопасное и удачное для начала и окончания экскурсии место.

Маршрут экскурсии строится по тематико-хронологическому принципу и предполагает восемь остановок у основных объектов показа.

Некоторые отступления от хронологической последовательности сделаны для удобства перемещения экскурсионной группы и максимального охвата объектов показа, раскрывающих тему и логику повествования. В рассказе экскурсовода присутствует информация об этапах развития этого участка городской территории, исторических событиях и персоналиях, связанных с тем или иным объектом показа, также раскрываются архитектурные особенности памятников, история их бытования. Ниже приведены сведения по объектам показа (выборочно).

Маршрут экскурсии

Место остановки	Объекты показа
Пер. Волконского, 10 (у входа в усадьбу Волконских)	Преображенская церковь, усадьба Волконских
Пер. Волконского, 1 (площадка между Преображенским храмом и школой Родионова)	Усадьба Солдатова, приходская школа Родионова
Ул. Тимирязева, 59а (у входа)	Сиропитательный дом Е. Медведниковой
Ул. Дзержинского, 64 (в усадьбе Трубецких)	Усадьба Трубецких, усадьба Левенсона
На ул. Октябрьской Революции, 20	Ул. Октябрьской Революции, 16, 20
На ул. Октябрьской Революции, у лица № 2 (сразу за пешеходным переходом)	Дом Кузнецова
Пер. Милицейский, сквер Волконских (у памятника женам декабристов)	Памятник женам декабристов
Ул. Ф. Энгельса, 21 (в усадьбе дома Шастина)	Дом Шастина, флигель в усадьбе Гринберга (Энгельса, 23а), парк символов городов-побратимов Иркутска, выставка элементов деревянного декора Иркутска

Одной из первых и самой старинной каменной постройкой в комплексе «Декабристы в Иркутске» является Спасо-Преображенская церковь – несомненно, архитектурная жемчужина Иркутска. Освоение этой части города началось в конце XVIII в. со строительства здесь кузнечных рядов⁷. Число жителей росло быстро, и вскоре появилась потребность в строительстве здесь православного храма. Инициатором возведения каменной Преображенской церкви для мастеровых кузнецов выступил иркутский купец С.Я. Игнатьев⁸. В 1795 г. он обратился с письмом к Вениамину, епископу Иркутскому и Нерчинскому, о получении разрешения на создание прихода. Ответ поступил незамедлительно, и в том же году было отведено место под постройку⁹. Строительство храма завершилось в 1811 г.¹⁰

Спасо-Преображенская церковь каменная, одноэтажная, трехпрестольная, с колокольней над папертью. В очень скромном фасадном декоре церкви барочные мотивы сочетаются с элементами классицизма. Поверхности стен оставлены гладкими. Прежде они были окрашены и контрастировали с белыми пилястрами и наличниками.

Что касается внутреннего убранства, то стены и своды храма первоначально были просто белеными, полы выложены из серовичного камня. Все стекла в оконных рамах были обычными, но в 1877 г. вставили темно-красные стекла в форме креста. К сожалению, трудно представить, как первоначально выглядели иконостасы, которые видели декабристы. Доподлинно известно, что иконостасы главного придела были окрашены в белый цвет, с накладной богатой золоченой резьбой. Со временем первоначальная белоснежная окраска была заменена на пурпурную. Все иконостасы в 1899 г. перекрашены кармином. Между 1915 и 1922 гг. была выполнена роспись сводов в академической манере, хотя и не без оттенка провинциальности.

В центре была изображена сцена Преображения, по сторонам – Христос и Богородица в окружении херувимов¹¹.

Анализ описи имущества Преображенской церкви показывает, что почти вся утварь в храме выполнена из серебра 84-й пробы. Церковь все время пополнялась святыми образами: в 1844 г. имелось 83 иконы, в 1867 г. – 102, а в 1911 г. – уже 159. В храме было 10 колоколов разного размера и назначения¹².

Преображенская церковь связана со многими известными в Иркутске людьми. Здесь в 1837–1841 гг. служил священник Георгий Добросердов (1809–1880), будущий епископ Астраханский. Это было первое место его служения в священническом сане. В бытность свою иркутским священником о. Георгий был знаком с декабристом М.С. Луниным, читал его запрещенные сочинения. В 1845–1856 гг. все члены семьи Волконских были прихожанами Преображенской церкви. В 1850 г. здесь проходило отпевание декабриста Н.А. Панова, а в 1852 г. дочь М.К. Кюхельбекера Анна венчалась с чиновником В. Миштофтом. В 1854 г. в этом же храме друзья-декабристы провожали в последний путь П.А. Муханова, он был похоронен рядом с Пановым в ограде Знаменского монастыря.

В числе известных прихожан храма можно назвать многочисленных щедрых благотворителей¹³. Выделяется среди них купец Е.А. Кузнецов¹⁴. Его капиталы шли на многие насущные потребности города. Особенно большие деньги купец жертвовал на строительство и ремонт храмов и богаделен в Иркутске, отливку колоколов. В частности, он заботился о приведении в лучший вид Преображенской церкви, в приходе которой находились почти все его дома. Когда в 1848 г. возникла необходимость сделать новую ограду вокруг храма, он пришел на помощь: ограда была сделана каменная, с железной решеткой. Кузнецов был похоронен в ограде Преображенской церкви рядом с супругой.

В советское время православная община Преображенской церкви перестала существовать, а храм был разорен. Самый сокрушительный удар по иркутским храмам был нанесен в 1922 г.: 13 мая из Преображенской церкви были изъяты серебряные предметы общим весом около 900 кг. А в 1933 г. на нужды металлопромышленности СССР были изъяты колокола. В 1930-е гг. в церковной ограде снесли надгробия именитых купцов Игнатьевых, наружную часть склепа Е.А. Кузнецова. Церковь закрыли на основании постановления исполкома Иркутского горсовета от 4 сентября 1940 г. В советское время здание храма пострадало мало, в нем располагались архив и книгохранилище.

В 1976 г. Преображенская церковь была принята под государственную охрану как памятник архитектуры федерального значения. В 1980-е гг. по проекту архитектора Е.Ю. Барановского произведены наружные реставрационные работы, восстановлена каменная ограда, над могилой Е.А. Кузнецова воссоздан памятный крест. В настоящее время это действующий храм.

Примерно в это же время были проведены работы по реставрации расположенных вблизи Преображенской церкви памятников деревянного зодчества: одного из центральных в мемориальной зоне комплекса объектов – усадьбы декабриста С.Г. Волконского и соседней усадьбы чиновника Т.Н. Солдатова. Усадьба Солдатова обустраивалась одновременно с усадьбой Волконских. Об

этом свидетельствуют документальные источники. Так, на плане Иркутска 1843 г. на месте будущей усадьбы Солдатова (как и на месте усадьбы Волконских) показан пустой, незастроенный участок, в то время как план Иркутска 1864 г. уже зафиксировал постройки в усадьбе Солдатова. С.Г. Волконский в 1853 г. в одном из писем сыну упоминает о соседстве с Солдатовыми¹⁵. В 1864 г. при передаче дома, принадлежавшего ранее семье Волконских, в дар городу купец И.С. Хаминов¹⁶ упоминал в дарственной, что справа (с юго-востока) усадьба граничит с усадьбой чиновника Солдатова.

Усадьба Солдатова интересна тем, что здесь сохранилось деление участка на жилую и огородную части, что было характерно для Иркутска на протяжении нескольких столетий, вплоть до конца XIX в. В передней части усадьбы находятся главный дом и флигель, в глубине – хозяйственные постройки. Главный дом построен между 1844 и 1863 гг. Его планировка сложна и нетрадиционна: это большой двухэтажный дом под скатной вальмовой кровлей¹⁷ сложной формы. Размеры дома 20 × 12,8 м. Стены дома из бревен диаметром 30–35 см, вязаны в лапу¹⁸, большей частью обшиты доской. Фасадный декор соответствует деревянному убранству жилых иркутских домов XIX в. На главном фасаде выделяются очень крупные прямоугольные окна, обрамленные наличниками с горизонтальными сандриками¹⁹ и двухстворчатыми филленчатыми²⁰ ставнями. Дом Солдатова является типичным примером иркутских жилых домов периода эклектики. Имеет нарядное декоративное убранство, с использованием деревянной пропильной резьбы²¹, выполненной по традиционным городским орнаментам²².

Дом и усадьба находятся под охраной с 1970 г. и представляют ценность как элемент окружения мемориальной усадьбы Волконских. В советское время здесь были квартиры. В 1992–1999 гг. по проекту ТОО «Иркутсархпроект» была проведена реставрация построек усадьбы, восстановлены заплот и калитки²³. В настоящее время усадьбу занимает театр-студия «Театр пилигримов».

Малоэтажная деревянная застройка вокруг Преображенского храма – это то, что видели декабристы в этой части города в бытность свою в Иркутске. С течением времени ситуация менялась, появлялось все больше каменных зданий. Так, в 1890 г. прихожанка Преображенской церкви Заборская пожертвовала в пользу храма деревянный одноэтажный дом со всей усадьбой, находившиеся прямо напротив Преображенского храма. На месте этого дома в 1899 г. «ижданием иркутского потомственного почетного гражданина, первой гильдии купца Николая Львовича Родионова» был заложен каменный двухэтажный корпус для приходской школы.

Церковно-приходские школы – это, как правило, бесплатные начальные учебные заведения духовного ведомства для детей низших сословий. Они появились в России после школьной реформы 1804 г. До Октябрьской революции это был самый распространенный в России институт начального образования (религиозного и общего). По содержанию обучения школы могли быть одноклассными с двухлетним курсом и двухклассными с четырехлетним курсом. Обучаться могли как мальчики, так и девочки. Учебный процесс строился с учетом традиционного крестьянского календаря. Заня-

тия начинались не раньше 15 сентября и заканчивались 1 мая. Обучение велось по типовой программе, которая включала следующие предметы: Закон Божий, церковное пение, чтение церковной, гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных школах сверх этого преподавались начальные сведения из истории церкви и отечества, а также грамматика, церковное письмоводство, дидактика, методика преподавания. Ученики, окончившие курс второклассной школы, могли преподавать в школах грамоту, а при желании – продолжать обучение в учительских семинариях, поступать на частную или церковную службу и т. д. Финансирование приходских школ велось из нескольких источников: государственное, средства Синода и попечителей. По мере развития сети церковно-приходских школ и увеличения денежных ассигнований менялись и условия существования школ. Во многих приходах появилась возможность построить собственные дома для школ на средства от городских и сельских обществ, а также частных благотворителей – купцов и крестьян. Показательной в этом смысле является история иркутской Преображенской церковно-приходской школы Родионова.

Н.Л. Родионов²⁴ был одним из крупнейших иркутских купцов, проживавших в приходе Преображенской церкви. Он пожертвовал на строительство школы более 20 000 р. сер., а также обеспечил школу капиталом в 30 000 р., положенных в банк. Строительство каменного здания приходской школы было начато и закончено вчерне в 1899 г. Но по правилам строительного устава того времени отделка каменного здания должна была производиться только через год, что и было выполнено, 15 октября 1900 г. школа была освящена и открыта для занятий. К сожалению, автор архитектурного проекта неизвестен. Первым заведующим церковно-приходской школой был священник Преображенской церкви А.С. Писарев, выпускник Иркутской духовной семинарии 1896 г.²⁵

Здание приходской школы Родионова – это каменная двухэтажная постройка под вальмовыми взаимопересеченными кровлями. Здание украшено аттиками по углам уличных фасадов, башенкой, помещенной на скошенном углу здания, и парапетами. В правой части западного фасада имеется ризалит, в котором помещен парадный вход в здание, ведущий прямо на двухмаршевую лестницу во второй этаж. Соответствующий ризалит помещен и на дворовом фасаде западного крыла, в нем располагается черный ход. Общие размеры здания 10,3 × 17,5 м. Памятник характерен для послепожарной застройки Иркутска, в его декоре отражены формы, присущие одному из направлений гражданской архитектуры Иркутска и примененные в более крупномасштабных постройках. Важно отметить, что существенных перестроек и утрат здание не имеет, кроме внутренних многократных перепланировок²⁶.

В 1924 г. бывшая Преображенская церковно-приходская школа им. Н.Л. Родионова была зачислена в муниципальный фонд. В 1930-е гг. здесь находился изопедтехникум, позднее – областное художественное училище. В нем обучались некоторые известные иркутские художники, например Л.Б. Гимов и В.С. Рогаль. Позднее усадьбу занимало военное ведомство.

Здесь размещались военная комендатура Иркутска и политический отдел спецчастей Иркутского гарнизона. В настоящее время здание принадлежит ООО «Охранное бюро «Сократ»²⁷.

К тому времени, когда была построена школа Родионова, декабристы уже покинули Иркутск. Здание же, расположенное на противоположной стороне улицы, было построено для Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в 1840-е гг., в бытность декабристов в Иркутске.

Первое женское учебное заведение в Иркутске было учреждено по завещанию иркутской купеческой вдовы Елизаветы Михайловны Медведниковой (1787–1828). Благотворительница происходила из небогатой семьи Красногоровых, рано овдовела и завещала своим сыновьям часть отцовского капитала обратить в пользу бедных. Выполняя волю матери, Иван и Логин Медведниковы учредили банк, на доходы которого строился и содержался вплоть до революции Сиропитательный дом. Предприимчивость дала положительные результаты. Банк был открыт 25 мая 1837 г. Основной капитал его составлял 15 633 р., а через 40 лет, к 1 января 1876 г., достиг 415 959 р. Таким образом, он вырос в 26 с лишним раз.

Здание для школы было торжественно заложено 12 июня 1837 г. Спустя два года отстроено большое добротное трехэтажное каменное здание, П-образное в плане, с выделяющимся средним ризалитом главного фасада, завершенного фронтоном (в 1880-х гг. к зданию были пристроены боковые крылья). Школа по замыслу учредителей была создана, «чтобы доставить признание и образование бедным детям женского пола как благородного звания, так и всех остальных сословий». Воспитанниц обучали грамоте, рукоделию и домашнему хозяйству. По уставу 1838 г. здесь должны были обучаться 24 воспитанницы бесплатно, количество пансионеров с оплатой (150 р. в год) не ограничивалось. В дальнейшем число воспитанниц росло и к 1885 г. достигло 250 (150 воспитанниц и 100 пансионеров).

Первоначально в Сиропитательном доме изучали только краткий курс священной истории, арифметики и русской грамматики. В 1845 г. круг преподаваемых предметов расширился: Закон Божий, священная история, география и история России, русская грамматика, чтение и письмо, арифметика, рисование и церковное пение. Затем было открыто ремесленное отделение, в котором девочки получали профессию прачки, швеи, квалифицированной няни или конторской служащей. При Сиропитательном доме была своя хлебопекарня, молочное хозяйство, огород, а также швейная мастерская, где воспитанницы шили на себя и на продажу. Из этих денег выдавалось пособие при выпуске. Распорядок дня был строго регламентирован, и соблюдение его контролировалось надзирателями и классными наставницами. При доме имелись хорошая библиотека и коллекция учебных пособий.

В 1855–1863 гг. Сиропитательным домом руководила одна из образованнейших женщин своего времени Елена Павловна Ротчева (урожд. кн. Гагарина). Е.П. Ротчева была сторонницей гуманистического направления в педагогике. Избегая наказания за проступки, она предпочитала воздействовать на детей убеждением, спокойным, рассудительным словом. Она полагала, что чистота, гигиенические навыки, ласковое обращение воспитывают у де-

тей хорошие нравственные качества. Елена Павловна, как человек передовой и вдумчивый, к детям относилась с любовью и вниманием, старалась внести новые дидактические приемы. Здесь отказались от зубрежки, от механического заучивания. В методике обучения Ротчева часто следовала принципам обучения и рекомендациям декабристов. Образцом для нее был организатор двух начальных училищ для мальчиков и девочек декабрист И.Д. Якушкин, живший на поселении в Ялуторовске. Елена Павловна вела с ним деятельную переписку, а позже познакомилась лично. Под влиянием декабристов ею были обновлены и расширены программы обучения. В Сиропитательном доме стали проводиться литературные вечера, ставиться спектакли. Собственный дом «принцессы Елены» был открыт для передовых людей иркутского общества²⁸. В салоне Ротчевой часто бывал декабрист В.Ф. Раевский. В Сиропитательном доме Е. Медведниковой обучались дочери декабристов М.К. Кюхельбекера – Анна и Юстина, Н.В. Лисовского – Надежда и В.А. Бечасного – Зинаида.

В 1918 г. Сиропитательный дом был передан в ведение отдела городского хозяйства, а банк – в ведение комиссариата финансов. В 1920 г. учебное заведение было реорганизовано в обычный детский дом и выведено из принадлежавшего ему здания, которое было передано Иркутскому сельскохозяйственному институту им. К.А. Тимирязева.

Улица, где располагались Преображенская церковь, приходская школа Родионова и Сиропитательный дом Медведниковой, изначально была названа Преображенской, по названию храма. В советское время она была переименована в ул. Тимирязева.

Далее наш путь лежит на ул. Дзержинского, носившую во времена декабристов название Арсенальской благодаря комплексу построек городского арсенала, который находился в те времена в районе хлебного базара (сегодняшний Центральный рынок)²⁹. Здесь по соседству располагается усадьба, по легенде принадлежавшая семье декабриста Трубецкого, а также усадьба иркутского купца Левенсона.

В доме с мезонином, расположенном на ул. Дзержинского, одном из красивейших памятников деревянного зодчества Иркутска, в 1970 г. был открыт Иркутский музей декабристов. Начиная с 1965 г. дом и хозяйственные постройки усадьбы Трубецких реставрировались дважды. Последняя реставрация проводилась в 2006–2011 гг. Через несколько лет после реставрации в состав усадьбы Трубецких были включены два амбара из соседней усадьбы, принадлежавшей иркутскому купцу и золотопромышленнику Абраму Соломоновичу Левенсону. Его отец, Соломон Левенсон, отслужив 25 лет в армии при Николае I, получил положенный ему за это земельный надел в Восточной Сибири, на реке Лене. Абрам Соломонович организовал снабжение хлебом золотых приисков на Лене. Разбогатев на этом, он стал купцом II гильдии. В 1877–1878 гг. он переехал из Качуга в Иркутск, купил дом на улице Арсенальской и продолжил заниматься торговым делом. В начале 1900-х гг. Левенсон построил в своей усадьбе новый дом, флигели и два больших амбара³⁰. Все строения, в том числе и главный дом, сохранились до

наших дней. Комплекс является примером большой городской купеческой усадьбы³¹.

Особый интерес представляют амбары, которые теперь входят в состав Иркутского музея декабристов. Меньший по размеру амбар был построен в конце XIX в. Он принадлежит к распространенному типу хозяйственных построек. Это двухэтажное строение под двухскатной кровлей с галереей вдоль главного фасада. Галерея поддерживается столбиками с фигурно опилёнными консолями. Внутри амбара имеются четыре помещения в первом и три во втором этаже. Стены выполнены из бревен, вязка углов в лапу. Размеры 15,8 × 5,5 м. Второй, больший по размеру амбар был построен в начале XX в. Дату установили по кованой двери 1902 г., установленной на одном из входов. Это двухэтажное строение с плоской двухскатной кровлей. Размеры сруба 17,9 × 5,8 м. Вдоль главного фасада устроена галерея, поддерживаемая столбами. Под амбаром имеется каменный подвал. Декор представлен обильной пропиленной резьбой³².

В 1920-е гг. усадьба Левенсона была национализирована и отдана под жилье, после Великой Отечественной войны она перешла в ведение Иркутского завода тяжелого машиностроения. Амбары использовались под заводские склады. Постройки усадьбы Левенсона получили статус историко-архитектурного памятника в 1975 г.

Названия улиц давались иркутянами традиционно: по наименованию храма; какого-либо общественно значимого сооружения, к которому вела улица; направлению (например, начало тракта); по имени известного горожанина, имевшего дом на этой улице. Не являются исключением улицы, образующие историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске», в том числе и улица Октябрьской Революции (бывшая ул. Шелашниковская).

Улица Октябрьской Революции сегодня не так интересна по насыщенности административными зданиями, как это было, например, в середине и второй половине XIX в., когда на ней располагались 2-я частная управа, интендантское управление, общее губернское управление, дом иркутского губернатора, Девичий институт Восточной Сибири (позднее на этом же месте – военная прогимназия), Александринский детский приют, Публичный (Синельниковский, или Интендантский) сад, а также частные усадьбы³³. Да и название у нее было другое: в начале позапрошлого века она была Якутской. После открытия здесь Девичьего института Восточной Сибири стала Институтской. Девичий институт был элитарным учебным заведением для девочек. Здесь обучались дочери офицеров, купцов первой и второй гильдий, тайшей³⁴, а также дочери С.П. Трубецкого Зинаида, Елизавета и дочь В.Ф. Раевского Софья. Вскоре после открытия Девичий институт был переведен в более удобное место, во вновь отстроенное каменное здание на набережной р. Ангары. В 1872 г. улица получила новое название – Шелашниковская – в честь военного губернатора Иркутска и иркутского гражданского губернатора (1864–1880) Константина Николаевича Шелашникова. Революционная окраска в названии улицы появилась в 1920 г.

Во времена декабристов на этой улице располагалось множество купеческих усадеб. Были среди купцов именитые, прославившиеся при жизни

и оставившие о себе добрую память, такие как Е.А. Кузнецов, о котором говорилось выше. Дважды он избирался городским головой, в 1826–1829 и в 1832–1835 гг. Первый период его избрания совпал со ссылкой декабристов в Сибирь. И конечно, ему, как городскому голове, приходилось с ними встречаться. Евфимий Андреевич относился к сибирским изгнанникам без страха и предубеждения, он оказывал помощь декабристам и членам их семей, выступал посредником в делах, способствовал переписке, предоставлял свой дом в качестве временного пристанища.

Упоминание о приезде первых декабристов в Иркутск и о том, что в доме Е.А. Кузнецова останавливались жены декабристов, мы находим в воспоминаниях современников. После приезда в Иркутск в августе 1826 г. группы декабристов, в составе которой был С.П. Трубецкой, Кузнецов поспешил встретиться с Сергеем Петровичем, «о котором писал ему доверитель его кн. Голицын, чтобы заготовлена была квартира для жены его, которая вслед за ним в Иркутск прибудет». Екатерина Ивановна Трубецкая, приехав в Иркутск в начале сентября 1826 г., остановилась в доме Е.А. Кузнецова, где пробыла до отъезда в Нерчинский Завод 20 января 1827 г. После нее дом принял М.Н. Волконскую, о чем та упоминает в своих записках: «Занимаемая мною квартира была именно та, из которой Каташа (Е.И. Трубецкая) выехала в этот самый день в Забайкалье»³⁵. Здесь же немного позднее, в январе 1827 г., нашла приют и А.Г. Муравьева во время пребывания в Иркутске, следуя за мужем в Забайкалье. Кузнецов без всякой выгоды и корысти, не опасаясь навлечь на себя подозрения, предоставлял свою квартиру в распоряжение жен государственных преступников.

Спустя годы многие декабристы ездили в дом Кузнецова по пути на поселение. Так, в сентябре 1839 г. около месяца здесь жила вся семья Трубецких, будучи проездом на поселение в с. Оёк. Декабристы, которым довелось тогда общаться с Евфимием Андреевичем, тепло отзывались о встречах с ним³⁶.

Е.А. Кузнецов владел домом на этой улице с 1817 г. По правую сторону от купеческого дома был дом Военного училища, а по левую – дом губернатора. Вот описание дома «короля» Кузнецова, как называли его современники: «Дом деревянный, большой – окон в 9, а может, в 11, на восточном краю города, ближайший адмиралтейству» (имелось в виду старое адмиралтейство, располагавшееся на р. Ушаковке, новое позже было выстроено на р. Ангаре). Величина покоев в доме составляла: в длину 10 саж. (21,3 м), в поперечнике 6 саж. (12,78 м), число покоев – 6, число печей – 5³⁷.

После смерти Е.А. Кузнецова в 1850 г. усадьба перешла к его племяннице Е.А. Занадворовой, так как детей у четы Кузнецовых не было. Усадьба Кузнецова неоднократно подвергалась пожарам. Во время одного из пожаров сгорел дом, выходивший на красную линию Институтской улицы. Несмотря на все перипетии, к концу 1860-х гг., когда усадьба продавалась, один из домов все же сохранился. Определенно можно считать, что ныне существующий двухэтажный деревянный дом по ул. Октябрьской Революции, 11б, – это единственная сохранившаяся постройка усадьбы. В 1868 г. была совершена купчая, по которой усадьба Е.А. Занадворовой за 10 тыс. р. сер. перешла

к братьям купцам Родионовым: а с 1903 г. усадьба стала собственностью Семена Николаевича Родионова, сына и наследника Николая Львовича, построившего церковно-приходскую школу, о которой мы говорили выше.

При Родионовых усадьба простиралась до р. Ушаковки и имела, как и во времена Кузнецова, обширный сад с различными строениями. Интересно отметить, что в усадьбе располагались энтомологический музей и библиотека при нем. С.Н. Родионов состоял бессменным гласным думы, был отличный охотник, любил природу, составил на редкость интересный энтомологический музей и подобрал богатую библиотеку по энтомологии не только на русском, но и на иностранных языках. Все экземпляры бабочек и насекомых были определены специалистами. Семен Николаевич сам возил определять их в столицу. В этот музей приезжали работать специалисты из Томска, Петербурга и других городов. Американцы предлагали Родионову за музей большие деньги, но он заявил, что музей и библиотека будут переданы Иркутскому университету, когда он откроется. Семья Родионовых жила в особняке до 1917 г. После Октябрьской революции усадьба была национализирована. В настоящее время здесь располагаются различные учреждения.

Далеко не всем деревянным строениям уготована долгая жизнь. Некоторые примечательные дома и целые усадьбы этой улицы сегодня уже не существуют. Они остались только на дореволюционных открытках и редких фотографиях советского времени. Таковым является здание, которое имеет непосредственное отношение и к административному управлению Иркутской губернией, и к пребыванию в Иркутске декабристов, – резиденция иркутских гражданских губернаторов и иркутского губернского правления. Располагался дом гражданских губернаторов в соседней с кузнецовской усадьбе и, по свидетельству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, был куплен для казны на средства купца Кузнецова³⁸.

Несмотря на то что дом гражданских губернаторов сегодня физически не существует, он остается памятником федерального значения. История этого дома чрезвычайно интересна. Он был построен в начале XIX в. на месте конюшен для лошадей драгунской штатной роты. В 1847 г. усадьбу выкупил чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири К.Я. Дараган. В этом же году городской архитектор А.Е. Разгильдеев³⁹ разработал проект «на исправление» дома. Разгильдеев спроектировал пристройки с открытыми верандами, лестницами и входами с улицы, несколько изменил первоначальный внешний облик, увеличив размеры здания, и, вероятно, внес изменения в планировку. Вскоре дом был приобретен у Дарагана иркутским купцом Кузнецовым за 40 тыс. р. сер. и в начале 1848 г. передан казне для квартиры губернатора. Первым губернатором, поселившимся здесь в 1853 г., был военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор К.К. Венцель. С этого времени в усадьбе размещалось губернское управление. Впоследствии в доме работали военные губернаторы Иркутска и иркутские гражданские губернаторы. Сам Е.А. Кузнецов в этой усадьбе не жил, как указывалось выше, он имел жилую усадьбу по соседству⁴⁰.

В будущем доме гражданских губернаторов в 1845–1847 гг. проживала семья Волконских. Генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт в ав-

густе 1844 г. разрешил Марии Волконской выехать на лечение в Иркутск. Перебравшись из Урика в Иркутск, семья Волконских квартировала в губернаторском доме, пока строился по соседству их собственный дом⁴¹.

В советское время дом гражданских губернаторов был национализирован. С 1920 г. здесь располагались Дом ребенка имени 3-го Интернационала и Дом ребенка имени Луначарского. Позже постройка использовалась под коммунальные квартиры. В 1979 г. дом был разобран для переноса на территорию мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». Но при воссоздании дважды горел (в 2001 и 2005 гг.).

Перенос и воссоздание дома гражданских губернаторов пока не удалось реализовать. А вот другой проект, который также был запланирован еще при разработке историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске», – установку памятника женам декабристов – удалось воплотить в жизнь.

Создание памятника женам декабристов и благоустройство сквера Волконских были приурочены к 350-летию Иркутска. Торжественное открытие памятника состоялось 13 сентября 2011 г. Этому предшествовала большая подготовительная работа, был объявлен конкурс на разработку проекта и изготовление памятника. Множество вариантов проекта памятника обсуждалось общественностью города. Итогом стала победа в 2009 г. творческого коллектива скульптора М.В. Переяславца и архитектора Ю.П. Волчка. Скульптура создавалась на скульптурно-производственном предприятии «Лит-Арт» в подмосковном городе Жуковском. Фигура была изготовлена из бронзы. Высота памятника составляет 3 м, вместе с постаментом – 5,5 м. Стоимость скульптуры – 17 млн рублей. Композиция установлена на средства коренного иркутянина, предпринимателя В.Л. Захарова. Считается, что прототипом для скульптурного изображения послужила княгиня Мария Волконская, одна из одиннадцати женщин, последовавших за мужьями в Сибирь и в полной мере разделивших их тяжелую участь.

В границах историко-мемориального комплекса продолжается реставрация и приспособление объектов средней городской деревянной застройки XIX в. Это важная задача, потому что неповторимая деревянная застройка – это лицо Иркутска; потому что именно таким Иркутск встретил декабристов, в таком именно городе жили многие из них на поселении⁴².

Исконно основным строительным материалом в массовом домостроении Иркутска было дерево – сосна и лиственница, а кирпич и камень не имели в жилой архитектуре большого применения вплоть до начала XX в. Многообразие приемов и форм деревянной архитектуры, большое типологическое разнообразие построек выгодно отличают Иркутск от других городов. Самобытная деревянная архитектура составляет значительную часть архитектурного наследия Иркутска, во многом определяя его индивидуальность⁴³.

Показательной в этом смысле является усадьба, расположенная на пересечении улиц Ф. Энгельса и Декабрьских Событий. Точнее, это несколько исторических усадеб, объединенных в единое культурное пространство. Идея использования исторического городского пространства подобным образом родилась в процессе реализации проекта «Формирование памятниково-заповедных зон в г. Иркутске», над которым с 1998 г. работает админи-

страция Иркутска. В настоящее время в объединенной усадьбе разместилось учреждение культуры «Дом Европы», целью которого является содействие установлению, развитию и укреплению международных связей между Иркутском и странами Европы (по факту и всего мира). Это единственное подобное учреждение на территории от Урала до Дальнего Востока. «Дом Европы» обеспечивает материально-техническое сопровождение международных мероприятий, проводимых администрацией Иркутска, осуществляет туристическую деятельность в части, касающейся размещения, питания участников мероприятий; создания условий для проведения деловых мероприятий; организации экскурсий и торжественно-обрядовых церемоний; работы по сохранению и содержанию комплекса.

На территории объединенной усадьбы отреставрированы и введены в эксплуатацию архитектурные памятники, которые изначально были построены здесь, а также перенесенные с других иркутских улиц. Дом Шастина (кружевной дом, ул. Ф. Энгельса, 21) занимает управление по международному сотрудничеству администрации Иркутска. В двухэтажном амбаре (ул. Ф. Энгельса, 21б) располагается управление культуры администрации Иркутска. В доме Серпилова (ул. Ф. Энгельса, 23) работает кафе. Дом Гринберга (ул. Ф. Энгельса, 23а) и флигель Ларина с переходом занимает уютная гостиница (ул. Ф. Энгельса, 21а). В доме Полканова (Декабрьских Событий, 77а) и соседнем здании (ул. Декабрьских Событий, 77б) располагаются туристско-информационный центр администрации Иркутска и филиалы Музея истории города Иркутска «Музей городского быта» и «Музей чая». Через дорогу по ул. Ф. Энгельса разбит купеческий сквер.

Вошедший во все путеводители и планы города дом Шастина под именем «кружевной» является одним из главных украшений не только объединенной усадьбы, но и Иркутска. Дом был построен в 1896 г. и перестраивался в 1911 г. Владельцы усадьбы довольно часто менялись⁴⁴. С 1907 г. усадьба числится за личным почетным гражданином, околоточным надзирателем Аполлоном Ивановичем Шастиным. Именно при этом владельце был возведен кружевной шедевр, двухэтажный флигель и каменные холодные службы. В досоветское время усадьба представляла собой вид доходного домовладения. А.И. Шастин владел усадьбой до 1929 г., когда по решению Народного суда Иркутска его домовладение перешло в собственность Горкоммунотдела. В 1932 г. собственником дома становится управление жилищного хозяйства и строительства, позднее – домоуправление № 6 в Октябрьском РЖУ. Долгое время дом использовался под жилье. В 1988 г. усадьба была передана под детскую художественную школу, позже перешла в безвозмездное пользование администрации Иркутска сроком на 50 лет.

С 1988 г. начинается процесс реставрации здания⁴⁵. В 1995 г. дом Шастина поставлен под государственную охрану как памятник федерального значения. В 1997–1999 гг. кружевной дом был отреставрирован в соответствии с архивными чертежами и старыми фотографиями. Усадьбе вернули деревянную ограду с массивными воротами, обновили знаменитые наличники главного фасада с уникальной резьбой, благоустроили двор. После рестав-

рации кружевной дом по инициативе французской ассоциации сохранения мировых памятников был внесен в список охраняемого наследия.

Традиция украшать деревянные постройки уходит в глубину веков, она связана с языческими верованиями. В древности декор имел магико-символический смысл и играл роль оберега и молитвы. Революция в декоре иркутских деревянных домов произошла после изобретения в конце XIX в. лобзика. На смену рельефной резьбе пришла пропильная, изготовление которой не требовало особых навыков. Доступность приема привела к тому, что деревянным кружевом стали украшать буквально все элементы фасада и ворот. В начале XX в. в Иркутске появляются здания в стиле модерн. Примером такого дома является дом купца А.И. Шастина⁴⁶. Равномерный «ковровый» декор, узоры на окнах, резные кронштейны, накладные резные элементы в виде экзотических птиц украшают стены дома, сандрики карнизов, ставни. Дом напоминает деревянные северорусские терема. Так украшались здания общественного значения и доходные дома.

Обильное декоративное убранство фасадов кружевного дома, сложные очертания кровли с башенками и, наконец, своеобразное объемно-планировочное решение придают памятнику особый, неповторимый образ. Особый интерес представляют оконные наличники главного фасада с уникальной резьбой, разных очертаний с массивным светом, в средней приподнятой части в виде стилизованной совы. Филенчатые ставни украшены глубинной резьбой в виде цветов. По всему облику дома видно, что заказчик и строители не пожалели ни денег, ни усилий при возведении этого деревянного дворца.

Объединенная усадьба удивительным образом сочетает в себе функции сохранения и презентации деревянной исторической застройки Иркутска времен декабристов и иллюстрирует основную миссию «Дома Европы» – развитие и укрепление международных связей, которую воплощает мини-парк символов городов-побратимов – своеобразная выставка под открытым небом. Парк был открыт 4 июня 2011 г. в День города. На открытии присутствовали гости из 14 городов Европы, Азии и Америки.

Завершая путешествие по историко-мемориальному комплексу «Декабристы в Иркутске», следует отметить, что комплекс является живым, развивающимся организмом, имеющим перспективы расширения функционального использования расположенных здесь зданий и сооружений, а значит, и повышения туристической привлекательности этой исторической территории в составе Иркутска.

Примечания

¹ Иркутск и декабристы: путеводитель / сост. О.А. Акулич, Е.А. Добрынина, И.А. Горбунова. Иркутск, 2009.

² Комплекс образован улицами Дзержинского (бывшая Арсенальская, Графо-Кутайсовская), Декабрьских Событий (Ланинская, Московская), Энгельса (Жандармская) и Октябрьской Революции (Институтская, Шелашниковская), Тимирязева (Преображенская).

³ Например, трехэтажный дом по пер. Волконского, 12 (до настоящего времени не снесен).

⁴ Михайлова М. Создание декабристского комплекса в Иркутске // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 55–59.

⁵ *Добрынина Е.А.* Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске» // Проект Байкал. 2009. № 20. С. 116–119.

⁶ Памятники федерального значения: Преображенская церковь, дом Волконского, дом Трубецкого, дом гражданского губернатора и дом Шастина. Данные по количеству памятников и их статусу на конец 2017 г. // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

⁷ *Бубис Н.Г.* Иркутский острог. Возникновение и основные этапы развития города Иркутска // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 2–7.

⁸ Стефан Яковлевич Игнатъев вложил в строительство церкви 6000 р. Кроме того, средства на возведение храма пожертвовали купец И.Н. Сухих и другие благотворители, а кузнецы обязались выполнить все железные работы из своего материала.

⁹ Считается, что архитектором, которому поручалось выполнение проекта, являлся Антон Иванович Лосев – коренной иркутянин, окончивший навигацкую школу и бывший в это время «прикомандирован в должность губернского архитектора». Благодаря Антону Ивановичу в столице Восточной Сибири было возведено множество зданий в стиле русского классицизма. Из сохранившихся построек Лосева можно назвать здание главпочтамта; народное училище, которое в сильно перестроенном виде мы сегодня знаем как Иркутский авиационный техникум; постройки в бывшей усадьбе купца Баснина по ул. Свердлова, 35; церковь Григория Неокесарийского. Но большинство его строений не сохранились.

¹⁰ *Калинина И.В.* Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 135–137.

¹¹ От былого убранства сохранилось немного. Это росписи, выполненные маслом в стиле провинциального академизма в трапезной и четверике. Роспись находится под многократным слоем побелки, причем в трапезной ею покрыта почти вся часть сводов. Частично сохранились цветные стекла в главном храме, а также две иконы апостолов главного иконостаса, они находятся во втором ярусе иконостаса Михайло-Архангельской церкви в Ново-Ленино. А два боковых иконостаса располагаются в боковом Никольском приделе Крестовоздвиженской церкви (*Натяганов Н.* Церковь Преображения Господня. Исторические сведения // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 16–19).

¹² Большой праздничный колокол весом 256 пудов отлит на средства прихожанина Александра Диомидовича Белозерова в 1902 г. на заводе Оловянных в Ярославле; воскресный, весом 165 пудов, сделан в Иркутске на временном заводе под управлением ярославского купеческого сына Петра Чарышникова в 1873 г.; повседневный, весом 76 пудов 10 фунтов, перелит из старого на пожертвованный капитал мешанами Константином и Иваном Пачерских в 1873 г.; великопостный, весом 29 пудов, лит тюменскими мешанами братьями Гиловыми в 1843 г.; а также шесть колоколов весом 2, 11/2, 1 пуд, 30, 20, 10 фунтов (*Натяганов Н.* Церковь Преображения Господня...)

¹³ Среди многочисленных благотворителей можно выделить постоянных, которые ежегодно вносили по 500, 800 р., а то и больше на текущие ремонты здания церкви, перестилку полов, окраску куполов и ограды. Это купцы 1-й гильдии братья Николай и Василий Родионовы, мешане братья Иван и Константин Пачерские, Прокопий Федорович Сверлов (староста церкви) и Егор Стефанович Игнатъев, купцы Симон Иванович Толченев и Борис Андреевич Андреев. Среди жертвователей-женщин можно отметить Евдокию Афанасьевну Бурдачеву, Анну Кривошееву, Александру Иннокентьевну Панову, Наталью Ильиничну Калинину.

¹⁴ *Кузнецов Евфимий Андреевич* (1771–1850), купец 1-й гильдии, крупный иркутский золотопромышленник. Он приехал в Иркутск из Тобольска и навсегда остался здесь. Детей у него не было. В 1817 г., вскоре после приезда, он становится владельцем домов в Преображенском приходе. Кузнецов был замечательным благотворителем. На его средства были построены больница на берегу Ангары, здание Девичьего института, Казанский кафедральный собор и много других зданий в Иркутске. Он пожертвовал на Амурскую экспедицию около 30 млн рублей. К 1840-м гг. Евфимий Андреевич награжден орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Владимира 4-й степени (за Амур).

¹⁵ *ИРЛИ.* Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 19 об. Письмо С.Г. Волконского сыну от 21 сент. 1853 г. [Иркутск].

¹⁶ *Хаминов Иван Степанович* (1817–1884), купец 1-й гильдии, городской голова (1859–1864, 1868–1870), потомственный почетный гражданин (1863), почетный гражданин Иркутска (1883), обладатель орденов Св. Станислава 3-й, 2-й, 1-й ст., Св. Анны 2-й и 1-й ст., Св. Владимира 4-й и 3-й ст., тайный советник (1882), крупный меценат. Гласный Иркутской городской думы (1872, 1876–1880).

¹⁷ Вальмовая крыша – вид крыши с четырьмя скатами.

¹⁸ Способ соединения бревен при строительстве.

¹⁹ Сандрик – декоративное украшение, которое располагается над дверью или окном, выступает из плоскости стены и подчеркивает особый стиль всего дома при оформлении фасада декором.

²⁰ Филенка – тонкая доска или фанера, вставляемая в какую-нибудь раму.

²¹ Пропильная резьба – ажурная сквозная резьба по дереву, выполненная специальной пилой.

²² Паспорт памятника истории и культуры «Городская усадьба середины XIX в. Дом жилой середины XIX в.» от 6.01.1981 г. // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

²³ Акт государственной культурно-исторической экспертизы на историко-культурный объект «Усадьба чиновника Т.Н. Солдатова: дом с прачечной», расположенный по адресу: пер. Волконского, 8, от 23.12.2016 г. // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

²⁴ *Родионов Николай Львович* (1824–1903), томский, позднее иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин (с 1888 г.). Активно торговал в Кяхте, был крупным иркутским ростовщиком и домовладельцем, сдавал помещения внаем, имел кожевенный завод в г. Бельске. Вел активную общественную деятельность: гласный городской думы (1870–1889 гг.), попечитель Сиропитательного дома Е. Медведниковой, промышленного училища, частной школы «Детский сад». Жертвовал на построение часовни Христа Спасителя, городского театра. Был похоронен в ограде Знаменского монастыря. Его сын Семен Николаевич (1885–1935), выдающийся энтомолог, собрал богатую коллекцию растений.

²⁵ *Гаращенко Л.В.* Преображенская церковно-приходская школа Николая Львовича Родионова // http://irkipedia.ru/content/preobrazhenskaya_cerkovno_prihodskaya_shkola_nikolaya_lvovicha_rodionova.

²⁶ Паспорт памятника истории и культуры «Здание бывшей приходской школы Родионова. Конец XIX в. (1890-е гг.)», расположенного по адресу: ул. Тимирязева, 60, от 27.11.1982 г. // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

²⁷ Здание бывшей приходской школы Родионова состоит в «Сводном списке вновь выявленных объектов культурного наследия г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», 2000 г. рег. № 710.

²⁸ *Матханова Е.И.* Принцесса Елена // *Земля Иркутская*. 2004. № 26. С. 69–73.

²⁹ В 1904 г. в честь иркутского генерал-губернатора Арсенальская переименована в Графо-Кутайсовскую.

³⁰ *Чернохвостова-Левенсон Е.В.* Кто мы и откуда. История семьи. Роли (США), 2012. С. 45–77.

³¹ Главный дом построен в середине XIX в. Дом относится к малораспространенному типу: имеет мезонин, параллельный улице. Высокий объем первого этажа поднят на цоколь. К нему примыкает еще один объем, меньшей ширины. В нем были старые входы в дом. В мезонин ведет деревянная лестница. Мезонину соответствует такой же эркер в первом этаже. Размеры дома 31 × 10 м. Стены из бревен, обшиты тесом. Вязка углов в лапу. Основной элемент декора – наличники с прямыми (на заднем фасаде) или лучковыми сандриками на главном фасаде. Некогда были росписи на потолках.

³² Паспорт памятника истории и культуры «Городская усадьба XIX в. Комплекс построек», расположенного по адресу: ул. Дзержинского, 62, от 15.06.1980 г. // Архив службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

³³ *Медведев С.И.* Иркутск на почтовых открытках: 1899–1917. М., 1996. С. 451–466.

³⁴ Тайши (монг. тайш) – у монгольских народов вождь, старейшина более или менее обширной родовой группы.

³⁵ Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / предисл. М.Д. Сергеева; примеч. Б.Г. Кокошко. М., 1977. С. 58.

³⁶ Ковалева А. Иркутский благотворитель // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 25–29.

³⁷ Гаращенко А.Н. Дома на Шелашниковской // Земля Иркутская. 2010. № 2. С. 76–87.

³⁸ Там же. С. 82.

³⁹ Разгильдеев Александр Евграфович (1818–1895), иркутский городской архитектор с 1844 г. В 1859 г. удостоен звания академика архитектуры. В 1862–1880 гг. иркутский губернский архитектор. Наиболее значимые осуществленные проекты А.Е. Разгильдеева: здание Института императора Николая I (бул. Гагарина, 20), Кузнецовская больница (бул. Гагарина, 4), особняк купцов Котельниковых (ул. Фурье, 2), доходный дом купца В.Н. Брянцева, позднее И.И. Гиллера (ул. К. Маркса, 22), здание Губернского казначейства (ул. Ленина, 1).

⁴⁰ Гаращенко А.Н. Дома на Шелашниковской. С. 82.

⁴¹ «Когда семья переселилась в город и заняла большой двухэтажный дом, в котором впоследствии помещались всегда губернаторы, то старый князь, тяготея больше к деревне, проживал постоянно в Урике и только время от времени наезжал к семейству <...>» (Знаменский М.С., Белоголовый Н.А. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 263).

⁴² Барановский Е.Ю. Жилые дома Иркутска. Типология // Земля Иркутская. 2002. № 1. С. 23–29; № 2. С. 4–6.

⁴³ Корзун А. Традиции деревянной жилой застройки Иркутска // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 25–28.

⁴⁴ В конце XIX в. усадьба принадлежала иркутскому мещанину А.М. Рыжакову. К началу XX в. хозяйкой усадьбы становится М.Л. Средник, жена И.Э. Средника – владельца магазина готового платья, который размещался на Большой улице. Средники были обладателями участка весьма непродолжительное время, вероятно, не более четырех-пяти лет, так как в справочнике по Иркутску за 1906 г. значится новая хозяйка – В.Ф. Янковская. Но она была в этой роли еще меньше, чем предыдущие жильцы (Гаращенко А.Н. Кружевной дом // Земля Иркутская. 2002. № 1 (18). С. 42–43).

⁴⁵ Проект реставрации был разработан в «Иркутскремстройпроекте» под руководством архитектора А.В. Яковлева. Подрядная организация, трест «Иркутскремстрой», приступила к работам в феврале 1990 г. В 1991 г. дом разобрали, но по ряду причин воссоздание строения затянулось надолго. В 1997–1999 гг. научно-производственная компания «Три века» выступила заказчиком на проведение реставрации и воссоздание памятника. ТПО «Иркутскарх-проект» выполнило проекты приспособления построек в усадьбе (авторы Л.И. Гурова и А.А. Крутиков).

⁴⁶ Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 104.

Люди и судьбы

Л.В. Гаращенко

Частные учебные заведения Иркутска (1830–1860-е гг.)

В советской историографии достаточно много работ было посвящено педагогической деятельности декабристов в Сибири, в том числе и в Иркутске¹. Происходило некоторое преувеличение их роли и вклада в формирование культурно-образовательного пространства региона. У читателя, не знакомого с реалиями той исторической эпохи, складывалось впечатление, что декабристы официально открывали школы (в Петровском Заводе, Чите, Селенгинске, Минусинске, Ялуторовске, Тобольске, Красноярске, селах Олонки, Урик, Оёк, Смоленщина и других местах) и учительствовали там. Но авторами как-то уж очень аккуратно опускалась деталь, что практика эта носила сугубо частный характер (обучение детей на дому) и не могла иметь широкого распространения в связи с запретом для государственных преступников подобного вида занятий. В основном это была вынужденная деятельность, ради заработка, для малообеспеченных ссыльных декабристов. Широко известны воспоминания Н.А. Белоголового о своем обучении вместе с братьями у А.И. и П.И. Борисовых, А.П. Юшневского, А.В. Поджио (в 1842–1846 гг.)².

Исключением из правил можно считать И.Д. Якушкина, который очень активно занимался организацией школы в Ялуторовске и сам преподавал в ней. Но поскольку государственным преступникам запрещалось создавать частные учебные заведения, открытие этой школы состоялось благодаря соборному протоиерею, отцу Стефану Знаменскому, «человеку уважаемому, умному и по-тогдашнему хорошо образованному»³. Основанная как приходская, школа находилась на территории местного собора. Официально преподавателями считались двое не окончивших курс семинаристов, соборный дьячок Е.Ф. Седачев и пономарь Х.Ф. Иваницкий. И.Д. Якушкин был неофициальным смотрителем. Воспоминания современников о школе несколько разнятся. Одни отмечали, что заведение было смешанного типа, то есть в нем совместно обучались дети обоего пола⁴. Другие говорят о двух школах: мужской, открытой в 1842 г., и женской, созданной в 1846 г.⁵ Но все отмечают, что преподавание велось по ланкастерской системе.

Вот как описывалась организация образовательного процесса: «В школе преподавалась азбука по самому последнему методу, введенному Якушкиным, чтение, письмо, правописание (грамматика), псалтырь, часовник, Закон Божий, а с 5-го отделения – латинский и греческий языки, причем даже преподавалась грамматика этих языков.

Всего отделений было 9, но из отделения в более старшее отделение переводили по способностям, так что некоторые кончали школу в 3–4 года. В младших классах преподавали ученики старших отделений, так как в школе учеников было до 100 человек, а учителей лишь 2 на всех. Способ преподавания был главным образом наглядный, по таблицам, книг же не было, за исключением псалтыря и часослова»⁶. «Уроков никаких на дом не задавалось, все проходило и усваивалось в школе. Занятия производились утром и после обеда: с 9–1 дня и с 2–4 вечера. Зимой занимались один раз. Весной, летом и осенью после занятий обычно шли в поле, и Якушкин рассказывал на примере жизнь природы, так как он был хороший ботаник. <...> Со старшими учениками занимался сам Якушкин – арифметикой, географией, грамматикой, историей, ботаникой и т. п.»⁷.

В женском училище школьницы, кроме обыкновенного учения (уроки грамматики, священной истории и истории российской, географии и арифметики), три раза в неделю занимались рукоделием, вышиванием и пр. «Эти работы, усовершенствуясь постепенно, послужили впоследствии к умножению способов школы. Продажа изделий воспитанниц доставляла ежегодно около 100 и более рублей серебром ежегодного дохода»⁸.

Было бы ошибкой считать, что до появления в Сибири декабристов здесь не было людей, занимавшихся частной педагогической практикой и даже открывавших учебные заведения. Полагаем, что пора восстановить историческую справедливость и на основании имеющегося в нашем распоряжении документального материала осветить эту малоизученную страницу развития регионального образования и рассказать о тех персонах, кто проявил инициативу в создании в Иркутске первых частных школ и пансионов. Нелишне отметить, что их услугами пользовались и сами декабристы, обучая своих детей. Определим хронологические рамки нашего исследования периодом 1830-х – серединой 1850-х гг., то есть с начала выхода декабристов на поселение и до отбытия последних из них из Иркутской губернии.

Несколько слов о том, как шло развитие частного образования в Иркутске.

На первых порах наиболее распространенной формой негосударственного общего образования была деятельность отдельных грамотных людей: «мастеров грамоты», наставников, гувернеров, а позднее – учителей, преподававших на дому у себя или у ученика. Как правило, домашние учителя готовили детей к поступлению в гимназию, а также давали уроки пения и музыки, обучали танцам, иностранным языкам и другим «наукам». К услугам частных учителей прибегали члены администрации края, крупнейшие иркутские и иногородние купцы. Уровень домашнего образования был заметно выше, чем в массовых школах, и считался элитным: дети рано поступали в учебные заведения и «пользовались» там «большой самостоятельностью»⁹.

Деятельность частных школ во всей России с 1786 г. находилась под строгим контролем государства. В опубликованном в этом году «Уставе народным училищам Российской империи»¹⁰ имелась целая глава под названием «Наказ содержателям домашних училищ и учителям, имеющим у себя воспитанников», где излагались те правила, которые следовало неукоснительно

соблюдать. Этот раздел практически в неизменном виде был перенесен в «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г.¹¹, а затем – в «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С[анкт-]Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» (1828 г.)¹². В отдельной главе «О частных учебных заведениях и не служащих в ведомстве Министерства народного просвещения учителей» «Устав» прописал общие требования для частных учебных заведений, деятельность которых была признана положительной «для содействия видам Правительства в распространении просвещения».

Параграф 309 гласил: «Никакое частное учебное заведение не может быть открыто без дозволения училищного начальства. Учредитель обязан подать прошение тому местному начальству, к ведению коего должно принадлежать его учебное заведение; и в то же время представить план оногo, объясняя: 1) какого рода будет сие учебное заведение; 2) какие учебные предметы должны быть в оном преподаваемы; 3) сколько в нем будет учителей и какие именно; 4) какое в оном предполагается наибольшее число учеников; 5) где и какое помещение для них назначается. На ответственность содержателя возлагается принимать в учителя только имеющих на сие законные права».

Согласно «Уставу» 1828 г., частные учебные заведения могли быть двух родов: открытые и закрытые. Первые предназначались лишь для учения и преподавания (здесь могли содержаться дети обоего пола, но не старше 11 лет от роду, при этом девочек и мальчиков следовало помещать в разные классные комнаты). В других ребят не только обучали, но и обеспечивали им полный пансион и воспитание. Относительно содержания образования было рекомендовано в числе и распорядке учебных предметов сближаться с соответствующими казенными училищами. При этом учредитель мог добавлять в учебный план «какую-либо науку, иностранный язык или искусство, сообразаясь с местными потребностями или особенною целью заведения»¹³. Выявленные нарушения – отступления от утвержденного учебного плана – могли стать поводом для закрытия школы.

В августе 1834 г. министром просвещения С.С. Уваровым «в отвращение всяких злоупотреблений по сей части»¹⁴ была подготовлена всеподданнейшая докладная записка об ответственности содержателей и учителей пансионеров и частных учебных заведений, предусматривавшая серьезные штрафные санкции: ведение педагогической деятельности без необходимого звания и установленного свидетельства наказывалось штрафом в 250 р. ассигнациями; повторная провинность, допущенная иностранцем или иностранкой, грозила высылкой из страны; природные русские или иностранцы, вступившие в русское подданство, за это привлекались к суду. Инициатива С.С. Уварова получила собственноручную резолюцию императора: «Согласен» и была закреплена Указом Его Императорского Величества 29 августа 1834 г.¹⁵

28 ноября 1833 г. Сенатом был принят закон «О мерах против умножения пансионеров и частных учебных заведений»¹⁶. Он устанавливал новые правила учреждения таких школ, которые были названы по большей части не достигавшими своей цели, а также «едва терпимым злом, которое мешало

осуществлению идеи государственного обучения»¹⁷. В Санкт-Петербурге и Москве впредь до усмотрения особой надобности вообще приостанавливалось создание новых частных пансионатов для детей обоего пола. В других же городах разрешение на организацию частных пансионатов могло выдаваться не иначе как «по уважению крайней в том надобности» и в тех местах, где не представлялось другой возможности к «образованию юношества» в казенных учебных заведениях. Кроме того, для подтверждения благонадежности содержателей вновь открывавшихся пансионатов и частных училищ в качестве обязательного условия было установлено наличие их подданства Российской империи. Министерству народного просвещения предписывалось заняться «соображением меры надзора»¹⁸ за частными пансионатами и учреждением особенного, постоянного наблюдения.

Несмотря на ограничения и запреты со стороны правительства в отношении негосударственных учебных заведений и еще до того, как у декабристов вышел срок каторги и первые из них прибыли на поселение в Иркутскую губернию, в ее столице 26 июля 1833 г.¹⁹ было создано одно из первых частных учреждений – пансион для девочек и мальчиков. Его открыл в своем доме чиновник Николай Федорович Скрыбин, титулярный советник, служащий канцелярии Главного управления Восточной Сибири (далее – ГУВС).

Пансион Н.Ф. Скрыбина для детей мужского и женского пола

В заведение Н.Ф. Скрыбина, которое было рассчитано на 15 человек, первоначально было зачислено 16 учеников в возрасте от 6 до 9 лет. Пансионерами стали дети богатых купцов (В. Баснина, М. и К. Трапезниковых, И. Шилова, Н. Зубова, П. Катышевцева, А. Титова), иркутских чиновников (Е. Быкова и М. Редрова), а также сын и дочь умершего майора И. Гурладия. Во второй половине того же учебного года в пансионе уже числилось 9 мальчиков и 16 девочек; добавились имена детей купцов В. Пестерева, И. Медведникова, Д. Белозерова, А. Расторгуева, чиновников А. Лосева, А. Пильникова. Стала здесь учиться и Мария Скрыбина – дочь содержателя. На следующий год контингент несколько поменялся: в первом полугодии в пансионе обучалось 14 мальчиков и 8 девочек, во втором – 9 мальчиков и 13 девочек²⁰.

Н.Ф. Скрыбин лично обучал пансионеров чтению, письму, российской грамматике и истории, священной истории, катехизису, арифметике, географии и рисованию. У него были для этого необходимые педагогический опыт и уровень образования: по окончании семинарии в 1816 г. он был назначен учителем в Оёкское приходское училище Иркутской губернии, затем его переместили в приходское училище в Иркутск (1820 г.). В 1823–1826 гг. Николай Федорович работал в Иркутском уездном училище, в 1824–1826 гг. одновременно выполнял там функции письмоводителя. 21 января 1826 г. уволен по прошению из учебного ведомства. Находился на гражданской службе в общем губернском управлении (с 22 января 1826 г.). Затем – служащий канцелярии ГУВС (с 27 января 1831 г.), помощник столоначальника (с 10 сентября 1832 г.), столоначальник третьего отделения Иркутского губернского правления (с 3 сентября 1834 г.), советник Иркутского губернского правления по экспедиции ссыльных (с 8 марта 1835 г.), советник третьего отделе-

ния (с 29 января 1837 г.). В 1840 г. переведен в первое отделение губернского правления. Губернский секретарь (1823 г.), коллежский секретарь (1827 г.), титулярный советник (1830 г.), коллежский асессор (1837 г.), надворный советник (1845 г.). Позднее, в 1850–1860-х гг., чиновник Якутского областного правления²¹.

У Николая Федоровича и его жены Авдотьи Васильевны было шестеро детей: Анна; Александр (р. ок. 1822), по окончании в 1842 г. Иркутской духовной семинарии он поступил на службу в канцелярию ГУВС; Мария (р. ок. 1829); Александра (р. ок. 1830); Юлия (р. ок. 1833); Екатерина²² (р. ок. 1835). Н.Ф. Скрябин дал своим детям такое образование, какое только можно было дать при «тогдашних иркутских средствах»²³. Сам же он характеризовался современником как «человек неглупый, добрый и – большая редкость в то время – образованный»²⁴. Был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с короной (1863 г.). Имел знаки отличия беспорочной службы за XV (1840 г.) и XX лет (1843 г.).

Частная школа Ф.Н. Волкова для детей обоего пола

В 1840 г. в Иркутске существовало частное учебное заведение, которое содержал учитель русского языка местной мужской гимназии Федор Николаевич Волков, зять Николая Федоровича Скрябина.

Ф.Н. Волков уже имел опыт организации подобного заведения: в 1838 г. он, «желая дать средства к первоначальному обучению детей женского пола»²⁵, создал в Троицкосавске школу для девиц, которая была «первым частным заведением этого рода не только в Кяхте, но чуть ли и не во всей Сибири»²⁶. Для помещения школы был нанят дом священника Кондакова. Ученицами были 15 девочек самых различных состояний, развития и общественного положения. Плата за право учения была установлена добровольная – от 30 до 150 р. в год, «смотря по состоянию родителей»²⁷. Некоторые девочки обучались «безденежно». В трехлетний курс учения входили общеобразовательные предметы (Закон Божий, русский язык, чтение и грамматика, чтение славянских книг, арифметика и чистописание), рукоделие и танцы. В Троицкосавской внешней частной школе (ученицы посещали только занятия, а воспитывались у своих родителей) было два отделения. В младшем преподавал Всеволод Иванович Вагин, в будущем известный сибирский общественный деятель. В старшем отделении уроки вел сам Ф.Н. Волков. После отъезда Федора Николаевича в Иркутск в 1839 г. его школу принял Е.В. Суровцев, учитель истории и географии Троицкосавского уездного училища.

По воспоминаниям В.И. Вагина, школа Ф.Н. Волкова в Иркутске была невелика: всего 8–9 девочек и мальчиков. Среди них – дочь купца Дегтева, купеческие дети Андрей Андреевич (1832–1896) и Николай Андреевич (1834–1895) Белоголовые²⁸, Николай Николаевич Пестерев (1832–1874), Никандр Павлович Герасимов (1833 – после 1884) и др. Информации о том, как долго действовало это частное учебное заведение, пока найти не удалось.

О самом Федоре Николаевиче Волкове (? – 18 декабря 1885) известно следующее. Он окончил Иркутскую мужскую гимназию. В 1831 г. был назначен

учителем в первое отделение Иркутского уездного училища. В 1835–1837 гг. он – «развязный, веселый, бойкий и светский молодой человек»²⁹ – работал преподавателем истории и географии в Троицкосавском уездном училище. В 1839 г. уехал «на вакации» в Иркутск, где женился на Анне Николаевне Скрябиной, дочери Н.Ф. Скрябина, и остался в городе: был прикомандирован к Иркутской мужской гимназии. Позднее – чиновник в Иркутске: с 1868 г. столоначальник в четвертом отделении ГУВС, в 1885 г., к окончанию службы, советник губернского суда, статский советник. В последние годы жизни был председателем местного общества пособия учащимся³⁰.

Пансион Ю. Ришье для девочек

Француженка Юлия Федоровна Ришье (в девичестве Ланж, или Ланг) – «пианистка и певица»³¹ – родилась в Таганроге. Современники характеризовали ее как очаровательную женщину, великолепную пианистку: ее «талант фортепианной игры <...> талант необыкновенный <...> мог бы быть по достоинству отмечен в каждой европейской столице»³². Ю.Ф. Ришье была замужем за бывшим офицером французской армии Анриком (Андреем Ивановичем) Ришье (ум. в 1854 г. в Иркутске). Инженер и предприниматель А. Ришье в Сибири находился «в связи с поиском золота»³³, был хорошо знаком с иркутскими и красноярскими декабристами. Его супруга состояла в дружественных отношениях с М.Н. Волконской.

Юлия Федоровна с мужем прибыли на жительство в столицу Иркутской губернии 22 декабря 1846 г. с намерением постоянно поселиться здесь и давать частные уроки. В марте 1847 г. Анрик Ришье, имевший аттестат от Московской гимназии, направил ходатайство высшему учебному начальству, в котором объявил о своем желании организовать в Иркутске школу для 12–15 девочек и преподавать им «разные предметы»³⁴. Министр, посчитав, что такое учебное заведение будет в Иркутске не лишним, просьбу удовлетворил. И пансион начал действовать.

Занималась пансионом в основном Юлия Федоровна. Ей очень пригодился педагогический опыт, который она приобрела ранее в Красноярске: в 1844 г. Ю. Ришье была домашней учительницей дочери купца Н.Ф. Мясникова, одного из богатых владельцев золотых приисков; в 1845 г. там же, в Красноярске, обучала игре на фортепиано дочь декабриста В.Л. Давыдова Сашу.

В декабре 1847 г. в пансионе воспитывались 17 учениц³⁵. Обучение девочек велось на французском языке. Особое внимание уделялось привитию хороших манер, приобщению пансионеров к «приятным искусствам» – музыке, танцам, рисованию. В 1850 г. в школе госпожи Ришье, кроме самой содержательницы, преподавали четыре «учителя наук» и учитель рисования и чистописания³⁶.

Первоначально владелица пансиона предполагала, что будет просить за каждую воспитанницу не менее двух тысяч рублей в год. Позднее, однако, снизила эту цену до полутора тысяч. Тем не менее газета «Иркутские губернские ведомости» в 1858 г. отмечала, что в единственном в городе частном женском пансионе «<...> цены за воспитание недоступны для людей

небогатых, чего, впрочем, отнюдь не должно ставить в вину почтеннейшей и весьма уважаемой содержательнице пансиона: она вынуждена на это дорогостоящую в Иркутске на все предметы <...>³⁷.

Училище М-ме Ришье в городе «пользовалось прекрасной репутацией и в памяти старожилов оставило хорошее воспоминание»³⁸. О существовании этого пансиона («по части женских заведений») в своих «Очерках Иркутска» упоминал столоначальник казачьего отделения ГУВС Николай Андреевич Гильтебрандт в 1859 г.³⁹

В 1848 г. Ю.Ф. Ришье, помимо содержания пансиона в Иркутске, давала уроки по фортепиано дочери С.П. Трубецкого Александре и «некоторым в городе»⁴⁰.

Известно, что ей принадлежал дом в 1-й части Иркутска, на Тихвинской улице. В апреле 1865 г. это владение продавалось по доверенности, выданной от имени Юлии Федоровны Ришье, на тот момент уже госпожи Грарь⁴¹.

Пансион И.П. Карлберга для девочек

В 1847 г. свою частную публичную школу для детей женского пола открыл в Иркутске швед Иоганс (Иван Павлович) Карлберг (ок. 1810⁴², по другим данным, в 1821⁴³ – 21 января 1848, г. Иркутск). Принял присягу на подданство России 31 марта 1843 г. Обучался в Лундском и Упсальском университетах, от которых имел «одобрительные свидетельства»⁴⁴. После испытания в Санкт-Петербургском университете был удостоен звания домашнего учителя немецкого языка, о чем получил свидетельство 3 апреля 1843 г. Допущен к исполнению должности комнатного надзирателя в 1-й Казанской гимназии (с 13 января 1844 г.), там же преподавал английский язык (в 1844 г.). Прошел испытание в совете Казанского университета (1846 г.). С 16 апреля 1846 г. учитель немецкого языка, с 22 мая 1847 г. еще и надзиратель в пансионе Иркутской мужской гимназии. Одновременно преподавал в Девичьем институте Восточной Сибири. Одинаково хорошо владел английским (его мать была англичанкой) и немецким языками. Это был человек приятной внешности, просвещенный и воспитанный «в очень хороших кругах»⁴⁵. В 1846 г. давал уроки английского языка в домах княгинь Е.И. Трубецкой и М.Н. Волконской.

В программе, приложенной И. Карлбергом к прошению на имя управляющего Иркутской губернией, говорилось, что для пансиона будет использоваться «весьма удобное и приличное» помещение. Предполагалось, что число учениц будет составлять от 15 до 20, возраст – от 7 до 15 лет. В учебный план были включены Закон Божий, русский, французский, немецкий языки, география, история, арифметика, чистописание, рисование. Каждый урок должен был длиться 1 ½ часа. Занятия планировалось проводить с 9 до 12 часов утром и с 3 до 6 часов после полудня. Разрешение на учреждение пансиона было подписано министром народного просвещения С.С. Уваровым 28 мая 1847 г. Учебный процесс в школе, куда первоначально поступили всего пять девиц, начался 1 августа⁴⁶.

В целом деятельность пансиона И.П. Карлберга была организована по аналогии с учебным заведением Ю.Ф. Ришье, но в нем дополнительно пре-

подавался еще и английский язык. Стоимость же годового содержания воспитанниц была в два раза ниже и составляла 800 р. (стоит отметить, что первоначально планировалась годовая плата в 200 р., плюс каждая из воспитанниц должна была иметь собственные учебные пособия).

На работу в пансион были приглашены учитель семинарии магистр Тарпарков⁴⁷, старшие учителя мужской гимназии К.Т. Бушин⁴⁸, М.О. Орлов⁴⁹ и Н.П. Яблонский⁵⁰, надзиратель пансиона Иркутской мужской гимназии Г.А. Луис⁵¹. Все они имели «надлежащее право преподавания». Надзор за воспитанницами приняла на себя супруга содержателя София Карлберг. Уроки музыки и игры на фортепьяно девочкам преподавал Вольфганг Щепковский, польский ссыльный, талантливый композитор и скрипач.

Школа просуществовала всего несколько месяцев, в январе 1848 г. она была закрыта в связи со смертью учредителя. София Карлберг осталась в крайней бедности, не имея в Иркутске никого из родственников, от которых она могла бы получить хоть какую-то помощь. Администрация Иркутской губернии обратилась с просьбой к министру народного просвещения о выдаче вдове учителя, умершего на службе, пособия в размере годового жалования – в уважение «отлично-усердной службы мужа ее в Сибири»⁵². Ходатайство было одобрено государем императором. Софии из Иркутского окружного казначейства было выплачено 343 р. 10 к. серебром.

Пансион А. Рассказова для девочек

В конце 1840-х гг. в Иркутске начал действовать пансион для девочек, который содержал Аф. Рассказов – учитель математики и фортификации местной военной школы, который, по мнению Ю. Сабиньского, был «весьма умным человеком»⁵³. В пансион принимали на воспитание дочерей чиновников и именитых купцов. Для преподавания учебных предметов приглашались учителя приходского или уездного училищ. В заведении, «кроме обучения – читать, писать по-русски, 1-й части арифметики да священной истории, – других наук не существовало». Девочек лишь дополнительно обучали танцам.

Пансион А. Рассказова непрерывно действовал более десяти лет, «принося большую пользу»⁵⁴ городскому обществу. Заведение прекратило свое существование после 1859 г.

Частная школа О. Норицына для детей обоего пола

В начале апреля 1851 г. отставной коллежский секретарь Олимпий Норицын (р. ок. 1819), выпускник Иркутской гимназии (1838 г.), обратился к директору училищ Иркутской губернии с ходатайством о дозволении ему открыть в Иркутске частную школу для детей «обоих полов», рассчитанную на 30 человек и равнявшуюся двум классам уездных училищ. Представленная им программа включала в основном общеобразовательные предметы, для преподавания которых были приглашены священник Василий Попов, учителя уездного училища Афанасий Евграфович Разгильдеев (родной брат иркутского архитектора Александра Разгильдеева)⁵⁵ и Платон Яковлевич

Чурин⁵⁶. Французскому языку обучать детей взялся иностранец Миллер⁵⁷. Уроки рисования, чистописания и присмотр за мальчиками принимал на себя учредитель школы. Общий надзор за девочками и обучение их шитью и вышиванию поручались сестре О. Норицына. Танцы и игру на фортепиано должны были вести «лучшие преподаватели по избранию»⁵⁸, с разрешения директора училищ.

Размещаться школа должна была в особых комнатах квартиры содержания, которая находилась в доме умершей чиновницы Антроповой. Плата за право учения составляла от 60 до 250 р. в год.

Разрешение было дано 24 мая 1851 г. Сведения о дальнейшей деятельности заведения, к сожалению, пока не обнаружены.

Таким образом, негосударственные учебные заведения в Иркутске существовали и до прибытия сюда декабристов, возникали они и в период их проживания в городе. Конечно, по меркам российских столиц Петербурга и Москвы их было не так много (в начале 1857 г. в Санкт-Петербурге существовало 156 частных пансионов и школ, в Москве – 35⁵⁹). Но вряд ли другие провинциальные губернские города могли похвастаться таким количеством официально действовавших частных школ, как в Иркутске. Эти школы давали элитное образование, но из-за высокой платы за право учения были доступны только представителям привилегированных сословий. Не случайно, как это уже отмечалось выше, семейные декабристы, Трубецкие и Волконские, при обучении своих детей предпочитали пользоваться услугами местной педагогической интеллигенции.

Частные пансионы, восполняя дефицит учебных мест в казенных школах Иркутска, были заметным явлением в городском образовательном пространстве, став неотъемлемой частью региональной педагогической и культурной традиции.

Примечания

¹ *Хантагаева Э.Г.* Педагогическая и просветительская деятельность декабристов в Сибири: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1974. 214 л.; *Она же.* Педагогические идеи и практика декабристов в Сибири // *Сибирь и декабристы.* Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 73–82; *Матханова Н.П.* Декабрист А.В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Там же. С. 89–102; *Афанасьев В.Ф.* Культурно-просветительская, педагогическая и общественная деятельность ссыльных декабристов в Сибири: учебное пособие. Якутск, 1989. 42 с.; *Паина С.Б.* Декабристы и просвещение // *Советская педагогика.* 1976. № 7. С. 13–16.

² *Белоголовый Н.А.* Из воспоминаний сибиряка о декабристах // *Дум высокое стремление / сост., автор предисл., послесл. и коммент. С. Коваль.* Иркутск, 1975. С. 127–170.

³ *Семенов С.М.* Декабристы в Ялуторовске // *Дум высокое стремление.* С. 291.

⁴ *Балакшина О.Н.* Воспоминания о декабристах в Сибири // *Дум высокое стремление.* С. 264.

⁵ *Созонович А.П.* Заметки по поводу статьи К.М. Голодниковой «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» // *Дум высокое стремление.* С. 274; *Оболенский Е.П.* Воспоминание об Иване Дмитриевиче Якушкине // *Якушкин И.Д.* Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порох и И.В. Порох. Иркутск, 1993. С. 275–279 (Серия «Полярная звезда»).

⁶ *Семенов С.М.* Указ. соч. С. 291.

⁷ *Балакшина О.Н.* Указ. соч. С. 265.

⁸ *Оболенский Е.П.* Указ. соч. С. 278.

⁹ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири: Очерк, отредактированный и изданный городским головой В.П. Сукачевым. М., 1891. С. 254.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 22. № 16421.

¹¹ Там же. Т. 28. № 21501.

¹² ПСЗ-2. Т. 3. № 2502.

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 76. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁶ ПСЗ-2. Т. 8.1. № 6593.

¹⁷ *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). СПб., 1912. С. 169.

¹⁸ ПСЗ-2. Т. 8.1. № 6593.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 70. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 10 об. – 12; Д. 87. Л. 2 об. – 3; Д. 88. Л. 2 об. – 3.

²¹ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. Ч. 2. СПб., 1857. С. 49.

²² В формулярном списке Н.Ф. Скрябина за 1845 г. Екатерины нет.

²³ *Вагин В.И.* Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век / сост., предисл. и публ. текстов Н.П. Матханова, О.Т. Базалийская; отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2003. С. 71.

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 381. Л. 1.

²⁶ *Вагин В.И.* Указ. соч. С. 66.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 381. Л. 2.

²⁸ В.И. Вагин не указывает точного времени, когда Белоголовые обучались у Волкова, но есть свидетельство самого Николая Андреевича Белоголового из переписки с братом: «<...> до Юшневских мы еще были в пансионе Федора Николаевича Волкова около 2–3 лет» (*Александрова Н.Н., Матханова Н.П.* Свидетели эпохи // *Знаменский М.С., Белоголовый Н.А.* Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 550). Из контекста следует, что это было с 1840 по 1842 г.

²⁹ *Вагин В.И.* Указ. соч. С. 61.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 38; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1869 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 404; То же на 1880 год. СПб., 1880. Ч. 2. С. 328; То же на 1886 год. СПб., 1886. Ч. 2. С. 316.

³¹ *Давыдов В.Л.* Сочинения, письма / изд. подгот. Т.С. Комарова. Иркутск, 2004. С. 449 (Серия «Полярная звезда»).

³² *Сабиньский Ю.* Дневник моей неволи // Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., перевод, вступл., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. С. 554.

³³ Там же. С. 552.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 325. Л. 18.

³⁵ *Давыдов В.Л.* Указ. соч. С. 254.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 76. Л. 5.

³⁷ Иркутские губернские ведомости. 1858. 19 июня. Неоф. ч. С. 1.

³⁸ Восточное обозрение. 1894. 28 авг.

³⁹ *Гильтебрандт Н.* Очерки Иркутска // Иркутские губернские ведомости. 1859. 22 янв.

⁴⁰ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павлова. Иркутск, 1987. С. 188 (Серия «Полярная звезда»)

⁴¹ Иркутские губернские ведомости. 1865. 3 апр.

⁴² РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7299. Л. 31 об.

⁴³ Там же. Ф. 733. Оп. 84. Д. 27. Л. 21 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7299. Л. 32.

⁴⁵ *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 404.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 325. Л. 18.

⁴⁷ Лицо неустановленное.

⁴⁸ *Бушин Ксенофонт Трофимович* (р. 1812). Из податных. Ученик Московского художественного класса. Императорской академией художеств удостоен звания некласного художника (1839 г.). Определен в Иркутскую гимназию на должность учителя черчения, рисования и чистописания (19 апреля 1841 г.). Учитель рисования, черчения и чистописания в Иркутской мужской гимназии (1842 г.). Указом Правительствующего Сената 14 июля 1841 г. исключен из податного звания и утвержден учителем. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири ему поручено преподавание тех же предметов в Девичьем институте Восточной Сибири (1 июля 1845 г.). В 1847 г. преподавал рисование и чистописание в частном женском пансионе И.П. Карлберга. Работал также в Сиропитательном доме Е. Медведниковой (1846–1847 гг.). Губернский секретарь (1841 г.), коллежский секретарь (1847 г.). За усердную службу объявлена признательность Министерства народного просвещения (22 ноября 1844 г.).

⁴⁹ *Орлов Михаил Осипович* (р. ок. 1815). Сын священника. По окончании Пензенской семинарии со степенью студента (1834 г.) поступил в Московскую духовную академию, обучение в которой успешно завершил в 1838 г. со степенью кандидата. Определен учителем церковной истории и еврейского языка в высшее отделение Иркутской духовной семинарии (с 8 августа 1838 г.), преподавал также библейскую историю, церковные древности и обряды, каноническое право, церковные законы, историю русской церкви (1840 г.), исполнял обязанности библиотекаря семинарии (1840 г.). Инспектор семинарии (с 18 ноября 1840 г. по 2 января 1841 г.), помощник инспектора (с 4 августа 1841 г.). Согласно его желанию и по болезненному состоянию уволен из духовного звания в светское (с 18 мая 1844 г.). Иркутским архиепископом определен преподавателем катехизических бесед в духовной семинарии (с 18 сентября 1844 г. по 8 февраля 1845 г.). Секретарь семинарского правления (с 7 ноября 1844 г.). Старший учитель латинского языка (с 8 февраля 1845 г.), учитель истории (1849 г.), русской словесности (с 10 августа 1849 г.) в Иркутской мужской гимназии. Состоял в этой должности с 1 июля 1854 г. Надзиратель пансионата в гимназии (1846–1851 гг.). В 1847 г. вел уроки географии в частном женском пансионе И.П. Карлберга. Учитель русского языка в Девичьем институте Восточной Сибири (с 15 января 1848 г., работал и в 1861 г.). С 28 июля 1855 г. назначен на должность инспектора Иркутской гимназии и благородного при ней пансиона, где трудился и в 1865 г. По воспоминаниям одного из учеников, это было «существо в высшей степени доброе, сердечное. Высокого роста, довольно плотного сложения, он носил на своем полном румяном лице постоянно участливую добродушную улыбку» (*Муромов И.Г.* Картинки из детства // «Не забывайте рода своего...» / отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск, 2015. С. 433). Имел награды: орден Св. Станислава 3-й (1855 г.) и 2-й ст., знак отличия беспорочной службы за XV лет (1854 г.), бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. Жена – Степанида Даниловна. Сын – Алексей (р. 14 марта 1851), доктор Морского корпуса.

⁵⁰ *Яблонский Николай Петрович* (р. ок. 1811). Сын священника. По окончании курса наук в Санкт-Петербургской духовной академии удостоен звания кандидата (1833 г.). Определен учителем словесности в Иркутскую духовную семинарию (6 октября 1833 г.). По личной просьбе уволен из духовного ведомства в гражданское (7 декабря 1835 г.), определен в штат канцелярии ГУВС (31 декабря 1835 г.). Учитель русской грамматики и географии в Иркутской гимназии (с 7 августа 1836 г.), старший учитель латинского языка в высших классах (с 31 октября 1837 г.; состоял в должности в 1851 г.). 20 августа 1836 г. высшим учебным начальством ему поручено преподавание русской словесности в училище для детей канцелярских служителей. В 1847 г. также вел уроки русского языка в частном женском пансионе И.П. Карлберга. Был награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет (1849 г.). За отличную службу объявлено 7 декабря 1849 г. Высочайшее Его Императорского Величества благоволение. Губернский секретарь (1833 г.), коллежский советник (1849 г.).

⁵¹ *Луис Готлиб Александрович* (р. ок. 1816). Из податного звания. Лютеранин. Комнатный надзиратель в пансионе Иркутской мужской гимназии (с 28 марта 1846 г.). Указом Правительствующего Сената от 29 апр. 1846 г. исключен из податного звания и утвержден в службе по учебной части. В 1847 г. преподавал французский язык и арифметику в частном женском

пансионе И.П. Карлберга. В 1848 г. исполнял должность учителя немецкого языка в Иркутской мужской гимназии.

⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 27. Л. 1 об.

⁵³ *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник. Т. 2. С. 483.

⁵⁴ *Вишняков Н.И.* Записки военного врача / изд. подгот. Н.П. Матханова. Новосибирск, 2011. С. 116 (История Сибири: первоисточники; вып. 14).

⁵⁵ *Разгильдеев Афанасий Евграфович* (р. ок. 1826). Место рождения – крепость Цурухайтуевская (ныне пгт. Приаргунск). Из дворян, штаб-офицерских детей, сын забайкальского казака Евграфа Ивановича Разгильдеева, православный. Окончил Иркутскую мужскую гимназию, затем среднее отделение Главного педагогического института. Определен учителем арифметики в Усманское уездное училище (21 декабря 1845 г.). Исполнял обязанности содержателя магазина продажных книг Усманского уездного училища (1846 г.), архивариуса (1847 г.). По собственному прошению переведен учителем арифметики и геометрии в Нижнеудинское уездное училище (8 сентября 1847 г.), затем помещен учителем тех же дисциплин в Троицкосавское уездное училище (7 февраля 1848 г.). Позднее, в 1851 г., работал учителем в Иркутском уездном училище и преподавал в частной школе О. Норицына для детей обоего пола. В 1856 (?) – 1861(2) гг. – коллежский асессор, заседатель в Иркутском приказе общественного призрения. Награды: орден Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст.

⁵⁶ *Чурин Платон Яковлевич* (р. ок. 1823 – после 1865). Из купеческих детей. По окончании Иркутской губернской гимназии определен учителем арифметики в Ачинское уездное училище (12 сентября 1840 г.), где ему поручено было также преподавание черчения и рисования. Позднее назначен надзирателем в благородный пансион Иркутской мужской гимназии (с 21 июля 1843 г.), затем – учителем русского языка в Троицкосавское уездное училище с оставлением на время преподавания в канцелярском училище (22 декабря 1843 г.). Переведен учителем истории и географии в Иркутское уездное училище (16 февраля 1844 г.). Поручено заведование Иркутской публичной библиотекой (13 апреля 1844 г.), за устройство которой объявлена благодарность иркутского гражданского губернатора (1846 г.). По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири на Платона Яковлевича было возложено преподавание чистописания (1 июля 1845 г.) и рисования (15 марта 1851 г.), географии (1 сентября 1853 г.) в Девичьем институте Восточной Сибири, где он продолжал трудиться в 1861 г.; в 1865 г. занимал должность учителя географии в связи с вакансией. В 1851 г. преподавал в частной школе О. Норицына для детей обоего пола. Штатный смотритель училищ Иркутского округа (с 24 ноября 1854 г.; состоял в должности в 1863 г.). В 1861–1865 гг. одновременно был смотрителем в Иркутском уездном училище. Преподавал историю в Иркутском женском училище (1861 г.). Член губернского статистического комитета (1865 г.). Губернский секретарь (1840 г.), коллежский секретарь (1844 г.), титулярный советник (1848 г.). За отличную усердную службу в Девичьем институте Восточной Сибири Ее Императорским Величеством императрицей Александрой Федоровной высочайше награжден подарком в 250 р. серебром (1855 г.). Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. (1856 г.). Отмечен знаком отличия беспорочной службы за XV лет (1856 г.). Имел темную бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг.

⁵⁷ Возможно, это Жюль (Юлий) Георг Мильер – гувернер, воспитатель и учитель французского языка в семье декабриста С. Волконского.

⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 872. Л. 2 об.

⁵⁹ Вопрос о положении наших частных учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. Янв. Отд. 3. С. 43.

И.В. Пашко

Архив В.П. Павловой в Иркутском музее декабристов

Валентина Прокофьевна Павлова (1921–2014), известный санкт-петербургский историк-архивист, после окончания Историко-архивного института в 1948 г. поступила на службу в Центральный государственный исторический архив (ныне Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург), в котором проработала более двух десятков лет, пройдя путь от рядового сотрудника до заместителя директора архива.

Валентина Прокофьевна – автор-составитель аннотированного указателя к фондам и коллекциям ЦГИА «Движение декабристов», увидевшего свет в Ленинграде в 1981 г. В соавторстве с А.Л. Вайнштейн В.П. Павлова опубликовала ряд таких исследований, как «К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу» (Л., 1969), «Тайные курьеры декабристов» (Л., 1970), «Декабристы и салон Лаваль» (Литературное наследие декабристов. Л., 1975).

Точную дату начала формирования архива установить затруднительно. В письме директору Иркутского областного краеведческого музея Нине Степановне Струк от 8 августа 1978 г. В.П. Павлова сообщает: «Двадцать лет проработала в особняке Лаваль и собрала большой материал о семьях Лаваль и Трубецких»¹.

В 1979 г. в Иркутске в Восточно-Сибирском книжном издательстве начала выходить документальная серия «Полярная звезда». Поскольку материалов о Трубецком к этому времени составителем было собрано достаточно много, двухтомник, содержащий наследие декабриста, оказался в числе первых в перспективном плане издания серии. Первый том материалов о жизни и революционной деятельности С.П. Трубецкого под заголовком «Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки» вышел в 1983 г., а второй – «Письма. Дневник 1857–1858 гг.» – в 1987 г.

В 2000 г. архив (восемь картонных коробок, плотно наполненных документами) был доставлен в Иркутский музей декабристов его директором Евгением Александровичем Ячменевым.

Разобрать архив и по возможности систематизировать его материалы было поручено в 2004 г. студенту исторического факультета ИГУ Владимиру Александровичу Мунханову, проходившему практику в музее декабристов.

Работая с архивом, В.А. Мунханов отметил определенную систему хранения документов. Они были объединены в блоки, такие, как, например, переписка автора с разными лицами и инстанциями, копии документов из разных архивов, варианты вступительных статей к двухтомнику, мемуары родственников и потомков декабриста, изображения декабристов, их жен, детей, родственников и мест, с ними связанных. При изучении архива В.А. Мунханову удалось сохранить этот принцип комплектования документов. Работа по научному описанию материалов архива и оформлению его в фонды музея была начата только в 2015 г.

Архив представляет собой комплекс документов, которые можно разделить на две большие части. К первой части следует отнести оригинальные документы – это письма к В.П. Павловой разных лиц, черновики ее вступи-

тельных статей к двухтомнику, посвященному наследию С.П. Трубецкого, выписки из протоколов заседаний московской и иркутской частей редакционной коллегии серии «Полярная звезда». Вторая часть архива – это многочисленные копии документов, таких как письма самого С.П. Трубецкого, его родных и близких, письма других декабристов, мемуары родственников Трубецких и исторические изыскания их потомков.

В двухтомном издании, посвященном идейному, мемуарному и эпистолярному наследию С.П. Трубецкого, было опубликовано 406 документов, в том числе 393 письма самого декабриста. Из-за превышения допустимого объема В.П. Павлова была вынуждена отказаться от публикации во втором томе части писем декабриста, уже изученных и подготовленных к изданию. Так, ответственный редактор томов Игорь Васильевич Порох в письме от 25 декабря 1984 г. советует Валентине Прокофьевне: «Комментарии надо подсократить, и какими-то письмами придется пожертвовать»².

Архив В.П. Павловой содержит 671 единицу хранения, из которых 134 документа в разное время прежде были опубликованы. Комплекс, состоящий из 494 неопубликованных документов, подразделяется на два блока. Первый блок состоит из 264 оригинальных документов, связанных с историей создания двухтомника о С.П. Трубецком. Второй блок из 230 материалов представляет собой копии документов, связанных с судьбой С.П. Трубецкого и по разным причинам не опубликованных. В том числе он содержит 93 письма декабриста к разным лицам, 30 писем разных лиц к нему и две его заметки: «Замечания на статью о способах заготовления провианта и фуража для армии и флота»³ и «О положении крестьянского населения и о волостном управлении Восточной Сибири»⁴.

В архиве представлена коллекция фотокопий портретов представителей семейств Лавалей и князей Трубецких, портретов самого декабриста и его «друзей по несчастью», а также изображений их домов и разных памятных декабристских мест.

Из 21 изображения, собранного в архиве, в двухтомном издании был опубликован только портрет будущей первой декабристки – графини Е.И. Лаваль, написанный в 1820 г. в Париже художницей Леоной Модной.

Материалы рабочего архива свидетельствуют о кропотливом и трудоемком процессе создания серьезного исторического труда. Архив позволяет современным исследователям хотя бы отчасти осознать масштабность и многотрудность работы, проделанной В.П. Павловой.

120 документов были переписаны рукою Валентины Прокофьевны – это уже огромный труд, который многим, родившимся в XXI в., даже сложно представить.

Сложно представить и то, сколько времени, интеллектуальных усилий потребовала эта работа, ведь зачастую переписать документ было недостаточно. Работая с письмами XIX в., необходимо было не только разобрать почерк автора и проследить его мысль, но и зачастую как минимум знать французский язык!

Кроме того, в архиве имеются списки писем без приведения их содержания. Так, например, упоминается с указанием места хранения о 40 письмах

к С.П. Трубецкому от дочери Александры Сергеевны Ребиндер. Часть писем зафиксирована в виде изложения их главного содержания. Среди них: два письма к декабристу от Иркутского архиепископа Нила (Николая Федоровича Исаковича), три письма от английского путешественника Дж. Хилла, 19 писем от Петра Александровича Горбунова, учителя сына декабриста Ивана и воспитанника Трубецких Федора Кучевского, девять писем И.И. Пушина, восемь – Е.П. Оболенского, 6 – А.А. Быстрицкого, 5 – племянницы декабриста княгини Марии Алексеевны Трубецкой и т. д.

На 68 листах представлены ксерокопии нескольких писем 1842 г. к графине А.Г. Лаваль, предположительно, княгини Е.И. Трубецкой, но написанных, по предположению В.П. Павловой, рукою С.П. Трубецкого. Архивное дело, в котором хранятся письма, как указано на обложке одной из папок, начато 18 июля 1842 г. Письма написаны на французском языке⁵.

Кроме эпистолярного наследия декабриста, его родных и друзей, в архиве содержатся другие важные исторические источники, в частности, мемуары на французском языке племянницы Е.И. Трубецкой графини Александры Александровны Борх, представленные в виде ксерокопии машинописного текста на 210 листах⁶. До сего дня не опубликована история рода князей Трубецких «Les Princes Troubetzkoï», составленная князем Сергеем Григорьевичем Трубецким в г. Лабель провинции Квебек (Канада) в 1976 г. Текст написан на русском, французском и английском языках на 333 листах. Исследование прослеживает историю рода Трубецких от великого князя литовского Гедимина (XIV в.) до 60-х годов XX в. На титульном листе указано, что вышеуказанное сочинение существует в 150 экземплярах и настоящий экземпляр имеет № 28⁷. В архиве имеется также ксерокопия машинописного текста исторического изыскания того же автора и на ту же тему – «Сказание о роде Трубецких», напечатанного на 107 листах на русском языке в г. Монреале (Канада) в 1970 г.⁸

Эти важные документы ждут пристального изучения, как, впрочем, и другой, безусловно вызывающий интерес документ – «Записки графини Александры Григорьевны Лаваль», написанные по-французски и представленные в архиве в виде микрофильмов на фотопленке⁹.

Особый интерес вызывает комплекс из 264 материалов архива, связанных с историей создания двухтомного издания. В том числе – 209 писем к В.П. Павловой от 30 адресатов, 17 писем-черновики самой В.П. Павловой к 9 адресатам и 20 писем к ней из 14 государственных учреждений. Именно эти документы позволяют в определенной степени осознать, какие трудности довелось преодолеть составителю, чтобы донести до широкой аудитории точку зрения на героя своего исследования.

Работа по подготовке двухтомного издания для документальной серии «Полярная звезда», посвященного декабристу С.П. Трубецкому, стала для Валентины Прокофьевны делом ее жизни, а его выход в свет явился важным научным событием в отечественном декабристоведении. Архив В.П. Павловой дает редкую возможность нынешнему поколению исследователей прикоснуться к творческому процессу, к истории создания серьезной и смелой научной работы.

География переписки В.П. Павловой весьма обширна, а именно: от Иркутска до Нью-Йорка. Среди ее адресатов были известные и молодые историки: В.А. Федоров, Н.Я. Эйдельман, В.В. Афанасьев, С.В. Мироненко, И.С. Зильберштейн, С.О. Шмидт, Л.И. Тютюник. Кроме того, архив хранит письма потомков декабристов, князя Сергея Григорьевича Трубецкого из Нью-Йорка (США) и князя Дмитрия Михайловича Шаховского из г. Рен (Франция).

В архиве сохранилось 20 писем ответственного редактора томов Игоря Васильевича Пороха и 14 писем заместителя главного редактора серии «Полярная звезда» от московской части редколлегии Сарры Владимировны Житомирской. 14 писем адресованы В.П. Павловой рецензентом томов Элеонорой Александровной Павлюченко.

Не уступает этому объему и блок писем к В.П. Павловой из Иркутска. Так, в архиве хранятся 20 писем заместителя главного редактора серии от иркутской части редколлегии, известного декабристоведа Семена Федоровича Коваля и 20 писем редактора Альбины Васильевны Глюк.

Блок писем к В.П. Павловой от лиц, представляющих государственные учреждения, архивы, музеи, министерства, научные центры, тоже имеет широкую географию: Иркутск, Новосибирск, Барнаул, Москва, Тула, Черкасск, Ростов-на-Дону, Киев, Симферополь, Клин, Горький, Таллин, Алма-Ата.

Из переписки В.П. Павловой с представителями разных архивов, музеев и министерств можно сделать вывод, что многих ответов и разрешений на работу с тем или иным архивом или документом ждать приходилось иногда очень подолгу, по несколько раз напоминать о своей просьбе.

Однако не количество потраченных сил и времени в этой исследовательской работе впечатляет более всего, а, прежде всего, смелость автора. Смелость, которая заключается в самом выборе объекта исследования – фигуры сложной, даже в определенной степени одиозной и в рамках советской историографии для историка объективно определенно проблемной.

Так или иначе, фигура «несостоявшегося диктатора» долгие годы в советской историографии рассматривалась однозначно – как несущая на себе печать вины за провал выступления 14 декабря 1825 г. Именно так, крайне критично, подходила к оценке личности С.П. Трубецкого корифей советского декабристоведения академик Милица Васильевна Нечкина, непререкаемый авторитет которой не терпел иных подходов к оценке личности князя Трубецкого.

Гораздо проще было выбрать из когорты «друзей 14 декабря» любую другую фигуру, но более «революционную», а значит, более актуальную, и путь к успеху такого исследования был бы намного проще.

Не просто выбор «трудной» фигуры, а попытка впервые в советской историографии оправдать Трубецкого, реабилитировать его в глазах потомков – такую трудную задачу поставила перед собой В.П. Павлова.

Традиционно негативная трактовка С.П. Трубецкого как политической фигуры была характерна для тогдашней советской историографии. Предвзятый и однозначный подход к личности Трубецкого имел в своей основе не

мнение отдельных советских историков, а вытекал из общей, характерной для всей исторической науки того времени тенденции.

Оценка той или иной исторической фигуры определялась тогда, главным образом, степенью революционности ее взглядов и поступков.

В соответствии с таким подходом князь Трубецкой с его весьма умеренными революционными взглядами не мог быть примером истинного революционера, а следовательно, не был достоин пиетета как исторический деятель. Не полковник Трубецкой с его упованием на конституционную монархию, а другой полковник – Пестель с его якобинскими планами «железной республики» предлагался в идеалы истинного революционера, а значит, и «героя того времени».

Валентина Прокофьевна, по-видимому, понимала, какие трудности, связанные с выбором ею для исследования столь трудной фигуры, могут ее ожидать. Свидетельством тому могут быть строки из ее письма к будущему ответственному редактору издания И.В. Пороху от 8 сентября 1981 г., в котором Валентина Прокофьевна признает: «Особенно могут быть для меня драматичны полемические выпады против академиков М.В. Нечкиной и Н.М. Дружинина»¹⁰. Несмотря на столь серьезных оппонентов, В.П. Павлова была готова отстаивать своего героя до победного конца.

В архиве сохранилась рукописная копия письма В.П. Павловой, написанного ею в марте 1985 г. и адресованного потомку декабриста В.В. Трубецкому в Москву. В этом письме она излагает свое видение личности декабриста и сообщает адресату, что «считает Трубецкого жертвой оговора, живучей клеветы, от которой он страдал 35 лет при жизни и которая посмертно тянется за ним без малого 125 лет»¹¹.

Смелость нового подхода В.П. Павловой к трактовке личности С.П. Трубецкого нашла выражение, прежде всего, во вступительной статье к первому тому. Неудивительно, что именно эта статья вызвала самые ожесточенные споры «коллег по цеху», о чем свидетельствует анализ писем из сохранившейся и оказавшейся в наших руках части переписки В.П. Павловой.

Особенно убеждали В.П. Павлову не противостоять признанным авторитетам представители московской части редакционной коллегии. Озвучивая их точку зрения, рецензент двухтомного издания Э.А. Павлюченко писала по этому поводу В.П. Павловой в письме от 8 декабря 1980 г.: «Уважаемая Валентина Прокофьевна! Мы расстались с Вами на очень грустной ноте, Вами заданная книга не выйдет! Никак не могу и не хочу с этим согласиться. Но думаю, что кое-что для выхода книги Вам придется сделать. Конечно же, речь не идет об изменении Вашей точки зрения. Мне кажется, что в статье должны быть по-другому расставлены акценты <...>. Я советовала бы Вам снять излишний политический запал (хотя, как я вам говорила, это лично мне импонирует), <...> вообще обойти день 14 декабря 1825 года. <...> Я думаю, что при таком изложении и Трубецкой будет жив, и М.В. довольна. А Вы останетесь при своей точке зрения! <...> А сейчас очень прошу Вас поработать во спасение князя Трубецкого»¹².

Новый, смелый подход исследователя с берегов Невы нашел единомышленников на берегах Ангары. Иркутская часть редакционной коллегии «По-

лярной звезды» оказала поддержку петербургскому историку. С.Ф. Коваль не только разделил точку зрения составителя, но и помог ей должным образом сформулировать новую трактовку личности декабриста, помог отстоять ее право на существование в ученом сообществе.

В первом письме к И.В. Пороху от 31 марта 1981 г. В.П. Павлова пишет адресату, что обращается к нему «по рекомендации С.Ф. Ковалья» с просьбой о научном редактировании готовящегося издания первого тома о С.П. Трубецком, и сообщает: «Во вступительной статье к тому я высказываю точку зрения, которая во многом не согласуется с давно и достаточно прочно утвердившимся мнением о Трубецком. Мою точку зрения разделяет С.Ф. Коваль»¹³.

В итоге вступительная статья к первому тому стала настоящим «полем брани» и переписывалась как минимум шесть раз, но образ Трубецкого в ней остался таким, каким его видели В.П. Павлова и С.Ф. Коваль.

В недатированном (начало 1980-х гг.) письме к Валентине Прокофьевне Семен Федорович сообщает свои соображения о толковании термина «диктатор» в отношении С.П. Трубецкого и событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.: «Успехов в завершении книг Трубецкого с решительным и смелым определением слова «диктатор»!!! Думается, что Вы близки к истинному определению существа понятия диктаторства, но при этом должны быть категорически исключены из него начальствование по выводу войск на площадь и оставлено лишь руководство (не просто командование, а именно общее и военное и политическое руководство восстанием)»¹⁴.

Другими словами, С.Ф. Коваль и В.П. Павлова были едины во мнении, что за термином «диктатор» в отношении С.П. Трубецкого предполагался иной смысл, чем было общепринято. Не военное руководство, а скорее политическое, по мнению двух историков, предполагал этот термин. Такая новая трактовка «диктаторства» крайне важна для понимания действий С.П. Трубецкого на Сенатской площади. И, что особенно важно, она впервые была предложена В.П. Павловой и С.Ф. Ковалем.

В письме от 27 октября 1980 г. С. Ф. Коваль поздравляет Валентину Прокофьевну с завершением работы над первым томом и выражает уверенность, что он «будет не просто содержательным и интересным, но и действительно новым этапом в декабристоведении. А это намного ценнее и почетнее, чем просто новое издание и простое соответствие»¹⁵.

Другое немаловажное свидетельство того, как историку из Петербурга и ее иркутским единомышленникам приходилось отстаивать своего героя, содержится в письме А.В. Глюк к В.П. Павловой, датированном 1982 г.: «Валентина Прокофьевна, Москва обсудила нашу (!) статью, Нечкина, говорят, рвала и метала. Есть какие-то принципиальные замечания. Протокол, видимо, на днях получим и все узнаем. Я страшно переживаю»¹⁶. О важности того, что сделал С.Ф. Коваль для всей книжной декабристской серии, говорит письмо И.В. Пороха к В.П. Павловой от 5 июля 1985 г., в котором автор выражает опасения по поводу «перспектив “Полярной звезды”» и предлагает адресату «надеяться на Семена Федоровича, который фанатически предан декабристам»¹⁷.

Важными для понимания того участия, которое С.Ф. Коваль принял в создании двухтомника, являются строки из письма редактора издания Альбины Васильевны Глюк к В.П. Павловой от 5 июня 1986 г.: «Статью сделала (была еще правка), отдала на суд Сем. Фед. Он очень внимательно ее изучил, решил наши спорные вопросы, оформил конец статьи (прямо написал сам – немного), кое-где восстановил, а где-то еще убрал кое-что»¹⁸.

В своем трепетном внимании к декабристам в целом и к С.П. Трубецкому в частности С.Ф. Коваль выражал отношение к «сиятельным каторжанам» многих иркутян и сибиряков. Тому свидетельством строки иркутского поэта Марка Давидовича Сергеева, в творчестве которого декабристы занимали особое место. Ответственный секретарь иркутской части редакционной коллегии серии «Полярная звезда» М.Д. Сергеев в письме к В.П. Павловой от 23 августа 1977 г. писал: «Том о Трубецком нам чрезвычайно нужен, ведь, кроме всего, Трубецкие еще и иркутяне»¹⁹.

В целом, исходя из обзора писем историков из Петербурга, Иркутска и Москвы, можно заключить, что именно благодаря совместным усилиям, прежде всего С.Ф. Коваля и В.П. Павловой, удалось отстоять достойное имя Трубецкого и перед научным сообществом минувшего века, и перед будущими поколениями.

Не бытописание жизни декабриста, а создание его объективного исторического портрета путем приведения свода документов – такова была задача составителя двухтомного издания. В.П. Павлову, как историка, прежде всего, интересовали сведения о Трубецком как о личности, о фигуре исторической, о политическом деятеле. Поэтому естественно, что многие интересные подробности из повседневной жизни декабриста до Сибири, в изгнании и после амнистии остались за рамками издания. Однако для музейной работы, непосредственно связанной с бытописанием, эти «житейские подробности», найденные В.П. Павловой и сохранившиеся в ее рабочем архиве, чрезвычайно важны.

В.П. Павлова сохранила для нас либо сами факты повседневной жизни семьи декабриста, либо свидетельства об их существовании, и это для музейщиков – настоящий клад. Так, например, характерен ее комментарий или своего рода ремарка исследователя на полях рукописной копии одного из писем к Трубецкому его племянницы княгини Марии Алексеевны Трубецкой от 1857 г.: «Чисто семейные дела»²⁰.

Важные детали быта семьи декабриста присутствуют в собранных исследователем документах. Приведем несколько примеров. В письме дочери декабриста Зинаиды Сергеевны Трубецкой к сестре Александре, в ту пору уже Ребиндер, из Иркутска в Кяхту от 30 апреля 1852 г. упоминаются «небольшие посылки через Севостьянова с вещами Саши и Н[иколая] Р[омановича] в Кяхту. Картон с цветами», подарки из бисера, купленные у Пестерева: «3 бисерных кошелька. Бисерный кувшинчик К[онстанции] Ю[лиановны], который ей прислала ее мать, чудо как хорош в сравнении с этими кошельками. Купили самый уродливый <...> с К[онстанцией] Ю[лиановной] и, написав записку, послали Ив[ану] Серг[еевичу] на новоселье»²¹.

Подобные сведения дают возможность работникам музея более подробно узнать, а затем и воссоздать в музейной экспозиции предметный, бытовой мир семьи декабриста.

Обозначить круг родственных связей, знакомств и общения семьи декабриста – тоже важная часть музейной работы, находящей непосредственное воплощение в экспозиционном пространстве.

В письме заведующего отделом «Музей декабристов» Иркутского областного краеведческого музея Е.А. Ячменева от 1 сентября 1985 г., адресованном В.П. Павловой, сообщается о находке иркутским краеведом Р.А. Андреевой газеты «Иркутские епархиальные ведомости» № 26 за 1892 г. В газете сообщается, что «С.П. Трубецкой рекомендовал игуменьей Знаменского монастыря девицу Агнию Золотову», племянник которой воспитывался у Трубецких. Упомянутый факт иллюстрирует участие семьи декабриста в жизни Знаменского монастыря и уважительное отношение к мнению декабриста представителей иркутского духовенства²².

Благодаря изысканиям В.П. Павловой и ее обширной переписке, впервые стало известно о существовании кольца С.П. Трубецкого из кандалного железа. Автор книги о князьях Трубецких князь Сергей Григорьевич Трубецкой из Нью-Йорка писал В.П. Павловой в письме от 19 декабря 1986 г., что «в Нью-Йорке живет Елизавета Байрон – праправнучка декабриста, в семье которой хранится кольцо С.П. Трубецкого работы Н.А. Бестужева»²³.

Первое официальное упоминание о кольце С.П. Трубецкого приводится во вступительной статье ко второму тому двухтомного издания²⁴.

С помощью потомка декабриста С.Г. Волконского Андрея Сергеевича Кочубея, живущего в Нью-Йорке, сотрудники Иркутского музея декабристов с 2013 г. начали вести переговоры с Елизаветой Владимировной Байрон-Патрикиадес о возможности передачи реликвии музею. Весной 2016 г. директор Иркутского музея декабристов Елена Аркадьевна Добрынина и сотрудник музея Игорь Васильевич Пашко выезжали в Нью-Йорк, где вели переговоры с владелицей перстня. Переговоры закончились обещанием Елизаветы Владимировны передать фамильную реликвию в музей в ближайшем будущем.

В письме к дочери Зинаиде и ее супругу Николаю Дмитриевичу Свербееву от 22 октября 1857 г. из Киева С.П. Трубецкой пишет о получении им «всех номеров «Иркутских ведомостей» и о прочтении их «с любопытством». Это свидетельствует о том, что после амнистии и отъезда из Сибири декабрист продолжал интересоваться жизнью нашего города, в котором ему довелось прожить более десяти лет²⁵.

Письмо С.П. Трубецкого к З.С. Свербеевой от 9 мая 1860 г. из Петербурга, в котором сообщается о его «визитах к графу Муравьеву», подтверждает тот факт, что добрые отношения Трубецкого с генерал-губернатором Восточной Сибири сохранились вплоть до последних дней декабриста²⁶.

В письме Сергея Петровича к З.С. и Н.Д. Свербеевым от 11 сентября 1859 г. из Москвы приводится, по-видимому, последний адрес декабриста, где он жил с сыном Иваном и воспитанником Федором Кучевским, – «в доме Струмиловой в Трубниковом переулке»²⁷.

Как было сказано выше, кроме собственно копий документов, архив со- держит также выписки из документов с наиболее интересными, на взгляд исследователя, сведениями. Так, например, в архиве представлены выписки с изложением основного содержания из 19 писем П.А. Горбунова к декабри- сту и его сыну из Иркутска, Москвы, Рима и Ниццы в Москву и Петербург за 1857–1873 гг. После отъезда декабриста с сыном и воспитанником П.А. Гор- бунов жил в заушаковском доме Трубецких и занимался его продажей. В его письмах имеются важные сведения о судьбе иркутского дома Трубецких.

«Берегу ваш старый замок» – так называет дом Трубецких в Знаменском предместье Горбунов в своем письме, содержащем интересные сведения о планировке дома и назначении комнат: «Странно! Перед выездом из вашего дому мне пришлось жить на том самом верху, где я жил при вас. До сих пор я занимал внизу голубую комнату, бывшую спальню З.С., и зеленую, где жила когда-то Констанция Юлиановна, но во время болезни пыль, иногда сырость и утренний скрип телег с их завыванием до того мне надоели, что, начавши выздоравливать, я решил бежать на старый верх, который я так любил. Те- перь мои глаза отдыхают от серых заборов на свежей зелени сада. Теперь я точно в деревне».

А вот еще сведения о продаже дома в письме к сыну декабриста: «На дом ваш есть покупатель, только дает так дешево, что досадно и говорить. Это Лукс (или Луке), водочный мастер при откупе, он хочет сам устроить какой- то завод, когда кончатся откупа. Дает он всего 3000. Мало! Страшно мало! Я всячески стараюсь уговорить его хоть на 6, на 5, наконец, отвечает, что больше денег нет. На всякий случай скажи об этом папочке».

В выписке из письма к И.С. Трубецкому от 5 апреля 1866 г. говорится уже о том, что «дом продан», и называется фамилия его покупателя, это некто Катышевцев, и что деньги он «отдал под расписку Д.Н. Свербееву», от ко- торого ранее получил доверенность на продажу дома. Упомянутые сведения ценны, прежде всего, тем, что ранее фамилия лица, купившего иркутский дом Трубецких, нигде не упоминалась.

Крайне важны для понимания роли и значения благородных изгнанников в жизни губернского центра следующие строки П.А. Горбунова из той же пе- реписки: «Иркутск надоел. С вашим отъездом, т. е. с выездом из Восточной Сибири декабристов, как вас называли, Иркутск падает сильнее и сильнее <...>». И далее: «Вымирают или выезжают все, что было лучшего, самосто- ятельного в Сибири. Остаются чиновники да купцы, люди зависимые, тоже без голоса. И теперь всех вас вспоминают беспрестанно, а придет время, то вспомнят и не так»²⁸.

Эту мысль продолжает другой знакомец и адресат С.П. Трубецкого, быв- ший плац-майор Петровского Завода, а позже жандармский генерал-майор и начальник VIII жандармского округа со штабом в Омске Яков Дмитриевич Казимирский. В письме к декабристу от 31 декабря 1859 г. из Омска гене- рал делится своими планами: «Я хочу написать Записки Нерчинского плац- майора 1834–1838 и 1839 годов о бывших государственных преступниках! Никто, кроме меня, не может и не имеет права писать об вас!» И далее: «Вас не знают до сих пор. Вас считают совсем ошибочно, надобно вас показать,

как вы есть и чем вы были. Вы принадлежите истории, а кроме меня, некому описать вас – и я опишу и надеюсь, что с успехом, и знаете, кому посвящу свои Записки? <...> Нашему царю!»²⁹.

Письмо Анны Михайловны Миштовт (урожденной Кюхельбекер) к С.П. Трубецкому из Иркутска в Киев от 23 апреля 1857 г. свидетельствует об участии декабриста в судьбе бывшей воспитанницы его семьи: «После отъезда Вашего я осиротела и лишилась в Вас самых милых и нежных родных, от глубины души благодарю Вас, князь, за все то добро, которое Вы сделали для меня и для всего семейства нашего. Всем моим настоящим положением я обязана Вам, дай Господь Вам и милым детям Вашим здоровья и всяких радостей»³⁰.

В письмах Ивана Ивановича Горбачевского к Трубецкому из Петровского Завода в Иркутск от 6 июня и 21 октября 1856 г. приводятся сведения об изготовлении решетки для ограды могилы княгини Е.И. Трубецкой в Иркутске. В частности, упоминается, что рисунок ее делал некто Павел Андреевич Уосс и что «она будет отлита не в домне, а в вагранке». Также И.И. Горбачевский уточняет, что послужило образцом для нее: «Такая же решетка в нашей церкви сделана и чем хороша – ею обставлены хоры и оба клироса». В письме от 21 октября 1856 г. упоминается и об отъезде самого Трубецкого в Россию «по первому зимнему пути». Из этих писем, в частности, можно сделать вывод, что чугунная ограда на могиле княгини была установлена уже после отъезда Трубецкого из Иркутска³¹.

В плане бытописания семьи Трубецких в Сибири чрезвычайно интересно письмо Е.И. Трубецкой к Ивану Сергеевичу Персину, семейному доктору и другу семьи декабриста, из Иркутска в Санкт-Петербург от 16 марта 1851 г., в котором княгиня сообщает свое мнение по вопросу раздела наследства матери, в частности Пензенского имения, и «продажи библиотеки, картинной галереи и разных коллекций». В этом же письме упоминается о семейном поваре Павле и служанке Глафире и о необходимости «выписать» садовника, «русского или немца», несмотря на «боязнь мужа людей из матушкиного дома». Здесь же сообщается о скором прибытии в Иркутск из Петербурга для семьи Трубецких кареты и содержится просьба к адресату выписать через «парижского книгопродавца журнал с узорами и образчиками рукоделий и «La Biblede Vinceonse commentaire», то есть издание «Библия Винса, однажды прокомментированная, часть 24» на французском языке»³².

О материальном положении семьи декабриста можно узнать из четырех документов архива. Первый документ – «Проекты отдельной записи наследников А.Г. Лаваль (Е.И. Трубецкой, С.И. Борх и др.). Начато в 1851 г., на 21 листе» – свидетельствует о разделе наследства графини А.Г. Лаваль между ее дочерьми³³.

Второй документ – «Общая записка движимому и недвижимому имуществу, доставшемуся при разделе на долю княгини Кат. Ив. Трубецкой. СПб., 10 августа 1851 года», в нем перечисляется движимое и недвижимое имущество, доставшееся в наследство княгине Е.И. Трубецкой после раздела имущества ее умершей матери графини А.Г. Лаваль³⁴.

Третий документ – «Духовное завещание С.П. Трубецкого, составленное им в Киеве 19 декабря 1857 года», в котором декабрист распоряжается имуществом, доставшимся ему после смерти жены. Упоминается среди прочего и «дом деревянный с большим садом в Иркутске, оцененный в 7000 р., и капитал на сумму 58 242 рубля 21 коп. серебром, и 10 паев на золотоносном прииске в Манзурской волости Иркутской губернии»³⁵.

Четвертый документ – «Удостоверение Саранского уездного суда Пензенской губернии дознания и собранных справокх о недвижимом имении полковницы княгини Ек. Ив. Трубецкой, доставшемся ей после смерти А.Г. Лаваль по разделу с сестрами в 17 день августа 1851 года». В документе перечислены села с указанием числа проживавших в них крепостных крестьян Саранского уезда: Соколовка – 601 душа, Белый ключ – 210 душ, Дворянский умыс – 13 душ и деревня Давыдовка – 150 душ³⁶.

Потенциальные возможности рабочего архива В.П. Павловой в плане обретения информации научного и музейного значения весьма велики. Многие сведения рассыпаны по архиву, подобно крупичкам золота. Задача историков и музейщиков, которые обратятся к архиву Валентины Прокофьевны, прежде всего в том, чтобы ни одна крупичка не осталась найденной. И в заключение хочется поклониться светлой памяти Валентины Прокофьевны Павловой и Семена Федоровича Коваля, оставивших нам всем пример истинного служения истории.

Примечания

¹ ИМД-345/152. Док-181.

² ИМД-389/167. Док-371.

³ ИМД-354/39.

⁴ ИМД-354/48.

⁵ ИМД-354/85. Док-124.

⁶ НВФ-390/1.

⁷ ИМД-354/138. Док-167.

⁸ ИМД-354/146. Док-175.

⁹ ВХФЗК-855/1.

¹⁰ ИМД-389/93. Док-315.

¹¹ ИМД-354/151. Док-180.

¹² ИМД-389/156. Док-363.

¹³ ИМД-389/33. Док-275.

¹⁴ ИМД-354/157. Док-186.

¹⁵ ИМД-354/159. Док-188.

¹⁶ ИМД-389/47.

¹⁷ ИМД-389/193. Док-393.

¹⁸ ИМД-389/172. Док-376.

¹⁹ ИМД-389/73. Док-301.

²⁰ НВФ-409/22.

²¹ ИМД-399/12. Док-567.

²² ИМД-354/143. Док-172.

²³ ИМД-389/16. Док-264.

²⁴ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности : В 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987. С. 61–62.

²⁵ ИМД-354/23. Док-67.

²⁶ ИМД-354/71. Док-115.

²⁷ ИМД-354/18. Док-62.

²⁸ ИМД-408/8.

²⁹ ИМД-408/1.

³⁰ ИМД-399/9. Док-564.

³¹ ИМД-399/2. Док-557.

³² ИМД-399/20. Док-575.

³³ ИМД-354/81. Док-121.

³⁴ ИМД-354/75. Док-118.

³⁵ ИМД-354/78. Док-119.

³⁶ ИМД-354/101. Док-135.

В.Д. Юшковский

Сумерки разума

К вопросу о психическом здоровье декабристов после 1825 года

Официальная версия декабристского выступления содержала, как известно, тенденциозные оценки и выводы. Участники заговора рисовались там забывшими долг и присягу мятежниками, которые были подвержены влиянию «губительных» идей и имели «сердца развратные и мечтательность дерзновенную». Само выступление трактовалось как безумный, не соответствовавший нормам и правилам шаг молодых, незрелых людей с воспаленным воображением, но людей здравых, заслуживающих сурового наказания. Вопрос о «безумии», как таковом, появится значительно позже, причем, главным образом, в воспоминаниях современников и самих декабристов в связи с выпавшими на их долю невзгодами, которые они претерпевали на следствии, во время тюремного заключения, на каторге и поселении.

Первый критический анализ деятельности Следственного комитета, знаменитый лунинский «Разбор донесения...», собственно, и обозначил эту характерную по многим моментам проблему. Там говорилось о давлении на подследственных декабристов, в ходе которого сановные следователи, «увлеченные своим рвением», добивались нужных им показаний. «Многие из узников были поражены помешательством ума; двое в цвете лет померли в казематах», – писал М.С. Лунин, обладавший, нелишне заметить, невероятной силой духа и острым умом¹. В примечаниях к «Разбору...», принадлежавших, как принято считать, перу Н.М. Муравьева, к цитируемой фразе приводится следующий текст: «Сходившие с ума: Батенков, Матвей Муравьев-Апостол, Андриевич, Фурман, Фаленберг, Враницкий, Фохт и другие. Многие посягали на свою жизнь. Умерли: Булатов, Поливанов»². Оба курсава сделаны автором примечаний в обоснование наблюдения М.С. Лунина. В то же время примечания публикаторов документа, изданного в серии «Литературные памятники», значительно осторожней. Свидетельства М.С. Лунина, говорится там, «важны не столько буквальностью, сколько выражением определенного декабристского мнения о своих товарищах», для которых были характерны «припадки душевной болезни»³. В «тяжелейшем

душевном состоянии», указывается в примечании исследователей, находились Г.С. Батеньков и М.И. Муравьев-Апостол.

Утверждение о «безумии» некоторых декабристов подается, мы видим, совершенно по-разному: амплитуда оценок колеблется от безапелляционного «поражены помешательством ума» до нейтрально-взвешенного «тяжелейшее душевное состояние». Причем выражение «сходившие с ума» (второй вариант) указывает на то, что душевное расстройство у названных декабристов носило временный характер и что состояние их с переменой обстоятельств изменилось. Последнее суждение в этой оценочной шкале, самое осторожное, надо признать, характерно для немногих историографических работ. Столь редких, что подобные высказывания можно отнести в разряд исключений, тогда как правилом стало категоричное признание ряда декабристов «умалишенными», переходящее из одной работы в другую. Причем делается это из лучших побуждений, чтобы высветить, подобно М.С. Лунину, неблагоприятную роль Следственного комитета или показать степень моральных и физических страданий, глубину рефлексии, надлома, душевного кризиса некоторых декабристов. По авторитетному мнению С.В. Максимова, автора «Сибири и каторги», в Петровском Заводе из-за переживаний и тягот «сошли с ума» декабристы Я.М. Андреевич и А.И. Борисов, а на поселении «пали духом и предавались отчаянию» Н.С. Бобрищев-Пушкин, Ф.П. Шаховской, В.И. Враницкий и А.В. Ентальцев⁴. Кроме названных, в состоянии «умопомешательства» в разное время и разных обстоятельствах находились Г.С. Батеньков, И.Ф. Фохт и А.Ф. Фурман, а близки были к этому состоянию, по мнению некоторых, Петр Фаленберг и Василий Дивов (на следствии), Вильгельм Кюхельбекер (в одиночном заключении) и Аполлон Веденяпин (на поселении).

Примечательно, что мнение о душевном недуге исходило как от современников, так и от самих декабристов и людей, окружавших их на каторге и поселении. В официальных документах звучали только высказанные представителями администрации и III Отделения безоценочные суждения или врачебные заключения, независимо от того, справедливы они или ошибочны. Карающая декабристов самодержавная Фемида видела в них не больных, нуждавшихся в особом лечении, а врагов престола, лишенных по закону состояния и прав. Подчеркнуть это тем более уместно, что сумасшествие воспринималось как величайшее бедствие, какое только может выпасть на долю человека. Для дворян Александровской эпохи, дороживших репутацией, такой общественный приговор был равноценен гибели, вспомним хотя бы хрестоматийное пушкинское: «Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума <...>». Не случайно М.С. Лунин, указав, что «многие из узников были поражены помешательством ума», заговорил об умерших в казематах: эти понятия – смерть духовная, вследствие сумасшествия, и физическая – для него были почти равноценны. Однако само безумие трактовалось по-разному, в это понятие могли вкладывать разный смысл. Это и показатель неприемлемых, выходящих из ряда вон поступков (безумным некоторые современники называли декабристский мятеж), и выражение сумасбродных, по мнению общества, странно-чуждых идей (официальное «сумасшествие»

П.Я. Чаадаева), и проявление некоторого возбуждения, лихорадочного состояния и качеств, свойственных романтическому герою («В спокойные мои часы, входя в самого себя, я начинаю убеждаться, что сумасшествие мое растет и множится», – писал Г.С. Батеньков в июне 1825 г. на пике карьеры⁵. По представлению людей той эпохи, которое не изменилось, богатое внутреннее содержание определялось не только работой ума, а следовательно, не только эпизодическое, обусловленное обстоятельствами «повреждение разума» приводило к некоторому психическому расстройству. «Человек живет чувствами, умом и волею. Слияние их есть мысль <...>. Потому-то существо, одаренное мыслью, стремится чувствовать, познавать и действовать», – убеждал А.А. Бестужев⁶.

В большинстве случаев, рассуждая о «помешательстве» декабристов, говорить нужно о сумеречном состоянии их психики, о таких «плавающих» и, безусловно, не фатальных отклонениях, как невроз и психопатия: по врачебной терминологии, это «больные с пограничным состоянием». Во-первых, некоторые «мятежные реформаторы», которых решительно объявляли «безумными», спустя некоторое время возвращались в обычное состояние, занимались интеллектуальной работой, писали статьи, письма, трактаты, стихи, которые не оставляли сомнений в их нормальном душевном здоровье (пример Г.С. Батенькова). Распад личности, связанный с помешательством ума, как таковым, болезнь в клиническом смысле не оставляли шансов для восстановления психофизического состояния (пример Н.С. Бобрищева-Пушкина). Во-вторых, медицинское освидетельствование заболевших декабристов вели обычно мало сведущие в психиатрии, неквалифицированные врачи, а то и вовсе люди, чуждые медицине. По свидетельству А.Е. Розена, в Сибири тогда «было мало докторов, по одному на округ в 40 000 жителей, на пространстве 500 верст»⁷. В то же время попытки рассматривать исключительно с медицинской точки зрения психическое самочувствие декабристов сегодня, опираясь на документы и рукописный материал, как представляется, едва ли оправданны.

Дискуссия о душевном здоровье Г.С. Батенькова во время его 20-летнего одиночного заключения в Алексеевском равелине, в которой участвовали многие исследователи, собственно, привела к такой экспертизе. Б.Л. Модзалевский, опубликовавший в 1918 г. сложные для восприятия тюремные тексты декабриста, был убежден в его сумасшествии. М.О. Гершензон настаивал на том, что узник представлял собой совершенно особый тип личности, и уверенно отводил обвинения в умопомрачении. К этому мнению склонялись авторы более поздних работ, С.Н. Чернов и Т.Г. Снытко. В свою очередь, М.В. Нечкина, написавшая предисловие к тому следственным материалам по делу декабриста (ВД. Т. 14), указывала на несостоятельность версии о сумасшествии Г.С. Батенькова и приводила свои доводы. Не углубляясь в эту тему, освещенную в литературе довольно подробно, отметим другое. В 1990 г. статья Б.Л. Модзалевского была переиздана в книге «Алексеевский равелин». Составитель и автор примечаний А.А. Матышев, упомянув о дискуссии вокруг психического здоровья декабриста, счел нужным пригласить специалистов и провести «посмертную судебно-психиатрическую экспертизу».

зу». Опытные психиатры во главе с профессором Ф.И. Случевским, изучив биографию и тюремные рукописи декабриста, составили акт. По мнению экспертов, особые черты личности и тяжелейшие условия одиночного заключения привели к депрессии и стали почвой для развития «острого реактивного психоза», который продолжался множество лет и «протекал крайне тяжело по типу так называемого синдрома одичания»⁸. Стоит добавить, что психиатров поставило в тупик то обстоятельство, что у декабриста «выход из психоза был довольно быстрым и произошел сразу после объявления ему свободы»⁹. Диагностировать умопомешательство декабриста эксперты не стали, тем не менее автор предисловия принял как «наиболее аргументированную» позицию Б.Л. Модзалевского.

Особый интерес в этой связи представляет рукопись П.Ф. Дунцова-Выгодского, который тоже был примечательной личностью. В 1934 г. Г. Лурье издал «Выписки из бумаг государственного преступника Выгодского», сделанные одним из сотрудников III Отделения, куда попала довольно объемная рукопись, изъятая во время ареста ссыльного декабриста. Представляя «дерзкую» рукопись шефу жандармов, генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд высказал предположение, что декабрист «одержим в некоторой степени умопомешательством», а публикатор текста осторожно заметил, что «измученный арестом и каторгой», он «стал обнаруживать некоторые признаки неуравновешенности»¹⁰. Рукопись действительно содержит «темные», нуждающиеся в расшифровке места, и, что любопытно, следующая публикация текста, сделанная в 1975 г.¹¹, содержала купюры. В частности, выпал такой фрагмент: «Бог-слово с тьмами, ангелов своих святых явлен на земле в виде кротких, благих, страждущих человек, а дьявол, враг божий и хищник его царства на земле с тьмами ангелов своих лютых, явлен на земле в виде гордых и злобных убийц, законными властями титулирующихся и потому гнусных перед Богом премудрости и истины»¹². Между тем никто не пытался объявить автора текста сумасшедшим, – осторожное суждение на этот счет высказал только В.Н. Соколов. Повторив, что рукопись «была наполнена «самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях с превратными толкованиями некоторых мест Священного Писания и даже основных истин христианской религии»», он заключил: «Но так и осталось неизвестным, насколько удалось Выгодскому сохранить в 26-летнем одиночестве свое психическое и умственное равновесие»¹³. Одиночеством, к слову сказать, была названа жизнь в селе Нарым Томской губернии в окружении крестьян, за которых ссыльный писал жалобы, причем на протяжении десяти лет там же в селе проживал другой декабрист, Н.О. Мозгалевский.

Настоящее одиночество, губительное для психики, испытали немногие декабристы, в их числе В.К. Кюхельбекер, который отбыл в разных крепостях десятилетнее заключение. В отличие от Г.С. Батенькова, однако, он получал периодические издания, читал книги, имел возможность писать и заниматься переводами. Бесценный во многих отношениях источник являет собой его тюремный «Дневник», содержащий выписки из философской и художественной литературы, собственные стихи, наблюдения и самооцен-

ки, которые позволяют восстановить, хотя бы частично, внутреннюю жизнь декабриста, оказавшегося в «каменном мешке». Узник фиксирует довольно сильные и продолжительные «припадки хандры» (13 июля 1832 г.), периоды, когда «заволокло душу» (10 мая 1833 г.), и отмечает целительные средства для преодоления кризиса. Это и постоянная пища для ума (Господь «меня услышал <...>, он дал занятия – они всякий раз утешают, ободряют меня»), и работа над словом, «утешительный огонь поэзии», который никогда в груди не потухнет, «а если потухнет, останется вера», самое верное, по мнению В.К. Кюхельбекера, средство от разрушения личности¹⁴. Автор дневника непрерывно обращает взор на себя, ведет разговор с собой и Создателем. «Бессонница от забот: но благодарю Господа за нее; я беседовал с самим собою, с совестью и с минувшим, и укрепился в уповании на Бога», – читаем запись от 17 сентября 1838 г.¹⁵ Все это позволяет сберечь разум, причем сделать это в суровых условиях, по мнению узника, проще (так думал и Г.С. Батеньков), чем в обыденных при появлении бед. Рассуждение об этом В.К. Кюхельбекер находит в одном из номеров «Вестника Европы» и делает выписку: «Разум подает нам помощь в великих бедствиях: он возбуждает в нас силы для сопротивления несчастью. Тот же разум не может устоять против ничтожных беспокойств, которые <...> грызут спокойствие, наше счастье, наши надежды» (запись от 24 августа 1832 г.¹⁶). Автор «Дневника» нашел силы сопротивляться несчастью и достойно выйти из испытания, сохранив свое Я.

Тем не менее нужно признать, что в условиях заточения и позже, в Сибири, многие декабристы оказались подвержены сильнейшим нравственным переживаниям, крушению иллюзий, депрессии, нарушившей душевное равновесие. Степень душевного кризиса при этом была разной, в большинстве случаев сумеречное состояние психики у декабристов устойчивым не было, психическое их самочувствие менялось, в чем несложно убедиться, обратившись к документам и письмам. С другой стороны, очевидно, что проблему нужно рассматривать не столько с медицинской точки зрения, сколько (едва ли даже не главным образом) в других плоскостях. Представляются важными философско-мировоззренческий аспект (религиозная экзальтация, погружение во внутренний мир), а также соотносимый с ним историко-социальный (отношения внутри декабристского круга и отношение к ним со стороны в разные периоды). Все это необходимо принимать во внимание, сталкиваясь с абсолютизированными оценками и однозначными высказываниями. Так, один из современников декабристов писал: «Все преступники от нежности воспитания, а еще более от постигшего их горя были изнурены работами, и скоро несколько из них сошли с ума, другие были почти непрерывно больные <...>»¹⁷. По словам декабриста А.М. Муравьева, в ходе следствия многие узники «потеряли рассудок, некоторые покушались на свою жизнь <...>. Полковник Главного штаба Фаленберг, потрясенный нравственно заключением, дошел до обвинения себя в умысле, которого никогда не имел», но Следственный комитет не обратил на это внимания; причем, кроме него, «тюрьма и плохое обращение также расстроили умственно» мичмана Дивова¹⁸.

Чрезвычайно показательно в этой связи воспоминание Н.В. Басаргина о пребывании в крепости, где, по его признанию, он был на грани помешательства. «Эти две недели мне все представлялось, что я помешался или, по крайней мере, должен скоро сойти с ума. Каждое свое движение, каждое действие я считал несообразным с здравым смыслом <...>. Наконец, даже самая эта мысль о помешательстве, от которой я никак не мог отделаться, стала тревожить меня. Мне казалось, что именно на этой-то мысли я и могу сойти с ума и что, не имея силы отогнать ее от себя, я уже начинаю терять рассудок», – находим в его мемуарах¹⁹. Страшило не само по себе одиночество, – по мнению А.Е. Розена, его можно было провести с пользой, занимаясь самообразованием. «Но сидеть в тюрьме без надежды освободиться <...>, а, напротив, в ожидании или позорной смерти, или вечного заточения, или изгнания – вот что поставит и лучшего мыслителя в великое затруднение и может иступить его и ум, и сердце, если он не имеет одного упования на Бога <...>», – писал декабрист²⁰. Для И.В. Поджио безумие виделось крайней степенью отчаяния. Оказавшись в «темной камерке» Петропавловской крепости, «он чуть не сходил с ума, вспоминая жену, детей и недавние картины своего идеального счастья и сравнивая с ужасной обстановкой тюрьмы и с тем безвыходным будущим, которое вставало» пред его мысленным взором²¹. В то же время другие декабристы на следствии беспокоились не только о душевном здоровье, но и о вреде, который могли принести себе и другим показания, связанные со смятением, ослаблением воли и мыслительных способностей. Один из ярких представителей декабризма И.Д. Якушкин вспоминал: «Тюрьма, железо и другого рода истязания <...> развратили меня. Отсюда начался целый ряд сделок с самим собой, целый ряд придуманных мною же софизмов. Я старался себя уверить, что, назвавши известных мне членов Тайного общества, я никому не могу повредить, но многим могу быть полезен своими показаниями <...>»²².

Полковник А.М. Булатов в тех же обстоятельствах лишил себя жизни, разбив голову о стену в состоянии глубокой депрессии, тяжелейших переживаний. Навестивший его после восстания брат «не мог удержаться, чтобы не высказать своего мнения и взгляда на людей, которые, забыв долг чести и присяги, производят смуту в отечестве <...> ради каких-то теорий и целей и даже не подумают, какое пятно позора они кладут поведением на свое имя, на свое семейство <...>»²³. После этих слов, будучи в сильнейшем возбуждении, А.М. Булатов приехал к коменданту Санкт-Петербурга и сдался, а вскоре, по словам С.Н. Чернова, «в припадке умопомешательства» сделал попытку суицида и, доставленный в госпиталь, скончался. «От писаний Булатова действительно веет если не безумием, то, по крайней мере, сильнейшим расстройством нервов», – заключал историк²⁴. Воспаленное, мучительное, болезненное состояние, за которым стояло желание разобраться в себе и «очиститься» от несуществующей или реальной вины, можно было принять за болезнь, только если видеть в декабристах участников исторического процесса, пусть и достаточно важного, а не людей «во плоти», наделенных сомнениями, чувством совести, ранимой душой.

В этом смысле «безумными» могли, наверное, представляться многие декабристы. Тем более что, вырванные в ссылке из привычной среды, они остро ощущали свою особость, непохожесть на людей, их окружавших (ощущали, отличаясь культурными навыками, образованием, умом и манерами), для которых они были «вне нормы», будучи лишены гражданских и политических прав. «Совершенно разделяю твое мнение, что наше положение есть аномалия в общественном быту, но по этому самому нам необходимо <...> не мешаться между людьми, имеющими каждый свое место на гражданской лестнице. Выше сил наших помянуть, что мы столько же бесклассны, сколько и безгласны, лезем в чужие сани, да и знать ничего не хотим», – писал Ф.Ф. Вадковский в декабре 1840 г. Е.П. Оболенскому²⁵. То же самое несколько позже отмечал и И.Д. Якушкин: «Во всяком положении есть для человека особенное назначение, и в нашем, кажется, оно состоит в том, чтобы сколько возможно менее хлопотать о самих себе. Оно, конечно, не так легко, но зато и положение наше не совсем обыкновенное» (из письма И.И. Пущину от 17 марта 1842 г.²⁶

Между тем, сохраняя дружеские связи, ощущая свое историческое родство, помогая друг другу материально, декабристы поддерживали душевное равновесие. Показательно, что по дороге на каторгу многие впали в отчаяние, как отмечал побывавший в Сибири сенатор князь Б.А. Куракин. Он даже составил реестр, поделив «государственных преступников», следовавших через Тобольск, по этому принципу на три степени, и в первую попали девять декабристов, «кои находились в раскаянном и совершенно отчаянном положении», – причем отчаяние первых трех (В.И. Враницкий, А.И. Шахирев и М.М. Нарышкин) «превосходило, если это только возможно, отчаяние прочих»²⁷. Тогда как позже в тяжелейших условиях каторги многие преодолели депрессию и даже вернули, кто отчасти, а кто и совершенно, присущую им бодрость духа. «Если бы мы были разосланы по заводам, как гласил закон <...>, то не прошло бы и десяти лет, как все мы бы, наверное, <...> пали бы морально под гнетом нужд и лишений, погибли бы под гнетом мук <...> или, наконец, сошли бы с ума от скуки и мучений», – отмечал М.А. Бестужев²⁸. В свою очередь, Н.В. Басаргин благодарил правительство, позволившее декабристам сохранить общность на каторге, иначе «многие потеряли бы сознание своего достоинства <...>, погибли бы безвозвратно, влача самую жалкую, недостойную жизнь», однако правительство «доставило нам средства не только удержаться на прежней ступени нравственного достоинства, но даже подняться и выше»²⁹. Диссонансом таким высказываниям звучат рассуждения людей, которых отделяет от декабристов несколько поколений и которые оглашали свои «диагнозы», составляли списки «безумных» в порыве осуждения бесчеловечного самодержавия. «Не случайно среди декабристов на поселении оказался большой процент помешанных людей <...>. И не случаен длинный список неестественных смертей и выходящих из ряда «случайных» несчастий», – говорится в одной из монографий³⁰.

Подобные оценки звучали и от современников, независимо от того, осуждали они «мятежников» или относились к ним с симпатией и благодарностью. Так, А.И. Борисов предстает в воспоминаниях Н.А. Белоголо-

вого однозначно как душевно больной человек: применительно к нему мемуарист использует такие слова и выражения, как «психическая болезнь», «сумасшедший», «одичалый и полупомешанный». Но вчитаемся в портрет декабриста, который рисует тот же автор, снискавший репутацию наблюдательного и добросовестного мемуариста. П.И. Борисов, писал он, «жил вместе со своим братом Андреем Ивановичем, у которого развилась в ссылке психическая болезнь, что-то вроде меланхолии; он чуждался всякого постороннего человека <...>, и Петр Иванович был единственным живым существом, которое он пускал к себе и с которым свободно мог разговаривать <...>»³¹. Перед нами предстает человек в подавленном состоянии духа, в депрессии, вызванной в том числе причинами материальными. «Из России они ни от кого помощи не получали и жили скудно на пособие от товарищей-декабристов», – говорит мемуарист и добавляет: младший брат «зарабатывал ничтожные средства рисованием», а старший, именуемый психически больным, «научился переплетному ремеслу и имел небольшой заработок»³². Поведение А.И. Борисова, возможно, заставляло думать о нем как о нездоровом человеке (затворничество, молчаливость, невнимание к внешнему виду), но грань между острым неврозом и безумием, между некоторым отклонением и глубоким расстройством психики для многих была шаткой или отсутствовала. «Андрей Борисов совсем потерял разум, и боюсь, как бы его брат не сошел с ума при таком образе жизни, который он ведет, они очень несчастны», – сообщал В.Л. Давыдов из ссылки М.А. Фонвизину³³.

Что говорить, даже Никита Муравьев, один из признанных интеллектуалов начала XIX века, натура богатая, в годы ссылки, после смерти жены, рисуется порой как больной, достойный сочувствия человек. «Я застал его, по-моему, скорее полусумасшедшим, что, впрочем, товарищи мои не признавали. По отзывам их, он отличался блестящим умом, научностью и большою начитанностью. Надо полагать, что ссылка сильно на него подействовала <...>», – вспоминал Л.Ф. Львов³⁴. Признания эти, правда, у другого современника вызвали отповедь. По словам И.В. Ефимова, декабрист «заслужил эпитет сумасшедшего» напрасно, ибо «никто из знавших его в Сибири не имел не только оснований, но и малейших поводов считать его таким <...>»³⁵. В то же время говорить о том, что у названных мемуаристов не было случая наблюдать подлинное сумасшествие, не приходится. Рассказ Н.А. Белоголового о ссылке старике-поляке, посещавшем П.А. Муханова, красноречив и убедителен. Этот больной имел нелепый вид и «постоянно рассуждал вслух сам с собою с непомерной жестикуляцией»; встречая противоречие, горячился и раздражался окриками, а про П.А. Муханова, перед которым благоговел, «тайнственно и шепотом передавал, что это великий князь Константин Павлович, желающий сохранить строжайшее инкогнито; себя же он считал за какого-то мифического фельдмаршала Пуфа, посланного с войском в Китай для освобождения принцессы Помаро, взятой китайцами в плен и заточенной в фарфоровой башне»³⁶. Ни одного свидетельства того, что подобные речи доводилось слышать из уст безусловно нездорового А.И. Борисова, однако, мы не имеем. После смерти брата в порыве отчаяния он покончил с собой, но и это убедительным доказательством «безумия»

не служит. Во всяком случае, и личность декабриста, и обстоятельства его трагической смерти требуют обстоятельного изучения, основанного на подлинных документах.

В письме из Петровского Завода (январь 1832 г.) П.Н. Свистунов делится мыслями о «нравственных терзаниях» в Алексеевском равелине и во время суда. В Сибири его не оставляли «лишения, тревоги, беспокойство и мучительное умственное напряжение», признает он и называет это состояние болезнью. «У этой болезни есть свои приступы и перерывы, она связана с односторонностью нашего существования, с отсутствием побудительных причин для воли, цели, усилий», – рассуждает декабрист³⁷. Он же указывает и «единственное лекарство от этого рода болезни»: истинная и глубокая вера. Декабрист просит брата не думать, что он «впал в маразм или ипохондрию», совсем напротив («в сущности, мое настроение ныне более спокойное <...>»). П.Н. Свистунов, не склонный делиться сокровенным ни с кем, кроме близких, более не упоминал о «болезни», иначе у кого-то из современников могло бы сложиться превратное мнение относительно его душевного здоровья. Что же касается представителей власти, им было важно только одно: чтобы подвергшиеся наказанию вели себя благопристойно, согласно нормам и правилам. Так, М.Н. Глебову предписывалось внушить, чтобы он, согласно пункту 6 правил поведения «государственных преступников» на поселении, «вел себя тихо, скромно и никаких связей ни с кем не заводил»³⁸. Все остальное, с официальной точки зрения, представлялось мало существенным и не слишком волновало представителей чиновничьего аппарата и тайной полиции. Пристав С.И. Черепанов вспоминал о братьях Крюковых, живших вместе, так как «один из них был душевно болен» и нуждался в попечении здорового брата. «Последний от скуки и желания добра мужикам начал давать им разные советы, писал просьбы <...>. По наущению исправника сельский староста донес, что больной опасен, раздражается <...>», – отмечал пристав³⁹. По его словам, конвой ошибочно увез «здорового брата, которого засадили в городе Верхнеудинске в доме умалишенных», и недоразумение разъяснилось будто бы спустя много лет. Описанная история – вымысел, но ничего необычного, в смысле реакции местной власти и ненадлежащего исполнения приказов, в ней не было.

Проблема эволюции индивидуального сознания, мироощущения декабристов в новой среде и принципиально новых условиях предполагает рассмотрение комплекса сложных, в том числе религиозно-философских вопросов. Своим обликом и поведением декабристы, как уже говорилось, выбивались из общего «нормального» ряда, даже если входили в мещанско-крестьянскую среду и пребывали там как внесловный элемент, без внутренних усилий. Достаточно вспомнить странноватую фигуру «окрестьянившегося» князя С.Г. Волконского, одного из блестящих титулованных генералов Александровской эпохи. Если же чужеродность накладывалась на несвойственную сибирякам религиозную одержимость, это становилось показателем «ненормальности». Усиление религиозного чувства характерно было для заметного круга ссыльных декабристов. Только одним вера помогала сохранить психическое здоровье (В.К. Кюхельбекер), становилась «опорой» для

разума, а других погружала в рефлексию, уводила во внутренний мир, в мир религиозных переживаний, усиливая сумеречное состояние психики. В этом отношении обращают на себя внимание две похожие по характеру и судьбе декабристские личности – князь Ф.П. Шаховской и Н.С. Бобрищев-Пушкин. Имея общих знакомых, они могли знать друг друга по прошлой жизни, но друзьями не были, и вот в мае 1827 г. судьба свела их, уже как изгнанников, в захолустном Туруханске. Натуры чуткие, ранимые, богато одаренные, они быстро сошлись и стали поддерживать друг друга в тяжелых обстоятельствах. При этом Ф.П. Шаховской вел активную деятельность: составлял гербарий и коллекцию почв, наблюдал за природой и климатом, внося данные в записную книжку, лечил местных жителей, писал стихи и читал (книги присылала жена), а Н.С. Бобрищев-Пушкин такой активности не выказывал, но оба укрепились в вере и ревностно посещали церковь.

Через полгода пути их разошлись. Ф.П. Шаховской был переведен в Енисейск, а Н.С. Бобрищев-Пушкин по собственному его желанию помещен в Троицкий, затем в Спасский монастырь, откуда попал в енисейскую больницу, а спустя некоторое время – в красноярский дом скорби. В служебной переписке о нем говорится как о больном или человеке, который «оказывает себя» таковым, но соблюдает предписанные правила. «Ведет себя скромно, имеет усердное хождение в святую церковь для богомолия <...>», – находим в донесении енисейскому губернатору от 1 мая 1827 г.⁴⁰ Чуть позже, в донесении от 18 июня, появляется запись, из которой видно, каким все же представлял декабрист. «Находящийся в Туруханске Бобрищев-Пушкин с самого своего прибытия сюда был в высшей степени ипохондрии, которая для людей недалёковидных [п]оказывала его рассудок помешанным. Главная причина <...> понесенное им наказание, раскаяние в своем преступлении <...>, крайняя его бедность и даже нищета, в коей он и ныне находится <...>», – сообщал окружной начальник и описывал состояние ссыльного: необщительность, равнодушие к внешнему виду, глубокое погружение в религию, сопровождаемое «собственным своим унижением и покорностию»⁴¹. Между тем Ф.П. Шаховской шлет другу письма, где говорит: «Ясные, откровенные беседы наши, соединившие нас под мирным кровом нашей хижины навек, останутся впечатлением в душе моей»⁴². Н.С. Бобрищев-Пушкин откликается на эти послания и в одном из них мягко укоряет за не отправленные ему акварельные краски. «Вероятно, что ты не послал их мне потому, что опять по рассказам подумал, что я снова умом рехнулся и не буду заниматься рисовкой, но ей-ей, ни прежде, ни после я не терял рассудка, а на все есть свои причины»⁴³.

Не вызывает сомнений: душевный надлом у декабриста был глубоким, тем не менее его психическое состояние отличалось неустойчивостью: были периоды, когда наступало просветление и недуг отступал. Мы не можем проследить, как менялось это «пограничное» состояние и что повлекло усиление нездоровых симптомов: опираться тут следует, в основном, на официальные рапорты, где рисуется картина растущего «безумия». Так, в одном документе говорится, что «Бобрищев-Пушкин снова впал в буйное сумасшествие, он без всякой причины прибил настоятеля монастыря»⁴⁴. История

эта весьма неоднозначна: в отношении настоятеля было проведено следствие, его лишили звания священнослужителя и удалили из монастыря, вина его была доказана. Однако растущее психическое расстройство Н.С. Бобринцева-Пушкина подчеркивал и настоятель Спасского монастыря, куда декабриста отправили в июне 1828 г. Наконец, его поместили в красноярский дом умалишенных, полагая, что он «выказывает отсутствие ума», но позже (12 декабря 1833 г.) в рапорте Енисейского губернского правления указывалось, что его «помешательство в рассудке <...> до такой степени уменьшилось, как удостоверяют здешний городничий и врачебная управа, что оно заметно иногда только при разговорах с ним о чем-либо противуречащем его мнению. Он ведет себя благопристойно»⁴⁵. Проезжая через Красноярск, А.Е. Розен навестил товарища по несчастью и позже оставил в мемуарах запись, звучащую как приговор. Больной рассуждал о своем брате, пишет декабрист, но потом «вдруг ни к селу ни к городу стал убеждать меня в необходимости завоевания Турции и рассказывал, как всего легче взять Константинополь. Выслушав <...>, я должен был еще выслушать выдуманные им средства против холеры. Бедный расстроенный человек понес такую чепуху, заговорил стихами. Пора было расставаться <...>»⁴⁶.

Глубокие религиозные переживания, очевидно усилившие гнетущее состояние духа, были характерны и для князя Ф.П. Шаховского, которого тоже называли «безумным», хотя явного повода, судя по всему, он не давал. В довольно мягкой форме замечание об его душевном состоянии в 1907 г. высказал П.Е. Щеголев: «Ссылка совершенно подточила здоровье Шаховского и повлияла на его психику и умственные способности»⁴⁷. Остальные исследователи указывали на «безумие» князя уверенно, без колебаний, причем в документах его образ рисуется почти теми же словами, что и образ Н.С. Бобринцева-Пушкина. Окружного начальника, писавшего донесения, подкупала кротость декабристов, равно как и выказываемые ими «черты истинного душевного раскаяния». Очевидно, в ряде случаев личность ссыльных трактовалась в документах несколько произвольно, покаяние их рисовалось с заметным преувеличением. «Упование на благодать Божию высказывается во всех его разговорах; раскаяние в прежнем своем преступлении и заблуждении, желание загладить поступок свой добродетельными делами – видны во всем образе его жизни; времяпровождение его состоит почти единственно в исполнении обязанностей, налагаемых религией и чувствами любви к ближнему, к пользе народной», – писал тот же окружной начальник о Ф.П. Шаховском в июне 1827 г.⁴⁸, когда тот развернул энергичную деятельность, за что, собственно, и был переведен из Туруханска. Вместе с тем в описании основных, доминирующих черт декабристов, объявленных «безумными» (покорность судьбе, кротость, сострадание, великодушие), документы, насколько можно судить, были близки к истине. «Известно мне, что он все бывшие у него деньги и даже платье раздал в Туруханске бедным на тот конец, чтобы жить и во всем претерпевать нужду», – сообщал о Н.С. Бобринцеве-Пушкине местный чиновник⁴⁹.

Психическое расстройство сопровождалось физическими недугами. Ф.П. Шаховской пишет ссыльному товарищу по Туруханску: «С душев-

ным прискорбием слышу, что чрезмерная тоска и расстроенное здоровье твое привели опять в то положение, в котором ты прибыл в Туруханск» и дает полезный совет: «Убежденный в том, что спокойствие души и чистые чувства веры много зависят от физического состояния и телесного здоровья», он рекомендует «употребление холодной воды и содержание тела в чистоте и движении»⁵⁰. Но позже пошатнулось здоровье самого Ф.П. Шаховского. В августе 1827 г. губернатор А.П. Степанов просит перевести его в Минусинск, который «по слабости здоровья Шаховского может быть для него весьма полезен в отношении климата»⁵¹. Генерал-губернатор А.С. Лавинский не возражал, но в пути декабрист сильно занемог и слег. В июне 1828 г. в рапорте возникает фраза о его «сумасшествии», признаки которого заключаются якобы в том, что «он совершенно уверен в собственной своей святости и в полученной от Бога благодати, приуготовившей его к проповедованию христианской веры»⁵². Что за этим скрывалось, можно только догадываться, но нарушение христианских канонов и правил поведения в отношении церкви власть считала недопустимым и пресекала. По всей вероятности, главная причина, по которой ссыльный был объявлен «безумным», в том и заключалась. Так думали и некоторые декабристы. «Жалкое положение» Ф.П. Шаховского описывал С.И. Кривцов, навестивший больного в Енисейске: «За почти полчаса, проведенные мной у него, я не смог извлечь из него ни одного осмысленного слова. Он говорил мне о своих беседах с Богом, о непрекращающихся искушениях его дьяволом, об его конституции, по которой уже управляют Сибирью <...>. Причина его помешательства точно не известна, но, когда он прошлой зимой получил портреты своих детей, это так возбудило его, что вскоре он впал в состояние, в котором я его нашел», – сообщал С.И. Кривцов⁵³.

Считать за неопровержимое доказательство «безумия» смятение ума, религиозную одержимость, лихорадочное состояние духа, однако, вряд ли возможно. Особенно тем, кто имеет дело с отраженными в документах оценками и «приговорами», но, к сожалению, именно это и происходит. Так, указывая о пребывании Ф.П. Шаховского в красноярской больнице, автор одной из статей заключает: «В каком положении находился в этот момент больной, насколько тяжелый характер имела его болезнь и как она протекала, мы не знаем, так как никаких сведений и даже намеков на это в деле нет», – и следом говорит: «Между тем есть много оснований думать, что больной во время его отправки в Суздаль находился уже в крайне тяжелом состоянии»⁵⁴, под которым понималось безумие. Декабрист по просьбе его жены, добившейся, чтобы он жил поближе, был доставлен в Суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь. Его настоятель беспрестанно сообщал, что «преступник Шаховской находится в помешательстве ума и болезненном положении»⁵⁵, хотя суздальский уездный штаб-лекарь нашел, что «опасности не предвидится», а жена декабриста, Н.Д. Шаховская, обращалась к нему в письме как к вполне адекватному человеку⁵⁶. 6 мая 1829 г., пребывая в том же «болезненном положении», декабрист, лечить которого никто, как видно, не собирався, отказался от пищи, «от чего пришел в крайнее изнеможение и слабость», а 24 мая умер, уморив себя голодом. Что за этим стояло, ни тогда,

ни позже никто выяснять не стал: «безумие», считалось, все объясняло. Но на могиле Ф.П. Шаховского, которого похоронили рядом с монастырем, в церковной ограде, была сделана надпись о том, что он покинул землю не из-за болезни, а «от горестей и сует мира». Для его вдовы это было очевидно.

Источники и литература

¹ Лунин М.С. Разбор донесения Тайной Следственной комиссии государю императору в 1826 году // Лунин М.С. Письма из Сибири / изд. подгот. И.А. Желвакова и Н.Я. Эйдельман. М., 1987. С. 67.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 421.

⁴ Цит. по: Пругавин А. Декабрист князь Ф.П. Шаховской в Спасо-Евфимьевском монастыре // Русское богатство. 1911. № 1. С. 65.

⁵ Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 107.

⁶ Бестужев А.А. О романтизме // Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 127.

⁷ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С.300.

⁸ Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. Т. 1. С. 413.

⁹ Там же. С. 414.

¹⁰ Лурье Г. Из рукописей декабриста Выгодского. // Катюга и ссылка. 1934. № 3. С. 87.

¹¹ Выгодский П.Ф. Выписки из бумаг. // Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири. Иркутск. 1975. С. 81–89.

¹² Лурье Г. Из рукописей декабриста Выгодского. С. 91.

¹³ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946. С. 96–97.

¹⁴ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / изд. подгот. Н.В. Королева и В.Д. Рак. Л., 1979. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 369.

¹⁶ Там же. С. 177.

¹⁷ Попов М.М. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года // О минувшем. СПб., 1909. С. 114.

¹⁸ И дум высокое стремление... / сост. Н.А. Арауманова. М., 1980. С. 123.

¹⁹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 86.

²⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 151.

²¹ ...В потомках ваше племя оживет... Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1980. С. 27.

²² И дум высокое стремление... С.133–134.

²³ Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 160–161.

²⁴ Там же. С. 174.

²⁵ Декабристы. Неизданные материалы / под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. М., 1925. С. 223.

²⁶ Декабристы на поселении (из архива Якушкиных). Записки прошлого. Воспоминания, письма / под ред. С.В. Бахрушина и М.Л. Цявловского. М., 1926. С. 99.

²⁷ Декабристы. Неизданные материалы. С. 116–117.

²⁸ И дум высокое стремление... С. 178.

²⁹ Там же. С. 217–218.

³⁰ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. С. 90.

³¹ ...В потомках ваше племя оживет... С. 11.

³² Там же.

³³ Давыдов В.Л. Сочинения, письма. Иркутск, 2004. С. 112.

³⁴ ...В потомках ваше племя оживет... С. 70–71.

³⁵ Там же. С. 84.

³⁶ Там же. С. 42–43.

³⁷ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск. 2002. Т. 1. С. 220.

³⁸ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об.

- ³⁹ ...В потомках ваше племя оживет... С. 104–105.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Карг. 3. Д. 41. Л. 5.
- ⁴¹ Там же. Л. 6–6 об.
- ⁴² Богданова М. Декабрист Ф.П. Шаховской в Туруханском крае // Енисей. 1973. № 6. С. 65.
- ⁴³ Колесникова В. Гонимые и неизгнанные. Судьба декабристов братьев Бобрищевых-Пушкиных. М., 2002. С. 105.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Карг. 3. Д. 41. Л. 21 об.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–6.
- ⁴⁶ Бестужев А.А. О романтизме. С. 286.
- ⁴⁷ Щеголев П. Декабрист князь Ф.П. Шаховской // Былое. 1907. № 8. С. 289.
- ⁴⁸ Ауэрбах Н. Материалы по истории декабристов. Декабристы в Туруханском крае. // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 87.
- ⁴⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Карг. 3. Д. 41. Л. 6 об.
- ⁵⁰ Колесникова В. Гонимые и неизгнанные. С. 106–107.
- ⁵¹ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- ⁵² Там же. Л. 3 об.
- ⁵³ Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М, 1988. С. 190.
- ⁵⁴ Цит. по: Пругавин А. Декабрист князь Ф.П. Шаховской в Спасо-Евфимьевском монастыре. С. 75–76.
- ⁵⁵ Там же. С. 76.
- ⁵⁶ Там же. С. 78.

Есть ли жизнь в музее?

Н.М. Полунина

Сочувственная поддержка

Заметки к «Летописи Иркутского музея декабристов»

В первом же номере собственного издания Иркутского музея декабристов, в вестнике «Декабристское кольцо», увидевшем свет в 2011 г., появилась публикация, привлекавшая мое внимание, – «Материалы к летописи Иркутского музея декабристов». Ее авторы – сотрудники музея О.А. Акулич и А.В. Грейзе – отмечают, что попытка написать такую летопись предпринимается впервые и приступили они к столь ответственной работе еще и потому, что не за горами у музея полувековой юбилей (в 2020 г.). Завершается вступительное слово к читателям словами: «Мы выражаем надежду на сочувственную поддержку и участие заинтересованных лиц в составлении летописи».

Еще тогда мне как лицу, «сочувственному» и к этому музею, и к благородному делу составления его летописи, хотелось откликнуться на публикацию, но, каюсь, не откликнулась. В 2017 г. вышел третий выпуск «Декабристского кольца», в котором также опубликована летопись музея, но уже другого автора, А.О. Афанасьевой. Солидная по объему – почти в три раза больше первой публикации, она совершенно закономерно названа не как первая – «Материалы к летописи Иркутского музея декабристов», а – «Летопись Иркутского музея декабристов». В этот раз я уже твердо решила, что надо откликнуться, если я отнесла себя к разряду «сочувственных лиц». Но окончательно меня подвигла к написанию этого короткого отзыва фраза А.О. Афанасьевой из вступительного слова: «Сейчас можно сказать о законченности работы в плане ретроспективы».

Я, признаюсь, несколько усомнилась в этом. Ретроспектива, на мой взгляд, требует дополнительного поиска материала, так как ряд периодов, например 1972–1978 гг., показались мне не вполне четко прописанными. И именно по этому периоду мне хотелось бы сделать дополнения. Но прежде я должна объяснить, почему выделила эти годы, а также дать оценку летописному сочинению в целом.

В 1972–1978 гг. активно разрабатывался проект историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». Подчеркиваю: именно комплекса, в составе которого предусматривалась мемориальная зона с двумя усадьбами декабристов – Трубецкого и Волконского, а также зона архитектурного окружения преимущественно из памятников деревянного зодчества, характерных для застройки Иркутска периода, когда в нем жили на поселении дека-

бристы. Вследствие превратностей судьбы я оказалась в гуще этих событий. Но сначала немного о том, что тому предшествовало.

В 1971 г. я закончила историческое отделение историко-филологического факультета Иркутского государственного университета и предполагала остаться в университете – в лаборатории по истории и этнографии Сибири, которая тогда создавалась при кафедре истории СССР по инициативе Семена Федоровича Коваля. Лабораторию, для которой наконец-то выделили ставку, открыли, но должность лаборанта отдали другой выпускнице нашего факультета. Семен Федорович просил меня подождать, и я временно устроилась на работу в букинистический магазин Ангарска, где жила некоторое время. Время от времени приезжала в Иркутск, и мы встречались с Семеном Федоровичем.

Одна из таких встреч произошла в декабре 1971 г. в Польском костеле. Тогда здание реставрировалось, и временно там располагалось Иркутское отделение (областное и городское) Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Тогда в стране широко развернулось движение в защиту памятников. Инициаторами создания новой всероссийской организации выступили известнейшие деятели культуры России – писатель Леонид Максимович Леонов, художники Илья Сергеевич Глазунов, Павел Дмитриевич Корин и Николай Аркадьевич Пластов, композитор Георгий Васильевич Свиридов, директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский, академики АН СССР Игорь Васильевич Петрянов-Соколов и Борис Александрович Рыбаков. Главная задача, которую ставило Общество, – объединить широкую общественность, привлечь ее к активному участию в охране памятников. Отделения Общества в короткий срок были созданы по всей стране. Вокруг них в каждом регионе сплотились истинные борцы за сохранение памятников, за широкую пропаганду знаний о них. Иркутское отделение, оформившееся на учредительной конференции 17 января 1966 г., стало одним из самых энергичных, деятельных. С момента создания оно занималось самыми насущными проблемами, среди которых первейшей было сохранение декабристских памятников, и в первую очередь – реставрация усадеб Трубецкого и Волконского. Повторюсь: в те годы речь шла не о музее декабристов, а о широкомасштабном проекте создания комплекса на территории двух городских кварталов площадью почти в 50 га.

Еще на первом курсе я вступила в члены этого Общества, занималась в краеведческом кружке у профессора Федора Александровича Кудрявцева, который вел у нас спецкурс «История Сибири», и посещала только что открывшиеся в городе курсы экскурсоводов, где также преподавал профессор Кудрявцев. Я тогда, как и по сей день, была сильно увлечена историей Иркутска, в который влюбилась в первый же день своего сюда приезда (а случилось это в мае 1966 г.).

Встреча наша с С.Ф. Ковалем должна была состояться во второй половине дня. Я пришла к назначенному часу. Семен Федорович был занят и просил подождать. Поджидая его в большой комнате, где располагались сотрудники (точнее, сотрудницы – это были молодые женщины, человек 5–6) Общества охраны памятников, я оказалась свидетельницей эпизода, который произвел

на меня удручающее впечатление и который в тот же день переменял мою судьбу. В большую комнату вошла молодая женщина, представилась школьным преподавателем истории и объяснила свой приход: она хотела, чтобы кто-то из сотрудников Общества пришел на ее урок и рассказал о пребывании декабристов в Иркутске. Присутствующие сначала переглянулись, потом пошептались между собой, потом четко отказали гостье, мотивируя тем, что они с этой темой незнакомы. «Как это, удивилась я про себя, работать в Обществе охраны памятников, заниматься вопросами реставрации дома декабриста Трубецкого (к тому времени уже год там работал музей) и не знать о пребывании декабристов в Иркутске?» Мне стало обидно за Общество, о котором я прежде судила по таким личностям, как Ф.А. Кудрявцев и С.Ф. Коваль, и жалко было учительницу, которая пришла сюда с надеждой, а ушла с таким разочарованием. Мои горькие мысли прервал Семен Федорович. Ковалья я знала с первого курса, участвовала в возглавляемых им историко-этнографических экспедициях и с первой же экспедицией стала его правой рукой. И потому, войдя теперь в его кабинет, я не смогла сдержать горьких мыслей и рассказала про увиденное и услышанное. Реакция его была мгновенной: «Ну вот и приходи к нам работать, только у нас мало платят, и потому никто не хочет идти, вот и принимаем на работу не очень знающих людей». «Ну и приду», – был мой ответ. «Тогда пиши заявление, – резюмировал Коваль, – только не забудь мои слова о зарплате». Я тут же написала заявление, а Семен Федорович его подписал. 11 января 1972 г. я вышла на новую работу. Сначала занимала должность ответственного секретаря президиума Иркутского городского отделения Общества, через семь месяцев меня перевели на должность научного консультанта областного отделения, через год – на должность ответственного секретаря областного отделения Общества; а потом я была назначена на должность заместителя председателя президиума областного отделения и оставалась в этой должности до ноября 1978 г., до отъезда моего из Иркутска в Москву.

Тогда все работы по созданию историко-мемориального комплекса, по реставрации дома декабриста Трубецкого, а потом и усадьбы декабриста Волконского субсидировала наша общественная организация, и я волей-неволей знала обо всех работах, которые там велись. Но не только из-за финансовой стороны дела наша общественная организация была в курсе всех этапов строительства декабристского комплекса. Смею сказать, как очевидец тех событий, что актив нашего Общества был той движущей силой, которая не только инициировала создание историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске», но и продвигала свой проект в жизнь. Все три постановления исполкома Иркутского городского совета, на которые указывает автор летописи, были основаны на многочисленных материалах, разработанных активом нашего Общества. И часть подготовительных реставрационных работ, включавших в том числе и историко-архитектурные справки, и обмеры отдельных деревянных зданий, и разного рода развертки по улицам, были выполнены активистами Общества. Более того, в авторском коллективе, работавшем над проектом историко-мемориального комплекса (он был завершен в 1974 г.), из семи человек четверо были активистами на-

шего Общества и работы выполняли на общественных началах. Это Владимир Игоревич Колпиков, Владимир Иванович Сотников, Галина Анатольевна Вязунова, Ирина Григорьевна Симутина. Все они работали в институте «Иркутскгражданпроект», занимались проектированием современных зданий и, конечно, специальной подготовки для работы на исторических памятниках не имели. Но они в проект вложили не меньше сил, чем профессиональные архитекторы-реставраторы – Галина Геннадьевна Оранская, Евгений Юрьевич Барановский, Леонид Сергеевич Васильев. К сожалению, их имен в «Летописи музея» я не встретила. Один раз упоминается В.И. Колпиков, но только как выступающий на музыкально-литературном салоне в 1973 г. (с. 132).

И конечно, в числе этих подготовительных материалов были архивные разыскания, которыми я занималась лично все это время. Помню, я все добивалась у Галины Геннадьевны Оранской, какие документы подтверждают принадлежность дома по ул. Дзержинского декабристу Трубецкому. Ведь реставрации предшествовал сбор не только архитектурного, но и исторического материала. Я знала, что Галина Геннадьевна много работала в архивах Иркутска, Москвы, Ленинграда. Ответ был один: несмотря на упорные поиски, ничего не удалось отыскать и дом считается декабристским по легенде. В дальнейшем предстояла реставрация дома Волконского. Еще не была определена организация, которая будет выполнять работы, и пока никто не составлял историческую справку на дом как на объект реставрации. Мне все-таки не верилось, что нельзя найти в Иркутске документы, подтверждающие принадлежность давно и широко известных в Иркутске декабристских домов Трубецкому и Волконскому. И потому засела за архив. В читальном зале, который тогда уже был переведен из Преображенской церкви на ул. Карла Маркса, в бывший склад Бутина, я провела немало времени. И как же я обрадовалась, когда, перевернув очередную страницу солидного архивного дела, я вдруг увидела хорошо мне известную фамилию Кочубей! Эта была фамилия дочери Волконского, Елены Сергеевны, во втором браке Кочубей. Мгновенно прочитала весь документ – купчую на продажу усадьбы Волконского. Продавалась она по доверенности, выданной Е.С. Кочубей. Усадьбу своих родителей дочь продавала известному иркутскому купцу-меценату И.С. Хаминову. Вот он – искомый документ! Он подтверждал, что усадьба в переулке Волконского принадлежала ссыльному декабристу. Этот документ стал первым, подтверждающим легенду о принадлежности дома декабристу. Если память мне не изменяет, это был фонд 129 Иркутского ремесленно-воспитательного заведения имени Н.П. Трапезникова в Государственном архиве Иркутской области. Купчая попала в фонд заведения Трапезникова, потому что ремесленная школа для мальчиков из усадьбы Волконских была присоединена к этому заведению. В то время еще оставался неизвестен документ, о котором упоминается в летописи (с. 129), согласно которому участок земли возле Преображенской церкви приобрел на свое имя племянник Волконского и который также подтверждал принадлежность усадьбы декабристу. А относительно дома Трубецкого мне так ничего и не удалось отыскать...

Когда после долгих обсуждений и разного рода согласований была определена главная проектная организация – институт «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация» (Москва), которая займется созданием проекта реставрации усадьбы Волконского и всего историко-мемориального комплекса в целом (не могу не заметить, что московский институт занимался только проектом, а воплощала его Иркутская реставрационная организация, которая не упомянута в Летописи), иркутским активом, сгруппировавшимся вокруг Общества охраны памятников, было сделано достаточно много. Рабочий кабинет Владимира Игоревича Колпикова в институте «Иркутскгражданпроект», как, впрочем, и мой кабинет в Обществе, были завалены чертежами, обмерами, кроками, развертками. Хранила на работе я и заветные тетради, в которые выписывала все, что находила интересного, связанного с декабристским мемориалом, в иркутском архиве и в старой литературе.

Институт «Спецпроектреставрация», оценив значительный вклад в проект иркутян, предложил четверем архитекторам продолжить и завершить работу совместно с главным архитектором проекта Е.Ю. Барановским. Таким образом, под проектом историко-мемориального комплекса, завершено в 1974 г., стоят подписи семи архитекторов, в том числе не упомянутых в летописи В.И. Колпикова, В.И. Сотникова, Г.А. Вязуновой, И.Г. Симутиной. Я считаю это несправедливым. Кстати, в летописи за 1974 г. не упоминается и о таком важном событии, как завершение работ над проектом.

Евгений Юрьевич Барановский, молодой московский архитектор, сразу оценил и пользу от моих тетрадок с выписками. Приезжая в командировку из Москвы, он первым делом приходил ко мне в Польский костел, потом в Спасскую церковь, где располагалось Общество, и просил эти тетрадки, которые за время его отсутствия (а приезжал он раза два-три в год и жил здесь почти по месяцу) пополнялись новыми сведениями. Когда заканчивалась командировка, он возвращал их мне. А когда в 1978 г. я насовсем покинула Иркутск, то так сложилось, что тетрадки эти остались у него. Судьба их мне неизвестна. Жалко только, что в одной из них хранилась копия купчей, согласно которой Е.С. Кочубей продала усадьбу своего отца. Но ссылка на этот архивный документ должна быть обязательно в исторической справке, приложенной к проекту реставрации усадьбы Волконского. Кстати, к проекту усадьбы историческую справку писала Зинаида Васильевна Краснова. Имени ее также нет в Летописи. Полагаю, что авторы летописи проектные документы не использовали в своей работе, и это очень жаль...

Не могу не сказать несколько слов и об архитекторе-реставраторе, главном авторе проекта усадьбы Волконского Леониде Сергеевиче Васильеве – его я нашла лично. Дело в том, что Галина Геннадьевна Оранская, которая реставрировала дом Трубецкого и хорошо знала как каменное, так и деревянное зодчество города, в этот период была занята большой работой по созданию архитектурно-этнографического музея под открытым небом – ныне широко известного музея на 47-м километре Байкальского тракта «Тальць». Взяться за усадьбу Волконского она не имела возможности. Не хотелось, чтобы в Иркутск был назначен случайный архитектор. Регулярно бывая в центре (в Москве и других городах средней полосы России) на разного рода

совещаниях, которые организовывал Центральный совет Общества, я познакомилась с ответственным секретарем Костромского отделения Александрой Павловной Мелешенковой. Ее муж, Леонид Сергеевич Васильев, был известным архитектором-реставратором. Узнав, что я из Сибири, она много говорила мне о работе мужа в Шушенском: его туда направили в 1969 г., где спешно, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, создавался мемориальный комплекс. Леонид Сергеевич проникся сибирским деревянным зодчеством и с большим пиететом говорил об этом. Вернувшись из Сибири в Кострому, он как-то оказался поначалу не у дел, перебивался случайными подработками в разных городах и сильно страдал от этой своей неустроенности. Услышав рассказ о неустроенности одного из лучших российских архитекторов-реставраторов, я загорелась идеей привлечь его к созданию иркутского декабристского мемориала. Во-первых, потому что он имел за плечами большой опыт реставрации (с 1958 г. он работал в Костроме и восстановил там около 20 памятников), во-вторых, он уже был знаком с сибирским зодчеством, в-третьих, по стечению обстоятельств он временно не имел крупного проекта. Последним надо было спешно воспользоваться. Тут же в Москве я обошла кабинеты начальников, которые могли решить этот вопрос. И была достигнута договоренность, что Иркутское отделение Общества напишет письмо с обоснованием на имя Вячеслава Ивановича Кочемасова, председателя Президиума Центрального совета Общества (он создавал Общество и в 1966–1983 гг. возглавлял его, будучи заместителем председателя Совета Министров РСФСР). Письмо было отправлено. Просьбу нашу удовлетворили. Я ликовала: в Иркутск приедет опытнейший реставратор. И он не обманул наших чаяний.

С первого же дня его приезда в Иркутск у нас установились очень теплые отношения. Это был подвижник, готовый работать день и ночь, влюбленный в свое дело человек. Мы с ним встречались чуть ли не каждый день, когда он приезжал в Иркутск. Особенно памятны наши первые встречи, и не в моем кабинете, а на объекте – в доме Волконского. Однажды он пришел с горящими глазами: «Там письма декабристов... Там обои». Мы отправились немедленно в дом Волконского. Оказалось, что под сбитой штукатуркой обнаружались первоначальные обои дома, а под обоями – письма, точнее черновики писем, которыми обклеивали стены, готовя их под обои. В том, что письма были времен декабристов, сомневаться не приходило, так как кое-где прочитывались имена декабристов. Какие именно – сейчас я не могу вспомнить, но помню очень хорошо, что несколько снятых кусков с первоначальными обоями и письмами мы тут же с Леонидом Сергеевичем отнесли в дом Трубецкого. И в дальнейшем он должен был сюда перенести все сохранившееся. Какова судьба этого материала, мне неизвестно. Но когда Николай Францевич Салацкий искал в Москве обойную фабрику, то речь шла о том, что обои будут восстановлены по тем образцам, что нашел Леонид Сергеевич.

И еще отчетливо помню, как в первые дни он показывал мне цифры на обнаженных шурфами стенах и говорил, что такие цифры ставят плотники, когда разбирают дом, так что нет сомнения, что дом переносили. Как мне

вспоминается, до начала реставрационных работ только предполагалось, что дом перенесли из Урика. Обследования Васильева подтвердили эту легенду.

Леонид Сергеевич очень тщательно провел обследование дома, и это позволило ему выполнить проект его воссоздания на высоком уровне. Его роль в создании музея декабристов в летописи должна быть показана значительно полновеснее, чем это сейчас.

Не могу не сказать и еще об одной значительной роли Васильева в деле выявления памятников архитектуры, о которой я не встретила никаких сведений в иркутской литературе. О том, что город богат такими памятниками, говорили много. Но говорили в основном краеведы. Специалистов деревянного зодчества в городе не было. Московский архитектор Галина Геннадьевна Оранская в Иркутск была приглашена для реставрации памятников архитектуры из камня – Спасской церкви и собора Богоявления, а потом для создания музея под открытым небом на 47-м километре Байкальского тракта. Она любила иркутское городское деревянное зодчество, но времени заниматься им у нее не было. И Леонид Сергеевич стал первым профессиональным архитектором-реставратором, который занялся обследованием деревянной застройки города. Он обошел всю старую часть города. Часто я его сопровождала в этих походах и в заветную тетрадку, которая всегда была со мной, записывала его мнения и суждения, адреса с его указанием времени постройки, ценными деталями. До приезда Васильева на ту часть города, в которой ныне создан 130-й заповедный квартал «Иркутская слобода», краеведы не обращали внимания. Считалось, что в этой бедной части старого Иркутска ничего ценного в архитектурном отношении не было и нет. Леонид Сергеевич полностью опроверг бытовавшее мнение. Он нашел там прекрасные образцы городской застройки и говорил, что их надо перенести в историко-мемориальный декабристский комплекс, что именно такие дома составляли основу города той поры и что они прекрасно впишутся в деревянное окружение мемориальных усадеб, создадут неповторимый колорит. Намеченные Васильевым объекты были включены в генеральный проект историко-мемориального комплекса, но, увы, планам этим было не суждено сбыться, а открытый им заповедный район стал местом для создания на базе образцов деревянного зодчества туристско-развлекательного центра «Иркутская слобода».

И завершая затянувшийся рассказ о Леониде Сергеевиче, скажу, что после Иркутска он работал в Рязани, Ярославле, а потом все-таки снова вернулся в родную Кострому, где еще много восстановил старины, заслужив за свою подвижническую деятельность звание почетного гражданина города. Умер он в Костроме в 2008 г. (родился в 1934-м). В 2013 г. вышла книга, в которой были опубликованы его работы и воспоминания о нем.

Несколько слов о том, что представлял собой актив Общества в те годы и кто в него входил. Теперь, с дальнего расстояния, отчетливо видно, что вокруг Общества сгруппировались лучшие силы историков, краеведов, архитекторов Иркутска. Возглавлял областное отделение Общества Виктор Григорьевич Тюкавкин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного педагогического института. Он занял этот общественный

пост в 1968 г. и оставался на нем до 1974 г., до отъезда в Москву, куда он был приглашен на кафедру истории СССР Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (позднее возглавил кафедру). И хотя он был специалистом по аграрной истории, но историю Иркутска, историю декабристов он знал хорошо, и поэтому, когда в 1972 г. при исполкоме Иркутского горсовета была создана комиссия по подготовке проекта историко-мемориального комплекса декабристов, он ее возглавил (этой важной даты, кстати, нет в летописи). Я помню очень хорошо заседания этой комиссии, которые проходили и в Обществе охраны памятников. Костяк комиссии составляли известные ученые и активные общественные деятели Иркутска, большие знатоки истории и архитектуры города, но главное – страстные патриоты Иркутска. Это директор Иркутского областного художественного музея Алексей Дементьевич Фатьянов, архитектор, бывший главный архитектор области Борис Михайлович Кербель, архитектор города Виктор Петрович Шматов, архитектор и энергичный председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР (в 1970–1976 гг.) Владимир Игоревич Колпиков, архитекторы института «Иркутскгражданпроект» Владимир Иванович Сотников, Галина Анатольевна Вязунова, Ирина Григорьевна Симутина; историки, преподаватели Иркутского государственного университета Семен Федорович Коваль, Александр Всеволодович Дулов, Сергей Владимирович Шостакович, Елена Марковна Даревская, преподаватель Иркутского педагогического института Юрий Петрович Колмаков, профессор Иркутского института иностранных языков Георгий Феодосьевич Богач, писатель, ответственный секретарь Иркутского отделения Союза писателей (1972–1979) Марк Давидович Сергеев, художники Анатолий Георгиевич Костовский, Аркадий Григорьевич Гутерзон, Лев Борисович Гимов, историк архитектуры, преподаватель Иркутского политехнического института Валерий Трофимович Щербин, краевед Иван Иванович Козлов. Из штатных сотрудников Общества наиболее активное участие принимали Ольга Васильевна Тарусина (Шеверева) и Виктор Аркадьевич Деньгин.

Комиссия почти в полном составе несколько раз обходила весь будущий заповедник. Я вела записи, следуя всегда рядом с Тюкавкиным, который мне постоянно повторял: «Все записывай, подробно записывай». Почему-то особенно запомнился один из октябрьских обходов, когда было уже холодно и пальцы мои без перчаток сильно замерзали. По материалам, собранным этой комиссией, было подготовлено постановление горисполкома. Часть рабочих материалов комиссии хранились у Тюкавкина дома. Когда в 1974 г. он покинул Иркутск, то пригласил меня к себе, показал эти материалы и попросил перенести их в Общество, сохранить, так как считал их большой исторической ценностью. Для этого пришлось прийти не один раз, благо и квартира его была вблизи Польского костела. Эти материалы я разобрала, разложила по папкам и хранила в Обществе вплоть до своего отъезда из Иркутска в 1978 г. Вероятно, они и сейчас хранятся в архиве Общества. Полагаю, что знакомство с ними могло бы добавить интересные факты для музейной летописи. И снова повторюсь: в 1967–1975 гг. в Иркутске с участием общест-венности была проделана огромная работа по созданию историко-мемори-

ального комплекса «Декабристы в Иркутске». Можно сожалеть, что по ряду причин этот проект не был реализован полностью (об этом тоже следует сказать, как и об утрате дома Кузнецова), но имена активных разработчиков этого проекта должны найти место на страницах летописи.

* * *

После небольшого экскурса в личное прошлое, связанное с созданием комплекса «Декабристы в Иркутске», возвращаюсь к летописи. Первое и самое важное, что мне хотелось бы подчеркнуть: подобную публикацию следует отнести не только к большой заслуге автора и Иркутского музея декабристов, но и к своеобразному прорыву в музейном деле. Почему? Потому что подобного рода музеографические сочинения стали большой редкостью. Музеи России, поставленные в жесткие экономические тиски, вынуждены, с одной стороны, сами зарабатывать, а с другой – много времени тратить на организацию досуга населения, что от музеев также жестко требуют. Это привело к резкому сокращению научной деятельности в музеях и, в частности, почти к полной ликвидации направления, связанного с изучением собственной истории музеев как учреждений, выполняющих важную миссию – сохранять культурно-историческое наследие нации.

Иркутский музей декабристов нашел в себе силы вырваться из этих пут, сковывающих его научную деятельность. Труд, за который они взялись, не из легких. Показать рождение музея и проследить его почти полувековой путь от скромного отдела областного музея с минимальной коллекцией, насчитывающей едва ли несколько десятков предметов, до самостоятельного солидного учреждения с внушительными фондами, многогранной научной деятельностью, в которой важное место занимает публикация нового материала, с широкой и разнообразной просветительной деятельностью – это значит осмыслить собственную роль в деле выявления, сбережения и презентации наследия декабристов, продемонстрировать свое место как в истории музейного дела, так и в исторической науке о декабристах и, наконец, в истории культуры Иркутска и России в целом. Публикуя летопись, музей со всей очевидностью заявляет, что достаточно созрел, чтобы обратиться к самопознанию, которое основано на глубокой внутренней потребности оглянуться на пройденный путь, оценить его, увидеть его слабые и сильные стороны и идти дальше по намеченному пути, опираясь на многолетний багаж. Честь и хвала авторам как первого, так и второго варианта Летописи, взвалившим на свои плечи тяжелый и ответственный груз осмысления музейного пути за полвека.

Огромная черновая работа по сбору материала из самого разного рода источников и составление хронологической канвы событий выполнена. Но большой объем работы и желание опубликовать ее результаты в очередном вестнике для апробации, видимо, не предоставили авторам возможности завершить ее в надлежащем виде. Окончательный вариант летописи предполагается опубликовать в 2020 г. в юбилейном издании, посвященном 50-летию музея. Позволю себе высказать некоторые замечания, которые появились после прочтения летописи. Возможно, автор посчитает нужным обратить вни-

мание на некоторые мои суждения, которые высказаны мной с единственной целью – принести посильную помощь в завершении работы над летописью уважаемого мною музея в знак преклонения перед городом Иркутском, имеющим высокий статус культурной столицы Сибири.

* * *

В летописи, при всех ее очевидных достоинствах, есть и недоработки, на которые хотелось бы обратить внимание. Назовем наиболее существенные.

Авторы, сообщая о реставрации дома Трубецкого, отмечают, что это «первый опыт реставрации историко-архитектурного памятника в Иркутске» (с. 130). Этот комментарий весьма к месту; он придает факту глубину и значимость. Подобные комментарии хотелось бы встречать и дальше. Например, сообщая о создании историко-мемориального комплекса, следует подчеркнуть, что это был масштабный проект сохранения и презентации не отдельного здания, а целого фрагмента города и что Иркутск в этом плане выступил в числе первых. Подобных комментариев заслуживают литературно-музыкальный салон, областной фестиваль «Декабристские вечера» и еще целый ряд важных и интересных фактов.

Другой заметно бросающийся в глаза недочет связан с тем, что, называя имя человека, автор часто не указывает его дефиницию или указывает ее не в полном объеме или даже с ошибками; иногда, указывая событие, не называет имена его участников. Вследствие этого теряется (или мало обнаруживается) глубина происходящего события. Вот пример.

В первом варианте летописи за 1981 год (5 февраля) читаем: «В Доме культуры села Олонки состоялись традиционные чтения, посвященные памяти декабриста В.Ф. Раевского, организованные Иркутским государственным педагогическим институтом иностранных языков и Иркутским отделением Союза писателей СССР». (Непонятно, почему это событие исключено во втором варианте летописи.) За этими чтениями стоит фигура ученого-филолога, фольклориста и текстолога, историка литературы, деятеля культуры Георгия Феодосьевича Богача (1915–1991). Он переехал в Иркутск из Кишинева в 1969 г., был профессором Иркутского государственного педагогического института иностранных языков. С первых же дней Богач стал большим другом музея декабристов. Его незаурядный дар исследователя соединялся с даром великолепного рассказчика. Прекрасно зная биографию Пушкина и его дружбу с декабристами, Георгий Феодосьевич, будучи от природы незаурядным просветителем, разработал оригинальный проект, который он назвал «Народный университет “Чтения имени Раевского”» и вел его лично в течение почти 10 лет в селе Олонки Боханского района Иркутской области (это 85 км от Иркутска). В Олонках жил на поселении и умер один из известнейших членов декабристского движения, «первый декабрист» (был арестован еще за три года до восстания на Сенатской площади), писатель и публицист Владимир Феодосьевич Раевский (1795–1872).

Или, например, указывается, что состоялась встреча с Б.С. Мейлахом (с. 134). Он не был декабристоведем, но это известнейший пушкинист, литературовед, текстолог, научный сотрудник Института русской литературы

(Пушкинский Дом) Российской академии наук. Любопытно знать, такой известный специалист приезжал специально, чтобы выступить в доме Трубецкого?

Формулировки такого безличного типа, как «Возрожден Домашний театр Волконских» (с. 144), также требуют пояснения. Наверняка это возрождение произошло благодаря такой яркой личности, как директор музея Евгений Ячменев. И, как мне кажется, надо сказать о том, кто играл в этом театре. Ведь основной костяк театра – сами сотрудники музея. Разве это не замечательно? Разве этим не стоит гордиться?

К сожалению, ряд имен, внесших значительный вклад в создание музея, вообще не упомянут на страницах Летописи – например, Николай Францевич Салацкий. А ведь это ключевая фигура в создании историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». И не только потому, что он возглавлял Иркутский горисполком в 1962–1980 гг., но и потому, что он проявлял в этом деле горячую заинтересованность, часто поступал вопреки мнению других начальствующих лиц. Трудно сказать, как бы развернулись события, если бы Иркутский горисполком возглавлял другой человек. Благодаря же Николаю Францевичу музей стал важнейшим объектом городской культурной инфраструктуры. О музее писали, его показывали официальным делегациям и почетным гостям города, и слава его быстро перешагнула рубеж Иркутска. Совершенно справедливо пишет Н.С. Струк в своих воспоминаниях: «Стало хорошим тоном приводить в музей гостей Иркутска, а тогда их было не меньше, чем теперь. Очень любил бывать в «декабристах» с гостями московскими и иностранными председатель горисполкома Николай Францевич Салацкий. Он очень гордился музеем, считал его такой же визитной карточкой, как Иркутская ГЭС. Музей же своим открытием был в большой степени обязан Салацкому. Бесспорно, реставрация дома Трубецкого, как и Волконского, Спасской церкви, Богоявленского собора и Польского костела, ледокола «Ангара», отчасти музея на 47-м километре Байкальского тракта, весь реставрационный бум в Иркутске в 1970–1980 гг. – это заслуга Николая Францевича... Если вспомнить только количество квартир, которые были выделены для отселения домов Трубецких и Волконских, плюс снос магазина, закрывавшего фасад дома Трубецких, то память о председателе горисполкома должна быть вечной. Не каждый бы решился снести каменный магазин». Кстати, в Летописи ни слова о сносе магазина и о том, что город предоставил всем бывшим жителям усадьбы Волконского ордера на новое жилье.

На страницах летописи мы не найдем имени ни заместителя Николая Францевича Салацкого по культуре Нины Васильевны Кравцовой, которая так же, как и ее начальник, душевно и трепетно относилась к формирующемуся музею, ни заведующей отделом культуры Веры Васильевны Лазаревой. А именно на их плечи ложилась вся подготовка областных и всесоюзных мероприятий, особенно в 1970–1975 гг., когда в городе готовились к масштабным мероприятиям в преддверии 150-летия со дня восстания декабристов.

Я полагаю, что не только их имена, но и ряд других не попали в поле зрения составителей вследствие того, что недостаточно полно использова-

ны такие источники, как постановления исполкома Иркутского горсовета, проектная документация по созданию историко-мемориального комплекса и, наконец, мемуарная литература.

Вернусь еще к воспоминаниям Н.С. Струк. Замечательная статья Нины Степановны, опубликованная там же, где и первый выпуск летописи, со множеством интереснейших фактов, совершенно выпала из поля зрения авторов. А ведь только опираясь на эти воспоминания, в летопись можно включить не один десяток событий, важных в становлении музея. Нина Степановна называет тех, кто ей помогал формировать фонды музея, и в этом ряду крупнейшие ученые, писатели, коллекционеры не только Иркутска, но и Москвы и Ленинграда. И кстати, сама публикация воспоминаний в 2011 г. также вполне уместна (и даже необходима) в событийном ряду.

Вот, например, достойные даты для летописи из ее воспоминаний:

1968 год, 13 февраля. Зачислена на должность экскурсовода дореволюционного отдела Иркутского областного краеведческого музея выпускница ИГУ Нина Степановна Струк; с завершением реставрации дома Трубецкого назначена заведующей отделом декабристов и возглавляла его до 1976 г.; благодаря ее активной деятельности значительно увеличились фонды музея (если известно их число, то желательно указать), установились контакты с потомками декабристов, вследствие чего в музей поступили мемориальные предметы; создала первую экспозицию; по ее инициативе с 1971 г. стали проходить литературно-музыкальные салоны, которые возобновили традиции, характерные для дворянской культуры в целом и для сибирского периода жизни декабристов-дворян; салоны проводят в музее до сего дня, т. е. в течение уже 47 лет (!).

1970 год. В командировку в музей приезжает Светлана Александровна Каспаринская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института культуры МК России. Благодаря ее содействию Н.С. Струк получает возможность выехать в Москву и Ленинград для знакомства с современным опытом создания экспозиции, для знакомства с центральными музеями, в которых представлена история декабристского движения. Каспаринская помогла установить контакты с историками и музейными деятелями, которые занимались движением декабристов. В Москве состоялось знакомство Н.С. Струк с научным сотрудником отдела изобразительных памятников Государственного исторического музея Марией Юрьевной Барановской, крупным специалистом-иконографом, знатоком истории декабристов и изобразительного ряда той эпохи. От Барановской, как и Каспаринской, Нина Степановна получила бесценную помощь в формировании фонда, в принципах и методике создания экспозиции; особенно большая ценность этого сотрудничества заключалась в том, что они познакомили ее с кругом московских и ленинградских коллекционеров, из собраний которых в иркутский музей поступило немало предметов. Состоялось в Москве знакомство с Борисом Ивановичем Беляниновым, высококлассным художником-реставратором Государственного исторического музея (работал в музее в 1959–2004 гг.). В музейных кругах он был широко известен как один из лучших в России исполнителей музейных копий. По заказу Иркутска он

выполнил в технике оригинала копии с двух акварелей – «Портрет дочерей Трубецких» (неизвестного художника) и «Цветы Сибири» (работа декабриста П.И. Борисова). Познакомилась с Владимиром Николаевичем Груслановым (1894–1981), писателем, участником Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, обладателем полного банта Георгиевских крестов, известным ленинградским собирателем, в том числе и декабристских реликвий, которые со временем перешли в иркутский музей.

Эти воспоминания Нины Степановны свидетельствуют, что в формировании фондов музея декабристов участвовали крупные специалисты Москвы и Петербурга.

Состоялось знакомство с реставратором Эрмитажа Дмитрием Николаевичем Марковским, который сыграл особенную роль в формировании фондов и становлении экспозиции дома Трубецких. Дмитрий Николаевич стал «агентом» иркутского музея в Ленинграде: он стал собирать антиквариат декабристской эпохи специально для Иркутска. Как же можно такой факт не указать в летописи?

1973 год (дополнение). В создании первой постоянной экспозиции принимали участие преподаватели Иркутского художественного училища Н.И. Домашенко и недавние выпускники училища Виталий Ильин и Александр Муравьев (в будущем все трое стали широко известными мастерами). И далее хотя бы несколько слов о каждом из них: ведь, соприкоснувшись с музеем, они позднее посвятили немало работ декабристам, особенно Домашенко и Муравьев.

1975 год (дополнение). Весь год прошел под знаком празднования 150-летия со дня восстания декабристов. Подготовка к нему всколыхнула неподдельный интерес к декабристской тематике среди творческой интеллигенции Иркутска. По заявке музея художник Виктор Мироненко написал для экспозиции портрет Сергея Петровича Трубецкого. Художник Анатолий Иванович Алексеев (ныне народный художник РФ, академик Российской академии художеств, на протяжении многих лет возглавлял Иркутскую организацию художников) с натуры рисовал кандалы и чернильницу, а затем создал картину «Памяти декабристов». Художник-прикладник Борис Тимофеевич Бычков (тоже народный художник, член-корреспондент РАХ) запечатлел образы жен декабристов в стекле: выполнил 11 кубков на хрустальном заводе в г. Гусь-Хрустальном. Кульминацией юбилейного года стала премьера спектакля «Записки княгини Волконской» на сцене Иркутского драматического театра. В театре присутствовали все, кто в той или иной степени занимался декабристами. И это был своего рода апофеоз той громадной деятельности, которую на протяжении нескольких лет (с 1967 г.) вели администрация города, научные силы, творческая интеллигенция, общественность.

1976 год ? марта (наверное, эту дату легко установить, ведь в музее хранится личное дело Струк). Н.С. Струк переведена на должность директора Иркутского областного краеведческого музея; а место заведующей Домом-музеем декабристов заняла Тамара Владимировна Налётова, сокурсница Струк по университету; оставалась на этом посту до 1983 г. Кстати, таким же образом в канву летописи необходимо включить назначение директором

музея Евгения Ячменева, а после его трагической гибели – нынешнего директора Елены Аркадьевны Добрыниной.

Замечательная статья «Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске» директора музея Е.А. Добрыниной, опубликованная в информационно-аналитическом архитектурном журнале «Проект Байкала», как и воспоминания Н.С. Струк, почти вся просится на страницы летописи. В статье четко освещаются этапы строительства комплекса, определенные проектом, дается последовательность реальных действий по его созданию – как раз этот раздел летописи, связанный с созданием комплекса, требует доработки.

В летописи указано, что началась реставрация в 1965 г. (с. 130), но в воспоминаниях Н.С. Струк читаем: «Да и сама история реставрации дома Трубецкого началась с решения горисполкома, принятого в 1967 г.». Вопрос: так в 1965 или 1967 г. начались работы по реставрации дома Трубецкого? Вероятно, чтобы уточнить дату, необходимо обратиться к решениям горисполкома за 1965 и 1967 гг., которых если и нет в архиве музея, то наверняка есть в Иркутском областном государственном архиве.

Струк вспоминает, что на салонах выступал хор Минина (это же знаменитый Московский государственный академический камерный хор под руководством В.Н. Минина), актеры Новосибирского драматического театра «Красный факел». Но на страницах летописи мы не встретим этих фактов. Она вспоминает о традиции дарить комнатные цветы для создаваемого зимнего сада дома Волконских. В летописи нет упоминания ни об этой традиции, ни о самом зимнем саде, хотя он производит большое впечатление на посетителей и достоин внесения сведений об этапах его создания в хронику летописи. Да и мне вспоминается, что в Иркутске прошла выставка, устроенная нашим Государственным историческим музеем, что открывать ее приезжал заместитель директора по научной работе. Разве это не важный факт? А ведь он подчеркивает, что Иркутский музей сотрудничает с главным музеем национальной истории России, и это делает честь Иркутскому музею декабристов.

На сайте читаем: «В усадебной ограде отреставрированы и частично воссозданы все хозяйственные постройки: людская изба, конюшня, каретный сарай, амбар и хлев». В летописи о том, что их реставрировали, не сообщается, хотя некоторые постройки называют. Кстати, информация о том, что «помещение людской избы на усадьбе Волконских было освобождено от таксидермической мастерской (в целях соблюдения противопожарной безопасности)» (с. 152), вызывает вопросы. Что за таксидермическая мастерская? Музейная? Или другой какой организации? Когда она оказалась в усадьбе?

Струк говорит о публикации сведений о музее декабристов в альбоме «Новые музеи СССР». Этот альбом был издан в Москве в 1983 г. (составитель Н.Н. Лисовой), и в него вошли 30 музеев. Полагаю, что подобная информация должна присутствовать в летописи. Ведь этот факт – свидетельство высокой оценки деятельности Иркутского музея музейной обще-

ственностью СССР. Отбор в этот альбом был достаточно жесткий – в него включены всего 30 музеев.

В летописи не раз встречаются аббревиатуры. Я полагаю, что узкому кругу людей, хорошо знающих Иркутск, они, может быть, ясны и понятны. Но ведь летопись рассчитана на широкий круг читателей, при этом живущих не только в Иркутске, поэтому для них будут загадкой названия местных учреждений, как-то: ИГУ (с. 131), ДПШ (с. 140), ИХИ (с. 162), ПКА (с. 165), ВСГАО (с. 174), ИрГТУ (с. 174), ФЦП (с. 177), ИГЛИ (с. 177), а также центральных: ЦНРМ (с. 130), ВООПИК (с. 130), ГИМ (с. 145), ВХНРЦ (с. 177), ФГБУК (с. 180). И совсем уже страшно читать: ИОИММД (с. 164). В научных публикациях принято либо давать в приложении аббревиатуры отдельным списком, либо после полного названия тут же в скобках указывать его аббревиатуру.

В летописи, вероятно, опечатка: у Таволжанской указаны инициалы С.В. (с. 134), хотя ее имя-отчество Светлана Ивановна.

Сообщается о двух досках на доме Трубецкого (с. 130). На доме Волконского висели такие же мемориальные доски. А какова их судьба? Об этом можно узнать из книги Н. Пономаревой «Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники г. Иркутска» (Иркутск, 2008. С. 12).

Завершая статью, хочу еще раз подчеркнуть, что проделана большая работа по сбору и обобщению материала. Летопись представляет большую ценность. Доработанная и напечатанная отдельным изданием, снабженная иллюстрациями, она не только станет бесценным подарком к полувековому юбилею музея, но и сможет претендовать на почетную премию музейного мира – премию имени Ивана Егоровича Забелина, учрежденную за лучшие научно-исследовательские работы в музейной сфере.

Бог в помощь вам, сотрудники музея, в создании полновесного летописного фолианта во славу и процветание Музея декабристов и славного града Иркутского!

От редакции

Мы чрезвычайно признательны Н.М. Полуниной за отклик на наши публикации, связанные с историей Иркутского музея декабристов. Надежда Михайловна – историк, научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва), автор многочисленных книг, публикаций, в том числе и об Иркутске, давний и преданный друг нашего музея. Для нас было очень важно получить поддержку Н.М. Полуниной – участницы и свидетельницы многих событий, отраженных в «Летописи», представленной на страницах нашего ежегодного сборника.

Позиция руководства и научного коллектива музея – конструктивный подход к замечаниям и предложениям коллег, посетителей и друзей нашего учреждения. Следует, на наш взгляд, согласиться с Н.М. Полуниной, что «Летопись» была бы полнее и насыщеннее событиями, если бы ее автор отреагировала на публикацию «Материалов к летописи Иркутского музея декабристов». Автор «Летописи» А.О. Афанасьева – молодая сотрудница, не

имеющая большого личного опыта работы в музее декабристов и обращающаяся для составления летописи к документальным материалам по истории музея. Поэтому ее главная заслуга – в обработке довольно значительного корпуса административных документов, работу с которыми не назовешь увлекательным занятием. Однако именно эти источники позволяют создать достаточно объективную картину событий. Мемуарная же история, по справедливому замечанию автора воспоминаний «Сорок лет назад (к истории создания музея декабристов в г. Иркутске)» Н.С. Струк, опубликованных в первом выпуске Вестника музея, «воссозданная участником событий, чаще всего страдает субъективизмом», а еще неким количеством событийных и хронологических неточностей.

Иркутск известен своими летописцами и летописными сводами. Вполне закономерно, что образцом для составления «Летописи музея декабристов» стали опубликованные страницы рукописей авторов XIX, XX и XXI веков. Нам бы хотелось, как и знаменитым предшественникам, избежать субъективных оценок значимости произошедших и описываемых нами событий. Мы согласны, что за скупыми строчками, фиксирующими деятельность музея, стоит огромная работа, но ее важность и ценность должны определяться извне.

Н.М. Полунина обращает наше внимание на то, что часть событий, которые достойны войти в «Летопись Иркутского музея декабристов», остались за рамками повествования, а именно выставка Государственного исторического музея «Казачи в Париже». Но эта выставка состоялась в 2012 г., тогда как летопись заканчивается 2011 г.

Мы очень признательны Н.М. Полуниной за поддержку нашего начинания, высокую оценку работы сотрудников Иркутского музея декабристов, за дополнения и высказанные ею замечания и пожелания, которые помогут в работе над «Летописью» «в плане ретроспективы», а также перспективы.

Об авторах

Бондаренко Анастасия Игоревна, научный сотрудник отдела «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Гаращенко Алексей Николаевич, историк, главный редактор журнала «Земля сибирская».

Гаращенко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Педагогического института ИГУ.

Горбунова Ирина Анатольевна, заведующая отделом развития Иркутского музея декабристов.

Добрынина Елена Аркадьевна, директор Иркутского музея декабристов.

Матханова Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск.

Мусабилова Надежда Францевна, заместитель директора по научной работе Иркутского музея декабристов.

Пинайкин Игорь Петрович, кандидат технических наук, инженер-конструктор, доцент кафедры строительных конструкций ИрГТУ.

Сакович Александр Васильевич, главный специалист по учету фондов Иркутского музея декабристов.

Пашко Игорь Васильевич, заведующий отделом «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Полунина Надежда Михайловна, историк, научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва).

Шалгунова Александра Алексеевна, главный хранитель фондов Иркутского музея декабристов.

Юшковский Виктор Данилович, кандидат исторических наук, сотрудник газеты «Санкт-Петербургские ведомости», Санкт-Петербург.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва)

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург)

Содержание

К читателю 3

Архивное наследие

Н.П. Матханова. Письма Михаила Сергеевича Волконского
Евгению Ивановичу Якушкину. 6

А.Н. Гаращенко, Е.А. Добрынина. Дело о лиходателе и лихоимце,
или «Занадворовская история»: хроника события 11

Н.Ф. Мусабирова. Письма М.Н. Волконской в «Архиве Раевских» ... 44

А.И. Бондаренко. Летопись семьи Ребиндеров (по материалам ГАИО) ... 73

А.А. Шалгунова. Эпистолярное наследие С.Г. Волконского:
проблемы и перспективы публикации 103

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

Е.А. Добрынина, И.П. Пинайкин. История дома Волконских:
Урик, Иркутск. 1838–2018. К 180-летию памятника истории,
архитектуры и культуры. 108

Музейное дело

А.В. Сакович. Книги зарубежных писателей в сибирских книжных
собраниях декабристов. 143

Сохранение историко-культурного наследия

И.А. Горбунова. Историко-мемориальный комплекс
«Декабристы в Иркутске»: проблемы и перспективы 154

Люди и судьбы

Л.В. Гаращенко. Частные учебные заведения Иркутска
(1830–1860-е гг.) 171

И.В. Пашко. Архив В.П. Павловой в Иркутском музее декабристов ... 183

В.Д. Юшковский. Сумерки разума. К вопросу о психическом здоровье
декабристов после 1825 года. 194

Есть ли жизнь в музее?

<i>Н.М. Полунина. Сочувственная поддержка. Заметки к «Летописи Иркутского музея декабристов»</i>	208
Об авторах	224
Список сокращений	225

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 4

Редактор и корректор А.В. Глюк

Иркутский музей декабристов.
664007 Иркутск, пер. Волконского, 10.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 24.10.2018 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 15,2.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 200 экз. Заказ № 220.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru